БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ

Сергей Нечаев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Вождем несчастливым» назвал А. С. Пушкин блистательного русского полководца генерал-фельдмаршала князя Михаила Богдановича Барклая-де-Толли. Роль этого человека в истории Отечественной войны 1812 года и последующего Заграничного похода русской армии переоценить невозможно: он вывел войска из-под сокрушительного удара Наполеона, претворив в жизнь непопулярный, но единственно возможный план ведения войны. А через два года именно Барклай-де-Толли привел союзные армии в Париж. Судьбе и боевому пути этого человека, во многом непонятого и недооцененного современниками, посвящена наша книга.

- Сергей Нечаев
  - Глава первая
  - Глава вторая
    -
    - Война с Турцией
    - Русско-шведская война
    - Счастливый брак
    - Война в Польше
    - Реорганизации армии
  - Глава третья
    - Начало кампании
    - Сохочин и Колозомб
    - Пултуск
    - Отступление
    - Ландсберг и Гофф
    - Прейсиш-Эйлау. Тяжелое ранение
    - Император Александр I
  - Глава четвертая
    - Вторжение
    - Конец «волшебного сна»
    - «Странное» взятие Свеаборга и Свартгольма
    - Новые неудачи
    - Отдельный экспедиционный корпус
    - Болезнь
    - Продолжение боевых действий
    - Возвращение в действующую армию
    - Переход через Кваркен
    - «Прыжок» по служебной лестнице
    - Окончание боевых действий

- Глава пятая
  - Министр военных сухопутных сил
  - Организация разведки и контрразведки
  - Планы грядущей войны
- Глава шестая
  - Соотношение сил
  - Вопрос о Главнокомандующем
  - Начало военных действий
  - Дрисский лагерь
  - Отъезд императора Александра
  - Отступление к Витебску
  - Островно
  - Военный совет в Витебске
  - Отступление к Смоленску
  - Военный совет в Смоленске
  - Маневры под Рудней
  - Сражение под Смоленском
  - «Генеральский заговор»
  - Отступление от Смоленска
  - Валутина гора
  - Продолжение отступления
  - Князь М. И. Кутузов
  - Отступление продолжается
  - Бородинский бой
  - И опять — отступление
  - Совет в Филях
  - Отъезд Барклая-де-Толли из армии
  - Попытки оправдания
- Глава седьмая
  - Возвращение в армию
  - Осада и взятие Торна
  - Соединение с главной армией
  - Бауцен
  - Во главе русско-прусской армии
  - Сражение под Дрезденом
  - Сражение под Кульмом
  - «Битва народов»
- Глава восьмая
  - Война на Французской земле
  - Париж взят!
  - Смотр при Вертю
  - Княжеское достоинство
- Глава девятая
- Глава десятая

- Приложение 1
- Приложение 2
- Приложение 3
- Хронология жизни М. Б. Барклая-де-Толли
- Использованные опубликованные источники и основная литература

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37

- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56

Сергей Нечаев
Барклай-де-Толли

О вождь несчастливый! Суров
был жребий твой:
Все в жертву ты принес земле
тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда
черни дикой,
В молчанье шел один ты с
мыслию великой,
И, в имени твоем звук чуждый
невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый
тобою,
Ругался над твоей священной
сединою.
И тот, чей острый ум тебя и
постигал,
В угоду им тебя лукаво
порицал…

А. С. Пушкин

Невольно вспоминаются эти Пушкинские стихи. Сколько действительно драматизма в личности Барклая. Быть может, из всех вождей Отечественной войны он заслуживает наибольшей признательности со стороны потомства.

С. П. Мельгунов

Опала, постигшая его в 1812 году, отбросила тень на всю оставшуюся его жизнь и наложила тяжелую печать на посмертное восприятие его облика. Вероятно, ни один другой крупный русский полководец нового времени не был

окружен таким плотным туманом пристрастных слухов и документально не подтвержденных суждений, иногда чисто легендарного свойства, не изжитых в общественном сознании и по сию пору.

А. Г. Тартаковский

Барклаю-де-Толли поставлен в столице памятник, как Румянцеву, Суворову и Кутузову; но это награда царская, а в народе русском еще не появился для него историк. К Барклаю-де-Толли до сих пор все как-то холодны, хотя и признают великие его заслуги перед Отечеством. Холодность эта происходит, может быть, оттого, что он чужеплеменник.

Ф. В. Булгарин

Глава первая
Загадки рождения и происхождения

13 (24) декабря 1761 года в семье Вейнгольда-Готтарда Барклая-де-Толли и Маргареты-Элизабет фон Смиттен родился сын, которого назвали Михаэль-Андреас.

Так, во всяком случае, написано во многих книгах[1]. Так написано и в крупнейших энциклопедиях: знаменитом «Брокгаузе и Ефроне», в Сытинской «Военной энциклопедии», «Энциклопедическом лексиконе», «Большой советской» и в других.

Также во многих источниках дана информация о том, что родился этот ребенок «на маленькой глухой мызе» Памушис в Литве.

Памушис — это местечко «в 25 верстах от города Шяуляй» [72. С. 96]. Действительно, сейчас это Литва, а тогда данная территория входила в состав подвассального Речи Посполитой Курляндского герцогства, присоединенного к Российской империи после третьего раздела Польши в 1795 году.

Мыза — это отдельный загородный дом с хозяйством, то есть, проще говоря, — хутор. А еще часто пишут, что Михаэль-Андреас вообще родился «в глуши литовских лесов»…

Место и дата рождения знаменитого полководца до недавних пор считались достоверно установленными. Однако современные исследователи В. М. Безотосный и А. М. Горшман предприняли попытку обосновать более ранний год рождения — 1757-й.

Они пишут: «С середины XIX века в русской биографической литературе утвердилось мнение о рождении полководца в 1761 году» [16. С. 38].

Между тем кое-где указывались и другие годы — например, 1755-й. Он был назван в одной из прижизненных биографий Барклая-де-Толли, но, по мнению Безотосного и Горшмана, «не имеет достоверного источниковедческого обоснования» [16. С. 38].

В 1821 году имел место запрос капитула (коллегии) Нидерландского военного ордена Вильгельма (Militaire Willemsorde), учрежденного в апреле 1815 года, о дате рождения М. Б. Барклая-де-Толли, и в ответе российского военного ведомства за основу был взят формулярный список 1818 года, где было сказано, что «от роду ему 59 лет». Вроде бы получается, что родился он в 1759 году. Но, как отмечают современные историки, «в формулярных списках время появления человека на свет, как

правило, указывалось приблизительно» [16. С. 39]. Обычно указывалось количество полных лет на время составления списка — без каких-либо точных дат.

В пользу точного дня рождения, по мнению Безотосного и Горшмана, говорит тот факт, что в письме жене от 14 декабря 1815 года сам М. Б. Барклай-де-Толли описал события 13 декабря, «когда на обеде в честь праздника лейб-гвардии Литовского полка Александр I, вспомнив, что это день рождения М. Б. Барклая-де-Толли, предложил тост за его здоровье» [16. С. 43].

13 декабря по старому стилю в XVIII веке — это 24 декабря по новому стилю. Но какого все же года?

Точно известно, что брат Михаила Богдановича — Иван Богданович Барклай-де-Толли — родился 4 июля 1759 года. Соответственно, родиться 13 декабря 1759 года, то есть всего через пять месяцев, Михаил Богданович физически не мог. При этом сопоставление данных о прохождении военной службы говорит о том, что именно Михаил был старшим братом. Так, в полк он был записан в 1767 году, а его брат — в 1770 году, в вахмистры он был произведен в 1769 году, а его брат — в 1772-м и т. д. Как совершенно справедливо делают вывод В. М. Безотосный и А. М. Горшман, «можно предположить, что разница в возрасте между братьями была около двух лет» [16. С. 43].

Ну и, наконец, самым веским аргументом в пользу 1757 года является просьба Михаила Богдановича от 7 ноября 1812 года к императору Александру о предоставлении отпуска «для поправления здоровья». В этом документе содержится фраза: «от роду мне 55 лет» [16. С. 43].

Все вышеперечисленное позволяет утверждать, что М. Б. Барклай-де-Толли родился 13 (24) декабря 1757 года.

В любом случае, сейчас 1757 год как год рождения Михаила Богдановича Барклая-де-Толли признан многими. В частности, именно в 2007 году в городе Черняховске (бывшем Инстербурге, рядом с которым скончался Михаил Богданович и где захоронены его останки) состоялись торжества по поводу 250-летия полководца.

А вот конца спорам по поводу места рождения Барклая-де-Толли пока не видно.

Принято считать, что он родился в Памушисе, но этот вопрос тоже требует уточнения. Например, сам Михаил Богданович писал в документах, что он родился в Риге. Выглядит это вполне вероятным: Маргарета-Элизабет фон Смиттен могла поехать рожать сына в Ригу. Более того, вероятность эта достаточно высока, так как в Богом забытом Памушисе рожать ребенка было страшновато, а Рига — это и тогда был большой город, настоящая

цивилизация.

Но есть и другие версии. Например, в ряде солидных изданий — «Nassauische Annalen» (1979), «Der Grosse Brockhaus» (1963) и др. — утверждается, что Михаил Богданович родился в добротном лифляндском имении родственников, которое тогда называлось Луде-Гросхофф (Luhde-Großhoff).

* * *

Чтобы разобраться в этом вопросе, нужно сначала рассмотреть историю рода Барклаев. А еще раньше, пожалуй, следует все-таки понять, как пишется фамилия знаменитого полководца.

В большинстве источников она пишется через два дефиса: Барклай-де-Толли, в некоторых — через один дефис: Барклай де-Толли, а то и вообще без дефисов: Барклай де Толли.

В бумагах самого Барклая — исходящих и входящих — его фамилия значилась без дефисов, и именно на этом написании настаивает известный историк Н. А. Троицкий[2].

С другой стороны, например, Rio de Janeiro в оригинале тоже пишется без дефисов, но на русском языке название этого бразильского города выглядит так — Рио-де-Жанейро (на самом деле — Риу-ди-Жанейру). И в этом есть определенный смысл. Особенно если речь идет о сложных иностранных именах и фамилиях — которые, кстати, порой бывают настолько сложными, что сразу и не поймешь, где фамилия, а где все остальное. Именно по этой причине в русскоязычной литературе приняты такие написания: Жан-Ришар Блок, Даниэль Жан-Ришар и Жан-Даниэль Колладон. А также Руасси-Шарль-де-Голль (аэропорт), Арси-сюр-Об (город) и т. д.

Именно исходя из этих соображений мы будем придерживаться следующего написания фамилии: Барклай-де-Толли. Тем более что именно так ее пишут историки М. П. Щербинин (Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова, 1858), Л. Г. Бескровный (Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX веков, 1969), П. А. Жилин (Гибель наполеоновской армии в России, 1974), В. Н. Балязин (Барклай-де-Толли: верность и терпение, 1996), С. В. Новиков (Большая историческая энциклопедия, 2003) и многие другие. В конце концов, именно так эту фамилию писали А. С. Пушкин и Л. Н. Толстой, Ф. В. Булгарин, князь Петр Долгоруков (Российская родословная книга, 1854) и великий князь Николай Михайлович (Император Александр I. Опыт исторического

исследования, 1912).

* * *

Теперь рассмотрим историю этого старинного рода.

Шотландские предки нашего героя были выходцами из Нормандии и восходили аж к XI веку. Согласно одной из версий, первый Барклай (Roger de Berchelai) прибыл в Британию с Вильгельмом Завоевателем, герцогом Нормандии, ставшим королем Англии в 1066 году.

Как видим, фамилия этого нормандского рыцаря звучала как де Бершелэ.

По другой версии, «шотландское семейство Барклай (Barclay) или де Бершелэ (de Berchelai) появилось в первый раз в конце правления Малкольма IV в лице Роберта и Готье де Беркелэ (Robert et Gautier de Berkeley)» [157. С. 511]. Конец правления упомянутого короля Шотландии — это 1165 год.

Еще по одной версии, фамилия Барклай происходит от названия деревушки Бэркли в графстве Сомерсет (Berkley, Somerset), которая в XI веке называлась Berchelei.

В любом случае, Роджер де Бершелэ (Roger de Berchelai) и его сын Джон прочно обосновались на новой для себя земле, а их родственник сэр Уолтер Бэркли (Walter de Berkeley) в 1165–1189 годах был лордом-чемберленом Шотландии[3].

Мужская линия этих Барклаев закончилась в 1456 году на Уолтере, канонике из Морея. Его сестра вышла замуж за лорда Барклая из города Тоуви (Towie), что в Абердиншире, и старшинство перешло к этой ветви рода, известной с 1165 года и владевшей замком Тоуви.

Таким образом, приставка «де Толли» к фамилии «Барклай» происходит от модифицированного названия города Тоуви (Towie — Towy — Tollie — Tolly).

Барклаи из Матэрса (Mathers) происходят от Александра де Баркли (Alexander de Berkeley), который в 1351 году женился на Катерине Кейт (Katherine Keith), наследнице поместья Матэрс и сестре великого маршала Шотландии. Их сын Александр уже носил фамилию Барклай (Barclay), а его потомки владели этими землями до XVI столетия, пока сэр Дэвид Барклай (David Barclay) не был вынужден продать их из-за финансовых трудностей.

Другая ветвь клана — Барклаи из Эри (Urie) — происходит от полковника Дэвида Барклая (David Barclay), одного из многих шотландских офицеров, которые служили в Швеции при короле Густаве-Адольфе. В 1647 году, выйдя в отставку, он приобрел

поместье Эри, а Роберт Барклай (Robert Barclay), его старший сын, стал знаменитым квакером (членом конфессии, возникшей в среде радикальных пуритан в годы Английской революции в середине XVII века) и в 1682 году был назначен губернатором Восточного Джерси.

Были и другие ветви клана Барклай, включая Барклаев из Коллэрни (Collairnie) и из Пирстона (Pierston).

Отметим, что ветвь де Толли (Towie или Tolly) из Абердиншира получила свои земли приблизительно в 1100 году, и они оставались в семействе до их продажи Чарльзом-Мэйтлэндом Барклаем из Тилликутри (Charles Maitland Barclay of Tilly-coultry), который в 1752 году женился на последней наследнице рода, Изабель Барклай (Isabel Barclay).

Из ганзейской[4] ветви этого семейства и происходит главный герой этой книги.

Эта ветвь рода Барклаев восходит к сэру Патрику Барклаю (Patrick Barclay, baron of Towie), сыновья которого Питер (Peter Barclay) и Джон (John Barclay) переселились в вольный ганзейский город Росток. Они оба «были торговцами шелком» и оказались «на побережье Балтийского моря в 1621 году» [160. С. 28].

Отметим, что Питер Барклай (дальний предок нашего героя) родился в 1600 году в Банффшире в Шотландии.

В Ростоке братья Питер и Джон успешно занимались торговлей и вскоре стали гражданами города (бюргерами). Про Питера известно также, что он умер в 1674 году, был женат на Ангеле фон Ворден (Angela von Voehrden) и имел от нее троих сыновей и дочь, которые родились в период с 1628 по 1638 год.

Младший сын Питера Йоганн-Стефан Барклай-де-Толли (Johann Stephen Barclay de Tollie), лиценциат права, в 1664 году переселился в Ригу и был приписан к городскому сословию. Он был «адвокатом и бюргером в Риге» [143. С. 34], где и скончался в 1694 году. Кстати сказать, его отец Питер также умер в Риге, и это говорит о том, что в этот город перебралась вся семья.

Йоганн-Стефан был женат на Анне-Софии фон Деренталь (Anna Sophia von Derenthal), «дочери адвоката Стефана Деренталя» [158, с. 208]. Она умерла в 1696 году.

Йоганн-Стефан Барклай-де-Толли имел троих сыновей.

В контексте данной книги нас интересует старший его сын — Вильгельм-Стефан Барклай-де-Толли (Wilhelm Stephen Barclay de Tolly), родившийся в 1675 году. Он был юристом, с 1722 года — членом магистрата, а с 1730 года — бургомистром Риги. Как видим, этот человек — а именно он станет дедом русского фельдмаршала Михаила Богдановича Барклая-де-Толли — был

уже не рядовым рижанином, а занимал в городе видную должность.

Интересный факт: живя в Риге, Барклаи-де-Толли входили в братство Черноголовых[5].

Как известно, в 1709 году Петр I нанес сокрушительное поражение главным силам шведов в битве под Полтавой, а граф Б. П. Шереметев осадил Ригу и «через восемь месяцев вынудил упорного генерал-губернатора Штремберга вступить в переговоры и подписать капитуляцию» [11. С. 34]. Город сдался 12 июля 1710 года, и одиннадцать лет спустя, в 1721 году, был заключен мирный договор между Россией и Швецией, согласно которому Лифляндия отошла к Российской империи.

Во время этих событий семья Барклаев-де-Толли вступила в российское подданство, а затем «с присущей всем членам этого рода честностью не за страх, а за совесть верой и правдой служила своей новой родине» [72. С. 95].

Например, «дед выдающегося полководца Вильгельм в 1710 году присягнул на верность России и стал первым русским подданным в роде Барклаев» [72. С. 95].

Этот самый Вильгельм-Стефан Барклай-де-Толли, умерший в 1735 году, «был не только выдающимся рижанином, но и главой большого семейства, “гросфатером”, как называли его 35 сыновей, внуков и правнуков» [127. С. 12]. Он был женат на Анне Стейн (Anna Stein) (1694–1752), дочери Йоганна Стейна. Они имели троих сыновей и двух дочерей.

Их младший сын Вейнгольд-Готтард Барклай-де-Толли (Weinhold Gottard Barclay de Tolly) родился в 1726 году в Риге, и именно он станет отцом Михаила Богдановича.

С одной стороны, предки М. Б. Барклая-де-Толли «были записаны в городское сословие и дворянство получили лишь вследствие личной выслуги» [132. С. 6]. С другой стороны, «представители рижской ветви Барклаев, как правило, не были рядовыми рижанами» [127. С. 12]. Например, «Август-Вильгельм Барклай, двоюродный брат Михаила Барклая-де-Толли, стал правящим бургомистром города Риги, был награжден орденом Святой Анны 2-й степени» [127. С. 12].

А вот Вейнгольд-Готтард Барклай-де-Толли имел «весьма ограниченное состояние» [11. С. 352]. Он «был офицером русской армии, но прослужил очень недолго и в 1750 году двадцати четырех лет от роду вышел в отставку в чине поручика» [72. С. 95]. Но и первого офицерского чина в то время было достаточно, чтобы получить для себя и своего потомства российское дворянство.

Вейнгольд-Готтард Барклай-де-Толли был женат на

Маргарете-Элизабет (русский вариант — Маргарита-Елизавета) фон Смиттен. «Предки ее были возведены в дворянское звание шведским королем Карлом XI, и вследствие этого все мужчины в их роду были офицерами шведской армии» [72. С. 95–96]. В частности, Маргарета-Элизабет была дочерью капитана Эриха-Йоганна фон Смиттен (1691–1749), а ее матерью была Хелена фон Проттен (1699–1763).

Выйдя в отставку, Вейнгольд-Готтард Барклай-де-Толли приобрел в аренду небольшое поместье в Лугажи (Lugazi), что в окрестностях нынешнего города Валка, надвое разделенного эстонско-латышской границей. Там его семья прожила пять лет — с 1755 по 1760 год.

Еще одной загадкой биографии Михаила Богдановича Барклая-де-Толли является происхождение его матери — Маргареты-Элизабет фон Смиттен (1733–1771).

Князь Петр Долгоруков в своем «Российском родословном сборнике» называет ее «девицею Вермелен» [53. С. 77]. Другие утверждают, что ее девичья фамилия была фон Смиттен и что она происходила из семейства, дворянство которому было пожаловано самим шведским королем. Но при этом возникает вопрос: если мать Михаила Богдановича принадлежала к богатому семейству фон Смиттен, то почему же его отец был вынужден арендовать поместье в Лугажи, а потом отказаться и от него ради другого, более дешевого хозяйства?

Ответа на этот вопрос, к сожалению, пока нет, зато точно известно, что в 1760 году родители Михаила Богдановича Барклая-де-Толли приобрели крошечное поместье Памушис под Шяуляем.

Что же касается семейства фон Смиттен, то оно имело большое родовое имение Бекгоф неподалеку от города Валка — теперь это местечко Йыгевесте в Эстонии.

* * *

Итак, отец Михаила Богдановича был офицером русской армии, и он своим офицерским чином приобрел дворянское достоинство. Как мы уже говорили, он вышел в отставку поручиком.

Кстати сказать, имя Готтард по-немецки означает «Богом данный», отчего и происходит русский вариант имени фельдмаршала — Михаил Богданович.

И все же, почему было приобретено поместье, вернее, даже хутор — Памушис? Даже не куплено, а взято в аренду?

Дело в том, что отец Михаила Богдановича, выйдя в отставку, получил мизерную пенсию. Ни земли, ни крепостных крестьян у него не было. Для жизни в Риге, откуда он был родом, пенсии не хватало, а способностями зарабатывать деньги, равно как и хорошим образованием, отставной поручик, увы, не обладал. К тому же, очевидно, жить в Риге ему было просто неловко: его отца, Вильгельма-Стефана рижане знали как старейшину города, а он, увы, в большие люди не выбился…

Вот он и арендовал себе Памушис. Ну а раз так, то отсюда и получила распространение версия, что именно там появился на свет Михаил Богданович.

На самом же деле, очевидно, все обстояло несколько иначе, ибо вряд ли жена Вейнгольда-Готтарда — Маргарета-Элизабет, принадлежавшая к почтенному роду фон Смиттен, владевшему многими землями и имениями в Лифляндии, рожала своего первенца на глухой литовской мызе. Скорее всего, для этого и было выбрано лифляндское имение Луде-Гросхофф.

Там в декабре 1757 года у нее родился мальчик, которого назвали Михаэль-Андреас. Так что родом фельдмаршал был из-под Валки — то есть из Латвии.

* * *

Времена тогда были многодетные, и, естественно, Михаил Богданович был не единственным ребенком в семье. Известны два его брата и сестра.

Прежде всего, был брат Иван Богданович (Эрих-Йоганн) Барклай-де-Толли (1759–1819), который в 1811 году стал генерал-майором по инженерной части.

Был и младший брат Андрей Богданович (Генрих-Йоганн) Барклай-де-Толли (1766–1805), который успел дослужиться до майора артиллерии и потомства не оставил.

Была сестра Кристина-Гертруда Барклай-де-Толли (1770–1865), которая вышла замуж за Магнуса-Фридриха фон Людера(1775–1857).

Более подробно обо всех этих людях будет рассказано по ходу книги. Сейчас же нам важно одно: Вейнгольду-Готтарду Барклаю-де-Толли и его жене Маргарете-Элизабет фон Смиттен было непросто содержать потомство.

Именно по этой причине, взяв старшего сына на руки, Вейнгольд-Готтард Барклай-де-Толли отвез его в Санкт-Петербург к родственнику жены, герою Семилетней войны и полковнику русской армии Георгу-Вильгельму фон Вермелену, и тот

«доставил ему превосходное воспитание» [88. С. 356].

Таким образом, судьба будущего фельдмаршала была предрешена — уже в неполных десять лет полковник фон Вермелен «записал племянника вахмистром в Новотроицкий кирасирский полк с оставлением дома для окончания наук» [111. С. 232].

* * *

Итак, детство мальчика прошло вдали от родителей, в Санкт-Петербурге, где он воспитывался в семье родственницы матери, Августы-Вильгельмины фон Вермелен. «У нее не было своих детей, и племянника она с мужем, полковником русской армии, считала своим приемным сыном» [72. С. 96].

Сохранилась легенда о том, как однажды эта тетка маленького Миши прогуливалась с ним по Санкт-Петербургу в карете. Мальчик слишком сильно прижался к дверце, и та неожиданно распахнулась. Миша выпал. В это время мимо проезжал генерал Григорий Александрович Потемкин, в скором будущем — один из самых выдающихся сподвижников Екатерины II. Он остановился, вышел из экипажа, поднял мальчика и, найдя его совершенно невредимым и даже не плачущим, передал до смерти испуганной тетке. При этом он будто бы сказал: “Этот ребенок будет великим мужем”» [72. С. 96].

«Полковник русской армии Георг-Вильгельм фон Вермелен в 1767 году был назначен командиром Новотроицкого кирасирского полка» [48. С. 186]. Именно этому строгому человеку Миша был обязан отличным воспитанием. В самом деле, дядя не жалел средств для доставления ему лучших учителей, а потом, по обычаю того времени, еще ребенком записал племянника гефрейт-капралом в свой полк.

Как и прочие дворянские дети, Миша получал домашнее образование. Он «пристрастился к чтению… <…> любил уединяться и предаваться раздумьям, был не по годам серьезен и замкнут, изучал русский, французский и немецкий языки, арифметику, военную историю и фортификацию» [72. С. 96].

Одновременно он продвигался по служебной лестнице: в декабре 1769 года, то есть в двенадцать лет, он был произведен в вахмистры — то есть унтер-офицеры кавалерии.

Глава вторая
Начало славного пути

В 1776 году Михаил сдал экзамены и получил свидетельство, в котором было сказано, что он «по-российски и по-немецки читать и писать умеет и фортификацию знает» [72. С. 96]. После этого, в неполных девятнадцать лет, он «вступил в действительную службу в Псковский карабинерный полк» [111. С. 232]. Этот полк был сформирован Петром I в 1701 году, и одно время им командовал отец князя П. И. Багратиона. А в то время, когда в него поступил Барклай-де-Толли, полк стоял в местечке Феллин — в настоящее время эстонский город Вильянди.

Через два года, 28 апреля 1778 года, Барклай-де-Толли получил первый кавалерийский обер-офицерский чин — корнет [88. С. 356].

Служил Михаил безукоризненно, однако следующее звание он получил лишь в 1783 году, и что характерно — этим он был обязан не командиру своего полка, то есть не собственному дяде, но командиру бригады Лифляндской дивизии, в которую входил Псковский карабинерный полк, генерал-майору Рейнгольду-Людвигу фон Паткулю, первому кавалеру ордена Святого Георгия 4-й степени[6]. Именно он заметил и отличил молодого исполнительного офицера, безупречно выполнявшего свои служебные обязанности. Особенно понравились генералу педантичность и точность Барклая-де-Толли, и в 1783 году он взял его к себе в адъютанты с производством в чин подпоручика.

К сожалению, радость от повышения была омрачена тем, что 30 апреля 1781 года в возрасте всего 55 лет умер отец будущего полководца. Мать умерла в 1771 году, и это значило, что Михаил Богданович, его братья и сестра стали сиротами.

Что же касается генерала Паткуля, которого на русский манер звали Григорием Карловичем, то он был сыном Карла-Густава фон Паткуля, родного племянника сподвижника Петра Великого Иоганна-Рейнгольда фон Паткуля. Григорий Карлович повоевал за свою жизнь изрядно: в 1774 году он был произведен в полковники, в 1779 году — в бригадиры, а 24 ноября 1780 года — в генерал-майоры. Выйдя после 1784 года в отставку, генерал Паткуль поселился в своем имении в Лифляндии, где и скончался 15 сентября 1801 года (кстати сказать, его сын — Владимир Григорьевич — дослужился до генерала от инфантерии).

Оставляя службу, генерал Паткуль с самой выгодной стороны рекомендовал Барклая-де-Толли графу Федору (Фридриху)

Евстафьевичу Ангальту, в апреле 1784 года принятому на русскую службу с чином генерал-поручика и назначенному шефом Финляндского егерского корпуса. В соответствии с этой рекомендацией 1 января 1786 года Барклай-де-Толли был переведен в 1-й батальон Финляндского егерского корпуса — поручиком.

Граф Ангальт был человеком в высшей степени незаурядным. Он «принимал деятельное участие в войнах Фридриха Великого, который считал его первоклассным тактиком и которого он уступил саксонскому двору, как человека, в преданности которого он был твердо уверен» [45. С. 339]. При этом он приходился родственником, «хотя довольно отдаленным» [45. С. 339], императрице Екатерине II, бывшей по рождению прусской принцессой Софией-Фредерикой-Августой Ангальт-Цербстской.

А еще через два года Барклай-де-Толли получил место старшего адъютанта при генерал-поручике русской службы принце Викторе-Амедее Ангальт-Бернебург-Шаумбургском[7], уезжавшем в то время в армию теперь уже светлейшего князя Г. А. Потемкина. Одновременно с этим, 13 января 1788 года, Михаил Богданович был произведен в капитаны.

Война с Турцией

А в 1787 году началась война с Турцией, и Г. А. Потемкину, которого за три года до этого императрица Екатерина II «пожаловала в президенты Военной коллегии с чином генерал-фельдмаршала» [11. С. 201], пришлось взять на себя роль полководца. Недостаточная готовность войск сказалась с самого начала. Г. А. Потемкин, на которого возлагались надежды, что он уничтожит Турцию, сильно пал духом и думал даже об уступках — в частности, предлагал вывести все русские войска из недавно завоеванного Крыма, что неизбежно привело бы к захвату полуострова турецкими войсками.

Императрице в своих письмах приходилось неоднократно поддерживать его бодрость. Лишь после взятия Хотина графом П. А. Румянцевым-Задунайским, бывшим на то время в соперничестве с ним, Григорий Александрович стал действовать решительнее и осадил крепость Очаков, расположенную в Днепровско-Бугском лимане.

Итак, на южных рубежах России действовали две армии: Екатеринославская Г. А. Потемкина и Украинская П. А. Румянцева-Задунайского. Армия Потемкина, нацеленная на овладение Очаковом, имела в своих рядах 82 тысячи человек, армия Румянцева-Задунайского, расположенная в Подолии, — 37

тысяч человек.

Как раз в это время принц Виктор-Амедей Ангальт-Бернебургский и его адъютант капитан Барклай-де-Толли прибыли в Екатеринославскую армию.

Летом 1788 года важнейшей задачей стало взятие Очакова, и почти все силы Потемкина были направлены под стены крепости.

Сначала Григорий Александрович говорил, что Очаков — «ничтожная крепость», однако вскоре он понял, что сильно ошибается.

Встав лагерем, образовавшим огромное каре, армия приступила к осаде, пытаясь сломить очаковский гарнизон блокадой и бомбардировками.

Следует отметить, что Очаков «при начале войны не имел ни сильного гарнизона, ни надежных укреплений» [139. С. 221]. Однако благоприятное время было упущено, турки и не думали сдаваться, а Потемкин, «доселе неутомимо деятельный, беспрестанно составлявший новые планы, один другого отважнее… внезапно впал в непонятное бездействие и долго ни на что не решался» [139. С. 221].

Осада явно затянулась, и все лето русские солдаты, вынужденные пить гнилую воду из лимана, болели малярией и дизентерией. С продовольствием тоже были проблемы: его подвозили так мало, что солдаты существовали на грани голода.

«Осадные работы были ведены очень неискусно; целые четыре месяца протекли в бесполезных трудах; между тем наступила суровая дождливая осень, за нею необыкновенно холодная зима; солдаты укрывались в сырых землянках и тысячами умирали от болезней. <…> Все генералы были убеждены, что один только решительный приступ мог спасти и войско, и славу русского оружия» [139. С. 221].

А тем временем под Очаков подошел Бугский егерский корпус М. И. Кутузова. Потом сюда прибыл А. В. Суворов.

Несмотря на это, осада продолжалась до декабря месяца, и лишь 6-го числа, в восемь утра, Г. А. Потемкин дал сигнал к штурму.

Принц Виктор-Амедей Ангальт-Бернебургский командовал двумя колоннами. В 1-й колонне непосредственным начальником был П. А. Пален, а сам принц и, соответственно, Барклай-де-Толли находились при 2-й колонне, которая и решила исход битвы.

Г. А. Потемкин написал из Очакова императрице Екатерине II:

«Поздравляю Вас с крепостию, которую турки паче всего берегли. Дело столь славно и порядочно произошло, что едва на

экзерциции бывает лучше. Гарнизон до двенадцати тысяч отборных людей — не меньше положено семи тысяч. Но в погребах и землянках побито много. Урон наш умеренный, только много перебито офицеров, которые шли с жадным усердием и мужеством» [83. С. 148].

На самом деле, победа далась русским дорогой ценой — более 2500 человек убитыми и ранеными. Но еще большими оказались потери от болезней. Зато было захвачено множество трофеев: «310 пушек, 180 знамен и личное оружие многотысячного гарнизона» [152. С. 88].

После взятия считавшейся неприступной Очаковской крепости — она пала 6 (17) декабря 1788 года — Михаил Богданович был награжден «штурмовой медалью» — золотым Очаковским крестом на черно-оранжевой Георгиевской ленте. Через некоторое время он получил и свой первый орден — Святого Владимира 4-й степени с бантом — крест, покрытый красной эмалью с черной каймой по краям и черно-красной лентой.

1-я степень «Владимира», учрежденного в 1782 году, в иерархии русских наград шла за высшим орденом Святого Апостола Андрея Первозванного, его девиз — «Польза, честь и слава». В 1789 году Екатерина II особым указом определила дополнительное видимое отличие для знака 4-й степени, получаемого за военные подвиги, в виде банта из орденской ленты, и Барклай-де-Толли стал вторым кавалером этой награды — первым был капитан-лейтенант Д. Н. Сенявин, будущий знаменитый флотоводец.

* * *

Так уж получилось, что имя принца Ангальт-Бернебургского стало тесно связано с именем Барклая-де-Толли, начавшего свою боевую службу под его командованием. Принц первым обратил внимание на военные дарования Михаила Богдановича и доверял ему выполнение самых сложных поручений.

Вскоре Барклай-де-Толли был произведен в секунд-майоры с переводом в Изюмский легкоконный полк — адъютанты числились в списках различных полков — с оставлением при принце в должности дежурного майора. Таким образом, Михаил Богданович перешел из обер-офицеров в штаб-офицеры.

Изюмским полком в то время командовал Леонтий Леонтьевич Беннигсен (он же Левин-Август фон Беннигсен, в 1773 году перешедший из подполковников ганноверской армии

на российскую службу), которому впоследствии будет суждено провести вместе с Барклаем-де-Толли немало знаменитых сражений. В рядах этого полка Михаил Богданович дрался под Каушанами (13 сентября), брал штурмом Аккерман (30 сентября) и участвовал во втором взятии Бендер (3 ноября).

Под началом Л. Л. Беннигсена Барклай-де-Толли служил в Изюмском полку с июля 1788 года по май 1790-го.

В боях с турками он получил многообразный боевой опыт: участвовал в штурме крепостей и в уличных боях, в обороне и в лихих атаках. Вместе с тем, исполняя обязанности адъютанта, он изучил штабную работу, что сыграло неоценимую роль в его будущей карьере.

Под Очаковом, кстати сказать, Барклай-де-Толли познакомился с полковником Матвеем Ивановичем Платовым — «вихрь-атаманом», как звали его донские казаки. Потом судьба свела их под Каушанами. Платову к тому времени было 36 лет, и он уже четверть века сидел в седле, но Каушаны стали его первой крупной самостоятельной победой: казаки Платова рассеяли турецкие войска, засевшие в окопах перед крепостью, захватили более 160 пленных во главе с их командиром Сангал-пашой, два знамени и три орудия. За это дело М. И. Платов был произведен в бригадиры.

Русско-шведская война

В 1790 году принц Виктор-Амедей был переведен в Финляндскую армию, куда вместе с ним отправился и секунд-майор Барклай-де-Толли, получивший возможность принять участие в Русско-шведской войне 1788–1790 годов.

Кампания 1790 года началась очень рано. Отдельные шведские отряды еще зимой делали нападения на русские передовые посты, и граф И. П. Салтыков, новый главнокомандующий Финляндской армией, вынужден был держать передовые войска в полной боевой готовности.

В начале апреля неприятельский отряд силой в четыре тысячи человек неожиданно напал на передовые посты генерал-майора П. К. Сухтелена, расположенные у Керникоски и Пардакоски. Это принудило русских отступить и начать постройку укреплений между озерами Сайма и Керни. Генерал О. А. Игельстром, командовавший войсками в Финляндии до прибытия графа Салтыкова, приказал войскам Сухтелена стянуться к Савитайполю и вновь овладеть укрепленной позицией при Пардакоски.

Для атаки был составлен отряд под командованием принца

Виктора-Амедея Ангальт-Бернебург-Шаумбургского — 5500 человек при 21 орудии.

15 (26) апреля батальоны, собравшись в Вильманстранде, направились по Санкт-Михельской дороге и 17-го числа утром были в Савитайполе, где они соединились с войсками, прибывшими накануне из Тайпальсаари.

Разведка доложила, что противник сильно укрепился у Пардакоски и Керникоски, а его правый фланг надежно прикрыт с фронта быстрой, незамерзающей речкой Керни. Озера же, несмотря на апрель месяц, были сплошь покрыты льдом.

Согласно диспозиции, русские войска для проведения атаки были разделены на три колонны и должны были действовать следующим образом: первая колонна под командованием бригадира В. С. Байкова, предназначенная для атаки левого фланга противника, должна была наступать через Солкис к Пардакоски; вторая колонна генерал-майора П. К. Сухтелена — атаковать шведов с фронта; третья колонна генерал-майора П. Ф. Берхмана, прикрывая Савитайполь, составляла резерв.

18 (29) апреля генерал О. А. Игельстром приказал начать наступление.

Первая колонна, приблизившись на рассвете к деревне Пардакоски, смело пошла в атаку на вражескую батарею, однако противник встретил русских убийствственным огнем, а потом энергично перешел в наступление во фланг и тыл русской колонны. Несмотря на свое упорное сопротивление, отряд В. С. Байкова вынужден был с большими потерями отступить к Солкису.

В это же время в атаку двинулись и войска генерала П. К. Сухтелена, но, приблизившись к речке Керни, остановились перед разобранным мостом. После отступления колонны бригадира Байкова шведы сосредоточили все внимание на Сухтелене, и его атака также была отбита с большим уроном.

Бой явно пошел по неудачному для русских сценарию, и вскоре уже все наши войска начали отступать к Савитайполю. «Впрочем, русские не были разбиты в этом сражении, как говорится, наголову: они отступили в таком порядке, что неприятель не осмелился их преследовать» [82. С. 268].

Потери русских в тот день были значительны: около двухсот убитых и более трехсот раненых, были потеряны две пушки. Урон, понесенный противником, определить трудно, но, по заключению русских начальников, он был примерно равен нашему — хотя по шведским источникам указывались только 41 убитый и 173 раненых.

Главная причина неудачи при Пардакоски заключалась в том,

что в условиях сильно пересеченной местности — при отсутствии нормальных карт и надежных проводников — штурмовые колонны прибыли в назначенные места намного позже намеченного срока, а затем, не поддерживая между собою связи, атаковали противника в разное время, тем самым позволили разбить себя по частям.

М. А. Гарновский, в возрасте девятнадцати лет от роду служивший адъютантом у Г. А. Потемкина, пишет об этом сражении:

«21-го апреля 1790 года шведы заняли Пардакоски. Судя по донесениям, от господина Игельстрома поступившим, то важный сей пост потеряли мы от оплошности господина подполковника Петровича, с егерями стражу в оном содержавшего. Приключение сие обратило вдруг все наше внимание на Пардакоски. <…> Сейчас прибежал курьер; депеш, привезенных оным, я не читал, но… <…> слышал от Бенкендорфа, что покушение достать Пардакоски обратно в наши руки, произведенное под предводительством господина Игельстрома, было весьма неудачно. Потеряв с 200 человек, мы отступили назад. Байков ранен и принц Ангальт и весьма опасно» [39. С. 429].

В самом деле, принц Виктор-Амедей был ранен в правую ногу пушечным ядром. Чувствуя приближение смерти, он подозвал к себе Барклая-де-Толли и, вручая ему свою шпагу, завещал употребить ее на пользу и во славу России. С этой шпагой, полученной от такого человека и при подобных обстоятельствах, Михаил Богданович никогда не расставался.

Согласно донесению генерала О. А. Игельстрома, сменившего принца, Барклай-де-Толли вел себя в деле при Пардакоски с необыкновенной храбростью и присутствием духа. После этого «барон Игельстром, представляя об отличившихся в сем важном деле… <…> не преминул в числе оных рекомендовать и дежурного секунд-майора Барклая-де-Толли, который за сие и был произведен 1 мая 1790 года в премьер-майоры» [141. С. 119].

После этого до самого окончания войны Михаил Богданович находился при генерале Игельстроме, числясь в Тобольском пехотном, а затем — батальонным командиром в Санкт-Петербургском гренадерском полку.

Счастливый брак

22 августа (2 сентября) 1791 года Барклай-де-Толли женился на Хелене-Августе фон Смиттен, дочери Гейнриха-Йоганна фон Смиттен и Ренаты-Хелены фон Стакельберг. Ей был двадцать один год, а ему — тридцать три.

Мать Михаила Богдановича, Маргарета-Элизабет фон Смиттен, была родной сестрой Гейнриха-Иоганна фон Смиттен. Таким образом, Михаил Богданович был женат на своей кузине — двоюродной сестре. Соответственно, тесть доводился Барклаю-де-Толли родным дядей. Подобные браки не были тогда чем-то необычным: на двоюродной сестре был женат и брат Михаила Богдановича, и многие другие люди его круга. В основном они заключались из имущественных соображений — таким образом в одной семье сохранялись фамильные имения и земли, но бывали и счастливые исключения, когда в основе союза лежали взаимные чувства.

Брак оказался удачным: супруги любили и уважали друг друга, жена заботилась о Михаиле Богдановиче. Сохранились многие свидетельства ее внимательного отношения к мужу: она, например, всегда посылала ему лекарства и наставляла адъютантов, как и когда давать эти целительные снадобья. Письма Михаила Богдановича жене и ее ответные послания полны любви, заботы и нежности.

* * *

Хелена-Августа была почти на тринадцать лет младше своего мужа, и пережила его она на десять лет.

О ней сохранилось немало отзывов, правда, чаще всего не самых лестных. Например, утверждается, что Хелена-Августа была «маленькая и толстая, обладавшая к тому же и крутым неженским характером» [8. С. 109].

На фоне большого слегка обрюзгшего лица маленькие карие глазки лишь подчеркивали ее излишнюю полноту. Именно такой она предстает в словесных портретах, написанных тогда, когда ей уже перевалило за тридцать. При этом она имела на мужа очень сильное влияние и Барклай-де-Толли, как отмечал один из его адъютантов, В. И. Левенштерн, «был кроток, как ягненок, во всем, что касалось его жены» [144. С. 100].

За время своего супружества Хелена-Августа родила нескольких детей, но в живых остался лишь один сын Эрнст-Магнус, которого на русский манер звали Максимом. Еще в доме Барклая-де-Толли воспитывались три кузины Максима — Екатерина, Анна и Кристель, а также некая Каролина фон Гельфрейх[8]. Родители этих кузин были родственниками Барклаев-де-Толли и фон Смиттенов, и, таким образом, Михаил Богданович как бы платил долг за то добро, каким пользовался в юности, когда жил и воспитывался в доме Вермеленов.

Венчание Михаила Богдановича и Хелены-Августы состоялось в лютеранской церкви Тарваste близ Бекгофа, лифляндского имения рода фон Смиттен, но почти сразу же после свадьбы молодожены уехали в Санкт-Петербург. Там премьер-майору Барклаю-де-Толли предстояло продолжить службу в Санкт-Петербургском гренадерском полку.

* * *

Чтобы закончить тему фон Смиттенов, отметим, что мать Михаила Богдановича, Маргарета-Элизабет фон Смиттен, была еще и родной сестрой Эрики-Йоганны фон Смиттен (1729–1780), а та была замужем за бароном Карлом-Магнусом фон Поссе (1728–1773) и имела сына — барона Морица фон Поссе.

Так вот — по этой линии Барклай-де-Толли был родственником Абрама Петровича Ганнибала, А. С. Пушкина и декабриста А. З. Муравьева.

Фамилия фон Поссе приковывает наше внимание по нескольким причинам.

Во-первых, из последних публикаций о лифляндской бабушке Натальи Николаевны Пушкиной (урожденной Гончаровой) известно, что она была родом из семьи тартуского помещика фон Липхарта. А Ульрика фон Липхарт, родившаяся в 1761 году, в 1778 году была выдана замуж за того самого барона Морица фон Поссе.

Во-вторых, Эрика-Йоганна фон Смиттен была замужем за Карлом-Магнусом фон Поссе, а их дочь — Элизабет (Елизавета Карловна) фон Поссе (1761–1815) — во втором браке была замужем за Захаром Матвеевичем Муравьевым (1759–1832), действительным статским советником и родным племянником Абрама Петровича Ганнибала, прадеда поэта Пушкина.

Их сын, полковник Артамон Захарович Муравьев (1794–1846), герой Отечественной войны, в 1825 году командовал Ахтырским гусарским полком и был осужден на двадцать лет каторги за причастность к Южному обществу. До 1839 года он находился в остроге, затем вышел на поселение и последние годы жизни прожил в глухой сибирской деревне Малой Разводной, где и умер.

Зато его младший брат, Александр Захарович Муравьев (1795–1842), стал генерал-лейтенантом, а в ранние годы своей карьеры, до смерти фельдмаршала в 1818 году, служил у Барклая-де-Толли адъютантом.

Война в Польше

В апреле 1792 года Санкт-Петербургский гренадерский полк был направлен в Польшу, где назревало восстание, связанное с «разделом Речи Посполитой, который привел к уничтожению польской государственности и фактическому упразднению польской монархии» [5. С. 40].

* * *

Восстание в Варшаве вспыхнуло в апреле 1794 года — русский гарнизон был частично уничтожен, частично — пленен. Вслед за тем началось восстание в Вильно.

Чудом спасшийся из Варшавы казак-донец прискакал в Гродно к генералу князю П. Д. Цицианову, сообщил о произошедшем. Князь поднял войска по тревоге и вывел их из города, разбив лагерь в пяти верстах от него.

Несколько дней все были в замешательстве. «Поначалу русское правительство не оценило должным образом угрозы своему господству, и только тогда, когда восстание началось в

Варшаве, и русский гарнизон с большими потерями выбрался из враждебного города, в Петербурге было решено принять срочные меры и подавить мятеж» [5. С. 41].

После этого главнокомандующий всеми русскими войсками в Польше граф П. А. Румянцев-Задунайский приказал немедленно взять Вильно и освободить пленных. Отряд князя Цицианова, в который кроме Санкт-Петербургского гренадерского полка входили еще полк казаков и батальон Нарвского пехотного полка, получил приказ двинуться к Вильно через Слоним и Несвиж. Одновременно к Вильно подошли и другие русские войска. Осуществлявший общее командование генерал Б. Ф. Кнорринг отдал приказ о штурме.

В своих «Записках» генерал С. А. Тучков[9] рассказывает:

«В местечке Новомыше простояли мы не более двух дней. После чего весь корпус генерал-лейтенанта Кнорринга, разделенный на три отряда… <…> тремя разными дорогами выступил для взятия города Вильны. Все сии отряды, не встретив нигде неприятеля, соединились в селении Медниках, отстоящем от Вильны в пяти милях. Откуда, выступя вместе, стали в лагерь в полутора милях от города. Вильна построена в низменном месте и окружена довольно высокими и крутыми горами. Она имела много обширных предместий. <…> На высотах, окружающих Вильну… построили поляки ретраншемент с батареями в

приличных местах» [138. С. 100–101].

У генерала Кнорринга было восемь тысяч человек пехоты, четыре тысячи человек конницы, 30 пушек полевой артиллерии и 26 орудий малого калибра, находившихся при драгунских и пехотных полках.

Начался ожесточенный бой, который продолжался весь день. Взять город русским не удалось.

«Все церкви, колокольни, дома и сады <…> заняты были вооруженными обывателями. Надлежало всякий дом брать штурмом и, таким образом очищая дорогу, подвигаться вперед. <…> Большая часть офицеров была или убита, или ранена» [138. С. 104–105].

В семь часов утра на следующий день начался второй приступ. Впереди шел батальон Барклая-де-Толли. Ему предстояло взять сильные укрепления, сооруженные за оврагом возле ворот Острой Брамы. Повстанцы направили во фланг батальону всю свою конницу. На помощь Барклаю-де-Толли пришел батальон майора Шеншина. Он взял батарею, а Михаил Богданович сумел выбить повстанцев из окопов и рассеять атакующих кавалеристов. Затем батальоны Барклая-де-Толли и Шеншина ворвались в город, что и решило участь Вильно.

Через неделю после того как генерал Кнорринг принял капитуляцию Вильно, Барклай-де-Толли получил приказ начать преследование повстанческих отрядов полковника Стефана Грабовского, который, «приближаясь к российским границам, собирал повсюду контрибуцию» [141. С. 119]. 23 августа у Глуцка и 29-го у местечка Выгоница батальон Барклая-де-Толли настиг часть отряда Грабовского и разбил его. После этого он «участвовал при взятии оного в плен со всеми его войсками и довольно сильной артиллерией» [141. С. 119].

* * *

Орден Святого Георгия 4-й степени Михаил Богданович получил 16 (27) сентября 1794 года с формулировкой: «За отличную храбрость, оказанную против польских мятежников при овладении укреплениями и самим городом Вильною».

Это был орден, установленный в 1769 году «единственно для воинского чина» и имевший девиз «За службу и храбрость». В статуте ордена говорилось: «Ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражении раны не приемлются в уважение при удостоении к ордену Святого Георгия за воинские подвиги; удостаивается же оного единственно тот, кто не только

обязанность свою исполнил во всем по присяге, чести и долгу, но сверху сего ознаменовал себя на пользу и славу Российского оружия особенным отличием» [74. С. 48].

Вторую половину 1794 года Барклай-де-Толли провел в Гродно. Там он узнал о взятии 29 октября (9 ноября) Варшавы войсками А. В. Суворова, а затем стал свидетелем отречения от престола польского короля Станислава-Августа Понятовского. Тогда же он узнал и о пленении в бою под Маёвицами тяжело раненного руководителя восстания Тадеуша Костюшко.

Как известно, за подавление восстания А. В. Суворову было присвоено звание генерал-фельдмаршала, а Барклай-де-Толли, кроме ордена, получил также еще и чин подполковника с переводом в Эстляндский егерский корпус — командиром 1-го батальона.

Реорганизации армии

В январе 1795 года последовал третий раздел Польши и на долгие десятилетия независимое польское государство прекратило свое существование.

6 (17) ноября 1796 года скончалась Екатерина II и на трон взошел ее сын — император Павел Петрович. Буквально сразу он начал осуществлять коренные перемены в армии: причем если одни из них были продиктованы объективной необходимостью, то другие — исключительно желанием стереть всякую память о царствовании ненавистной ему мамаши и, в частности, как говорил сам Павел I, «выбить из армии Потемкинский дух».

Что же касается егерских корпусов[10], то император сначала разделил их на отдельные батальоны, а потом переименовал эти батальоны в егерские полки, присвоив им порядковые номера с 1-го по 17-й. Так, в мае 1797 года Эстляндский егерский корпус был переименован в 4-й егерский полк.

В 1798 году Барклай-де-Толли был назначен шефом этого полка и произведен в полковники, а так как все полки тогда были переименованы по фамилиям своих шефов, то полк стал называться «егерским Барклая-де-Толли». Как видим, незнатное происхождение сказалось на продвижении Михаила Богдановича по службе: ему понадобилось более двадцати лет, чтобы достигнуть чина полковника и генеральской должности, каковой была должность полкового шефа.

Зато потом, и весьма скоро, «он был удостоен знаками отличия, и 2 марта 1799 года государь император Павел I, отдавая заслугам его должную справедливость, всемилостивейше соизволил пожаловать его генерал-майором» [141. С. 121].

* * *

В 1801 году император Александр Павлович возвратил пехотным и кавалерийским полкам их исконные имена, а егерским — прежнюю нумерацию. Однако егерский генерал-майора Барклая-де-Толли полк почему-то был переименован не в 4-й, а в 3-й егерский; звание его полкового шефа Михаил Богданович носил четырнадцать лет — до 1 сентября 1814 года, то есть до того времени, когда должности шефов армейских полков были упразднены.

В начале царствования Александра I полк Барклая-де-Толли входил в армию Л. Л. Беннигсена, стоявшую в Литве и Польше. Армия эта насчитывала 30 000 человек. В егерском полку состояло по штату порядка 700 человек, однако уже в 1802 году эта численность была удвоена…

Для Михаила Богдановича это был период вынужденного терпения: ему не пришлось сражаться самому. До поры до времени это еще можно было сносить спокойно, но когда в самом конце 1805 года пришли вести о разгроме русской армии под Аустерлицем, стало совсем невыносимо…

Глава третья
Война 1806–1807 годов

Начало кампании

В кампании 1806–1807 годов Михаил Богданович принял живейшее участие, отличаясь, как и всегда, необыкновенным хладнокровием, распорядительностью в бою и неизменно верной оценкой складывающейся ситуации. На его долю часто приходились назначения авангардным или арьергардным начальником, и благодаря своим талантам он с честью выходил из самых критических ситуаций.

14 октября 1806 года, в один день, французы наголову разбили пруссаков в сражениях при Йене и Ауэрштедте. «Наполеон дунул, и прусской военной мощи не стало. <…> Это привело все правительства Европы в невероятное изумление. Было очень трудно поверить, что армия Фридриха Великого фактически уничтожена в однодневной битве» [147. С. 315].

После этого на помощь Пруссии двинулась русская армия.

Приказ о выступлении был дан 22 октября (3 ноября) 1806 года. Александр I писал прусскому королю:

«Соединимся теснее, нежели когда-либо, пребудем верны чести и славе и предоставим прочее Промыслу, который, рано или поздно, положит конец успехам хищения и тиранства, даруя торжество святому делу» [149. С. 17].

Корпус Л. Л. Беннигсена (67 тысяч человек при 276 орудиях) перешел прусскую границу в районе Гродно. После этого он двинулся к Пултуску, чтобы прикрыть от французов Варшаву и соединиться с 14-тысячным корпусом прусского генерала Августа-Вильгельма фон Лестока.

В результате генерал Беннигсен простоял под Пултуском, куда стягивались растянутые в кордонную линию русские войска, до середины ноября, а потом случилось неожиданное: 16 (28) ноября внезапным ударом французы взяли Варшаву.

4 (16) декабря из России на помощь Беннигсену подошел корпус графа Ф. Ф. Буксгевдена (55 тысяч человек при 216 орудиях). Между этими полководцами «издавна была острая распря — оба по каким-то неведомым нам причинам ненавидели друг друга и старались ни в чем не уступать один другому» [5. С. 238]. А посему главнокомандующим был назначен генерал-фельдмаршал граф М. Ф. Каменский[11], один из еще «екатерининских орлов», который давным-давно «воевал турку» и

которого теперь в армии многие называли «желчным стариком».

Уже лет пятнадцать старый граф, живя в деревне и увлекаясь своим домашним театром, не участвовал в военных действиях, так что 7(19) декабря 1806 года, когда он принял армию, с ним практически тут же что-то явно произошло.

М. И. Кутузов по этому поводу писал:

«Не могу надивиться всем чудачествам Каменского. Ежели все правда, что ко мне из армии пишут, надо быть совсем сумасшедшему» [7. С. 61].

И в самом деле, «некоторые современники считали, что Каменский внезапно сошел с ума. <…> Он неожиданно вызвал в главную квартиру Беннигсена и заявил ему, что умывает руки, снимает с себя ответственность за предстоящее сражение — он вообще оставляет войска и предписывает Беннигсену начать общее отступление армии к российской границе!» [5. С. 241].

По мнению известного русского военного историка генерал-лейтенанта А. И. Михайловского-Данилевского, «бремя забот и ответственности, усугубляемое частыми порывами гнева, подавило старца, лишило его сна и доверенности самому себе» [94. С. 99].

Императору Каменский продиктовал письмо следующего содержания:

«Стар я для армии; ничего не вижу. Ездить верхом почти не могу, но не от лени, как другие; мест на ландкартах отыскивать совсем не могу, а земли не знаю. <…> Подписываю, не знаю что» [149. С. 29].

Еще он слезно просил Александра I:

«Человеку лет моих редкому вынести можно биваки. Увольте старика в деревню» [149. С. 31].

68-летний граф руководил армией ровно семь дней. «Своими противоречивыми приказаниями он сумел запутать не только собственных генералов, но и Наполеона, силившегося понять скрытый смысл перемещений русских дивизий» [7. С. 61].

Проводив графа Каменского, Беннигсен остался начальником вверенного ему корпуса в Пултуске «с повелением идти обратно в Россию. Вопреки повелению, он решился ожидать неприятеля в занятой накануне позиции, чтобы, согласно прежде принятому намерению, дать отставшим от армии полкам и тяжестям время собраться, и потом, если нужно, отходить назад совокупными силами» [94. С. 103]. Более того, «он, вопреки субординации, не выполнил приказ <…> и заодно отказался подчиняться Буксгевдену. Беннигсен сам решил дать бой Наполеону» [5. С. 242].

* * *

Итак, в момент открытия кампании войска Беннигсена стояли у Пултуска, а Буксгевдена — у Остроленки. Авангард под командованием Барклая-де-Толли стоял у Сохочина[12] и Колозомба, а его пикеты «рыскали по западному берегу Вислы, собирая сведения о движениях французов, а еще более — отыскивая провиант и фураж» [8. С. 200].

10 (22) декабря 1806 года к Сохочину и Колозомбу пошли французские 4-й и 7-й корпуса маршалов Сульта и Ожеро.

Вечером того же дня Барклай-де-Толли отправил главнокомандующему донесение, что, согласно информации, полученной от захваченных его казаками пленных, французские войска двинулись вперед. Так русское командование узнало о начале новой операции Наполеона, а авангард Барклая-де-Толли вдруг превратился в арьергард.

Сохочин и Колозомб

По свидетельству Фаддея Булгарина (Яна-Тадеуша Булгарина)[13], лично участвовавшего в военных действиях 1806–1807 годов против французов и раненного под Фридландом, «Беннигсен знал Барклая-де-Толли еще с Очаковского штурма и высоко ценил его достоинства. В чудную борьбу с первым полководцем нашего времени, с Наполеоном, Беннигсен поручил Барклаю самый трудный и самый почетный пост начальника авангарда, при движении вперед к Пултуску, и начальника арьергарда, при оступлении к Прейсиш-Эйлау. Барклай-де-Толли выполнил свое дело блистательно» [31. С. 145].

10-го вечером казаки отряда Барклая-де-Толли, теснимые французами, перешли с правого берега реки Вкры на левый, успев разрушить за собой мост.

Отряд Барклая-де-Толли составляли полки Тенгинский мушкетерский, 1-й и 3-й егерские, а также казачий Ефремова, пять эскадронов Изюмских гусар и рота конной артиллерии князя Л. М. Яшвиля.

Михаил Богданович поставил против Колозомба 3-й егерский полк, шефом которого он был, и два эскадрона гусар. В пяти верстах у Сохочина — 1-й егерский полк и три эскадрона гусар. Тенгинский полк был расположен в лесу между Колозомбом и Сохочином. У разрушенного моста был возведен редут.

В тот же день подойдя к реке, французы стали готовить плоты и на заре 11 (23) декабря начали переправу. Русские немедленно открыли по ним ружейный и артиллерийский огонь, и противник

повернул обратно. Также провалилась и вторая попытка форсироваться реку. Тогда маршал Ожеро решил предпринять атаку сразу с двух направлений. Плоты с пехотой в третий раз двинулись через Вкру к Колозомбу, а одновременно с этим другая часть корпуса переправилась несколько правее, чтобы зайти русским в тыл. Противнику удалось не только высадиться на восточном берегу реки, но и навести мост, по которому немедленно двинулась кавалерия.

Увидев это, Барклай-де-Толли послал в атаку Изюмских гусар. Однако, несмотря на все мужество, проявленное малочисленной русской кавалерией, численное превосходство противника не позволило сбросить его в реку. Как пишет генерал А. И. Михайловский-Данилевский, «атака была блистательная: неприятеля смяли. Но успех сей не мог остановить французов» [94. С. 81].

После этого Барклай-де-Толли «отважно отбивался, но превосходство неприятеля было очевидным, и, бросив шесть пушек, он начал отступать» [5. С. 240]. Это были первые наполеоновские трофеи этой кампании.

3-й егерский полк стал отступать по дороге к Новемясто, отбиваясь от наседающих французов. Одновременно французы атаковали Тенгинский мушкетерский полк, который занимал позиции в лесу и до этого успешно отражал все их попытки форсировать Вкру. Получив приказ к отступлению, пехотинцы вышли из леса и построились лицом к опушке. Тут же на них двинулись французы. Взяв ружья наперевес, под флейту и барабанный бой полк кинулся на врага и штыковым ударом очистил себе дорогу к отступлению.

Пултуск

14 (26) декабря 1806 года маршал Ланн атаковал русских под Пултуском. В его корпусе было около 20 тысяч человек, а у Беннигсена — 40 тысяч человек.

В этом сражении отряд Барклая-де-Толли в город не вошел, а был расположен чуть западнее, перед оконечностью правого крыла, в густом кустарнике.

Сражение, проходившее в ужасных погодных условиях и по колено в липкой грязи, затруднявшей любое маневрирование, было ожесточенным. Что касается погоды, то барон Марбо в своих «Мемуарах» пишет:

«Требовалось скорейшее наступление заморозков, которые бы укрепили землю. Земля была настолько мокрой и раскисшей, что мы проваливались в нее на каждом шагу. Мы видели, как

несколько человек, в том числе слуга одного офицера из 7-го корпуса, утонули вместе с лошадьми в этой грязи!.. Было совершенно невозможно перевозить артиллерию в глубь этой неизвестной страны» [87. С. 199].

Русские вынуждены были отступать. Беннигсен потом написал, что Барклай-де-Толли «принужден был уступить жестокому и стремительному нападению» [94. С. 106].

Но это случилось далеко не сразу. Поначалу же «тщетно маршал Ланн, разделив корпус свой на шесть колонн, устремлялся на него, желая прорвать или опрокинуть правый фланг, отрезать коммуникацию с частью корпуса графа Буксгевдена. Генерал-майор Барклай-де-Толли выдерживал мужественно жестокое и стремительное его нападение; но при всей храбрости и неустрашимости своей должен был уступить многочисленности неприятеля. Он подался несколько назад и потом, ударив храбро в штыки, будучи поддерживаем поставленной в кустарниках батареей, опрокинул мгновенно французов и отнял у них отбитые пушки» [141. С. 121].

Шеф Тенгинского мушкетерского полка П. И. Ершов был ранен пулей в руку — за отличие в этом сражении его в том же месяце произвели в генерал-майоры.

Генерал-лейтенант барон Ф. В. Остен-Сакен лично привел к арьергарду Черниговский и Литовский мушкетерские полки, после чего, как старший по званию, принял над ним командование. Но французы еще более усилили натиск. Беннигсен, приняв корпус Ланна за главные силы французской армии, приказал Остен-Сакену и Барклаю-де-Толли «переменить фронт правым флангом назад» [94. С. 107]. Непосредственно Барклаю-де-Толли было приказано ударить в штыки на левое крыло генерала Гюдена.

По мнению Михайловского-Данилевского, приказание это «было исполнено блистательно, причем особенно отличился Черниговский мушкетерский полк генерал-майора князя Долгорукова 5-го» [94. С. 108]. Затем пять эскадронов улан довершили поражение французской колонны, изрядно потрепанной Барклаем-де-Толли.

Сражение продолжалось до темноты. Потери русских простирались до 3500 человек. По французским данным, противник потерял 2200 человек, но эта цифра выглядит явно заниженной — ведь только пленных русские взяли около семисот человек. Отважный маршал Ланн, возглавлявший войска сильно простуженным, был ранен. Также были ранены генералы Сюше, Клапаред, Ведель и Бонар.

У Барклая-де-Толли был смертельно ранен полковник Я. Я.

Давыдовский, командир 1-го егерского полка. Яков Яковлевич был человеком выдающейся храбрости. Обороняя переправу через реку Вкру у местечка Сохачин, он был ранен пулей в ногу в то время, когда на спине барабанщика писал донесение Барклаю-де-Толли об отбитии всех атак. Потом он был вторично ранен пулей в висок. Зажав рану перчаткой, он и на этот раз остался на месте и продолжал писать. Через две минуты был убит барабанщик, и Давыдовский, опустившись на одно колено, дописал свой рапорт, в котором уверял Барклая-де-Толли, что, несмотря ни на что, удержит переправу. Только получив от генерала приказание отступить, он отошел от Сохачина.

В течение восьмичасового боя под Давыдовским было убито две лошади и сам он был несколько раз ранен. Третье, смертельное, ранение он получил пулей в грудь. Отправленный в Остроленку, он умер там 19 (31) декабря 1806 года.

«Сражение под Пултуском было признано победным, о чем и сообщили в Петербург. Вскоре, правда, Беннигсен узнал о подходе к Ланну подкреплений и все-таки отошел с позиций под Пултуском к Остроленке. Французы беспрепятственно заняли эти позиции и, в свою очередь, также сообщили в Париж о победе» [5. С. 246].

Биограф Барклая-де-Толли В. Н. Балязин метко называет это сражение «полууспехом наполеоновской армии» [8. С. 203].

Участник же кампании барон Марбо с восторгом пишет:

«Маршал Ланн, с которым было всего 20 тысяч человек, разбил возле Пултуска 42 тысячи русских, отступавших под натиском французских корпусов. Он нанес им громадные потери» [87. С. 199].

Как говорится, блажен, кто верует…

А вот мнение французского военного историка Анри Лашука:

«26 декабря 1806 года Ланн, располагая менее чем 20 000 солдат, сражался под Пултуском против главных сил русских численностью в 40 000. После ожесточенного боя он, в конце концов, оттеснил неприятеля с поля битвы, принимая главную армию за корпус Буксгевдена» [80. С. 265].

Как бы то ни было, за решительные действия в этом сражении Барклай-де-Толли получил орден Святого Георгия 3-й степени — высшую боевую награду.

Отступление

После сражения при Пултуске, «даже получив просьбу Беннигсена о помощи, Буксгевден все равно не сдвинулся с места. <…> Скорее всего, он ждал, когда французы “обломают рога”

упрямому Беннигсену, и тогда он, Буксгевден, продолжит с успехом начатое дело» [5. С. 247].

Начался новый 1807 год, и все вокруг завалило снегом.

«8 (20) января главная квартира Беннигсена пришла в Рессель. Между тем как Ней, без ведома Наполеона, выдвинул для удобнейшего продовольствования свой корпус вперед от Нейденбурга к реке Алле, главные силы российско-прусской армии в числе около 80 000 человек уже находились в расстоянии одного перехода от французов и могли бы вскоре атаковать их превосходными силами» [21. С. 190].

«19 (31) января, через четыре дня по выступлении французов с зимних квартир, почти все наполеоновы корпуса собрались между Гильгенбургом и Мышинцем, причем некоторым частям войск пришлось пройти более ста верст. Сам Наполеон, выехав из Варшавы 18 (30) января, прибыл на следующий день в Вилленберг» [21. С. 195].

Тогда Беннигсен приказал Барклаю-де-Толли по возможности замедлить наступление французов, чтобы дать русской армии время собраться у Янкова.

И действительно, 22 января (3 февраля) 1807 года вся армия Беннигсена, кроме войск прусского генерала фон Лестока, заняла высоты у Янкова.

Барклай-де-Толли почти двое суток сдерживал французский авангард.

«Любя отдавать справедливость предводимому им войску, Барклай-де-Толли особенно хвалил полки Изюмский гусарский, 3-й и 20-й егерские и конную роту князя Яшвиля» [94. С. 161].

В своем донесении генералу Беннигсену он написал:

«Достойно похвалы, как великая стройность и послушание войск, так хладнокровие и присутствие духа начальников. Атакуемые неприятелем, вчетверо сильнейшим, они везде встречали его храбро» [94. С. 161].

В тот же день 22 января русская армия отступила от Янкова в поиске более удобной позиции для генерального сражения.

Для прикрытия отступления Л. Л. Беннигсен выделил три отряда: А. И. Марков шел в центре, К. Ф. Багговут — справа, а Барклай-де-Толли — слева. Общее командование арьергардом осуществлял князь П. И. Багратион.

В отряде Михаила Богдановича находились гусарские Изюмский и Ольвиопольский полки, батальон Конно-Польского полка, Костромской мушкетерский и 1, 3, 20-й егерские полки, два казачьих полка и рота конной артиллерии князя Л.М. Яшвиля.

«Барклай впервые командовал отрядом из семи пехотных и

кавалерийских полков, где была и артиллерия, что делало его похожим на маленькую армию, состоявшую из всех родов войск» [8. С. 206].

Это давало возможности, причем — немалые.

23 января (4 февраля), на рассвете, отряд Барклая-де-Толли был атакован французской кавалерией, но гусары и казаки парировали удар. Артиллерия эффективно их поддержала, а егеря 3-го и 20-го полков, заняв позиции в кустарнике, вели прицельный огонь во фланг противнику. Французы атаковали еще несколько раз, но каждый раз отступали. Особенно в этом деле отличился полковник К. И. Бистром[14] со своим 20-м полком.

Так Барклай-де-Толли держался до десяти часов утра, а потом приказал кавалерии отступить к пехоте за занятые ею высоты. Все это было выполнено «в наилучшем порядке, но в сильнейшем огне неприятеля» [94. С. 176]. При этом у русских было убито и ранено 260 человек и 146 лошадей.

Участник этой кампании легендарный в будущем поэт-партизан Д. В. Давыдов потом писал:

«При наступлении ночи армия наша отошла к Вольфсдорфу, оставя для прикрытия сего отступления арьергард генерал-майора Барклая-де-Толли на оставленном ею месте.

Поутру 23-го Барклай поднялся вслед за армиею, но на пути был атакован превосходными силами, целый день сражался, потерял много, особенно при Дегшене, но к вечеру примкнул к армии, стоявшей уже на боевой позиции при Вольфсдорфе. Ночью армия снялась с позиции и потянулась по направлению к Ландсбергу. Арьергард Багратиона сменил утомленный накануне арьергард Барклая и остался при Вольфсдорфе для того же предмета, для которого оставлен был накануне арьергард Барклая при Янкове» [49. С. 208].

В самом деле, 24 января (5 февраля) князь Багратион приказал Барклаю-де-Толли отступать к Фрауэндорфу и там ждать его прибытия. А на следующий день он приказал продолжать марш на Ландсберг — ныне это польский город Гожув-Великопольский.

Ландсберг и Гофф

У знаменитого в прошлом военного историка генерал-лейтенанта М. И. Богдановича мы читаем:

«25 января (6 февраля) Беннигсен, имея намерение выждать французов на позиции при Ландсберге, приказал Барклаю-де-Толли, отступавшему с частью прежнего арьергарда от Фрауэндорфа к Ландсбергу, удерживать неприятеля, пока армия

построится в боевой порядок. Барклай, заняв селение Зинкен батальоном 20-го егерскаго полка и оставя впереди селения два конных орудия с прикрытием из двух эскадронов Изюмских гусар, расположил остальные войска арьергарда в числе около пяти тысяч человек за речкою, на высотах впереди Гоффа» [21. С. 200].

Как видим, «из всех соединений арьергарда наибольшую нагрузку на себя испытывал по-прежнему отряд Барклая. Особенно тяжело пришлось ему 25 января под Ландсбергом — там отряду предстояло удерживать противника до тех пор, пока вся армия не займет оборонительную позицию» [5. С. 257].

Если посмотреть на карту, то станет понятно, что Ландсберг лежит примерно в пятнадцати километрах на юго-западе от Прейсиш-Эйлау (ныне — Багратионовск), а Гофф (в некоторых источниках — Хоф, теперь это польская деревня Дворзно) расположен на той же дороге, прямо перед Ландсбергом.

Итак, 25 января (6 февраля) 1807 года, находясь у Гоффа, Барклай-де-Толли получил приказ Беннигсена держаться, пока армия не займет позиции при Ландсберге.

Д. В. Давыдов рассказывает:

«В ночь на 25-е армия наша выступила к Ландсбергу, но не одною уже, а двумя колоннами, для избежания, подобно французской армии, затруднения в движении одною колонною в пути, заваленному снегами. Первая колонна потянулась большою дорогою; вторая, под начальством Сакена, на Спервартен и Петерсгаген; арьергард Барклая прикрывал отступление первой» [49. С. 209].

В тот же день стало известно о прибытии к французскому авангарду императора Наполеона.

Генерал М. И. Богданович по этому поводу пишет:

«Пленные, захваченные изюмцами, дали сведения о присутствии их императора при наступавших войсках. Современники уверяют, что появление Наполеона оказывало на противников его какое-то неизъяснимое действие и что у многих храбрых людей при встрече с ним как бы опускались руки. Но ничто не могло поколебать Барклая-де-Толли» [21. С. 200].

«Настоящее поколение не может иметь понятия о впечатлении, какое производило на противников Наполеона известие о появлении его на поле сражения! — объясняет далее Михайловский-Данилевский. — Но Барклая-де-Толли оно не поколебало. О хладнокровии его можно было сказать, что если бы вселенная сокрушалась и грозила подавить его своим падением, он взирал бы без содрогания на разрушение мира. “Во всяком другом случае, — доносил он, — я бы заблаговременно ретировался, дабы при таком неравенстве в силах не терять весь

деташмент мой без пользы, но через офицеров, которых посылал я в главную квартиру, осведомился я, что большая часть армии еще не была собрана при Ландсберге, находилась в походе и никакой позиции взято не было. В рассуждении сего я почел долгом лучше со всем отрядом моим пожертвовать собою столь сильному неприятелю, нежели ретируясь привлечь неприятеля за собою и через то подвергнуть все армию опасности”» [94. С. 178–179].

Главные силы русской армии двигались чрезвычайно тяжело, так как обозы и артиллерия — все вязло в смешанной со снегом грязи разбитых дорог. Теперь уже для генерального сражения был выбран городок Прейсиш-Эйлау. Там Беннигсен рассчитывал соединиться с прусским корпусом генерала фон Лестока. Но туда еще надо было дойти. К тому же требовалось время для подготовки и занятия позиции. В связи с этим арьергарду князя Багратиона было приказано следовать за главными силами по возможности медленнее, чтобы выиграть драгоценное время.

Следует отметить, что сам князь Багратион с отрядами А. И. Маркова и К. Ф. Багговута отступал без значительного давления со стороны французов. Основные силы Наполеона — кавалерия Мюрата, корпуса Сульта и Ожеро и императорская гвардия — следовали по другой дороге, так что главная нагрузка пала на Барклая-де-Толли, который должен был «пожертвовать собой во имя стратегических интересов» [149. С. 122].

Генерал А. П. Ермолов в своих «Записках» рассказывает:

«Совсем не в том положении был отряд генерала Барклая-де-Толли. Против него соединились оба маршала с силами в пять раз превосходными. Ему оставалось отходить поспешнее, но он предпочел удерживать неприятеля; занимая позиции, принуждаем будучи оставлять оные, не всегда мог он то делать в порядке, и таким образом, потерявши множество людей и в положении весьма расстроенном, достиг он селения Гофф, лежащего в виду нашей армии. Тут он остановился, но выбрал для войск весьма порочную позицию. Селение Гофф простирается по долине, стесненной с обеих сторон крутыми возвышенностями. Он оставил его в тылу своем, и тогда как в продолжение дня неприятель беспокоил его многочисленною своею кавалерию, он усталую свою конницу расположил впереди селения, и ей не было другого отступления, как вдоль тесной улицы оного» [57. С. 79].

Конечно, Беннигсен пообещал Барклаю-де-Толли помощь, но пока ему можно было рассчитывать лишь на имеющиеся у него примерно пять тысяч человек. Ими Михаил Богданович распорядился так: за две версты до Гоффа, у селения Зинкен, он оставил передовой заслон, а остальные силы отошли к мосту

через реку. Зинкен был занят батальоном 20-го егерского полка, перед ним встали два эскадрона Изюмского гусарского полка и два конных орудия князя Яшвиля.

Через час после занятия позиции, то есть примерно в 15 часов, французский авангард приблизился к Зинкену, и Барклай-де-Толли отправил туда еще два эскадрона изюмцев с генералом И. С. Дороховым, который принял общее руководство над передовым отрядом.

У французов в авангарде шла легкая кавалерия и драгуны, которые встали справа от дороги. При этом часть 6-го драгунского полка была отряжена в тыл отряда Дорохова. Потом подтянулась французская конная артиллерия и начала обстрел. За полчаса огонь достиг такой плотности, что русские пушки лишились лошадей и прислуги — в живых остались лишь четыре канонира, так что генерал Дорохов предпочел оставить свою позицию. При этом французские драгуны атаковали и рассеяли отступающий батальон 20-го егерского полка, взяв в плен несколько человек, в том числе одного штаб-офицера.

Примерно на трети пути от Зинкена до Гоффа протекал ручей с очень крутыми берегами, и дорога проходила по мосту. Отошедший с потерями отряд Дорохова перешел через мост и расположился на другой стороне оврага. Чтобы преодолеть это препятствие, французские драгуны спешились, однако часть их вскоре была захвачена в плен контратакой генерала Дорохова.

Тем временем, по приказу Барклая-де-Толли, на дороге за мостом была поставлена конная рота, которую прикрывали четыре эскадрона изюмцев. В полуверсте позади от них, слева от дороги, встала вторая линия — Ольвиопольский гусарский, Костромской мушкетерский и 20-й егерский полки. На правый фланг — поросшую лесом возвышенность — был послан 1-й егерский полк, а 3-й, шефом которого был Барклай-де-Толли, направлен в лес на левый фланг и сразу вступил в бой с появившимися там французскими стрелками. Вскоре, чтобы обезопасить левый фланг от обхода, туда же был послан 20-й егерский полк.

Так Барклай-де-Толли встретил французов — с противоположной стороны к мосту подошла бригада легкой кавалерии генерала Кольбера из корпуса маршала Нея.

Командовавший авангардом маршал Мюрат приказал атаковать, не дожидаясь подхода пехоты. Но когда гусары и конные егеря начали переходить мост, по ним открыли огонь картечью конные орудия.

Французы спешно отошли и, выдвинув вперед артиллерию, открыли ответный огонь. Когда русские орудия замолчали,

французские конные егеря и гусары вновь бросились на мост, но были контратакованы кавалерией.

В своих «Записках» декабрист генерал-майор князь С. Г. Волконский рассказывает об этом бое:

«Оба полка устремились друг на друга, как две движущиеся стены и, подскакав на пистолетный выстрел, оба внезапно остановились, и только были слышны возгласы начальствующих: “Вперед”, “En avant”, но полки не двигались; но когда Изюмского полка эскадронный командир Гундерштруб отчаянно кинулся на французского эскадронного командира и свалил его с лошади, это было сигналом изюмцам двинуться вперед, и французский полк был опрокинут и преследуем» [36. С. 25].

Изюмские гусары в пылу преследования перешли мост вслед за французами и захватили несколько пленных. Наблюдая из второй линии за успехом изюмцев, ольвиопольцы без команды бросились вслед за ними к мосту. Это совершенно ненужное движение помешало изюмцам вовремя вернуться обратно за мост и перестроиться. В результате, наступление свежей французской кавалерии, огонь артиллерии, а также стесняющий сзади Ольвиопольский полк вызвали замешательство в Изюмском полку. В довершение ко всему, генерал Дорохов был сильно контужен и сброшен с лошади. Его подобрали и отвезли в тыл.

Узнав об этом, Барклай-де-Толли попытался вывести свою кавалерию из критического положения, приказав ольвиопольцам как можно скорее возвратиться на место, назначенное им по диспозиции. Все же это недоразумение позволило французской кавалерии окончательно переправиться по мосту на другой берег.

Захваченные гусарами Дорохова пленные показали, что при французском авангарде находится сам Наполеон. При этом Барклаю-де-Толли было доложено, что армия Беннигсена еще не успела занять выбранную позицию.

Таким образом, задача Михаила Богдановича оставалась прежней: любой ценой задержать продвижение французов. Поэтому он приказал двум батальонам Костромского мушкетерского полка[15] выдвинуться вперед к месту, где только что происходил кавалерийский бой. Однако было уже поздно — костромцы не успели выдвинуться, как были атакованы кавалерией маршала Мюрата.

С поразительным хладнокровием полк подпустил французов на шестьдесят шагов и дал залп. Тем не менее скоро стало очевидно, что переправу не удержать, и Костромской полк начал отступать к Гоффу. При каждом приближении противника батальоны останавливались, перестраивались в каре и встречали его огнем. Так, со значительными потерями, были отбиты три

атаки.

Барклай-де-Толли, «как всегда, хладнокровно и бесстрашно руководил боем» [5. С. 257], а Костромской полк, «отступая под барабанный бой, каждый раз разворачивался и отражал огнем атаку вражеской кавалерии» [5. С. 257–258].

После этого взбешенный Мюрат дал приказ атаковать русских целой кирасирской дивизией генерала д'Опу.

«Железные люди» легко опрокинули русских гусар и всей своей массой навалились на строй пехоты. Во всеобщей сумятице строй был сломан, а в бою это равносильно катастрофе. Костромцы обратились в бегство, а кирасиры рубили их и топтали конями, отбивая трофеи и захватывая десятки пленных. Полк был в буквальном смысле раздавлен, потеряв три знамени и несколько орудий.

Генерал А. П. Ермолов потом написал в своих «Записках»:

«Костромской мушкетерский полк противостал атаке кавалерии, но утомленный трудами целого дня, недолго сохранил надлежащую твердость. <…> По крайней мере, половина людей изрублена. Взяты знамена и состоящие при полках пушки.

Люди, которые успели укрыться за оградою садов, и егерские полки, при начале сражения в огородах расположенные, весьма ничтожную имели потерю» [57. С. 80].

«Я имел прискорбие видеть почти совершенную гибель сего бесподобного полка», — с горечью писал в своем донесении Михаил Богданович [149. С. 126].

Барон Марбо описывает этот эпизод сражения следующим образом:

«Русские решили остановиться на подступах к небольшому городу Ландсбергу и отстаивать его. Для этой цели они расположили восемь отборных батальонов на прекрасной позиции возле деревни Гофф. Их правый фланг опирался на эту деревню, левый фланг — на густой лес, а центр был защищен оврагом с очень крутыми склонами, через который можно было переправиться только по единственному очень узкому мосту. Центральную часть этой линии прикрывала восьмиорудийная батарея.

Прибыв к этой позиции вместе с кавалерией Мюрата, император не счел нужным дожидаться пехоты маршала Сульта, которая была еще в нескольких лье позади, и приказал атаковать русских нескольким полкам легкой кавалерии, которые, смело бросившись к мосту, переправились через овраг… Но, встреченные сильным ружейным огнем, наши эскадроны были в беспорядке отброшены в овраг, откуда выбрались с большим

трудом. Видя, что усилия легкой кавалерии не дают результата, император приказал заменить ее дивизией драгун. Атака этой дивизии была встречена так же и имела столь же плачевный результат. Тогда Наполеон приказал выдвинуть вперед ужасных кирасир генерала д'Опу, которые переправились по мосту через овраг под градом выстрелов и с такой скоростью бросились на ряды русских, что почти все они были буквально уложены на землю! В этот момент произошла ужасная бойня. Кирасиры, в ярости от того, что незадолго до этого потеряли своих товарищей гусаров и драгун, почти полностью уничтожили восемь русских батальонов! Все были убиты или взяты в плен. Поле битвы наводило ужас… Никто никогда не видел подобных результатов кавалерийской атаки. Император, чтобы выразить свое удовлетворение кирасирам, обнял их генерала в присутствии всей дивизии. В ответ д'Опу воскликнул: "Чтобы показать, что я достоин подобной чести, я должен погибнуть за Ваше Величество!" Он сдержал слово, потому что на следующий день погиб на поле битвы при Эйлау. Какие времена и какие люди!

Вражеская армия с высоты плато, расположенного позади Ландсберга, была свидетельницей уничтожения своего арьергарда. Она быстро отошла к Эйлау, а мы овладели городом Ландсбергом» [87. С. 201–202].

После разгрома Костромского мушкетерского полка французская кавалерия продолжила продвигаться вперед. Драгунская дивизия генерала Груши встала слева от Гоффа, тем самым прервав связь 1-го егерского полка с основным отрядом. В результате полк был прижат к лесу и, в конце концов, рассеян. При отступлении командир полка был ранен и взят в плен вместе с частью своих солдат.

Остатки отряда Барклая-де-Толли, преследуемые кирасирами и подошедшей пехотой, отходили через Гофф, теснясь на единственной узкой улице этой деревни. Относительный порядок сохраняли лишь 3-й и 20-й егерские полки.

К счастью, примерно в трехстах метрах за деревней отступавшие встретили подкрепление. Это были пять батальонов под начальством князя В. Ю. Долгорукова, которые Л. Л. Беннигсен прислал для поддержки ослабевшего арьергарда. Отряд генерала Долгорукова оперся левым флангом на дорогу — Барклай-де-Толли приказал ему оставаться на этой позиции и сдерживать французов с фронта. Сам он наскоро построил свои 3-й и 20-й егерские полки на левом фланге, а остатки Костромского полка были отправлены в резерв.

Вся эта позиция уже находилась в прямой видимости от Ландсберга, и арьергард был обязан всеми средствами остановить

продвижение неприятеля.

«В подкрепление генералу Барклаю-де-Толли, — рассказывает А. П. Ермолов, — отправлены из армии пять батальонов пехоты под командою генерал-майора князя Долгорукова, но средства сии недостаточны при всеобщем замешательстве, и его баталионы не менее рассеяны и много потерпели. Стесненные войска при отступлении чрез селение Гофф подверглись ужаснейшему действию неприятельской артиллерии. Неустрашимый генерал Барклай-де-Толли, презирая опасность, всюду находился сам; но сие сражение не приносит чести его распорядительности» [57. С. 80].

Не приносит чести? Странный вывод… Ведь Барклай-де-Толли выполнил приказ и задержал наступление Наполеона до самого вечера. К этому времени в его изрядно потрепанном отряде практически закончились патроны.

Но наступила ночь, и французы остановились. Лишь после этого Барклай-де-Толли получил приказ продолжить отступление к Прейсиш-Эйлау. Как писал Ермолов, «окончившееся сражение не допустило неприятеля беспокоить армию, расположенную при Ландсберге» [57. С. 81] — и это в корне противоречит его ранее приведенной оценке. Армия, благодаря упорству отряда Барклая-де-Толли, получила время отойти к Прейсиш-Эйлау и занять позицию для генерального сражения. За выполнение своей задачи Михаил Богданович заплатил дорогую цену — арьергард был практически разбит.

По оценке самого Барклая-де-Толли, высказанной им в донесении Л. Л. Беннигсену, «удержана была наша позиция, и через то армия от внезапного наступления всех неприятельских сил была защищена: таково было назначение и вся наша цель» [94. С. 182].

Генерал Ермолов потом критиковал Барклая-де-Толли за нерациональное использование местности при расположении войск. Он утверждал, что пехоту было бы «гораздо выгоднее поместить в селении и окружающих его огородах, обнесенных забором» [57. С. 80]. Да, это так, но если бы Барклай-де-Толли не растянул свои войска вне Гоффа, то французы легко обошли бы его, несмотря на довольно глубокий снег. А это означало бы гибель арьергарда и невыполнение поставленной перед ним задачи.

У генерала А. И. Михайловского-Данилевского читаем:

«Потеря наша под Гоффом неизвестна. На другой день после сего дела Барклай-де-Толли был ранен и не успел собрать сведений об утрате людей, пушек и знамен, а на третьи сутки произошло сражение Эйлауское. Огромностью своею оно

поглотило предшествовавшие арьергардные дела» [94. С. 182].

Сам Барклай-де-Толли заключил свое донесение Беннигсену о боях при Гоффе следующими словами:

«Мне и сотоварищам моим, в сем деле храбро сражавшимся, остается успокоиться тем, что удержана была наша позиция, и через то армия от внезапного наступления всех неприятельских сил была защищена: таково было наше назначение и вся наша цель, и если сие удалось, то вознаграждены все жертвы» [94. С. 182].

А вот что писал Фаддей Булгарин:

«Будучи почти разгромлен превосходными силами неприятеля под Янковом и Ландсбергом (23 и 24 января 1807 года), он удивил и своих и неприятелей своею стойкостью и непоколебимым упорством. Жертвуя собой и своим корпусом, Барклай-де-Толли дал время нашей армии собраться за Прейсиш-Эйлау» [31. С. 145].

Биограф Барклая-де-Толли В. Н. Балязин констатирует:

«Так как отряд его был подобен маленькой армии, баталия под Хофом во всем напоминала генеральное сражение — первое генеральное сражение в его жизни, которое он все же не проиграл, хотя и потерял больше двух тысяч человек и оставил поле боя неприятелю.

Потом битву под Хофом справедливо расценили как самое важное арьергардное сражение в этой кампании.

И то, как Барклай провел этот бой, тотчас же сделало имя его знаменитым во всей армии» [8. С. 206].

Прейсиш-Эйлау. Тяжелое ранение

А потом было знаменитое сражение при Прейсиш-Эйлау, в нем Барклай-де-Толли принял участие и, как пишет Булгарин, «более всех содействовал нашему успеху, защищая город с величайшим упорством» [31. С. 145].

По оценкам военного историка Дэвида Чандлера, в этом сражении «в распоряжении Наполеона было 45 000 человек», а еще поблизости находились 14 500 человек маршала Нея, и спешно подходили 15 100 человек маршала Даву. Беннигсен имел 67 тысяч человек, развернутых для боя, а еще девять тысяч пруссаков генерала фон Лестока готовы были подойти на следующий день. При этом у Наполеона было всего 200 пушек против 460 у русских [147. С. 333].

Объем книги не позволяет в деталях описывать это сражение. Можно лишь сказать, что оно было одним из самых трудных из всех, в которых когда-либо участвовали и русские, и французские

солдаты. Мороз достигал тридцати градусов, снежная буря не прекращалась ни на минуту, так что невозможно было увидеть, что происходит в пятидесяти метрах.

В восемь утра раздались первые выстрелы, а к девяти часам город уже был охвачен пламенем, и «расстилающийся покров темного дыма еще более усугубил общую мрачность картины» [147. С. 336].

В своих «Записках» генерал А. П. Ермолов пишет:

«Неприятель атаковал гораздо в больших силах; умножились батареи, которые покровительствовали движению колонн, и мы, не в состоянии будучи противиться, получили приказание отступить и присоединиться к армии. Неприятель тотчас явился на нашей позиции и по следам шел за нами. Удачно исполнил я приказание с конными орудиями прикрывать войска, пока войдут они в Прейсиш-Эйлау. Лишь только вошел я в ворота, неприятель подвел свои колонны и приступил к атаке местечка, которого оборона возложена на генерала Барютая-де-Толли, и отряд его умножен свежими войсками. Несоразмерность сил не дозволила извлечь пользу из стен и заборов, окружающих местечко; стрелки неприятельские явились на них, вредили в улицах и толпами спускались в ближайшие дома. Не раз наша пехота выгоняла их штыками, и местечко сохранили мы во власти до тех пор, как храбрый генерал Барклай-де-Толли получил тяжелую рану» [57. С. 83–84].

Д. В. Давыдов, также участвовавший в этом сражении в чине поручика гвардии и в качестве адъютанта князя Багратиона, уточняет:

«Несмотря на все наши усилия удержать место боя, арьергард оттеснен был к городу, занятому войсками Барклая, и ружейный огонь из передних домов и заборов побежал по всему его протяжению нам на подмогу, но тщетно! Неприятель, усиля решительный натиск свой свежими громадами войск, вломился внутрь Эйлау. Сверкнули выстрелы его из-за углов, из окон и с крыш домов, пули посыпались градом, и ядра занизали стеснившуюся в улицах пехоту нашу, еще раз ощетинившуюся штыками. Эйлау более и более наполнялся неприятелем. Приходилось уступить ему эти каменные дефилеи, столько для нас необходимые. Уже Барклай пал, жестоко раненный, множество штаб- и обер-офицеров подверглись той же участи или были убиты, и улицы завалились мертвыми телами нашей пехоты. Багратион, которого неприятель теснил так упорно, так неотступно, числом столь несоизмеримым с его силами, начал оставлять Эйлау шаг за шагом. При выходе из города к стороне позиции он встретил главнокомандующего, который, подкрепя

его полною пехотною дивизиею, приказал ему снова овладеть городом во что бы то ни стало, потому что обладание им входило в состав тактических его предначертаний. И подлинно, независимо от других уважений, город находился только в семистах шагах от правого фланга боевой нашей линии. Багратион безмолвно слез с лошади, стал во главе передовой колонны и повел ее обратно к Эйлау. Все другие колонны пошли за ним спокойно и без шума, но при вступлении в улицы все заревело ура, ударило в штыки — и мы снова овладели Эйлау» [49. С. 211–212].

Лишь ночь прекратила кровопролитие.

Давыдов оценивает потери обеих армий следующим образом:

«Урон наш в этом сражении простирался почти до половинного числа сражавшихся, то есть до 37 000 человек убитых и раненых: по спискам видно, что после битвы армия наша состояла из 46 800 человек регулярного войска и 2500 казаков. Подобному урону не было примера в военных летописях со времени изобретения пороха.

Оставляю читателю судить об уроне французской армии, которая обладала меньшим числом артиллерии против нашей и которая отбита была от двух жарких приступов на центре и на левом фланге нашей армии» [49. С. 226].

В «Мемуарах» барона Марбо, служившего тогда капитаном при штабе маршала Ожеро, читаем:

«С самого момента изобретения пороха никто никогда не видел столь ужасных последствий его применения. С учетом количества войск, сражавшихся в битве при Эйлау, относительные потери в этом сражении были самыми большими по сравнению с другими крупными сражениями в прошлом или настоящим. Русские потеряли 25 000 человек. Количество французов, пораженных огнем или сталью, оценивают в 10 000, но я считаю, что с нашей стороны погибло и было ранено, по меньшей мере, 20 000 солдат. В целом обе армии потеряли 45 000 человек, из которых свыше половины — убитыми!

Корпус Ожеро был уничтожен почти полностью. Из 15 000 бойцов, имевших оружие в начале сражения, к вечеру осталось только 3000 под командованием подполковника Масси. Маршал, все генералы и все полковники были ранены или убиты» [87. С. 205].

Сильно пострадал и Барклай-де-Толли. Он был ранен осколком в правую руку, что вызвало множественный перелом кости.

Считается, что большая часть ранений в то время приходилась на руки и ноги — но это связано с анализом ран

солдат и офицеров, поступивших в госпитали, а тут все дело состоит в том, что более серьезные раненые чаще всего просто не доживали до госпиталя, а посему их учет был затруднен. В большинстве своем ранения в голову, в грудь и в живот оказывались смертельными уже на поле боя.

Михаилу Богдановичу повезло — его, находившегося в беспамятстве, подобрал и вывез из пекла сражения унтер-офицер Изюмского гусарского полка Дудников. Затем генерала перевезли в Мемель — ныне литовский город Клайпеда.

О том, что произошло дальше, читаем у Михайловского-Данилевского:

«При конце боя Барклай-де-Толли был ранен пулей в правую руку с переломом кости. Рана сия положила основание изумительно быстрому его возвышению. Отправясь для излечения в Петербург, Барклай-де-Толли был удостоен посещений императора Александра и продолжительных с ним разговоров о военных действиях и состоянии армии. Во время сих бесед Барклай-де-Толли снискал полную доверенность монарха: был под Эйлау генерал-майором, через два года он является генералом от инфантерии и главнокомандующим в Финляндии, через три военным министром, а через пять лет представителем одной из армий, назначенных отражать нашествие Наполеона на Россию» [94. С. 187].

Император Александр I

На самом деле все было не совсем так. Сначала в Мемель приехал личный врач Михаила Богдановича М. А. Баталин. Он осмотрел рану и констатировал печальный факт — она очень тяжелая. Собрать обломки раздробленных костей он не смог и предложил уповать на компрессы и лекарства.

Рука очень сильно болела, однако «ампутировать ее Барклай не разрешал, надеясь на то, что организм возьмет свое, и он выздоровеет» [8. С. 210].

По счастью, император Александр, заехавший по необходимости в Мемель, послал к раненому своего лейб-медика Джеймса Виллие. Опытный англичанин вынул из раны тридцать две мелкие косточки. Во время тяжелейшей и весьма болезненной операции Михаил Богданович вел себя мужественно и не проронил ни звука.

После операции к Барклаю-де-Толли явился Александр I, то есть произошло это не в Санкт-Петербурге, а непосредственно в Мемеле. До этого, кстати, генерал всего дважды видел императора и никогда не разговаривал с ним.

Вряд ли визит государя был простым проявлением вежливости — Александру нужны были помощники, преданные и с немалыми талантами, и он искал их повсюду. Барклай-де-Толли полностью отвечал этим требованиям: он был отважен, честен, далек от каких-либо интриг и обладал обширными познаниями в военном деле.

Кроме того, императора могли интересовать личные впечатления генерала о минувшей кампании, о сражении при Прейсиш-Эйлау и, в более широком смысле, о способах ведения войны с непобедимым доселе Наполеоном.

Естественно, Александр I поинтересовался, не нужна ли Барклаю-де-Толли материальная помощь, на что тот ответил, что ни в чем не нуждается.

Доктор Баталин так описывал эту сцену в своем письме А. В. Висковатову:

«Барклай-де-Толли, сидя за столом, читал книгу. <…> Сын его и я, также занятые чтением, увидели, что в дверь вошел его императорское величество государь император Александр Павлович. Генерал, увидя его, желал встать, но не мог, и государь, подойдя к нему и положа руку на голову, приказал не беспокоиться и спросил, кто с ним находится, на что генерал отвечал, что сын его и полковой медик; потом спросил, как он чувствует себя после операции и требовал объяснения бывшего Прейсиш-Эйлауского сражения, чему генерал сделал подробное объяснение. По окончании сего государь изволил спросить, не имеет ли он в чем нужды, на что он донес, что не имеет, а так как объявлен ему в тот день чин генерал-лейтенанта, посему он обязан еще сие заслуживать.

Во все время бытности государя супруга генерала была в нише, задернутой пологом, и слышала все происходившее, и, когда государь изволил выйти, она тотчас встала с кровати и, подойдя к генералу, с упреком ему выговаривала, что он скрыл от государя свое недостаточное состояние, и генерал, желая остановить неприятный ему разговор, сказал, что для него сноснее перенести все лишения, нежели подать повод к заключению, что он недостаточно награжден государем и расположен к интересу. После сего, недели через четыре, можно бы было, по мнению моему, сделать переезд в Лифляндскую его деревню, но, не имея чем расплатиться с хозяином дома за квартиру и содержание, ожидал присылки денег от двоюродного брата своего, рижского бургомистра Барклая-де-Толли и, получа оные, весной отправился в Ригу, откуда в имение свое Бекгоф, где и находился до выздоровления» [134. С. 46].

Как видим, при отъезде из Мемеля Барклаю-де-Толли нечем

было даже заплатить за квартиру и он вынужден был ждать денег от двоюродного брата. Так что у его жены были все основания упрекать Михаила Богдановича за то, что он не рассказал императору о своем материальном положении.

Положение Барклая-де-Толли и в самом деле не было завидным. Не имея своих крепостных, усадьбы и доходных земель, он жил лишь на одно жалованье. Оно выплачивалось за чин. Были в армии также еще «столовые» и «квартирные» деньги, но в сумме этого обычно не хватало даже на самые необходимые вещи. Еще в 1801 году Михаилу Богдановичу была обещана так называемая «аренда»[16], но вопрос этот по каким-то причинам не решался.

Кстати, в июне 1803 года Барклай-де-Толли просил императора о помощи. Тогда он писал, что никогда не стал бы просить милости, если бы его «совершенное неимущество» к этому не принуждало. Далее он ссылался на то, что у него нет собственного имения, зато на нем лежит воспитание малолетних детей[17], а оно дорого стоит…

После встречи с императором дела Барклая-де-Толли переменились в лучшую сторону. То ли Александр вспомнил о прошении Михаила Богдановича, то ли выяснил, каково подлинное состояние раненого генерала, гордо отказавшегося от всякой помощи, но в тот же самый день (9 апреля) он получил чин генерал-лейтенанта и был награжден сразу двумя орденами — русским Святого Владимира 2-й степени и прусским Красного Орла.

А в конце апреля 1807 года Михаил Богданович был назначен командиром 6-й пехотной дивизии — вместо умершего генерала А. К. Седморацкого, и Александр I «написал в своем указе, что верит в то, что Барклай-де-Толли воспримет это назначение как новый знак доверенности императора» [105. С. 169]. Дивизия находилась в резерве, а рана помешала Михаилу Богдановичу принять участие в окончании войны…

Лечился дома, в Санкт-Петербурге. Пальцы правой руки двигались плохо, рука противно ныла и отдавала пронизывающей болью при каждом неловком движении. Барклай-де-Толли постоянно посещал свою дивизию, которая проходила переформирование в Петербургской губернии. Так, в заботах о здоровье и вверенных ему войсках, он узнал, что 12 июня было ратифицировано перемирие, а 25 июня (7 июля) 1807 года с Наполеоном был подписан Тильзитский договор о мире, полный уступок со стороны России.

Глава четвертая
Война в Финляндии

Вторжение

Стыд Тильзита быстро забылся, зато император Александр решил начать согласованное с Наполеоном расширение Российской империи на севере и на юге. В частности, для того чтобы «оградить покой и безопасность Санкт-Петербурга», было задумано завоевать Финляндию.

Фаддей Булгарин, участвовавший и в шведской кампании 1808 года, пишет:

«Не касаюсь вовсе политических причин к разрыву мира между Россией и Швецией, изложенных А. И. Михайловским-Данилевским в его “Описании финляндской войны”. Явною причиной к войне было упорство шведского короля Густава IV к соединению с Россией, Францией и Данией противу англичан, и к закрытию для них гаваней, вследствие обязательства, принятого императором Александром по Тильзитскому трактату. Это официальная причина, объявленная в манифесте.

Но в существе Россия должна была воспользоваться первым случаем к приобретению всей Финляндии, для довершения здания, воздвигнутого Петром Великим. Без Финляндии Россия была неполною, как будто недостроенною. Не только Балтийское море с Ботническим заливом, но даже Финский залив, при котором находятся первый порт и первая столица империи, были не в полной власти России, и неприступный Свеаборг, могущий прикрывать целый флот, стоял, как грозное привидение, у врат империи. Сухопутная наша граница была на расстоянии нескольких усиленных военных переходов от столицы» [31. С. 91].

«Как бы то ни было, — читаем мы дальше у Булгарина, — но в Тильзите было решено, что Финляндия должна принадлежать России. Началось, как водится, бумажною перестрелкою дипломатическими нотами, но шведский король никак не хотел верить, что Россия начнет войну, и не делал никаких приготовлений к защите Финляндии. С нашей стороны не было также больших усилий. Когда шведский король не только не соглашался на союз с Россиею и Данией, но даже перестал отвечать на ноты русского двора, император Александр повелел трем дивизиям — 5-й генерала Тучкова 1-го, 17-й графа Каменского и 21-й князя Багратиона — выступить из Эстляндской и Витебской губерний к границе Финляндской. Всего в трех

дивизиях было до 24 000 человек с нестроевыми. Всей кавалерии было: Гродненский гусарский (ныне Клястицкий) полк, Финляндский драгунский, Лейб-казачий (состоявший тогда из двух эскадронов) и казачий Лощилина» [31. С. 94].

Михайловский-Данилевский указывает, что «при открытии похода числительная сила войск простиралась до 24 000 всех чинов, включая нестроевых» [93. С. 9].

* * *

Итак, в конце января 1808 года русские войска вторглись в Финляндию, бывшую тогда провинцией Шведского королевства.

«Пехотные полки были совершенно расстроены, после последней Прусской кампании (1806 и 1807 годов) и, кроме того, лишились множества людей от болезней (злокачественных горячек), свирепствовавших в Литве» [31. С. 95]. Войска не успели получить хорошее обмундирование, имели место большие проблемы с обозами. Но это никого не остановило, ибо «никто не думал, что эта война окажется тяжелой, — все дело предполагалось закончить к весне того же года» [5. С. 304].

Через Санкт-Петербург войска проходили ночью, чтобы жители столицы не могли увидеть всю степень их расстройства.

Три вышеуказанные пехотные дивизии были объединены в корпус, командование которым было поручено 58-летнему Федору Федоровичу Буксгевдену, прусскому графу, служившему еще при Екатерине Великой, которого император Павел I «5 апреля 1797 года пожаловал графом Российской империи и через полтора года произвел в генералы от инфантерии» [54. С. 188].

Колонна Н. А. Тучкова 1-го из Нейшлота двинулась на север, на Куопио, чтобы занять Саволакскую область и контролировать восточную часть Финляндии; колонна князя П. И. Багратиона должна была идти на Тавастгус — в центр страны; колонна графа Н. М. Каменского, сменившего ранее командовавшего этой дивизией князя А. И. Горчакова 1-го, — шла по берегу Финского залива на Гельсингфорс, имея главной целью крепость Свеаборг.

У Фаддея Булгарина, служившего под началом графа Каменского, читаем:

«Стоит взглянуть на карту Финляндии, чтобы удостовериться в трудности воевать в этой стране. Только берег Ботнического залива, от Аландских островов до Улеаборга, покрыт небольшими равнинами и лугами и имеет хотя немноголюдные, но порядочные города. Если же провести прямую черту от Або до Улеаборга, то вся Финляндия, на восток за этой чертой, состоит

из бесчисленного множества озер и скал, в некоторых местах довольно высоких, как будто взгроможденных одна на другую и везде почти непроходимых. Небольшие долины, между скалами, завалены булыжником и обломками гранитных скал и пересекаемы быстрыми ручьями, а иногда и речками, соединяющими между собою озера. Некоторые долины заросли непроходимыми лесами» [31. С. 96].

* * *

«Много было толков насчет времени, когда удобнее начинать действия. Некоторые предлагали перейти границу немедленно, другие советовали отсрочить до весны.

Выгоды зимней кампании состояли в том, что Швеция не была еще в готовности. Финские полки, рассеянные по всему пространству Финляндии, не начинали еще собираться; шведские — еще не прибыли на театр действия. Финляндская область лишена была тех естественных преград, коими она, освобожденная от льдов и снегов, изобилует. Свеаборгская крепость не была ни совершенно вооружена для регулярной обороны, ни достаточно снабжена военными и съестными потребностями. Сверх того, расположенная на островах, она доступнее зимою, чем по вскрытии льдов, тем более, что некоторые из укреплений требовали еще окончательной достройки; да и те, кои были достроены, имели предметом защиту гавани; следовательно, весь отпор их обращен был к морю, а не к твердой земле, откуда должны были производиться осада или приступ. Не в лучшем положении находились и прочие укрепления северного берега Финского залива» [50. С. 107–108].

В самом деле, шведских и финских войск в тот момент в Финляндии было всего 15 тысяч человек. Кроме того, имелось до четырех тысяч человек милиции, а вся кавалерия насчитывала не более восьмисот человек. Из общего числа до семи тысяч человек находилось в крепости Свеаборг, а 700 человек — в Свартгольме, и это означало, что для защиты очень большой территории оставалось только 11 300 человек.

Шведскими войсками в Финляндии командовал генерал Клеркер, который, «не имея предписаний от своего правительства, не мог делать никаких приготовлений к войне, и войско было расположено на зимних квартирах на огромном пространстве» [31. С. 97].

Однако, получив известие от шведского посла в Санкт-Петербурге, что русские намереваются вступить в Финляндию,

этот генерал собрал до пяти тысяч человек в Тавастгусе, усилил пограничные посты и велел всем войскам собираться на назначенных пунктах и запасаться провиантом и фуражом. Тем не менее ни в Швеции, ни в Финляндии все еще не хотели верить, что русские начнут войну в столь суровое время года.

Но они начали. Несмотря на то что официально война не была объявлена, 8 (20) февраля 1808 года русские войска перешли через границу.

Д. В. Давыдов, находившийся зимой 1808 года в действующей армии, пишет:

«В конце января армия наша расположена была между Фридрихсгамом и Нейшлотом. Она состояла из трех дивизий: 5-й, 17-й и 21-й. <…> Пятая дивизия разделена была на три отделения: два, под личным надзором дивизионного командира, находились в окрестностях Нейшлота, одно, под командою генерала Булатова, — в окрестностях Вильманстранда» [49. С. 259].

Первым из русских, кто заплатил своей жизнью за приобретение для России Финляндии, стал капитан Родзянко, Финляндского драгунского полка. С ним пало еще несколько драгун — и этим открылись военные действия, которые продлятся гораздо дольше, чем было запланировано. Тем не менее «война в Финляндии во время самого разгара своего не обратила на себя взоров ни граждан, ни военных людей. Не до того было общему любопытству, утомленному огромнейшими событиями в Моравии и в Восточной Пруссии, чтобы заниматься войною, в коей число сражавшихся едва ли доходило до числа убитых и раненых в одном из сражений предшествовавших войн» [50. С. 105].

Как видим, общественное мнение поначалу явно недооценивало эту войну, но скоро всем станет понятно, что подобное к ней отношение было ошибочным.

* * *

Мороз в ту зиму стоял ужасный, но 18 февраля русский главнокомандующий граф Буксгевден вступил в Гельсингфорс — в городе было найдено 19 орудий, 20 тысяч ядер и четыре тысячи бомб, а все стоявшие в этом районе шведские войска укрылись в крепости Свеаборг.

23 февраля генерал Клеркер отступил к Таммерфорсу, предписав стягиваться туда же всем разбросанным по территории северной Финляндии отрядам.

Вслед за тем и Тавастгус был занят русскими войсками.

Русские шли вперед, выгоняя отряды противника из занимаемых ими населенных пунктов. Главнокомандующий с главными силами довольно быстро отрезал Свеаборг. Князь Багратион с отрядом численностью до пяти тысяч человек пошел на Тавастгус, а Тучков 1-й с тремя тысячами человек — в самую восточную часть Финляндии, в Саволакскую область, для занятия Куопио.

Между тем к шведскому войску прибыл из Стокгольма 65-летний граф Вильгельм-Мориц Клингспор и принял над ним главное начальство, сменив растерявшегося и потерявшего управление генерала Клекнера. Этот опытнейший генерал — скоро он будет произведен в фельдмаршалы, сосредоточивая свои силы, быстро стал отступать к северу, приближаясь к морю. Его преследовал от Тавастгуса князь П. И Багратион, а потом, по морскому берегу, — генерал Н. А. Тучков 1-й в соединении с генералом Н. Н. Раевским[18], отряд которого был выделен князем Петром Ивановичем, тогда как самому князю было предписано остановиться, чтобы занять огромное пространство между Або, Васой и Тавастгусом.

Соединившись, Тучков и Раевский пошли за Клингспором, продолжившим отступление на север, к Улеаборгу.

В это же время сам Буксгевден приступил к блокаде Свеаборга — самой мощной шведской крепости в Финляндии, которую шведы называли «Гибралтаром Севера». Гарнизон крепости насчитывал 7500 человек при 200 орудиях, запасы снарядов, пороха и продовольствия были рассчитаны на многомесячную осаду.

На первый взгляд все развивалось довольно успешно, но вот у Булгарина мы находим уже несколько иную оценку происходившего:

«На всех пунктах были частые стычки и арьергардные дела с незначительной с обеих сторон потерею. Но если шведы претерпевали нужду и трудности в отступлении, то русские страдали вдесятеро более от тяжких переходов и недостатка продовольствия. Из Петербурга высылаемы были запасы в большом количестве, но по недостатку подвод не могли поспевать впору. Стужа была сильная, и снега глубокие. Наши передовые войска шли на лыжах. Пушки и зарядные ящики везли на полозьях» [31. С. 98–99].

* * *

Формальное объявление войны с русской стороны последовало лишь 16 марта 1808 года, когда было получено известие, что шведский король Густав IV Адольф, узнав о переходе русских войск через границу, приказал арестовать всех чинов русского посольства, находившихся в Стокгольме.

До этого король, «несмотря на многочисленные слухи о готовящейся против него агрессии, с разных сторон доходившие до Стокгольма, не предполагал, что его шурин[19] и давний союзник император Александр решится напасть на него» [5. С. 305].

После ареста русского посланника последовала грозная декларация о том, что России «нанесено вопиющее оскорбление». На самом деле, к этому времени русские войска уже вовсю хозяйничали в Финляндии, и вся эта история явно напоминала басню И. А. Крылова о взаимоотношениях волка и ягненка…

Впрочем, «вовсю хозяйничали» — это слишком громко. Фаддей Булгарин, лично на себе испытавший все «прелести» боевых действий в Финляндии, описывал их так:

«Дни и ночи надлежало проводить на снегу, в мороз и метели — но русские шли без ропота вперед, изгоняя шведов штыками из всех их позиций, и таким образом в конце марта 1808 года вся Финляндия, исключая Улеаборгскую область, была покорена и очищена от неприятельских войск. Важнейший пункт, Аландские острова, занят был почти без сопротивления майором свиты Его Величества по квартирмейстерской части (ныне генеральный штаб) Нейдгардтом, который с партиен) казаков прогнал слабые шведские команды с островов. Полковник Вуич занял острова с частью 25-го егерского полка. Свеаборг был осажден частью отряда графа Каменского. Сам главнокомандующий находился попеременно то в Гельсингфорсе, то в Або. В Куопио, по выходе оттуда Тучкова 1-го для преследования Клингспора, находился генерал-майор Булатов со слабым отрядом. Оставалось только взять Свеаборг и прогнать Клингспора за Торнео, чтобы кончить полное завоевание Финляндии, и в этом граф Буксгевден нисколько не сомневался. В Петербурге и во всей Европе почитали Финляндию уже покоренной» [31. С. 99].

Конец «волшебного сна»

Между тем на севере Финляндии дела вдруг приняли весьма неблагоприятный для России оборот. Отряд Тучкова 1-го из-за постоянного отделения от него команд и гарнизонов значительно уменьшился. Булгарин не скрывал своего возмущения по этому поводу:

«Мы почти всегда дрались начистоту, грудь против груди! Однако после изобретения огнестрельного оружия самая пылкая храбрость должна иногда уступить искусству. Каким образом граф Буксгевден надеялся опрокинуть, разбить и даже отрезать Клингспору ретираду от Улеаборга, и принудить к сдаче, когда у Клингспора было под ружьем до 13 000 человек с значительной артиллерией, а у генерала Тучкова 1-го, высланного для его преследования, было всего <…> 4600 человек, и когда в отряде генерала Булатова, выступившего из Куопио <…> для отрезания Клингспора, было всего 1500 человек!

Можно ли было на верное полагать[20], что наши 6000 человек, утружденные тяжкими переходами и всякого рода лишениями, побьют и опрокинут 13 000 храбрых солдат, защищающих последние пределы отечества! Но велено действовать, и Булатов выступил из Куопио, оставив там слабый отряд и преследуя Саволакскую бригаду генерала Кронштедта, отступавшую перед ним, прибыл 12 апреля в Револакс, несколько впереди Брагештадта, только в 18-ти верстах от Сикаиоки, где находился авангард Кульнева. Корпус Тучкова стоял в Пикайоки, а Клингспор со всеми своими сосредоточенными силами у Лиминго и Лумиоки. Это место составляет крайнюю точку перед Улеаборгом и было последним оплотом шведов в Финляндии.

Здесь дела приняли совершенно другой оборот и разрушили все надежды графа Буксгевдена» [31. С. 99—100].

В конце марта Тучков 1-й с Раевским начали наступательные движения от Гамле-Карлеби против Клингспора, который вдруг стал отступать медленнее прежнего, ожидая прихода Саволакской бригады генерала Кронштедта и присоединения различных частей, следовавших к нему с тыла.

Отважный генерал Я. П. Кульнев, разбив шведский арьергард у Пикайоки, вынудил противника отойти до деревни Сикаиоки. Но там шведы остановились на сильной позиции, получили подкрепление и 6 (18) апреля решительным контрударом опрокинули Кульнева.

Генерал А. И. Михайловский-Данилевский по этому поводу пишет:

«Храбрый воин, но не стратегик, Кульнев не соразмерял сил своих с силами неприятеля, разделяя общее <…> убеждение, что отступлению шведов не будет конца, и стоит только для того идти вперед и живо атаковать» [93. С. 83].

Булгарин называет Якова Петровича «нетерпеливым Кульневым» [31. С. 101], у которого было всего три батальона пехоты, два эскадрона Гродненских гусар, триста донских казаков и шесть орудий. Ободренный прежними успехами, он повел атаку

прямо на центр шведской позиции, находившейся на высоте между непроходимыми лесами. Результат этого был печален. Русские солдаты мужественно сопротивлялись, но были подавлены численно превосходящим противником, потеряв до 350 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен.

Это было первое наше поражение. Впрочем, оно «не представило никакой выгоды противнику: шведы сами с рассветом следующего дня отступили» [67. С. 39]. Но, как пишет Булгарин, «главная выгода шведов состояла в том, что этим сражением разрушилось очарование насчет нашей непобедимости» [31. С. 101].

* * *

После этого Клингспор двинулся на Револакс, где 15 апреля участь Кульнева постигла сводный отряд из 1500 человек генерала М. Л. Булатова. Рано утром шведы произвели неожиданное нападение на русских. Отряд Булатова долго сдерживал натиск шведов, но потом один батальон Пермского полка был опрокинут и отступил к Сикаиоки, бросив бывшее при нем орудие и не уведомив генерала о своем отступлении.

Оставшись с горстью храбрецов, Булатов решил сражаться до последней капли крови. Раненный два раза, он гордо ответил на предложение о сдаче, что «честь русского солдата повелевает умереть с оружием в руках» [31. С. 102].

В конечном итоге генерал был окружен со всех сторон. Он дал команду пробиваться штыками, но раненный в третий раз — пуля прошла навылет, рядом с сердцем, упал без чувств и был взят в плен с остатком своих людей, бившихся до истощения последних сил…

Под Револаксом русские «потеряли три орудия, девять зарядных ящиков и до 500 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен. Отряд Булатова был совершенно истреблен. Шведы приняли храброго Булатова и пленных его сподвижников с уважением и почестью, отдавая полную справедливость их геройскому мужеству» [31. С. 102]. Михаил Леонтьевич был отправлен в Стокгольм и перенес там тяжелейшую операцию. В феврале 1809 года ему предложили свободу в обмен на обещание не воевать больше против шведов и их союзников, но он отказался, после чего ему было разрешено уехать в Россию без каких-либо условий. Уже в России он был оправдан военным судом и направлен для продолжения службы в Молдавию…

Но и это, как говорится, было еще не все.

К генералу Булатову шел из Куопио полковник Обухов с тремя ротами Могилевского пехотного полка и тремя орудиями, прикрывая обозы и транспорт со съестными припасами. Узнав об этом, граф Клингспор немедленно отрядил на перехват русской колонны полковника Йогана-Августа Сандельса с тремя тысячами человек и шестью орудиями.

Генерал Тучков 1-й отправил к Обухову курьера с приказом возвратиться в Куопио, но его перехватили финские крестьяне и доставили к Сандельсу. Обухов, ничего не зная о произошедшем, шел вперед и только в Пулхило, в пяти переходах от Револакса, узнал, что против него идут значительно превосходящие его по численности шведы. Отойти было уже нельзя, и полковник решил принять неравный бой. В это время Сандельс присоединил к своему отряду еще несколько сотен вооруженных крестьян, а затем обошел и окружил малочисленный русский отряд. Бой продолжался четыре часа. Половина отряда была перебита, остальные, в том числе и получивший тяжелое ранение полковник Обухов, взяты в плен. Одно орудие было сброшено русскими в воду, а с двумя другими штабс-капитан Могилевского полка Сербии сумел чудом уйти и прибыть к Тучкову.

После этих событий Н. А. Тучков оказался в весьма неприятном положении. Имея не более пяти тысяч человек под ружьем, он и сам мог быть окружен Клингспором. В результате генерал начал отступать и 21 апреля прибыл в Гамле-Карлеби. Там он остановился, однако граф Клингспор, как рассказывает Фаддей Булгарин, «не мог воспользоваться своим преимуществом, потому что в это время наступил перелом в природе, во время которого в Финляндии все должно уступить ее силе. Началась оттепель, предвестница весны, в этом году весьма ранней. Снега стали быстро таять, и с гор хлынула вода в виде водопадов, долины превратились в озера, ручьи — в огромные и быстрые реки, ниспровергая мосты и плотины. Финляндия представляла первобытный хаос. Все движения войск должны были прекратиться к счастью отряда Тучкова — но нравственное чувство вспыхнуло в финском народе. Во время двухмесячного отступления шведских войск народ в Финляндии упал духом, и многие финские офицеры и солдаты уже намеревались оставить шведское войско и возвратиться в свои семейства. Сельские жители не смели сопротивляться, почитая русских непобедимыми. После неудачи Кульнева под Сикаиоки, истребления отрядов Булатова и Обухова и ретирады Тучкова Финляндия как будто воспрянула от волшебного сна. Клингспор раздавал прокламации короля, приглашавшие финнов к восстанию и истреблению неприятеля всеми возможными

средствами» [31. С. 103–104].

В результате, по всей Финландии вспыхнул бунт, распространившийся почти до русской границы.

У Фаддея Булгарина читаем:

«Все финские поселяне — отличные стрелки, и в каждом доме были ружья и рогатины. Составились сильные пешие и конные толпы, которые под предводительством пасторов, ландманов (почти то же, что капитан-исправник) и финских офицеров и солдат (распущенных по домам после сдачи Свартгольма) нападали на слабые русские отряды, на госпитали, и умерщвляли немилосердно больных и здоровых. Разъяренная чернь свирепствовала! Множество транспортов со съестными припасами и амуницией и магазины были разграблены. Возмущение было в полной силе, и народная война кипела со всеми своими ужасами» [31. С. 104].

Но и этого было мало. Полковник Сандельс, отправленный графом Клингспором в Куопио, шел тем же самым путем, по которому совсем недавно следовали генерал Булатов и полковник Обухов, — повсюду его встречали с огромным энтузиазмом, и вооруженные толпы финских охотников присоединялись к нему на каждом переходе.

«Странное» взятие Свеаборга и Свартгольма

На морском берегу, где в это время находился с главными силами главнокомандующий граф Ф. Ф. Буксгевден, важнейшими событиями стали покорение крепостей Свеаборг и Свартгольм. Обе они капитулировали после довольно продолжительной осады: Свартгольм сдался 6(18) марта, Свеаборг — 22 апреля (4 мая) 1808 года.

Интересно отметить, что Свеаборг, «крепость первого класса, коей порт может поместить до шестидесяти военных кораблей» [50. С. 106], подвергли двенадцатидневной бомбардировке, но исход баталии «решили не сталь и свинец, а золото. Ибо согласно знаменитому афоризму римского полководца Суллы, “стены крепости, которые не могут преодолеть легионы, легко перепрыгивает осел, нагруженный золотом”. Каменский просто подкупил коменданта Свеаборга вице-адмирала Карла-Улофа Кронштедта» [150. С. 339].

«Свеаборгская крепость покорилась нашему оружию. Шведские войска, защищавшие ее и составлявшие седьмую часть гарнизона, отправлены были пленными в Выборг, но около шести тысяч финских войск распущены были по домам с паспортами» [49. С. 274].

В Свеаборге русские захватили множество орудий, огромные запасы всякого рода и шведскую гребную флотилию в составе ста с лишним судов.

Относительно обстоятельств взятия этих двух важных крепостей Михайловский-Данилевский пишет следующее:

«Из переписки графа Буксгевдена можно вывести догадки, что к покорению Свартгольма были употреблены такие же средства, какие и против Свеаборга, но верных доказательств на то в делах не находится» [93. С. 58].

А вот что рассказывает Фаддей Булгарин:

«На представление графа Буксгевдена к награде генералов и офицеров за взятие Свеаборга, военный министр граф Аракчеев отвечал (от 29 июля): “Государь изволил полагать, что при взятии крепости войска не столько участвовали, а успех приписывает единственно благоразумной предусмотрительности вашей”.

Дело хотя и неясное, но довольно понятное. Душой переговоров с комендантом Свеаборга генералом Кронштедтом был инженер-генерал П. К. Сухтелен, и он склонил шведского генерала к сдаче, убедив в бесполезности обороны крепости, которой рано или поздно надлежало пасть от русского оружия. Главнокомандующий получил за Свеаборог Георгия 2-го класса. <…> Генералу Сухтелену дали Владимира 1-го класса» [31. С. 105].

Историк Е. В. Анисимов пишет, что под Свеаборгом «произошло необъяснимое». Он утверждает, что генерал Кронштедт «по неизвестным причинам сдал эту хорошо подготовленную к осаде и считавшуюся неприступной крепость». Однако чуть далее он же объясняет, что под крепость была заложена «золотая мина», которая и «взорвалась» [5. С. 312]. Проще говоря, Карл-Улоф Кронштедт был должен весьма большую сумму различным поставщикам, и это грозило ему долговой тюрьмой, а посему он согласился сдать крепость при условии, что русские оплатят его долги. «Александр согласился исполнить такое странное условие — Свеаборг стоил значительно больше требуемых комендантом 100 тысяч рейхсталеров» [5. С. 312].

Новые неудачи

В то время, когда в Санкт-Петербурге праздновали взятие Свеаборга и уже считали Финляндию покоренной, дела реально обстояли самым дурным образом.

Исключая береговую часть от Гамле-Карлеби вниз до русской границы, почти вся Финляндия находилась под контролем

шведов. На Аландских островах готовился заговор к изгнанию русских, и когда 24 апреля туда прибыли военные суда из Швеции, островитяне восстали. В результате малочисленный, не более шестисот человек, отряд полковника Н. В. Вуича был вынужден сдаться.

Это очередное поражение почти совпало с конфузом контр-адмирала Н. А. Бодиско, который с отрядом в 1800 человек незадолго до того занял остров Готланд. Три недели русские спокойно здесь простояли, но потом появился шведский флот — пять линейных кораблей с пятью тысячами солдат на борту. К ним тут же присоединились все жители острова, способные носить оружие, и русский контр-адмирал, созвав военный совет, вынужден был 3 мая согласиться на предложенную шведами капитуляцию. В итоге русский отряд, сдав шведам оружие, вернулся в Россию, сохранив свои знамена, но при этом дав честное слово ровно год не воевать против Швеции и ее союзников.

Между тем отряды русских войск, действовавшие на севере Финляндии, были вынуждены отойти к Куопио.

Реакция Санкт-Петербурга была крайне резкой: генерал Н. А. Тучков 1-й за слабые действия против графа Клингспора и отступление и полковник Н. В. Вуич, не защитивший Аландских островов, оказались под следствием; контр-адмирал Н. А. Бодиско, оставивший без боя Готланд, предстал перед военным судом.

Генерал А. И. Михайловский-Данилевский по этому поводу пишет:

«Военный министр граф Аракчеев и морской министр Чичагов, желая каждый оправдать себя в потере Готланда, обвиняли в том друг друга. Чичагов говорил, что отправленное на Готланд войско было ненадежно, состоя большей частью из рекрутов, а граф Аракчеев возражал, что причина неудачи находилась в том, что мы не имели морской силы для воспрепятствования высадки шведов. Кончилось тем, что Бодиско остался жертвой взаимной вражды министров. Он и призванные им на совет офицеры преданы были суду с отнятием шпаг» [93. С. 104].

В конечном итоге Тучков и Вуич были оправданы, а Бодиско разжаловали в матросы; вскоре, однако, он был помилован государем, лично рассмотревшим дело, и ему были возвращены чин и ордена.

У Фаддея Булгарина читаем:

«Кто был виноват во всех наших неудачах? В первых числах апреля, по показанию А. И. Михайловского-Данилевского

(писавшего историю войны по официальным документам), всех войск в Финляндии было 23 000 человек. Из этого числа 9054 человека под начальством графа Каменского стояли перед Свеаборгом, занимая уступленные нам острова, в крепостях Гангоуде [Гангут. — С. Н.]. и Свартгольме, а 5845 человек под начальством князя Багратиона расположены были на пространстве 500 верст, от Або до Васы и Тавастгуса. Около 800 человек было на Аландских островах с Вуичем, следовательно, исключая больных, 15 000 человек были в бездействии, и генерал Тучков 1-й с отрядом в 6000 человек (считая в том числе отряд Булатова) должен был вытеснить из Финляндии Клингспора с 13 000 регулярного войска и занять Улеаборг. Таково было предписание, данное главнокомандующим генералу Тучкову, и за неисполнение предписания он был лишен командования отрядом и отдан под военное следствие.

Граф Буксгевден… был суворовский генерал, то есть помнил времена героические. У Суворова не знали отговорок. Приказано — сделай или умри — умри с оружием в руках!

В Австрии Гофкригсрат отдал бы под военный суд Тучкова, если бы он дерзнул решиться с 6000 человек отдалиться на огромное расстояние от главной армии без всяких запасов, по непроходимым дорогам с намерением разбить неприятельский корпус в 13 000 человек. Граф Буксгевден верил, что для русского солдата нет ничего невозможного. Так и все тогда верили — и тем оправдывался генерал Булатов, из плена уверяя, что если бы Пермский батальон не оставил его, и сам он не был тяжело ранен, то он бы непременно разбил шведов под Революксом, хотя они были втрое сильнее его» [31. С. 108–109].

По какой такой причине генерал от инфантерии граф Ф. Ф. Буксгевден был так уверен, что ставший за свои успехи фельдмаршалом Клингспор не станет сопротивляться и отступит до Торнео, если только Н. А. Тучков 1-й будет сильно давить на него? Наверное, по той же самой, по какой он посчитал именно генерала Тучкова виновным в том, что шведы разбили отдельно Кульнева под Сикаиоки, Булатова под Революксом и Обухова под Пулхило. Удивительно, но из переписки графа Буксгевдена видно, что он до конца жизни оставался в полной уверенности, что Тучков с шестью тысячами человек мог и обязан был отбросить фельдмаршала Клингспора до Торнео.

К несчастью, надежда Буксгевдена не сбылась, и русской армии теперь надлежало вновь покорять, да еще и умиротворять восставшую Финляндию. Теперь война в Финляндии, начатая так успешно, приняла совсем другой оборот, и войска шведского главнокомандующего графа Вильгельма-Морица Клингспора

перешли в наступление.

Отдельный экспедиционный корпус

В этой ситуации Барклаю-де-Толли, уже вполне поправившемуся после тяжелого ранения, было вверено начальство над Отдельным экспедиционным корпусом силой примерно в 7500 человек. В него входили четыре полка 6-й пехотной дивизии: Низовский, Азовский, Ревельский мушкетерские и 3-й егерский. Кроме того, из Санкт-Петербурга ему были высланы два Лейб-гренадерских батальона, батальон Гвардейских егерей, рота Гвардейской пешей артиллерии, Уланский Его Высочества полк и три сотни донских казаков. Чуть позже к Барклаю-де-Толли примкнули отделенные из Свеаборгского отряда, Белгородский мушкетерский полк и три эскадрона Финляндского драгунского полка.

Как видим, корпус был организован по образцу французского — то есть состоял из всех видов вооруженных сил и походил на небольшую армию.

Этой «небольшой армии» была поставлена задача: двинуться на Куопио и занять этот город, очистить от неприятеля Саволакскую область, а далее действовать во фланг и тыл фельдмаршала Клингспора, если тот обратится против дивизии генерала Н. А. Тучкова 1-го, расположившейся у Гамле-Карлеби.

По свидетельству Булгарина, «граф Буксгевден, поторопившись поздравить государя императора с покорением Финляндии, должен был сознаться, что ошибся в своем расчете» [31. С. 109]. Теперь все его надежды были связаны с Барклаем-де-Толли.

Михаил Богданович немедленно выступил в поход.

Кроме того, в Финляндию были отправлены три тысячи старых солдат из числа возвратившихся из наполеоновского плена, две тысячи рекрутов и два полка донских казаков. Таким образом, в мае русская армия насчитывала уже 34 тысячи человек.

Как свидетельствовал Булгарин, «отряд генерала Тучкова, отданного под следствие, поступил под начальство генерала Раевского» [31. С. 122].

* * *

Итак, Барклай-де-Толли двинулся из Нейшлота к Куопио. Генерал Раевский находился в это время близ берега

Ботнического залива, возле Гамле-Карлеби, в самом опасном положении. Прямо против него, под Брагештадтом, стоял фельдмаршал Клингспор с 13 тысячами человек регулярного войска и массой вооруженных крестьян, а по всему берегу шведы угрожали высадкой десанта. Малочисленный отряд Раевского легко мог быть отрезан и поставлен между двух огней.

Для обеспечения дивизии генерала Раевского с тылу в городе Васа был расположен генерал-майор Н. И. Демидов с двумя пехотными полками — Петровским и Белозерским, и эскадроном драгун Финляндского полка. Севский мушкетерский полк был отряжен Раевским в Нюкарлебю для поддержания сообщений с Демидовым. Граф Орлов-Денисов с совсем слабым отрядом, состоявшим из одной роты пехоты, эскадрона драгун и эскадрона лейб-казаков, наблюдал за огромным пространством между Васой и Христиненштадтом. Остальные войска стояли вдоль морского берега от Або до Свеаборга. Главная квартира находилась в Або, оттуда и распоряжался граф Буксгевден.

Булгарин, непосредственный участник тех событий, пишет:

«Эта диспозиция, или расстановка войска по местности края и положению неприятеля, была бы весьма хороша, если бы передовой наш отряд, то есть корпус Раевского, был, по крайней мере, равносилен шведкому войску, стоявшему против него. Но после неудачи Кульнева и Булатова, у Раевского со всеми пришедшими к нему подкреплениями было не более 6800 человек, а с этим числом он не мог удерживать десанты и противиться графу Клингспору» [31. С. 123].

План графа Буксгевдена состоял в том, чтобы генерал Раевский, отступая, завлек фельдмаршала Клингспора внутрь финской территории, а в это время Барклай-де-Толли, оставив три тысячи человек в Куопио против полковника Сандельса, стоявшего поблизости, должен был «кратчайшим движением» ударить во фланг Клингспора и, зайдя ему в тыл, отрезать его от Улеаборга, стараясь поставить противника между двух огней. Но если бы Барклаю-де-Толли даже и удалось исполнить предписание графа Буксгевдена, то есть поспешить из Куопио для совместного действия с Раевским, то все равно у обоих русских генералов было бы не более 11 300 человек против 13 тысяч человек регулярного шведского войска. К тому же на стороне шведов готовы были сражаться до шести тысяч неплохо вооруженных крестьян, и все это происходило в стране, крайне враждебно настроенной по отношению к русским.

В Санкт-Петербурге не одобрили плана графа Буксгевдена, весьма справедливо заметив, что генералы Раевский и Барклай-де-Толли могут быть разбиты по отдельности, а город Куопио при

столь слабой защите — взят полковником Сандельсом. Но граф Буксгевден, которого Фаддей Булгарин называет человеком «непреклонного характера» [31. С. 123], все же решился действовать раздробленными силами.

К счастью, фельдмаршал Вильгельм-Мориц Клингспор был человеком не самым решительным, и, не надеясь на сильную помощь из Швеции, он на смелые предприятия не отважился. Хотя он вполне мог бы разгромить Тучкова 1-го, а потом и Раевского, но, отговариваясь сначала оттепелью, а затем — усталостью своих войск, он шесть недель не беспокоил русских. Только в конце мая, увидев, что к Раевскому не приходит помощь, он медленно двинулся вперед.

Н. Н. Раевский, не имея продовольствия, вынужден был отступить к Васе и 5 июня остановился в Лиль-Кирке — в 18 километрах от нее. Между тем единственная надежда Николая Николаевича на доставление его отряду продовольствия исчезла: шведский полковник Фиандт, действовавший с отрядом партизан на правом фланге, зашел с тыла, захватил продовольственный склад и взбунтовал местных жителей против русских.

Булгарин констатирует:

«Все сообщения Раевского были прерваны, и он не имел ни хлеба, ни подвод для перевозки больных и тяжестей. Наши малые отряды и посты были захвачены и беспощадно умерщвлены. Но как граф Клингспор шел медленно, ожидая высадки шведских войск, то граф Буксгевден думал, что он пошел на Куопио, и приказал Раевскому начать наступательные действия. Еще Раевский не успел одуматься, как шведы уже сделали две высадки у Або и у Васы, а граф Клингспор атаковал авангард Раевского» [31. С. 124].

После жестокой перестрелки десанты были отбиты, но Раевский все же вынужден был отступить, так как противник был более чем вдвое сильнее и к тому же русский отряд со всех сторон был окружен партизанами.

* * *

Для открытия сообщения с генералом Раевским Барклай-де-Толли направил полковника Е. И. Властова с его 24-м егерским полком, которому 21 июня удалось разбить партизан полковника Фиандта под Линдулаксом.

Но это мало что изменило. Раевский встал у Лаппо-Кирке, где его атаковал граф Клингспор. Уступая противнику в численности, Раевский вынужден был отступить. В это время партизаны и

восставшие крестьяне нападали с тыла, жгли мосты, уводили от берега лодки, стремясь отрезать отряд от сообщения с другими русскими частями. К тому же стали заканчиваться боеприпасы, а питаться солдатам и офицерам приходилось почти исключительно грибами. Положение было отчаянное, и Николай Николаевич собрал военный совет, на котором решено было отступить к Тавастгусу.

* * *

Курьеры, посылаемые Раевским к главнокомандующему с донесениями, что он не только не может действовать наступательно, но и вынужден ретироваться, были перехвачены партизанами, а посему граф Буксгевден, пребывая в полной уверенности в успехе, спокойно ожидал в Або известий о начале совместных действий Барклая-де-Толли и Раевского против фельдмаршала Клингспора.

Тем временем, во исполнение приказа главнокомандующего, Барклай-де-Толли выступил из Куопио — на третий день после его занятия, оставив в городе генерал-майора В. С. Рахманова с Низовским и Ревельским мушкетерскими полками, батальоном Гвардейских егерей, полуротой Гвардейской артиллерии, одним эскадроном улан и двадцатью донцами. Приказ Рахманову был такой: «удерживать Куопио до крайности» [93. С. 163].

Сам Михаил Богданович пошел «для совокупного с Раевским исполнения операционного плана» [93. С. 164] с остальными войсками своего корпуса. В его авангарде шел эскадрон уланского Его Высочества полка с несколькими казаками. На марше отряд Барклая-де-Толли постоянно тревожили неприятельские стрелки. «Они нападали со всех сторон и препятствовали разъездам делать обозрения» [93. С. 162].

Задача охраны Куопио и поддержание сообщений русских войск с Нейшлотом для небольшого отряда генерала Рахманова была явно непосильной. Узнав о выступлении Барклая-де-Толли и не желая допустить его соединение с генералом Раевским, теснимым фельдмаршалом Клингспором, полковник Сандельс предпринял ряд нападений на Куопио. Малочисленный отряд Рахманова не мог бы долго держаться, а потому Михаил Богданович решил нарушить приказ главнокомандующего, отказавшись от соединения с Раевским, и повернул свой отряд назад.

Йоган-Август Сандельс, получив информацию о движении Барклая-де-Толли, начал отступать, «истребляя за собою мосты,

портя дороги и беспокоя тыл наш партизанами и вооруженными жителями» [93. С. 162].

Следует отметить, что партизаны ни на минуту не теряли из вида отряд Барклая-де-Толли и пользовались любым случаем для нападения. Однажды ночью, например, они ударили по подвижному магазину, располагавшемуся в самой близости от отряда, истребили его, повозки сожгли и побросали в воду, большую часть людей перекололи, а 400 лошадям подрезали жилы передних ног.

В. Н. Балязин так характеризует действия партизан:

«У них было то, чего не было у русских, — финны прекрасно знали местность. Они окружили колонны десятками невидимых метких патрулей и одиночных вольных стрелков, отличавшихся поразительной меткостью.

Партизаны прятались за любым бугром, за деревьями, за камнями, в лощинах, и нельзя было отойти в сторону и на сотню шагов, тут же можно было получить пулю.

Особенно страдали передовые пикеты боевого охранения, отправленные в разведку казаки, фуражиры, пытавшиеся запастись чем-либо, курьеры и вестовые, а уж отставшие, отбившиеся от своих и заплутавшие солдаты обречены были полностью» [8. С. 229].

По словам А. И. Михайловского-Данилевского, Барклаю-де-Толли пришлось идти «среди пламени народной войны» [93. С. 163], а Е. В. Анисимов называет действия финнов посреди своей пустынной тысячеверстной страны «скифским вариантом» [5. С. 308]. Но это, как мы скоро увидим, стало для генерала отличным уроком на будущее.

* * *

Фаддей Булгарин задается справедливым вопросом: «Мог ли Рахманов с неполными тремя тысячами человек исполнить поручение Барклая-де-Толли, основанное на предписании графа Буксгевдена?» [31. С. 128]. И он сам же отвечает: «Ему приказано было охранять сообщения с Россией, удерживать Куопио до последней крайности, устрашать неприятеля предприятиями к переправе через озеро, а если удастся, набрать лодок у жителей, нападать на заозерную позицию Сандельса у Тайволы и по прибытии канонирских лодок из озера Саймы в озеро Калавеси решительно переправиться через озеро, разбить Сандельса, овладеть Тайволой, и, наконец, открыть сообщение с так называемым Свердобольским отрядом, то есть с генерал-майором

Алексеевым, шефом Митавского драгунского полка, выступившим из Свердоболя в Карелию только с четырьмя эскадронами драгун и 150-ю казаками для усмирения этого обширного, лесистого и болотистого края! Дела невозможные!

Кажется, будто граф Буксгевден почитал наших солдат бессмертными или, по крайней мере, неуязвимыми и одаренными тройной силой против неприятеля, поручая генералам такие дела к исполнению! Забывал он также, что самый мужественный человек требует пищи. Разъезжая по берегу между Гельсингфорсом и Або или живя в одном из этих городов, граф Буксгевден не видел настоящей нужды войска, не имел надлежащего понятия о положении дел и до последней минуты своего командования был твердо убежден, что шведы не намерены держаться в Финляндии и станут отступать при нашем сильном натиске. Донесения наших отрядных начальников о восстании жителей и о вреде, наносимом ими, почитал граф Буксгевден преувеличенными, приписывая их успехи нашей неосторожности, не обращая никакого внимания на местность, благоприятную для партизанских действий, хотя в донесениях государю сравнивал Финляндскую войну с Вандейской» [31. С. 128–129].

Что было делать Василию Сергеевичу Рахманову? Кстати, человеком он был выдающимся, каких немало имелось в русской армии. Выходец из дворян Курской губернии, он учился в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, из которого вышел поручиком в Тульский пехотный полк. Произошло это в феврале 1785 года, а в августе 1803 года он уже был генералом, успев повоевать с турками и с польскими мятежниками. В 1789 году он был ранен, в 1795 году награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Потом он был ранен в сражении под Пултуском, а за сражение при Гутштадте награжден золотой шпагой с алмазами.

У Ф. В. Булгарина читаем:

«Генерал-майор Рахманов, человек пожилой, старый служивый, храбрый и опытный воин, хотя и не стратег, чувствовал, что данная ему инструкция не может быть исполнена; но он решился защищать Куопио до последней капли крови и не скрывался в этом. Собрав штаб-офицеров и начальников рот, он сказал им без обиняков: “Господа, внушите своим солдатам, что у нас нет другой ретирады, как в сырую землю. Отступать некуда ни на шаг. Если шведы нападут на нас, мы должны драться до последнего человека, и кто где будет поставлен — тут и умирай!”

Рахманов говорил людям, которые понимали его, и офицеры передавали слова генерала воинам, которых эти слова радовали, вместо того чтобы привести их в уныние. Никогда я не видел

таких отличных полков, каковы были Низовский и Ревельский пехотные, 3-й егерский (полк Барклая-де-Толли) и Лейб-егерский батальон. Не только у Наполеона, но даже у Цезаря не было лучших воинов! Офицеры были молодцы и люди образованные; солдаты шли в сражение, как на пир: дружно, весело, с песнями и шутками» [31. С. 129–130].

10 июня 1808 года, то есть на третий день после ухода Барклая-де-Толли, полковник Сандельс, собрав множество рыбацких лодок, посадил на них своих солдат и атаковал Куопио.

Полковник Я. А. Потемкин с Гвардейским егерским батальоном вышел навстречу Сандельсу и ударил в штыки. Его солдаты бегом устремились на шведов, и те не устояли, побежав обратно к своим лодкам.

Отряд Сандельса скрылся со своей «флотилией» между заломами лесистого берега, а 13 июня он вновь вышел на берег и напал на отряд Азовского мушкетерского полка, сопровождавший транспорт. Азовцы защищались храбро, но вынуждены были уступить численно превосходящему противнику, и полковнику Сандельсу удалось отбить несколько десятков подвод с мукой.

После этого, набрав еще более лодок, Сандельс почти всеми своими силами атаковал Куопио. Произошло это 15 июня.

Фаддей Булгарин рассказывает:

«День был туманный, и на озере нельзя было видеть ничего в десяти шагах. Сандельс пристал к скалистому берегу, поросшему кустарником, в южном заливе мыса. Наши посты тогда только увидели неприятеля, когда они уже были у самого берега. Некоторые наши пикеты были отрезаны и бросились в лес, другие завязали перестрелку. Несколько казаков прискакали в город с известием, что на нас идет, по казацкому выражению, “видимая и невидимая сила”» [31. С. 131].

Оставив в городе только небольшой гарнизон и пикеты на берегу озера, генерал Рахманов вышел за пределы города со всем своим отрядом. Численность противника ему была неизвестна, но он знал, что к Сандельсу стекаются толпами лучшие стрелки из северного Саволакса и Карелии и, как носились слухи, более двух тысяч этих охотников уже были под его знаменами.

Фаддей Булгарин вспоминал:

«Я был послан со взводом для прикрытия свитского офицера, долженствовавшего рассмотреть, какое направление берет неприятель. Подъехав к скалистому берегу, верстах в трех от города, свитский офицер и я взобрались на скалу и увидели множество лодок, причаливших на большое расстояние от берега, и шведов, шедших в нескольких колоннах по направлению к северо-западу, чтобы выйти на дорогу, ведущую к Куопио. Толпы

стрелков шли впереди колонн врассыпную. Неровное местоположение, овраги, холмы и кустарники то скрывали, то открывали перед нами неприятеля, и мы в тумане не могли определить числа его, но заключили, что шведов и крестьян было не меньше трех тысяч человек.

Туман между тем поднимался, и шведские стрелки, увидев нас, бросились вперед, чтобы отрезать нас от Куопио. Мы поскакали в тыл и встретили наш отряд уже в версте от шведов. Рахманов выслал стрелков и стал фронтом перед перешейком, соединяющим с твердой землей мыс, на котором построен город. Началось дело, продолжавшееся с величайшей упорностью с обеих сторон в течение более пяти часов. <…> Если бы шведы вогнали нас в город, то нам надлежало бы или сдаться, или выйти из города по телам неприятеля, пробиваясь штыками, потому что у нас вовсе не было провианта. Избегая блокады в городе, в случае неудачи нам должно было бы броситься в леса, внутрь Финляндии, и идти вперед наудачу для соединения с Барклаем-де-Толли или Раевским, не имея никаких известий об их направлении. Рахманов приказал объявить солдатам о нашем положении и о надежде своей на их мужество. “Не выдадим!” — закричали лейб-егери, смело идя вперед. Соревнование сделалось общим. Едва ли когда-либо дрались с большим мужеством и ожесточением. <…>

Наши отчаянно бросились на шведов, которые, однако же, устояли при первом натиске. Тут началась резня, почти рукопашный бой, и шведы, наконец, уступили нашим. Местоположение позволило выдвинуть вперед наши пушки, и картечи довершили поражение. Шведы обратились к своим лодкам, отстреливаясь и преследуемые нашими на пол-ружейный выстрел. Нашим удалось по камням и оврагам перетащить две пушки на берег. Эти пушки сильно вредили шведам в то время, когда они садились в лодки. Мы провожали их и на озере ядрами, и несколько лодок разбили и потопили при громогласном “ура!” на берегу.

В этом деле отличились в нашем отряде все, от первого до последнего человека, но честь победы принадлежит Низовскому полку и лейб-егерям, сломившим шведскую линию штыками и принудившим шведов к отступлению пылкостью своего наступления и стойкостью. Только тяжелораненые оставались на месте, там, где упали, а кто мог идти, шел вперед раненый и окровавленный. Когда шведы уже отплыли, тогда только стали искать тяжелораненых на поле битвы и выносить на большую дорогу» [31. С. 132–133].

Победа под Куопио была полная, но, к сожалению, она не

принесла русским существенной пользы, и генерал Рахманов не в состоянии был исполнить другие поручения Барклая-де-Толли.

В самом деле, нельзя было и думать о нападении на шведские позиции у Тайволы, не имея ни одной лодки. К тому же все сообщения с Россией были прерваны. Отважный Йоган-Август Сандельс оставил вооруженные толпы крестьян в лесах вокруг Куопио, поставив их под начальство шведских офицеров и приказав истреблять русских фуражиров и русские отдельные посты. По свидетельству Булгарина, «эти партизаны отлично исполняли свое дело. Недостаток в съестных припасах заставлял нас высылать на далекое расстояние фуражировать, чтобы забирать скот у крестьян, отыскивая их жилища в лесах, и каждая фуражировка стоила нам несколько человек убитыми и ранеными. Отдельные посты были беспрерывно атакуемы. <…> Почти каждую ночь в Куопио была тревога, и весь отряд должен был браться за оружие. Крестьяне подъезжали на лодках к берегу; в самом городе стреляли в часовых и угрожали ложной высадкой. Не зная ни числа, ни намерения неприятеля, нам надлежало всегда соблюдать величайшую осторожность. Голод и беспрерывная тревога изнуряли до крайности войско. Госпиталь был полон» [31. С. 133].

Михайловский-Данилевский писал:

«В таких обстоятельствах Барклаю-де-Толли представлялось избрать одно из двух: возвратиться в Куопио для обеспечения правого крыла армии и сообщения с Россией, или, предоставя их обороне Рахманова, самому исправить переправы у Коннивеси и продолжать начатое согласно повелениям главнокомандующего движение во фланг и тыл графа Клингспора. Барклай-де-Толли предпочел всеми силами своими удерживать Куопио и оберегать дорогу в Нейшлот, нежели идти против графа Клингспора, а тем оставил он Раевского на произвол собственных сил его» [93. С. 167].

Какие же обстоятельства отмечает авторитетный военный историк?

Прежде всего, и на это указывают практически все участники тех событий, вокруг «кипела война народная». Отряд В. С. Рахманова вынужден был день и ночь отражать неприятеля, и от этого он «приходил в изнурение и был слишком малочислен для охранения берегов озера и дороги от Нейшлота до Куопио, порученной его надзору» [93. С. 167].

Другого выхода у Барклая-де-Толли фактически и не было.

* * *

В конечном итоге в этой беспрерывной тревоге и сражениях прошло шесть дней, и на седьмой день, 17 июня, Барклай-де-Толли возвратился в Куопио. Трудно описать ту радость, какую испытали солдаты и офицеры отряда генерала Рахманова, увидев подоспевшую помощь.

Михаила Богдановича потом подвергли упрекам за то, что он не исполнил предписания главнокомандующего, приказавшего ему действовать во фланг фельдмаршалу Клингспору в то время, когда генерал Раевский будет действовать с фронта. Якобы этим он расстроил весь план изгнания шведов из Финляндии летом 1808 года и дал Клингспору время и возможность потеснить Раевского, доведя его до крайности. Кто же высказал ему такие упреки?

На этот вопрос отвечает Фаддей Булгарин:

«Правда, что Барклай-де-Толли не исполнил приказания главнокомандующего, потому что не мог исполнить и действовать по плану, начертанному в кабинете главнокомандующего, без малейшего соображения обстоятельств, без всякого внимания на положение северовосточной Финляндии. <…> Легко было главнокомандующему, разложив карту Финляндии, играть в стратегию, как в шахматы; но Финляндия была не спокойная и безмолвная шахматная доска, и возмущенный народ — не пешки!» [31. С. 134].

Если бы Буксгевден находился на месте, он бы знал, что Барклай-де-Толли получал самые отчаянные донесения от Рахманова из Куопио — генерал сообщал, что у него скоро кончатся патроны, что его отряд может погибнуть в развалинах города, мужественно защищаясь, но едва ли будучи в состоянии долго отбивать неприятеля. Михаил Богданович рассудил, что если Сандельсу удастся вытеснить русских из Куопио, то будет открыт весь правый фланг армии, а граница окажется не защищена. Именно поэтому он и «решился взять на свою ответственность неисполнение предписания главнокомандующего» [31. С. 91].

«Что было делать? Барклай знал, что гарнизон в Куопио слаб <…> и ждать помощи Рахманову неоткуда. Вместе с тем, его помощи ждал и Раевский, к которому обязывал его идти приказ главнокомандующего.

Как поступить, соблюдая святость приказа и сохраняя верность первой воинской заповеди: “Сам погибай, а товарища выручай”?

Барклай принял единственно возможное решение: разделил свой отряд на две части и одну послал на помощь Раевскому, а с другой пошел к Куопио» [8. С. 230].

Михаил Богданович выслал из состава своих войск части двух пехотных полков с сотней казаков под начальством уже упомянутого нами полковника Е. И. Властова на помощь генералу Раевскому, а сам возвратился с остальной частью своего отряда в Куопио.

Впрочем, Раевскому это не помогло — не дождавшись подкрепления, он был разбит. Зато Куопио и отряд генерала Рахманова были спасены.

Прошу простить за длинную цитату, но оно того стоит — вот что писал Ф. В. Булгарин:

«Барклай-де-Толли вступил в Куопио ночью, уже по пробитии вечерней зори, с 17-го на 18-е июня. Войско расположилось на биваках за городом и развело огни. Светлая северная ночь омрачена была сильным туманом. Прибытие штаба и множества офицеров в город произвело некоторую суматоху. Кто искал для себя квартиры, кто отыскивал знакомых, товарищей; на улицах стояли повозки и лошади; для больных искали помещения и т. п. У меня на квартире собрание офицеров было обыкновенное. К ужину подали целого жареного барана, которого я накануне купил за два червонца у казака. Мы веселились, шутили, между тем как уланы вносили в соседнюю залу солому, где я располагал уложить моих гостей на отдых… Вдруг раздался пушечный выстрел, и стекла в окнах задрожали… другой выстрел, третий, четвертый… потом ружейные выстрелы… Мы отворили окна — выстрелы раздавались на озере и за городом, а в городе били тревогу… Все гости мои побежали опрометью к своим полкам и командам; я велел поскорее седлать лошадь и поскакал на наше сборное место, к кирке. Эскадрон уже строился. Это был полковник Сандельс, который, пользуясь туманом, прибыл из Тайволы, чтобы пожелать нам доброй ночи и спокойного вечного сна! Устлав досками несколько лодок, соединенных бревнами, он таким образом устроил две плавучие батареи и, посадив весь свой отряд на лодки, атаковал Куопио с трех сторон: с желтой мызы, с южной стороны перешейка и у самого северного предместья, перед которым находится лес. Весь наш отряд выступил из лагеря, и Барклай-де-Толли, не зная, где неприятель и в каком числе, высылал батальоны на те места, где завязывалась перестрелка с нашими передовыми постами и где предполагали найти неприятеля. Из пушек, поставленных на берегу, стреляли наудачу. На большой площади поставлен был резерв в сомкнутой колонне, с двумя пушками. Ружейные выстрелы гремели вокруг города. Везде была страшная суматоха, везде раздавались крики и выстрелы и ничего нельзя было видеть, кроме ружейного огня…

Наконец, с утренней зарей рассеялся туман, и Барклай-де-

Толли, проскакав по всей линии, тотчас распорядился. К желтой мызе послана была немедленно помощь. Нашего полка эскадрон князя Манвелова поспешил туда на рысях, взяв на каждую лошадь по одному егерю 3-го егерского полка. Против главной силы шведов, ломившихся в город с правой стороны Куопио, выступил сам Барклай-де-Толли с частями Низовского и 3-го егерского полков и двумя пушками. Полк Ревельский мушкетерский, Лейб-егерский батальон и наш эскадрон составляли загородный резерв.

Битва кипела с величайшим ожесточением на всех пунктах. Перед нами в лесу была сильная ружейная перестрелка. Низовский мушкетерский и 3-й егерский полки при всей своей храбрости не могли противостоять шведам в стрелковом сражении врассыпную, в лесу. Саволакские стрелки и даже вооруженные крестьяне, охотники по ремеслу, имели перед нашими храбрыми солдатами преимущество в этом роде войны, потому что лучше стреляли и, привыкнув с детства блуждать по лесам и болотам за дичью, были искуснее наших солдат во всех движениях. Притом же туземцы знали хорошо местность и пользовались ею. Шведы имели несколько маленьких пушек, или фальконетов (без лафета), которые они носили за стрелковой цепью и, положив их на камни, стреляли в наших картечью, когда наши собирались в кучу. Постепенно выстрелы раздавались ближе и, наконец, наши стрелки начали выходить из большого леса на то пространство, где стоял резерв.

Это пространство, между городом и лесом, версты в три в длину покрыто было в разных местах кустарником и усеяно огромными камнями. Выходящим из леса нашим стрелкам приказано было строиться впереди обоих флангов резерва, так, чтобы перед центром, где стояли наши две пушки, было чистое место. Вскоре выбежали и саволакские стрелки из леса, а за ними вышли шведы в колонне. Они были встречены ядрами. Это их не устрашило, и они с криком “ура!” бросились в штыки на наши пушки и на резерв. Пушечные выстрелы не удержали их. Лейб-егери, предводимые своим храбрым полковником Потемкиным, пошли им навстречу шагом, вовсе не стреляя. За ними Ревельский мушкетерский полк, а Низовский и 3-й егерский полки между тем строились на флангах, под неприятельскими выстрелами. Наши пушки свезли за фронт под прикрытием нашего эскадрона. Лейб-егери приблизились к шведской колонне саженей на тридцать, остановились, по команде своего полковника выстрелили залпом и бросились бегом вперед с примкнутыми штыками, как на учении, с громким “ура!”.

Тут началась резня, в полном смысле слова! Ревельский полк поддерживал атаку лейб-егерей; Низовский и 3-й егерский полки

удерживали напор шведов на флангах. Шведы не устояли против лейб-егерей и побежали. Наши пушки снова загремели, провожая бежавших рикошетными выстрелами. Шведы скрылись в лесу, преследуемые нашими. В это самое время Барклай-де-Толли двинул 3-й егерский полк по берегу, на самом правом фланге, к шведским лодкам. Резерв, бывший в городе с двумя пушками, также быстро бросился на берег, и шведы, опасаясь за свои лодки, побежали к ним. Из плавучих батарей стреляли они в нас ядрами, а потом картечью; но наши шли вперед, бросаясь в штыки каждый раз, когда шведы останавливались. Лейб-егеря были впереди.

На всей шведской линии ударили отбой. Шведы в беспорядке бросились в лодки, отчаливали от берега и прятались от наших пушечных выстрелов за островками, которыми усеяно озеро перед Куопио. В 10 часов утра не было уже ни одного шведа на берегу, и мы с торжеством возвратились в город. Наш эскадрон хотя не ходил в атаку, потому что местность не позволяла, но подвергался опасности наравне с прочими полками. Мы были на такое близкое расстояние от шведов, что различали черты лица их офицеров, бывших всегда впереди.

Сандельс, напав на Куопио со всеми своими силами, не знал, что Барклай-де-Толли возвратился в город в ту же ночь. Трудно сказать, чем бы кончилось это нападение, если бы оно произведено было прежде прибытия в Куопио Барклая-де-Толли. Хотя бы Рахманову и удалось удержать город, то все же нам было бы плохо.

Лейб-егерский батальон в третий раз был главным виновником победы и удержания Куопио, и ему отдана была полная честь в приказе по корпусу. После этого Сандельс уже не возобновлял нападений на Куопио, достигнув своей цели, а именно, воспрепятствовав Барклаю-де-Толли действовать на фланге графа Клингспора, и таким образом дал средства главному шведскому корпусу оттеснить операционный корпус генерала Раевского до нашей последней точки опоры» [31. С. 135–139].

Болезнь

После этого Барклай-де-Толли стал ждать неприятностей для себя. Он прекрасно понимал, что вынужден был нарушить приказ, так что злопамятный главнокомандующий непременно сделает из него «козла отпущения».

И точно, очень скоро в Куопио прибыл маркиз Паулуччи[21], совсем недавно перешедший на русскую службу с чином полковника. Это был представитель верховного командования, и

он предложил Михаилу Богдановичу поехать с ним в Санкт-Петербург для более детальных объяснений. По всей видимости, Буксгевден уже успел подать жалобу, и император Александр требовал от провинившегося личного доклада.

Но пока суд да дело, Михаил Богданович решил атаковать ставшего генералом Йогана-Августа Сандельса на его позиции у Тайволы, за озером, для чего маркиз Паулуччи посоветовал сделать плоты, которые могли бы выдерживать по крайней мере пехотную полуроту и пушку. Начали строить два таких плота, однако, как отмечает Фаддей Булгарин, «идея была превосходная, но исполнение не соответствовало ей» [31. С. 91]. В результате первый плот с полуротой егерей пошел ко дну, по счастью — в тридцати шагах от берега, так что люди промокли до нитки, но никто не погиб. После этого маркиз возвратился в Петербург, а по его представлению в Куопио прибыл корабельный мастер для постройки специальных перевозных судов. Но пока их строили, Барклай-де-Толли тяжело заболел, после чего он тоже уехал в Россию.

Как пишет А. И. Михайловский-Данилевский, «прежде окончания работ Барклай-де-Толли занемог. Его уволили в Россию, а вместо него начальство над отрядом в Куопио поручено было опять Тучкову, освобожденному между тем от следствия, которое производилось над ним в главной квартире. Тучкову приказано было овладеть позицией шведов при Тайволе и отрядить часть войска на подкрепление Раевскому» [93. С. 169].

Некоторые историки утверждают, что действия Барклая-де-Толли навлекли на него гнев графа Буксгевдена, обвинившего его в своевольном нарушении общего плана действий, что якобы и послужило причиной удаления Михаила Богдановича из армии «под предлогом болезни». Это не так. Более того, решение Барклая-де-Толли, принятое им в критической обстановке, было потом вполне одобрено императором.

Продолжение боевых действий

Летом 1808 года положение русских войск в центральной Финляндии еще более осложнилось. 2 июля отряд генерала Раевского, теснимый войсками фельдмаршала Юшнгспора и финскими партизанами, вынужден был отступить вначале к Сальми, а затем к местечку Алаво. 12 июля Н. Н. Раевского сменил Н. М. Каменский, но и ему тоже пришлось отступать до Таммерфорса. Наконец, 20 августа (1 сентября) войска графа Каменского, примерно 11 тысяч человек, сразились с войсками фельдмаршала Юшнгспора у деревни Куортане. Шведы потерпели

поражение и отступили к городу Васа.

Развивая успех, граф продолжил контрнаступление. Клингспор отступил по направлению к Нюкарлебю, а 2 (14) сентября потерпел новую неудачу в бою при Оравайсе с авангардом генерала Кульнева.

В восточной Финляндии генерал Тучков 1-й, имея против себя шведский отряд генерала Сандельса и отряд вооруженных местных жителей, упорно держал оборону. Высланный к нему на подкрепление отряд генерала Алексеева был остановлен действиями партизан и 30 июля вернулся в Сердоболь. Только 14 сентября заменивший И. И. Алексеева князь М. П. Долгоруков дошел до деревни Мелансеми и установил контакт с Н. А. Тучковым. Задуманное ими совместное нападение на Сандельса не состоялось, так как тот, узнав о неудаче Клингспора при Оравайсе, отступил к деревне Иденсальми. В этом финском местечке генерал Михаил Петрович Долгоруков, заметив, что его войска дрогнули и начали было отступать, бросился вперед и был убит прямым попаданием вражеского ядра.

* * *

Наконец, из-за наступления осенней распутицы, проблем с продовольствием и необходимостью дать войскам отдых, граф Буксгевден принял предложение фельдмаршала Юшнгспора о перемирии, которое и было заключено 17 (29) сентября. Однако его не утвердил Александр I, который, назвав перемирие «непростительной ошибкой», приказал Буксгевдену продолжать боевые действия.

Возобновившееся с российской стороны наступление шло уже почти беспрепятственно. Клингспор уехал в Стокгольм, сдав начальство генералу Клеркеру, а последний, убедившись в невозможности задержать русских, вступил в переговоры, последствием которых стало отступление шведов к Торнео и занятие русскими войсками в ноябре 1808 года всей Финляндии.

Тем не менее император Александр был не совсем доволен графом Буксгевденом, так как шведы, несмотря на существенное превосходство русских сил, сохранили боеспособность своих войск, а посему войну нельзя было считать оконченной.

В результате место Буксгевдена занял генерал-лейтенант Н. М. Каменский.

«Он и подписал перемирие 7 (19) ноября 1808 года в деревне Олькийоки. В этой должности граф продержался всего лишь полтора месяца. С 7 декабря 1808 года вместо Каменского

главнокомандующим стал Б. Ф. Кнорринг. Впрочем, спустя четыре месяца (7 апреля 1809 года) Кнорринга тоже уволили» [150. С. 342].

Причину того объясняет Фаддей Булгарин:

«Главнокомандующий генерал Кнорринг, осмотревшись на месте, стал повторять то же самое, что прежде критиковал в графе Буксгевдене, то есть отказывался от всякого действия, требуя для войска отдыха, продовольствия и одежды» [32. С. 154].

Короче говоря, в декабре 1808 года перемирие было продлено до 6 (18) марта 1809 года.

* * *

К началу 1809 года положение шведов стало практически безнадежным. Тем не менее упрямый король Густав IV Адольф решил продолжать войну, но при том приказал оставить сильные части шведской армии на границе с Норвегией и на юге страны, хотя особой опасности от датчан не наблюдалось. В результате для непосредственной обороны Стокгольма у шведов набралось лишь примерно пять тысяч человек.

На Аландах удалось собрать примерно шесть тысяч человек регулярных войск и четыре тысячи ополченцев. Оборону островов поручили генералу Георгу-Карлу фон Дёбельну. Опасаясь, что русские обойдут архипелаг с юга, Дёбельн эвакуировал все население южных островов, сжег все населенные пункты и собрал свои силы на Большом Аланде, устроив в важнейших прибрежных точках сильные батареи.

В феврале 1809 года император Александр сменил командование войск в Финляндии. Командовать Южным корпусом русских войск вместо графа П. Х. Витгенштейна стал князь Багратион; Центральный корпус вместо ушедшего в отставку князя Д. В. Голицына возглавил генерал-лейтенант Барклай-де-Толли; Северный корпус вместо Н. А. Тучкова 1-го — граф П. А. Шувалов.

Булгарин отзывается о смененных генералах не очень лестно:

«Граф Каменский… уехал в Петербург. После него сказались больными и оставили армию генералы Тучков 1-й, князь Голицын и граф Витгенштейн. Все они, основываясь на недостатке продовольствия и полагая число войска недостаточным для внесения войны в самую Швецию, не хотели принять на себя ответственности в столь важном деле» [32. С. 154].

Возвращение в действующую армию

Оправившийся от болезни Михаил Богданович получил рескрипт от императора с назначением в действующую армию в начале февраля 1809 года.

План кампании на 1809 год русское командование составило весьма грамотно. Северный корпус должен был двигаться вдоль Ботнического залива и вторгнуться на территорию Швеции. Центральный корпус Барклая-де-Толли, базировавшийся в районе города Васа, должен был форсировать Ботнический залив по льду пролива Кваркен (современное название Норра-Кваркен) с выходом на шведское побережье. Аналогичная задача ставилась и Южному корпусу — он должен был достичь Швеции по льду через острова Аландского архипелага.

Ф. В. Булгарин так комментирует этот план:

«Граф Шувалов с 5000 человек должен был следовать на Торнео, разбить остатки войска генерала Клеркера, взять его магазины и идти быстро в Умео, город, лежащий на шведском берегу, в прямой линии против Гамлекарлеби. Барклай-де-Толли должен был с 5000 человек перейти по льду через пролив Кваркен в Умео и соединиться с графом Шуваловым. Князю Багратиону с 20 000 человек назначалось выйти из Або и, пройдя по льду на Аландские острова, истребить находившееся там под начальством генерала Дёбельна шведское войско, обезоружить жителей и идти на шведский берег. Три корпуса, соединяясь на шведском берегу, должны были быстро проникнуть к Стокгольму, сжечь зимовавший здесь шведский флот и занять такую позицию, в которой можно было бы держаться и по вскрытии льда. Корпусных командиров поведено было снабдить деньгами и печатными прокламациями на шведском языке, в которых было объявлено, что русские войска вступили в Швецию не для покорения страны, но для завоевания мира, выгодного для обоих государств» [32. С. 155].

В первых числах марта генерал П. А. Шувалов объявил командующему северной группой шведских войск Карлу-Магнусу Грипенбергу о прекращении перемирия. Шведы ответили на это концентрацией войск у городка Калике в десяти километрах западнее Торнео. Между тем русские войска перешли через реку Кеми и двинулись вдоль побережья. Шведский авангард, находившийся в Торнео, отказался от боя и в спешке отступил, бросив в городе около двухсот больных солдат.

«Войска Шувалова при тридцатиградусном морозе делали переходы по 30–35 верст в день. Подойдя к Каликсу, Шувалов предложил Грипенбергу сдаться, но швед отказался» [150. С. 350].

Тогда русские начали наступление на Калике, а колонна

генерала И. И. Алексеева пошла в обход по льду и отрезала Грипенбергу путь к отступлению. После этого шведы прислали парламентеров с предложением о перемирии, но граф Шувалов потребовал безоговорочной капитуляции, дав на размышления всего четыре часа.

В результате условия русских были приняты, и 6 (18) марта Грипенберг подписал акт о капитуляции. Его корпус сложил оружие и был распущен по домам под честное слово больше не воевать в эту войну. «Всего сдались 7000 человек, из них 1600 больных. Трофеями русских стали 22 орудия и 12 знамен. Все военные склады (магазины) вплоть до города Умео должны были быть в неприкосновенности переданы русским» [150. С. 350].

По словам Михайловского-Данилевского, Каликская операция «разрушила последнее звено, соединявшее Финляндию со Швецией» [93. С. 416].

* * *

Барклай-де-Толли пошел из Умео в Васу. Согласно плану, его Центральный корпус должен был насчитывать восемь тысяч человек. Но большая часть сил корпуса задержалась на переходе к Васе. Михаил Богданович же, опасаясь, что скоро начнется таяние льда, приказал наступать дальше лишь прибывшим уже в Васу частям. Короче говоря, он не стал дожидаться всех и выступил с теми, кто был. А было у него всего около 3500 человек. При этом Пермский полк был оставлен в Васе под начальством генерала Лобанова «для содержания гарнизона в сем городе и на ближних к берегу островах и наблюдения за спокойствием» [93. С. 397].

Таким образом, в так называемом корпусе оказались лишь шесть батальонов пехоты и 250 казаков при шести пушках. На сборном пункте был отслужен молебен и зачитан приказ, в котором Барютай-де-Толли, не скрывая предстоящих трудностей, выражал уверенность в том, что «для русских воинов нет ничего невозможного» [30. С. 51].

Так начиналась одна из ярчайших страниц в полководческой биографии Михаила Богдановича.

Переход через Кваркен

Как мы уже говорили, Барклаю-де-Толли было поручено командование войсками, предназначенными для перехода через пролив Кваркен. Ширина этого пролива составляет примерно 100 километров, зимой он замерзает, но сообщение по льду является

чрезвычайно опасным из-за множества полыней и трещин. К тому же бури часто взламывают лед и уносят его в море. В частности, в декабре 1808 года лед дважды ломался, а потом замерзал снова, нарастая неровными глыбами — торосами. Рекогносцировки, проведенные Барютаем-де-Толли, показали, что шведы не догадываются о плане русских, но при этом сам переход будет сопряжен с величайшими трудностями.

У Фаддея Булгарина читаем:

«Это решительное предприятие не могло быть исполнено иначе, как зимой, когда лед надежен; но главнокомандующий (Б. Ф. Кнорринг. — С. Н.). представлял государю императору различные к тому неудобства, из которых главнейшим приводил недостаток продовольствия, и провел в бездействии драгоценнейшее время, а именно половину декабря 1808 года, весь январь и начало февраля следующего года. Государь требовал настоятельно исполнения своей воли, но Кнорринг решительно отказался и написал государю: “Привыкши, как добрый и послушный солдат, исполнять все повеления Вашего Императорского Величества, я в долге однако же признаться в недостатках моих, и для того, ежели Вам, Всемилостивейший Государь, угодно настоятельно требовать исполнения плана, то осмеливаюсь всеподданнейше просить о Всемилостивейшем моем увольнении от службы”.

Вот второй главнокомандующий оставляет службу, почитая себя не в силах исполнить высочайшую волю! Оба старика, изжившие свой век, они видели одни опасности предприятия, не рассчитывая выгод, и управляли армией, как говорится, по бумагам, не входя лично в исследование всех донесений. Государь выслал военного министра с повелением исполнить немедленно высочайшую волю, двинуть войско в Швецию и следовать с ним. 20 февраля граф Аракчеев прибыл в Або, где была главная квартира, перенесенная из Улеаборга.

Главнокомандующий генерал Кнорринг, граф Шувалов и Барклай-де-Толли представили свои возражения против удобоисполнимости плана. Граф Аракчеев сбил все их доводы, нашел и продовольствие на месте, и определенное число людей к переходу в Швецию, и приказал немедленно действовать. Замечательны слова графа Аракчеева в его опровержении возражений Барклая-де-Толли, который, между прочим, жаловался на недостаток наставлений от главнокомандующего. “Насчет объяснения вашего, — писал граф Аракчеев, — что вами очень мало получено наставлений от главнокомандующего, то генерал с вашими достоинствами в оных и нужды не имеет. Сообщу вам только, что государь император к 16 марта прибудет

в Борго, и я уверен, что вы постараетесь доставить к нему на сейм шведские трофеи. На сей раз я желал бы быть не министром, а на вашем месте, ибо министров много, а переход Кваркена Провидение предоставило одному Барклаю-де-Толли". Воля ваша, а это отзывается Древним Римом!

На представление главнокомандующего об опасности для войска во время пребывания на льду в жестокий мороз в течение шести суток граф Аракчеев отвечал: "Усердие и твердость русских войск все преодолеют".

Графу Шувалову, представлявшему о недостатке продовольствия и о затруднениях в Швеции, где весна бывает позже, граф Аракчеев отвечал: "Для 5000 человек продовольствие сыскать нетрудно, и вы, верно, уже им запаслись, а о будущих затруднениях беспокоиться не следует заранее. Тогда напишете, когда они встретятся на месте".

Читая это и исследовав действия графа Аракчеева в Финляндии, нельзя не удивляться твердости его характера, безусловному повиновению воле государя и пламенной любви к славе русского имени! В этом отношении граф Алексей Андреевич безукоризнен.

Из всех генералов только ученик Суворова и его авангардный генерал князь Багратион не представлял никаких возражений. Когда граф Аракчеев объявил ему повеление идти на Аланд и спросил, что он на это скажет, князь Багратион отвечал хладнокровно: "Что тут рассуждать: прикажете — пойдем!" А. И. Михайловский-Данилевский справедливо говорит, что графу Аракчееву принадлежит слава перенесения русского оружия в Швецию. Точно, что без его понуждения и решительных мер переход верно бы не состоялся; однако ж, и исполнители этого предначертания имеют право на славу» [32. С. 155–157].

* * *

Итак, оказывается, и Барклай-де-Толли тоже «имеет право на славу». Как говорится, спасибо и на этом. Что же касается сомнений Михаила Богдановича, то тут Фаддей Венедиктович не совсем прав. Понятно, что Александр I нервничал, так как задуманная им «победоносная война» опасно затянулась. Понятно и то, что в голове императора созрела дерзостная по своему новаторству идея переправы армии в Швецию через льды Ботнического залива. Кстати, генерал Кнорринг назвал подобную идею «безумной затеей» и даже написал, что батальоны не фрегаты, чтобы ходить по заливам…

И тогда непосредственное планирование операции было поручено Барклаю-де-Толли, который, будучи истинным представителем российской военной школы, полагал, что невыполнимых приказов не существует. В результате на свет был рожден план стремительного выдвижения войск прямо с зимних квартир и марша тремя колоннами по льду Ботнического залива с первоначальной целью захвата Аландских островов и последующей задачей — броском на Стокгольм.

Относительно же приведенных выше слов А. А. Аракчеева, тут можно заметить лишь две вещи: благоразумие — лучшая черта храбрости и безумству храбрых обычно не песни поют, а исполняют похоронные марши. Легко, сидя на заседаниях военного совета, рассуждать о том, что если бы он слушал всех генералов, да не «столкнул Барклая на лед», то Россия еще на два года «застряла» бы в Финляндии. Гораздо труднее взять на себя ответственность за исход операции и за жизни своих солдат. А вот тут уже граф Алексей Андреевич, сам признававший, что он «не воевода и не брался предводить войсками» [135. С. 208], был не такой большой мастер.

* * *

Но продолжим чтение свидетельств Булгарина, утверждавшего, что он ничего ни у кого не заимствовал и первым в России напечатал рассказ о переходе через Кваркен, составленный им по рассказам очевидцев и официальным документам:

«Ботнический залив, начинающийся у города Торнео, расширяясь постепенно в обе стороны при своем начале, суживается между финляндским городом Васа и шведским Умео, и образует род пролива шириной около 100 верст, называемого Кваркен. Между обоими берегами находятся группы островов; большая часть их состоит из голых необитаемых скал. Летом Кваркен опасен для мореходцев по множеству отмелей и по неровности дна; зимой он замерзает и представляет сухопутное сообщение между противолежащими берегами. Но этот зимний путь всегда опасен и затруднителен: огромные полыньи и трещины во льду, прикрываемые наносным снегом, на каждом шагу угрожают сокрытыми безднами. Часто случается, что внезапные бури разрушают этот ненадежный помост суровой зимы и уносят его в море» [30. С. 51].

Как видим, автор, «разделявший тогда славу и опасности наших воинов» [11. С. 354], прекрасно понимал, что задуманный

переход через пролив Кваркен был весьма опасен и не мог гарантировать успех.

В самом деле, можно сколько угодно раз повторять, что «для русских воинов нет ничего невозможного», но реальная действительность и силы природы не всегда подчиняются одной лишь отваге.

Когда Барклай-де-Толли заступил на место князя Д. В. Голицына, весь Центральный корпус составлял не более 5500 человек пехоты под ружьем, при которых находилось около трехсот казаков и 32 орудия разного калибра. Из них, как мы уже говорили, для перехода через Кваркен невозможно было употребить более трех тысяч человек.

Ф. В. Булгарин дальше пишет:

«По слухам и полученным от пленных известиям в Умео неприятельские силы состояли из четырех рот регулярных войск и 400 человек милиции; но ежедневно ожидали из окрестностей Торнео от трех до четырех тысяч войска, которое не могло оставаться там по недостатку продовольствия. Сверх того, поселяне могли вооружиться и составить сильные воинственные отряды, чему видели уже примеры в Саволаксе, Карелии и на Аландских островах.

Но генерал Барклай-де-Толли, которого предвидение простиралось на дальнейшие следствия экспедиции, помышлял не о числе врагов, а о средствах удерживаться в неприятельской земле в том случае, если бы вскрытие льда на Кваркене отрезало его от сообщения с Васой. Тогда недостаток в продовольствии и трудность переправ через широкие реки в земле неприятельской, при отступлении от Умео для соединения под Торнео с графом Шуваловым могли бы привести отряд в величайшую опасность. Генерал Барклай-де-Толли, тщательно скрывая от своих подчиненных все эти опасения, откровенно изложил перед начальством свои мысли и заключения насчет затруднительного положения, в котором бы он находился, если бы ему надлежало оказаться для дальнейших операций со столь малыми силами на шведском берегу по вскрытии Кваркена» [30. С. 51–52].

Однако медлить было нельзя, а посему он приступил к исполнению высочайшей воли.

Диспозиция Барклая-де-Толли была следующая. Отряд, предназначенный к переходу через Кваркен, разделялся на две части: первая под начальством полковника П. А. Филисова состояла из сотни казаков с войсковым старшиной Киселевым, двух батальонов Полоцкого мушкетерского полка и двух орудий; вторая под начальством генерал-майора Б. М. Берга — из Лейб-гренадерского и Тульского мушкетерских полков, двух сотен

казаков и шести орудий. Всем этим войскам надлежало собраться на прилежащих к финскому берегу Кваркенских островах 5 и 6 марта 1809 года.

В Васе оставался командир Лейб-гренадерского полка генерал-майор В. М. Лобанов с Пермским мушкетерским полком. Он должен был занять город и Кваркенские острова, наблюдать за спокойствием жителей, а по прибытии Навагинского и Тенгинского мушкетерских, а также 24-го и 25-го егерских полков, обеспечить их немедленный переход на шведский берег для соединения с отрядом Барклая-де-Толли.

Отряд собрался в назначенное время на Кваркенских островах, однако один лишний день все же пришлось промедлить в ожидании подвод, проводников и продовольствия.

Фаддей Булгарин рассказывает:

«Войско провело 7 марта на биваках на необитаемом острове Вальгрунде, лежащем в двадцати верстах от берега. Взор терялся в необозримых снежных степях, и остров Вальгрунд, составленный из одних гранитных скал, казался надгробным камнем мертвой природы. Здесь не было никакого признака жизни: ни одно деревцо, ни один куст тростника не оживляли этой картины бесплодия. Зима царствовала здесь со всеми ужасами, истребив все средства к защите от ее могущества. Стужа простиралась до пятнадцати градусов, и войско оставалось на биваках без огней и шалашей» [30. С. 52–53].

Войска расположились бивуаком прямо на ледяных камнях. Приказ Барклая-де-Толли был суров: костров не раскладывать, шалашей не ставить, а часовым глядеть в оба. Солдатам выдали по чарке водки, но она не могла спасти от лютого холода. Солдаты подступили к Михаилу Богдановичу с одним-единственным вопросом:

— Как же греться, ежели костров разжигать нельзя?

— Можете прыгать! — невозмутимо ответил генерал, сам в равной степени деливший с солдатами все тяготы похода.

Генерал Михайловский-Данилевский дополняет этот пугающий рассказ:

«Войско провело 7 марта <…> в необозримых снежных степях и среди гранитных скал, где не было признаков ни жизни, ни куста, ни тростинки. 8 марта, в пять часов утра, отряд тронулся с Вальгрунда в открытое море. Первое отделение, Филисова, шло впереди; за ним следовало второе, Берга, при коем находился Барклай-де-Толли. Резерв состоял из батальона Лейб-гренадерского полка и двадцати казаков. На первом шагу началась борьба с природою. Свирепствовавшая в ту зиму жестокая буря, сокрушив лед, разметала его на всем пространстве

залива огромными обломками. Подобно утесам возвышались они в разных направлениях, то пересекая путь, то простираясь вдоль по дороге. Вдали гряды льдин похожи были на морские волны, мгновенно замерзшие в минуту сильной зыби. Надобно было то карабкаться по льдинам, то сворачивать их на сторону, то выбиваться из глубокого снега. <…> Холод не превышал пятнадцати градусов, и погода была тихая; иначе вьюга, обыкновенное в сих широтах явление, могла взломать ледяную твердыню и поглотить войско. Хотя каждая минута была дорога, но солдатам давали отдых; они едва могли двигаться от изнурения. Лошади скользили и засекали ноги об острые льдины. Артиллерия замедляла движение отряда. К орудиям, поставленным на полозья, отрядили 200 рабочих и, наконец, оставили пушки позади, под прикрытием резерва. К шести часам вечера, пройдя 40 верст за 12 часов, войско прибыло на шведский остров Гадден, предварительно занятый Киселевым, который с 50 казаками и 40 отборными стрелками Полоцкого полка напал на шведский пикет и по упорном сопротивлении рассеял его, но не смог однако же взять в плен всего пикета, отчего несколько солдат спаслись на шведский берег и известили тамошнее начальство о появлении русских на Гаддене и Гольме. Острова сии так же бесплодны, как и лежащие у финских берегов. С трудом можно было достать немного дров. Большая часть войск провела ночь без огней» [93. С. 399–401].

А вот еще несколько весьма красноречивых деталей из рассказа Булгарина:

«Пот лился с чела воинов от крайнего напряжения сил, и в то же время пронзительный и жгучий северный ветер стеснял дыхание, мертвил тело и душу, возбуждая опасение, чтобы, превратившись в ураган, не взорвал ледяной твердыни. Кругом представлялись ужасные следы разрушения, и эти, так сказать, развалины моря напоминали о возможности нового переворота» [30. С. 53].

Барклай-де-Толли предполагал сделать нападение на город Умео с двух сторон. Первому отряду приказано было следовать прямым путем на твердую землю, завязать перестрелку с находившимся там противником, но не напирать сильно, рассчитывая время таким образом, чтобы второй отряд успел прибыть к устью реки Умео.

В полночь второй отряд, при котором находился сам Барклай-де-Толли, выступил с острова Гадден.

«Все представлявшиеся доселе трудности, — продолжает Фаддей Булгарин, — казались забавой в сравнении с сим переходом: надлежало идти без дороги, по цельному снегу выше

колена, в стужу свыше 15 градусов, и русские перешли таким образом 40 верст за 18 часов! Достигнув устья реки Умео, изнуренные воины едва могли двигаться от усталости. Невозможно было ничего предпринять, и войско расположилось биваками на льду в версте от неприятеля, находившегося в деревне Текнес. Из числа шести кораблей, зазимовавших в устье, два были разломаны на дрова, и войско оживилось при благотворной теплоте бивачных огней, которые почитались тогда величайшею роскошью. Казаки того же вечера вступили в дело и после сильной перестрелки отошли в свой лагерь.

Между тем первое отделение, при котором оставалась вся артиллерия, нашло неприятеля, готового к сильной обороне, на острове Гольм. Меткие карельские и саволакские стрелки и Васовский полк занимали крепкую позицию в лесу, защищаясь окопами, сделанными из снега. Русские напали на них с фронта (9 марта в пять часов утра) и встретили отчаянное сопротивление. После сильной перестрелки полковник Филисов послал две роты гренадер в обход, чтобы напасть на шведскую позицию с тыла. Тогда шведы начали быстро отступать по дороге к Умео, теряя множество убитыми и ранеными. Но трудность в движении артиллерии препятствовала первому отделению быстро преследовать неприятеля, и оно едва успело к вечеру достигнуть селения Тефте, лежащего на твердой земле в 15 верстах от города Умео» [30. С. 54].

Говоря об этом переходе, «современники уподобляли его даже переходу Суворова через Альпы» [132. С. 7].

Сам Михаил Богданович потом писал в рапорте:

«Переход был наизатруднительнейший. Солдаты шли по глубокому снегу, часто выше колена, и сколько ни старались прийти заблаговременно, но будучи на марше 18 часов, люди так устали, что на устье реки принуждены мы были бивакировать. Неприятельские форпосты стояли в виду нашем. Понесенные в сем переходе труды, единственно русскому преодолеть только можно» [18. С. 87].

События под Умео генерал А. И. Михайловский-Данилевский описывает следующим образом:

«Шведами в Умео командовал граф Кронштедт. У него было не более 1000 человек; он стоял спокойно, как будто в мирное время. Остальные войска его были распущены по домам. Только что накануне узнал он от спасшихся с острова Гаддена солдат своих о приближении русских и не успел по скорости принять мер обороны, полагая, как после сам сознавался, переход через Кваркен невозможным. <…> Между тем, 10-го, с рассветом, Барклай-де-Толли атаковал и опрокинул передовую цепь его.

Казаки и стрелки, выбившись из глубокого снега, в котором вязли двое суток, обрадовались, выйдя на гладкую дорогу, быстро понеслись за неприятелем и были уже в одной версте от Умео. Убедясь в превосходном числе русских сил и справедливо заключая, что если русские одолели препятствия перехода через Кваркен, то явились на шведский берег с решительностью искупить победу во чтобы то ни стало, граф Кронштедт не хотел вступать в дело, не обещавшее ему успеха, и вознамерился остановить дальнейшие действия наши переговорами. Он выслал переговорщика, предлагая свидание с Барклаем-де-Толли. Ему отвечали, что наступательное наше движение ни под каким предлогом остановлено быть не может, но если он требует пощады, то должен явиться сам. Вслед за тем граф Кронштедт приехал к Барклаю-де-Толли. “Вся Швеция, — сказал он, — желает мира; Густав Адольф лишен престола, о чем уже за восемь дней последовало всенародное объявление”. В удостоверение слов своих показал он печатное объявление о принятии герцогом Зюдерманландским правления, а потом изъявил готовность уступить нам Умео и заключить конвенцию о прекращении военных действий» [93. С. 402–403].

* * *

Вышесказанное нуждается в пояснениях. Действительно, начальник шведских войск граф Кронштедт прибыл к Барклаю-де-Толли и доложил ему, что король Густав IV Адольф лишился престола. Произошло это при следующих обстоятельствах.

В ходе войны король, несмотря на неудачи, упорно отказывался от заключения мира. Более того, он ввел непопулярный военный налог и к тому же разжаловал более сотни гвардейских офицеров из знатнейших семей за трусость, проявленную на поле боя. После этого в окружении короля стала зреть мысль об отрешении его от власти.

В заговоре участвовали многие высшие офицеры и чиновники, а во главе его стоял генерал-адъютант Карл-Иоанн Адлеркрейц. 13 марта 1809 года заговорщики ворвались в покои короля и взяли его под стражу. 29 марта Густав IV Адольф отрекся от престола, и вскоре он и его семья были высланы из страны.

Итог событий в Стокгольме таков:

«Произошел государственный переворот. Гвардейские полки свергли Густава IV. Новым королем риксдаг избрал дядю Густава IV, хорошо известного нам герцога Зюдерманландского,

вступившего на престол под именем Карла XIII» [150. С. 352].

Показанные печатные манифесты убедили Михаила Богдановича в том, что граф Кронштедт говорил ему чистую правду.

О том, как он вслед затем поступил, пишет Фаддей Булгарин:

«Он решился пожертвовать собственным славолюбием общей пользе и достиг цели своего предначертания без пролития крови. Ему легко было одержать блистательную победу над изумленным неприятелем, но он предпочел средства человеколюбивые. По заключенному с графом Кронштедтом условию, город Умео и вся Вестерботния, составляющая почти третью часть всего Шведского Королевства, уступлены русскому оружию. Того же дня (10 марта) русское войско вступило с торжеством в город; в стенах его в первый раз развевались победоносные неприятельские знамена и в первый раз слышались звуки русского голоса. Шведы с удивлением смотрели на русских: каждый воин казался им героем» [30. С. 54–55].

Генерал А. И. Михайловский-Данилевский уточняет:

«В магазинах в Умео найдено было до 1600 бочек разного продовольствия, 4 пушки, 2820 ружей, довольно значительное количество снарядов и аммуниции, а запасов достаточно для месячного продовольствия нашего отряда. Барклай-де-Толли составил, под начальством полковника Филисова, отряд из сотни казаков, Полоцкого полка и двух орудий и отправил его по дороге к Торнео, где, по слухам, были шведские магазины с запасными снарядами, орудиями, ружьями, порохом, свинцом, амуницией и хлебом» [93. С. 405].

* * *

А вечером 11 марта было получено известие о перемирии вместе с неожиданным приказом о возвращении в Васу.

«Барклаю тяжело было выполнить этот приказ. Он принял все меры, чтобы обратное движение “не имело вида ретирады”. Поэтому главные силы двинулись не ранее 15 марта, а арьергард — только 17 марта. Не имея возможности вывезти военную добычу (14 орудий, около 3000 ружей, порох и прочее), Барклай объявил в специальной прокламации, что оставляет все захваченное “в знак уважения нации и воинству”» [150. С. 351].

Биограф Барклая-де-Толли В. Н. Балязин трактует задержку несколько иначе:

«Сколь ни был он (Барклай. — С. Н.) воспитан в духе беспрекословного повиновения приказу, все же решил дать

солдатам еще трое суток отдыха» [8. С. 237].

Войска Барклая-де-Толли выступили двумя эшелонами и в три перехода достигли острова Бьорке, откуда направились на старые квартиры в районе Васы. Несмотря на страшный мороз, обратное движение по проложенной уже дороге было намного легче, чему способствовали также теплая одежда и одеяла, взятые со шведских складов, а также подводы для ослабевших и больных солдат и снаряжения. При выступлении из Умео местный губернатор, магистрат и представители сословий поблагодарили Михаила Богдановича за великодушие русских войск.

Следует отметить, что усилиями Барклая-де-Толли, показавшего себя превосходным военным администратором, его войска были тщательно подготовлены к маршу по ледяному пространству, пронизываемому морозным ветром. Солдаты получили под шинели овчинные безрукавки, были также сделаны изрядные запасы специального продовольствия — сухарей, сала и водки (все это на морозе не замерзает). Лошади были кованы подковами с шипами, а на колеса орудий и зарядных ящиков нанесены насечки, чтобы они не скользили на льду.

* * *

Е. В. Анисимов оценивает поход Барклая-де-Толли следующим образом:

«Переход отряда Барклая по морскому льду, через торосы Ботнического залива, в мороз, без отдыха, 18 часов кряду, вошел в историю русского военного искусства как уникальное, неповторимое явление» [5. С. 322].

Ф. В. Булгарин не может скрыть своего восхищения:

«Наш век — век чудес и славы воинской! Революционная война Франции и знаменитая борьба России с могуществом Наполеона отвратили внимание удивленной Европы от посторонних подвигов, которые не имели особенного влияния на участь большого европейского семейства. История, поэзия, живопись, ваяние истощились в изобретении памятников славы и доблести. Но придет время, что художники обратят свое внимание и на чудесное покорение Финляндии. Тогда вспомнят и о Кваркене. Надежнее и вернее всех искусственных памятников самый Кваркен сохраняет предание о неимоверной неустрашимости русского воинства. Благородные потомки не забудут славных дел; они станут повторять с гордостью имена героев, прославивших русское оружие, и с благодарностью скажут: его предок был с Барклаем на Кваркене!» [30. С. 55].

Мнение издателя и журналиста Ф. В. Булгарина:

Барклай-де-Толли создан был для командования войсками. Фигура его, голос, приемы, все внушало к нему уважение и доверенность. В сражении он был так же спокоен, как в своей комнате или на прогулке. Разъезжая на лошади шагом, в самых опасных местах он не обращал внимания на неприятельские выстрелы и, кажется, вполне верил русской солдатской поговорке: пуля виноватого найдет. 3-й Егерский полк обожал своего старого шефа, и кто только был под его начальством, тот непременно должен был полюбить своего храброго и справедливого начальника [132. С. 7].

«Прыжок» по служебной лестнице

К сожалению, как нередко бывает, «уникальное, неповторимое явление» оказалось почти бесполезным. По крайней мере с военной точки зрения. Ко всему прочему, Барклай-де-Толли «на обратном пути ощутил лихорадочный жар и озноб и свалился в сани, под медвежью полость. Дали о себе знать и боли в руке: его привезли в Васу уже совершенно больным» [8. С. 237].

А 19 (31) марта в Або прибыл Александр I и повелел прервать заключенное со шведами перемирие. Просто императору показалось, что, когда русские войска покинули шведскую территорию, новое шведское правительство начало выдвигать неприемлемые для России условия мира. В связи с этим Александр приказал корпусу графа П. А. Шувалова вновь вступить на территорию Швеции с указанием ему и Барклаю-де-Толли, «чтобы они отнюдь не переставали свои действия, хотя бы парламентеры к ним и были присланы» [103. С. 568].

Опять возобновилась эта всем уже порядком надоевшая война…

Не успел Михаил Богданович поправиться, как им было получено сразу несколько извещений.

Во-первых, он, «покрыв себя славой в обе кампании, а особливо переходом Ботнического залива через Кваркен, удостоился особенных монарших милостей — 20 марта 1809 года был он пожалован генералом от инфантерии» [141. С. 133].

Во-вторых, 29 мая, он был назначен на должность главнокомандующего русской армии в Финляндии вместо Б. Ф. Кнорринга, уволенного на покой.

В-третьих, в тот же день, 29 мая, Михаил Богданович был назначен генерал-губернатором, то есть получил «власть

неограниченную во всей Финляндии» [103. С. 568].

* * *

Безусловно, возвышен Михаил Богданович был за дело, тем более что давно уже пользовался благосклонностью Александра I. В частности, еще в феврале 1808 года император писал графу А. А. Аракчееву:

«Слава Всевышнему! Кажется, должно весьма довольну быть. А Барклай-де-Толли час от часу мне более нравится» [103. С. 563].

Наглядным показателем этой благосклонности служит число приглашений отобедать вместе с императором: их у Барклая-де-Толли до 1806 года включительно не было, но зато в 1807 году таких приглашений уже было 12, а в 1808 году — 38 [103. С. 719].

И тем не менее…

Подобный «прыжок» Барклая-де-Толли по служебной лестнице — всего за два года из генерал-майоров в «полные генералы» — «сразу же вызвал у многих обойденных генералов волну недоброжелательства и озлобленности, которая сопровождала Барклая до самого конца жизни» [8. С. 238–239].

Поясним. В 1809 году в русской армии насчитывался 61 генерал-лейтенант. В этом списке Михаил Богданович занимал лишь 47-е место по старшинству производства, а это значило следующее: когда император пожаловал его в генералы от инфантерии, обойденными оказались 46 человек. Все они сочли себя незаслуженно обиженными и начали возмущенно обсуждать «выскочку Барклая» — некоторые даже в знак протеста подали прошение об отставке, и «конфликт был еле улажен после вмешательства Александра I» [132. С. 8].

Понять этих людей, в принципе, можно. К понятию «старшинства» в тогдашней армии относились весьма щепетильно. Конечно, мало кто рисковал высказываться против стремительных карьерных взлетов царских фаворитов, но ведь Барклай-де-Толли к таковым явно не относился, и его недавние боевые товарищи просто не могли принять подобную, как им казалось, несправедливость.

Возмущенному, как и другие, генерал-лейтенанту Д. С. Дохтурову — он был чуть младше Михаила Богдановича по возрасту, но генерал-лейтенантом стал еще в 1799 году — император даже послал письмо следующего содержания:

«На войне возможности проявить себя не выбираются: не всем

предоставляется один и тот же благоприятный случай в одно и то же время. Но когда военные обстоятельства таковы, что кто-то имеет возможность совершить выдающийся поступок, было бы несправедливым для всей службы наградить такой поступок продвижением, основанным только на старшинстве. Поэтому я и сделал правилом никогда не принимать во внимание такие соображения» [8. С. 240].

А Барклаю-де-Толли император написал:

«Призвав вас к командованию Финляндской армией, я руководствовался лишь чувством справедливости и уважения к вашим военным дарованиям и личным качествам» [8. С. 240].

К счастью, благородный и чуждый интриг Барклай-де-Толли не обращал на происходящее вокруг него никакого внимания и оставался вторым после императора человеком в Финляндии до января 1810 года.

Окончание боевых действий

Война продолжалась, и императору Александру I нужно было подтверждение закрепления Финляндии за Россией.

Когда Барклай-де-Толли стал главнокомандующим русской армии в Финляндии, она насчитывала около 40 тысяч человек. Едва вступив в командование, он получил «строгий указ государя не прекращать войны со Швецией» [5. С. 325]. После этого часть войск он направил в район шведского города Умео, где находился граф П. А. Шувалов с отрядом в пять тысяч человек. На этот раз полки шли не через Кваркен, а обходным путем — по берегу Ботнического залива.

В это время командующим шведскими войсками на севере страны был назначен генерал Георг-Карл фон Дёбельн. Прибыв в Умео, он «прибег для задержания русских к прежней уловке. Он обратился к графу Шувалову с предложением переговорить о перемирии. Шувалов отправил письмо Дёбельна главнокомандующему Барклаю-де-Толли и приостановил наступление» [150. С. 354–355].

Естественно, Михаил Богданович отверг перемирие и распорядился, чтобы П. А. Шувалов угрожал противнику ведением войны в самой Швеции. Но, к сожалению, распоряжение это опоздало, и граф, не дождавшись ответа, заключил со шведами предварительную конвенцию.

«Ошибка, допущенная Шуваловым, существенно отразилась <…> на ходе всей кампании. Оставив командование корпусом, Шувалов сдал его старшему после себя генерал-майору Алексееву. Последний занял Умео, а затем продвинул передовые

части к южным границам Вестерботнии, заняв отдельными отрядами ряд пунктов на побережье Ботнического залива» [150. С. 354–355].

* * *

Если в качестве главнокомандующего Барклай-де-Толли мог мобилизовать весь свой многолетний военный опыт, то в области гражданской администрации все обстояло значительно сложнее. Причиной тому была «неопытность в делах гражданских, связанных с множеством ведомств, с которыми Барклаю не доводилось вступать в сношения» [8. С. 241].

Первым серьезным экзаменом для него стало посещение Александром I своего нового владения в июле 1809 года. «Барклай встречал Александра в десяти верстах к востоку от Борго на границе с Россией» [8. С. 245]. Император приехал в связи с закрытием первой сессии Финляндского Сейма и смог на месте убедиться, как много уже сделано Барклаем-де-Толли. Государь произнес заключительную речь, которой завершилась сессия, пообещав внимательно относиться ко всем просьбам парламента Финляндии, посылаемым на его имя.

«Почти все время Барклай был рядом с императором» [8. С. 245]. Вместе они ездили в Свеаборг, где Александр I несколько часов осматривал бесчисленные казематы и подземные галереи крепости, ее гигантские склады и казармы. Проведенный затем военный парад завершил поездку императора в Финляндию. Император остался весьма доволен жестким, но справедливым порядком, наведенным его представителем.

* * *

Между тем война продолжалась. В довершение ко всему, в Финский залив вторглись британские военные корабли, перерезали морские коммуникации между Кронштадтом и портами Финляндии и захватили 35 русских торговых и транспортных судов. При этом «русский флот боялся англичан и отстаивался в Кронштадте, поэтому шведы безраздельно господствовали на море» [150. С. 355].

«На суше же дела русских шли гораздо лучше» [8. С. 246].

Генерал Алексеев атаковал шведов близ местечка Гернефорс. «Вечером 21 июня передовые части шведов были разбиты у Седермьеле, а на следующее утро вновь завязался бой на фронте,

но русские войска были отбиты» [150. С. 355–356]. Местность у Гернефорса была неудобна для боя, однако шведы продолжали стоять там 23, 24 и 25 июня. А вечером 25-го числа часть войск генерала Алексеева пошла в обход левого фланга противника, через казавшийся непроходимым лес. «Это нападение оказалось для шведов полной неожиданностью. <…> В бою под Гернефорсом шведы потеряли пленными 5 офицеров, 125 нижних чинов и часть обоза. Забавно, что после успеха у Гернефорса Александр I отстранил И. И. Алексеева от командования корпусом и назначил вместо его графа Н. М. Каменского» [150. С. 355–356].

4 августа Барклай-де-Толли приказал генералу Каменскому идти на Умео. «Каменский со свойственной ему решимостью подошел к делу по-суворовски» [5. С. 325]. Однако, действуя так, он почти сразу же попал в трудное положение: ему угрожало окружение и полное уничтожение его отряда. В результате граф Каменский отступил к северу, где сумел выиграть бой у местечка Севар. Но шведы продолжили его преследовать и навязали ему бой у селения Ратан. Однако и здесь отважный Н. М. Каменский, несмотря на численное превосходство шведов, не дал одержать над собой победы. Более того, он выиграл и этот бой.

«Шведы, со своей стороны, отправили в Ратан 2 линейных корабля и 106 перевозных судов с 8000 человек сухопутных войск. Всем вооружением командовал адмирал Пуке, а под ним, сухопутными силами, граф Вахтмейстер. Войскам назначено было выйти на берег в Ратане и атаковать графа Каменского с тыла, а граф Вреде с 6000-м корпусом Сандельса должен был устремиться на него с фронта. <…> Совокупным нападением шведы хотели окружить и разбить Каменского и поражением его склонить Россию к большей уступчивости в требованиях» [93. С. 466].

Но у них ничего не получилось. У русских в этих двух боях было убито и ранено до 1500 человек, у шведов — более двух тысяч. Е. В. Анисимов называет это «яркой победой Каменского», но после нее он, «вместо развития успеха, вдруг начал отступать» [5. С. 326].

«Блистательны были подвиги графа Каменского в Вестерботнии, однако же в Петербурге нашли они порицателей. Полагали, что отступление его от Умео к Питео и заключенное им перемирие могли поощрить шведов к упорству не уступать нам Аландских островов. Особенно был недоволен граф Румянцев[22], говоря, что победы Каменского должны быть прямейшим путем к заключению мира, и просил не только о повелении графу Каменскому идти вперед, но утверждал необходимость сделать высадку близ Стокгольма» [93. С. 484–485].

Когда император Александр сообщил Барклаю-де-Толли, что отступление к Питео может иметь невыгодное для России влияние на ход переговоров со шведами, «он с благородным жаром вступился за победителя при Севаре» [93. С. 485].

Взяв сторону своего подчиненного, главнокомандующий ответил государю:

«Решимостью отступить от превосходного неприятеля граф Каменский вывел войска с большим успехом из затруднительного положения, избегнул быть окружен непременно, если бы шведы были деятельнее и искуснее, предупредил голод в войсках и недостаток в патронах и снарядах. <…> Счастливо войско, имея предводителем столь искусного, деятельного и храброго генерала» [93. С. 485].

Ответ императора был неожиданно доброжелателен: «Признаю в полной мере всю основательность распоряжений графа Каменского, достойных всякой похвалы и открывающих в нем искуснейшего генерала» [93. С. 486].

А вслед за этим, благодаря принципиальности и известной смелости Михаила Богдановича, последовала награда: граф Н. М. Каменский, несмотря на высокопоставленных «порицателей», получил орден Святого Александра Невского с бриллиантами и 12 тысяч рублей.

* * *

«Между тем шведы опять завели речь о перемирии. После непродолжительных переговоров недалеко от Шеллефтео было заключено перемирие, по которому русские задерживались в Питео, а шведы — в Умео, не считая авангардов. Шведский флот отводился от Кваркена и обязывался не действовать против Аланда и финляндских берегов. <…>

В Петербурге сочли за лучшее не отвечать на предложения шведов. Вместе с тем Каменскому было приказано готовиться к наступлению. <…> Эти меры имели целью вынудить шведов дать согласие на такие условия мира, которые были выгодны русским» [150. С. 357].

Переговоры о мире шли с 26 июля (7 августа) в Фридрихсгаме (ныне это город Хамина в Финляндии), их вели генерал Стединг и граф Румянцев. Главным козырем последнего было нахождение русских войск на Аландских островах, откуда они могли двинуться прямо на Стокгольм.

После полутора месяцев переговоров это обстоятельство сыграло свою роль, и 5 (17) сентября 1809 года был подписан

мирный договор. Его основными пунктами были:

— заключение мира между Россией и Швецией;

— принятие Швецией Континентальной системы и закрытие шведских гаваней для англичан;

— уступка всей Финляндии и Аландских островов в вечное владение России.

Теперь уже российская граница со Швецией была установлена у Торнео — в пятистах километрах к западу от Санкт-Петербурга.

Фридрихсгамский мир был заключен «ровно через сто лет после победы под Полтавой, и придворные льстецы объявили Александра I преемником Петра Великого» [8. С. 250].

Вскоре, 9 сентября, Михаил Богданович был удостоен ордена Святого Александра Невского. Тем самым государь продемонстрировал, что он не ошибся в выборе и генерал-губернатор оправдал его надежды.

Более того, став финляндским генерал-губернатором, Михаил Богданович своей справедливостью, строгой дисциплиной войск и заботами о благе местных жителей приобрел себе любовь и уважение всех финнов. На этом посту он многое сделал для укрепления государственной границы, а близость к Санкт-Петербургу давала ему возможность установить связи при императорском дворе и наглядно продемонстрировать свои способности. Фактически он стал очень важным сановником империи, ибо у Великого княжества Финляндского (так стала называться завоеванная страна) был особый статус, не позволявший равнять ее с другими губерниями. Это было почти «государство в государстве» со своим парламентом и своими законами.

Глава пятая
Военный министр

Министр военных сухопутных сил

Но пробыл на посту генерал-губернатора Барклай-де-Толли недолго. «20 января 1810 года последовало новое, еще более высокое его назначение — военным министром России» [105. С. 170]. Точнее, Михаил Богданович стал министром военных сухопутных сил.

К 1810 году вероятность нового военного конфликта с Наполеоном стала настолько явной, что император Александр решил возложить на главу военного ведомства задачу всесторонней подготовки к будущей войне. Генерал от артиллерии граф Алексей Андреевич Аракчеев, занимавший этот пост с января 1808 года, был назначен на должность председателя Департамента военных дел во вновь учрежденном тогда Государственном совете, с правом присутствовать в Комитете министров и в Сенате.

«Имя графа Аракчеева обычно связывают с созданием военных поселений и введением в России так называемой палочной дисциплины. Между тем Аракчеев занимает весьма значительное место в русской истории первой трети XIX века. <…> На его гербе были начертаны слова “Без лести предан”. <…> Император доверял ему настолько, что приказал, чтобы распоряжения Аракчеева исполнялись наравне с его собственными» [72. С. 49–50].

Департаменту военных дел должны были подчиняться два министерства: военных сухопутных сил и морских сил. Император спросил Аракчеева, с кем бы ему хотелось служить, и он назвал генерала Барклая-де-Толли и адмирала Павла Васильевича Чичагова.

При этом «Барклай ничьей поддержкой при дворе не пользовался, напротив того, имел множество недоброжелателей, был начисто лишен всяких способностей к заговорам и козням, и Аракчеев полагал, что он, подобно другим генералам, будет беспрекословно подчиняться ему, председателю Военного департамента» [8. С. 255].

Граф А. Ф. Ланжерон написал тогда:

«Назначив Барклая военным министром, государь не мог сделать лучшего выбора, так как он был человек весьма умный, образованный, деятельный, строгий, необыкновенно честный, а

главное — замечательно знающий все мелочи жизни русской армии» [72. С. 96].

С другой стороны, по словам генерала А. П. Ермолова, столь стремительным возвышением Барклай-де-Толли «не только возбудил против себя зависть, но приобрел много неприятелей» [105. С. 170].

«Но сам Михаил Богданович не был в этом повинен. Он не был царедворцем, карьеристом, чурался заискиваний среди приближенных к царской династии особ и фаворитов. Однако и старинная военная знать, и новоявленная аристократия относились к нему как к человеку, выдвинувшемуся случайно и, главное, — будто бы незаслуженно, благодаря капризу Александра I. Ни военные, ни административные заслуги Барклая-де-Толли окружающими всерьез не воспринимались» [105. С. 170].

А между тем, уже занимая министерский пост, Барклай-де-Толли «одновременно был назначен сенатором и членом Государственного Совета. Под его руководством российская армия была увеличена почти вдвое, значительно пополнены арсеналы, подготовлены к обороне новые крепости[23], что в значительной мере подготовило российские вооруженные силы к войне с Наполеоном в 1812 году» [104. С. 78].

Заслуги Михаила Богдановича на новом посту отмечают многие. Например, Н. А. Троицкий пишет, что именно Барклай-де-Толли «возглавил всю подготовку к войне и повел ее энергично и планомерно» [136. С. 37].

Мнение историка А. Г. Тартаковского:

Не последнюю роль в отношении к Барклаю правительственных верхов играли и некоторые черты его характера, поведения. Внутренне ощущая, видимо, прерванную связь со своим древним шотландским родом, он держался порой с гордым и суровым отчуждением, в житейских и деловых обстоятельствах был независим и холоден с окружающими, но главное, пренебрегал нормами придворной жизни («неловкий у двора», как удачно подметил это А. П. Ермолов). Барклай не был царедворцем, чурался искательства среди приближенных к правящей династии особ и всем складом своей биографии и своим обликом воспринимался и старинной военной знатью, и новоявленной аристократией как лицо, выдвинувшееся случайно и незаслуженно.

Нечего и говорить, что такая «социальная репутация» сильно воздействовала на отношение к Барклаю в определенных общественных кругах и впоследствии [132. С. 8].

Новый министр вместе с семьей поселился в двухэтажном особняке на Невском проспекте.

Он прекрасно понимал, что «Военное министерство было одним из самых громоздких центральных учреждений России, где служило и наибольшее количество чиновников. <…> Что же касается волокиты и бюрократизма, рутины и казнокрадства, то военные ни в чем не уступали своим статским коллегам» [8. С. 266J. Все это нуждалось в срочном реформировании, и эта задача очень напоминала задачу легендарного Геракла по очистке авгиевых конюшен, а еще больше — сизифов труд.

«Следовало создать такое министерство, в котором бы быстро и четко взаимодействовали все департаменты и “особенные установления”, не дублируя деятельность друг друга и, что еще важнее, не внося в дело сумятицы и бестолковщины» [8. С. 277]. В первые же месяцы работы на новом месте Барклай-де-Толли сделал выговоры возглавлявшим самые «проблемные» департаменты министерства генералам П. И. Меллеру-Закомельскому (провиантский) и А. И. Татищеву (хозяйственный), хотя важное дело с места сдвигаться не торопилось.

Можно выделить четыре основных направления подготовки к войне с Францией, по которым работал Михаил Богданович: крепостное строительство; обеспечение войск запасами продовольствия, фуража, боеприпасами и оружием; реформирование Вооруженных сил. О четвертом направлении — несколько ниже.

«С 1810 года резко пошла вверх кривая военных расходов России» [136. С. 37]. В 1809 году они составляли 64,7 миллиона рублей, в 1810 году — 92 миллиона рублей, а в 1811 году — 113,7 миллиона рублей, причем только на сухопутные войска [121. С. 142].

Укрепление армии при Барклае-де-Толли шло очень быстро. Как пишет генерал М. И. Богданович, «на конец 1810 года она насчитывала 400–420 тысяч человек с 1552 орудиями [19. С. 57]. К июню 1812 года число войск было доведено до 480 тысяч человек с 1600 орудиями» [19. С. 59].

Похожие цифры называет и военный историк Д. П. Бутурлин: «Во всей российской армии находилось около 400 тысяч человек регулярных войск, к коим должно еще присовокупить с лишком 70 тысяч человек гарнизона и более 100 тысяч нерегулярных войск» [33. С. 81].

По его данным, «в российской армии состояло всего 498 батальонов и 409 эскадронов, не считая 97 гарнизонных батальонов. Внутренний состав дивизий также изменился:

кавалерия, отделенная от пехоты, разделена была на две кирасирские, восемь кавалерийских и одну гвардейскую кавалерийскую дивизии. <…> Вся пехота разделена была на 27 дивизий, не считая лейб-гвардии, составившей отдельную дивизию» |33. С. 82–83].

«Образование столь многочисленной армии не истощило деятельности российского правительства: оно пеклось также и о составлении сильных резервов. Высочайшим указом от 16 сентября 1811 года предписан был рекрутский набор, по 4 человека с 500 душ мужеского пола. <…> Сей набор послужил к составлению многочисленных рекрутских депо, расположенных во внутренних губерниях, ближайших к тем, в коих собирались армии» [33. С. 99].

В конечном итоге все сухопутные силы Российской империи составили более пятисот тысяч человек регулярных войск. Такого в России не было никогда! Более того, армия получила четкую организационную структуру. Была введена корпусная система, упорядочена штабная служба, опробованы новые принципы обучения войск. Кроме того, Михаил Богданович руководил изданием «Учреждения для управления Большой действующей армией», которое должно было создать строгую организацию военно-хозяйственных ведомств в военное время и вместе с тем преподать правила для действий войсковых органов и отделов Военного министерства.

Такой основополагающий документ исключительной важности, заменивший устаревший Устав 1716 года, был подготовлен. В нем, в частности, была создана «четкая структура взаимодействия главнокомандующего с командующими армиями, с корпусными и дивизионными начальниками и их штабами — и по горизонтали, и по вертикали» [8. С. 279].

Как видим, «на посту военного министра М. Б. Барклай-де-Толли добился серьезных результатов» [105. С. 170].

Организация разведки и контрразведки

Но это еще не все. Огромное внимание Барклай-де-Толли уделил созданию военной разведки и контрразведки. Он «хорошо понимал необходимость существования специальных органов, в обязанности которых входило бы наблюдение за приготовлениями “соседей” и охрана военных тайн от нескромных посягательств иностранцев» [13. С. 49].

Разведывательная деятельность возглавляемого им ведомства велась в трех направлениях: стратегическая разведка — добыча стратегически важных сведений за границей, тактическая

разведка — сбор сведений о противнике на границах России и контрразведка — выявление и нейтрализация агентуры спецслужб Франции и ее союзников.

Большую роль в создании военной разведки сыграл князь Петр Михайлович Волконский, который после заключения Тильзитского мира был направлен во Францию для изучения устройства французской армии и ее Генерального штаба, а по возвращении оттуда, в 1810 году, был назначен генерал-квартирмейстером Главного штаба русской армии.

Вернувшись из командировки, Волконский представил отчет «О внутреннем устройстве французской армии генерального штаба». Находясь под впечатлением от этого отчета, Барклай-де-Толли поставил перед Александром I вопрос об организации постоянного органа стратегической военной разведки.

Первым таким специальным органом, занимавшимся руководством и координацией деятельности разведки, стала созданная в январе 1810 года «Экспедиция секретных дел при Военном министерстве», — в январе 1812 года ее переименовали в «Особенную канцелярию при военном министре».

Штат «Экспедиции секретных дел» состоял из управляющего, четырех экспедиторов и переводчика. Все это были подобранные самим Барклаем-де-Толли молодые люди, хорошо владевшие иностранными языками. Они подчинялись непосредственно министру, результаты их деятельности не включались в ежегодный министерский отчет, а круг обязанностей определялся «особоустановленными правилами» [73. С. 455].

Первыми руководителями военной разведки России поочередно становились три близких к Барклаю-де-Толли человека: с 29 сентября 1810 года — полковник Алексей Васильевич Воейков, воевавший вместе с Михаилом Богдановичем в Финляндии; с 21 марта 1812 года — 25-летний полковник граф Арсентий Андреевич Закревский, который ранее был старшим адъютантом Барклая-де-Толли; с 10 января 1813 года — полковник Петр Андреевич Чуйкевич, автор книг «Подвиги казаков в Пруссии»[24] и «Стратегические рассуждения о первых действиях россиян за Дунаем»[25], обративших на себя внимание военного министра, который и пригласил Чуйкевича на службу в Секретную экспедицию.

* * *

В январе 1810 года Барклай-де-Толли имел разговор с императором Александром о необходимости организации

стратегической военной разведки за границей и попросил высочайшего разрешения направить в русские посольства специальных военных агентов с тем, чтобы они собирали сведения о численности войск, «об устройстве, оборудовании и вооружениях, расположении по квартирам с означением мест главных запасов, о состоянии крепостей, способностях и достоинствах лучших генералов и расположении духа войск». Кроме того, они должны были «доставлять сведения об экономике страны и представлять свои планы возможных военных действий» [13. С. 51]. Эти военные агенты должны были находиться при дипломатических миссиях под видом адъютантов при послах-генералах или служащих Министерства иностранных дел.

«Инициатива военного министра получила поддержку императора Александра I» [73. С. 455]. Он согласился с предложениями Барклая-де-Толли, и для выполнения секретных поручений в зарубежные командировки были направлены следующие офицеры:

— полковник Александр Иванович Чернышев — в Париж;

— полковник Федор Васильевич Тейль фон Сераскеркен — в Вену;

— полковник Роберт Егорович Ренни — в Берлин;

— поручик Григорий Федорович Орлов — в Берлин;

— майор Виктор Антонович Прендель — в Дрезден;

— поручик Павел Христианович Граббе — в Мюнхен;

— поручик Павел Иванович Брозин — в Кассель, потом в Мадрид.

Разведывательные задачи им надлежало выполнять тайно. Так, в инструкции майору В. А. Пренделю указывалось:

«Настоящее поручение ваше должно подлежать непроницаемой тайне, посему во всех действиях ваших вы должны быть скромны и осторожны. Главнейшая цель вашего тайного поручения должна состоять, чтобы <…> приобрести точные статистические и физические познания о состоянии Саксонского королевства и Варшавского герцогства, обращая особое внимание на военное состояние <…> а также сообщать о достоинствах и свойствах военных генералов» [78. С. 15].

Особо отличился на этом поприще полковник Чернышев, участвовавший в русско-французских войнах 1805–1807 годов в рядах Кавалергардского полка. Он «формально являлся особым курьером по переписке между Александром I и Наполеоном» [73. С. 456]. За короткий срок этому выдающемуся разведчику удалось создать во Франции сеть информаторов в правительственной и военной сферах. Будучи человеком обаятельным и наблюдательным, он постоянно расширял круг своих знакомств.

«Надо ли говорить, как загремело его имя в Париже! Он стал желанным гостем во всех салонах, министерствах и канцеляриях. Познакомиться с ним почитали за честь маршалы и герцоги, графы и генералы. Чернышев мотался по Парижу, веселился, танцевал, флиртовал, болтал о пустяках и между делом узнавал, что маршал Даву отбыл в Польшу для инспекции польских формирований, мечтающих вместе с французами выступить против ненавистной России, а маршал Удино приобретает все большее влияние на императора и настаивает на скорейшей кампании за Неманом и Днепром» [126. С. 113].

А. И. Чернышев в своих донесениях в Россию отмечал все значительные явления французской политической жизни. Так, например, уже 23 декабря 1810 года он написал, что «Наполеон уже принял решение о войне против России, но пока что выигрывает время из-за неудовлетворительного положения его дел в Испании и Португалии» [78. С. 15]. Докладывал он и о попытках Наполеона привлечь на свою сторону Австрию и Турцию. Он вел секретные переговоры с приближенным к Наполеону генералом швейцарского происхождения Антуаном-Анри Жомини, уговаривая его перейти на русскую службу, что позже и произошло.

Кстати, в декабре 1810 года А. И. Чернышеву исполнилось только лишь 25 лет. Даже скупой на похвалы Александр I как-то не удержался и написал на полях одного документа: «Зачем не имею я побольше министров, подобных этому молодому человеку!»[26] [126. С. 114].

Одним из важнейших завербованных информаторов Чернышева стал чиновник Военного министерства Франции по фамилии Мишель. «Он входил в группу сотрудников, которые раз в две недели составляли лично для Наполеона в единственном экземпляре сводку о численности и дислокации французских вооруженных сил» [69. С. 7]. Копию этого документа Мишель передавал полковнику Чернышеву, а тот отправлял ее в Санкт-Петербург.

14 февраля 1812 года Чернышев покинул Париж, чтобы возвратиться в Санкт-Петербург. Французская полиция тут же начала обыск в его парижской квартире. В камине оказалась большая куча пепла, однако, подняв ковер, сыщики обнаружили письмо, подписанное буквой «М» — очевидно, оно попало туда, когда Чернышев бросал в камин бумаги. Это была непростительная небрежность разведчика! Автор письма — Мишель — был найден, арестован и гильотинирован.

Весьма ценным русским агентом во Франции стал Шарль-Морис Талейран де Перигор, князь Беневентский, бывший

министр иностранных дел Наполеона. В сентябре 1808 года он сам предложил свои услуги русскому императору и за огромное вознаграждение сообщал о состоянии французской армии и планах Наполеона. Например, в декабре 1810 года он написал, что Наполеон готовится к нападению на Россию и даже назвал срок нападения: апрель 1812 года.

Несмотря на то что переписка Талейрана с императором Александром велась с соблюдением всех правил конспирации, Наполеону стало известно об этом. В результате 28 января 1809 года произошла знаменитая сцена, многократно приводившаяся во всевозможной мемуарной литературе. Император в тот день набросился на Талейрана со словами:

«Вы вор, мерзавец, бесчестный человек! Вы не верите в Бога, вы всю вашу жизнь нарушали все ваши обязательства, вы всех обманывали, всех предавали, для вас нет ничего святого, вы бы продали вашего родного отца!.. Почему я вас еще не повесил на решетке Карусельской площади? Но есть, есть еще для этого достаточно времени! Вы — грязь в шелковых чулках! Грязь! Грязь!..» [129. С. 112–113].

Однако у разгневанного Наполеона не оказалось конкретных доказательств предательства Талейрана, и гроза прошла стороной…

* * *

Помимо стратегической разведки, Барклай-де-Толли уделял большое внимание тактической разведке и контрразведке, которые вели своими силами командующие полевыми армиями и корпусами, дислоцированными на западной границе. «В качестве агентов использовались местные жители пограничных районов, а также люди самых разных слоев общества, временно выезжавшие за границу» [13. С. 56]. Часто это были совершенно случайные лица.

«По приказу Барклая-де-Толли с 1810 года командиры русских частей начали посылать агентов в соседние государства» [73. С. 457].

Один из интереснейших эпизодов деятельности русской разведки связан с так называемым «делом Савана». Отставной ротмистр русской службы Давид Саван, происходивший из прусских дворян, проживал с семьей в Варшаве. Не имея средств к существованию, он пытался получить место учителя, но это у него не вышло. Начальник Генерального штаба и куратор разведслужбы герцогства Варшавского генерал Станислав Фишер

«предложил ему помощь в подыскании места работы, но за это попросил прежде выполнить поручение на русской территории. Находясь практически в безвыходном положении, Саван был вынужден принять предложение Фишера. Снабженный инструкцией и деньгами, он в начале 1811 года перешел границу, но, прибыв в Вильно, добровольно явился к командованию русской армии и рассказал о полученном задании. В создавшейся ситуации было решено использовать человека, доказавшего свою преданность России. В обратный путь Саван отправился уже как русский контрразведчик» [13. С. 58–59]. Он доставил интересовавшие генерала Фишера «сведения», специально подготовленные в штабе Барклая-де-Толли.

Более того, находясь в Варшаве, Давид Саван смог получить ряд ценных сведений, которые передал командованию русской армии. В начале 1812 года Саван как агент, успешно справившийся с предыдущим заданием, был направлен в подчинение барона Луи-Пьера Биньона — резидента французской разведки в Варшаве.

Послужной список Давида Савана с марта 1812 года пополнился рядом успешных действий по выявлению французских тайных агентов. В частности, при его содействии была изобличена группа прибалтийских банкиров во главе с неким Меньцельманом, снабжавшая деньгами агентуру Наполеона в России. По его сообщению начались поиски французов Пенетро и Годена, которые под предлогом закупки мачтового леса разъезжали по западным областям России, собирая сведения о русской армии. С помощью Савана попал под негласное наблюдение один из самых активных резидентов французской разведки Антон Беллефруа, официально занимавший должность супрефекта города Тикочина.

С участием Савана было также организовано одно из мероприятий по дезинформации: он передал сотрудникам-французам подложный приказ Барклая-де-Толли о дислокации русских войск на ближайшие месяцы. Из него следовало, что русские войска не будут пытаться сами перейти Неман, но будут активно противодействовать переправе и обязательно дадут генеральное сражение в приграничной полосе. В подтверждение этого в начале июня император Александр вместе с исполняющим обязанности начальника Генерального штаба генералом Беннигсеном демонстративно произвел рекогносцировку местности в районе города Вильно. Именно на основе полученной от Савана информации Наполеон разработал план разгрома русских войск в приграничном сражении, о котором на самом деле не было и речи.

* * *

В начале 1812 года император Александр I подписал три секретных документа — «Уложение для управления Большой действующей армией», «Инструкция начальнику Главного штаба по управлению Высшей воинской полицией» и «Инструкция директору Высшей воинской полиции». «Эти документы вобрали в себя представления Барклая-де-Толли и его окружения о подходах к организации и ведению военной разведки и контрразведки накануне и во время боевых действий» [69. С. 9].

В инструкциях указывались обязанности различных чинов контрразведки, приводились правила, способы и методы работы с агентурой, сбора и передачи сведений. В дополнении к «Инструкции начальнику Главного штаба по управлению Высшей воинской полицией» было, например, такое положение: «В случае совершенной невозможности иметь известие о неприятеле в важных и решительных обстоятельствах должно иметь прибежище к принужденному шпионству. Оно состоит в склонении обещанием наград и даже угрозами местных жителей к проходу через места, неприятелем занимаемые» [69. С. 10].

Это положение появилось не случайно. Объяснение ему можно найти в письме французского эмигранта на русской службе Мориса де Лезера, занимавшегося организацией агентурной разведки на западной границе, Барклаю-де-Толли от 6 декабря 1811 года. Маркиз писал:

«Крайняя осмотрительность, которая проявляется жителями Герцогства [Варшавского княжества] по отношению к путешественникам, создает для нас большие трудности по заведению агентов и шпионов, способных принести пользу» [69. С. 10].

В марте 1812 года вышеназванные инструкции были разосланы в войска. В мае они были дополнены предписанием Барклая-де-Толли, «в котором еще раз уточнялся круг обязанностей контрразведки, была расширена власть директора и произошло увеличение полицейских функций в деятельности высшей полиции. На основе этого предписания вся местная полиция будущего театра военных действий была постепенно подчинена контрразведке» [13. С. 61].

Во 2-й Западной армии пост директора военной полиции долго оставался вакантным, что не способствовало организации контрразведки. Лишь 24 мая на эту должность получил назначение подполковник Морис де Лезер, но после неудачных действий русских войск в районе Смоленска он, как и многие другие иностранцы, был заподозрен в тайных контактах с

французами и сослан в Пермь.

Историк Е. В. Тарле отмечает, что де Лезер был выслан из армии «явно демонстративно» [130. С. 113], и сделал это князь Багратион, который написал:

«Сей подноситель подполковник Лезер находился при вверенной мне армии по отношению министра военного для употребления должности полицейской. <…> Выходит, что господин сей Лезер более нам вреден, нежели полезен» [130. С. 113].

Как видим, еще до начала войны князь Багратион «смотрел на ситуацию со своей колокольни» [5. С. 614], не желая понимать мотивы и поступки Барклая-де-Толли, и это обстоятельство часто вредило успеху общего дела. Что же касается Мориса де Лезера, то в 1813 году он был оправдан и произведен в полковники.

Уже в ходе войны, до соединения русских армий под Смоленском, в армии князя Багратиона агентурной работой, помимо де Лезера, занимались довольно странные люди: французский эмигрант Жан Жанбар и некий Экстон, художник, «знающий европейские языки». Багратион характеризовал его как человека способного, имевшего связи «со многими людьми хорошего состояния, могущего находить многие знакомства через искусство в живописи портретов», естественно, «по достаточном снабжении его деньгами» [5. С. 420]. Этот Экстон был послан в Варшаву, чтобы наблюдать за движением неприятельских войск к российским границам. Но он так и не сумел обосноваться в Варшаве; польская и французская контрразведки быстро «раскусили» его и выслали обратно в Россию.

Вообще складывается впечатление, что в данной области князь Багратион в основном имитировал активность. Похоже, что его гораздо больше интересовало то, как бы ему восстановить свои прежние сильные позиции при императорском дворе.

19 октября 1811 года он написал Барклаю-де-Толли письмо, в котором просил его, «пока еще со стороны наших соседей не происходит никакого движения, исходатайствовать высочайшее у государя императора соизволение прибыть мне зимним путем, как удобнейшим для поездки, на самое короткое время в столицу для личного объяснения с его величеством» [5. С. 423].

Однако его попытка хотя бы на время вырваться в Санкт-Петербург не удалась. «Опала, наложенная на него — правда, в весьма мягкой форме, — не проходила. Государь уже не хотел, как это было прежде, видеть его за своим столом» [5. С. 424].

23 ноября 1811 года Барклай-де-Толли написал Багратиону:

«М[илостивый]. г[осударь]. Петр Иванович! Его императорское величество по настоящим обстоятельствам

находит пребывание ваше при войсках необходимо нужным, а потому на отношение вашего сиятельства ко мне от 19 октября высочайшего соизволения не последовало» [5. С. 424].

Как видим, император не только не хотел видеть князя Багратиона «за своим столом», но он и не считал нужным лично переписываться с ним.

* * *

В 1-й Западной армии Барклая-де-Толли организация контрразведки была поставлена намного лучше. «Только там Высшая воинская полиция имела штат чиновников, канцелярию и директора. Ей же перед войной была подчинена местная полиция от австрийской границы до Балтики» [13. С. 61–62]. На пост директора военной полиции армии в апреле 1812 года был назначен родившийся в Москве сын выходца из Франции Яков Иванович де Санглен. Так как 1-ю Западную армию возглавил Барклай-де-Толли, то де Санглен начал именовать себя «директором Высшей воинской полиции при военном министре», то есть как бы руководителем всей русской военной контрразведки.

Кстати сказать, де Санглен, «носивший французскую фамилию, но считавший себя совершенно русским (однажды он даже едва не подрался на дуэли с французским офицером, пренебрежительно отозвавшимся о России и русских) [58. С. 230], не советовал Михаилу Богдановичу соглашаться на командование и обосновывал он это так: «Командовать русскими войсками на отечественном языке и с иностранным именем — невыгодно» [9. С. 389]. Очень скоро мы увидим, до какой степени мудрым оказался этот человек.

Штат Высшей воинской полиции де Санглена был немногочисленным, но весьма эффективным. Для работы в канцелярии, по его представлению, из соображений секретности первоначально направили лишь одного чиновника — титулярного советника Протопопова, однако по мере расширения делопроизводства в помощь ему были взяты коллежский секретарь В. П. Валуа, студент Петрусевич и коллежский регистратор Головачевский. Постепенно были набраны сотрудники, занимавшиеся разведработой. Некоторых перевели из Министерства полиции — в частности, барона П. Ф. Розена, надворного советника П. А. Шлыкова и отставного поручика И. А. Лешковского. С началом войны в контрразведку попали полицмейстеры городов Вильно и Ковно Андрей Вейс и майор

Эдвард Бистром, ранее активно сотрудничавшие с де Сангленом, потом — таможенный чиновник Андрей Бартц, а в сентябре 1812 года — житель Виленской губернии Янкель Закс. Были приняты и несколько отставных офицеров-иностранцев, имевших опыт боевых действий — подполковник Кемпен, капитан Ланг, а также отставной ротмистр австрийской службы итальянец Винцент Ривофиналли.

Кстати сказать, в Вильно обнаружилось немало французских шпионов. Де Санглен поручил местному полицмейстеру Вейсу следить за всеми прибывающими в город, а сам начал посещать известный тогда ресторан Крешкевича. Там его внимание вскоре привлек один весьма развязный поляк, назвавшийся Михаилом Дранжевским. Де Санглен познакомился с ним, а затем приказал Вейсу произвести в его квартире обыск. Под полом и в дымовой трубе квартиры были найдены записи Дранжевскаго о русской армии и ее генералах, инструкция по агентурной работе и даже патент на чин поручика, подписанный Наполеоном! Естественно, шпион был арестован, а Вейс за это дело получил орден Святого Владимира 4-й степени.

Отметим, что Яков Иванович де Санглен после оставления Москвы и отъезда из армии Барклая-де-Толли, также уехал в Санкт-Петербург, в Военное министерство, где служил до 1816 года. После отъезда де Санглена директором Высшей воинской полиции стал способный контрразведчик барон П. Ф. Розен, который занимал этот пост до октября 1813 года. В декабре 1812 года военным генерал-полицмейстером армии был назначен выходец из прусских дворян генерал-лейтенант Ф. Ф. Эртель.

Если до войны люди де Санглена занимались выявлением французской агентуры, то с началом военных действий их важнейшей задачей стало получение оперативных сведений о движении войск противника. С этой целью все чиновники Высшей воинской полиции регулярно посылались на фланги и в тыл неприятеля. Розен и Бистром направлялись в район Динабург — Рига; Бартц — в Белосток; бывший адъютант Барклая-де-Толли Винцент Ривофиналли — в район Подмосковья; Шлыков — под Полоцк, затем под Смоленск и в 3-ю армию и т. д. Уроженцу Риги, отставному капитану К. Ф. Лангу были приданы два казака для захвата «языков» — всего за войну он доставил 30 «языков» и был ранен в ногу.

«В архивных документах есть сведения, что в период с 1810 по 1812 гг. на территории Российской империи было задержано и обезврежено 39 военных и гражданских лиц, работавших на иностранные спецслужбы» [69. С. 11].

Как видим, «в результате принятых русским командованием

мер к лету 1812 года, несмотря на сложные оперативные условия, разведка смогла достичь неплохих результатов» [69. С. 11]. «Разведка в войсках перед началом войны велась достаточно активно и приносила много информации» [3. С. 25]. В частности, «ей удалось узнать точное время предполагаемого наступления французских войск, их численность, места дислокации основных подразделений, а также установить командиров армейских подразделений и дать им характеристики. Кроме того, она наладила агентурные связи на территориях, контролируемых неприятелем» [69. С. 11].

* * *

15 сентября 1811 года за свою энергичную деятельность на посту министра военных сухопутных сил Барклай-де-Толли был награжден орденом Святого Владимира 1-й степени. Однако «враги не могли простить ему его отстраненность от интриг и хитросплетений придворной жизни. К тому же Михаил Богданович не был стяжателем, не имел огромных богатств, родовых поместий» [105. С. 171].

Как отмечает в своих «Записках» М. А. Фонвизин, «Барклай-де-Толли почти не имел в армии приверженцев: все лучшие наши генералы, из которых многие приобрели справедливо заслуженную славу, были или против него, или совершенно к нему равнодушны» [145. С. 109].

Это свидетельство представляется чрезвычайно важным, ибо сделал его Михаил Александрович Фонвизин, человек, который участвовал в военных действиях в Финляндии, воевал в 1812–1814 годах, а в 1820 году дослужился до чина генерал-майора. Кому, как не ему, было знать, что происходило в армии… К сожалению, дальнейшие события покажут, что он был прав.

Тем не менее приготовления к неизбежной войне шли уже с 1810 года, и шли они, «минуя Аракчеева», «через номинально подотчетного ему военного министра М. Б. Барклая-де-Толли» [15. С. 10]. По словам историка В. М. Безотосного, «Александр I, предпочитая напрямую решать все вопросы непосредственно с Барклаем, фактически отстранил на этот период своего любимца от дел. Во всяком случае, степень воздействия Аракчеева на армейскую жизнь в то время была ограниченна, за исключением, пожалуй, артиллерии» [15. С. 10].

Планы грядущей войны

Тем временем обстановка на западной границе России становилась все тревожнее, и одним из инициаторов разработки планов будущей войны с Францией стал Барклай-де-Толли, подавший в марте 1810 года Александру I записку с названием «О защите западных пределов России».

Это был набросок целой стратегической программы действий в случае вооруженного столкновения с Наполеоном. Так как за два года до войны было крайне трудно точно угадать, куда направит удар будущий противник, Барклай-де-Толли предлагал заняться укреплением обороны на трех основных направлениях: в Прибалтике, в Белоруссии и на Украине. Оборона должна была опираться на оборонительные линии по Западной Двине и Днепру в сочетании с уже имевшимися, но требовавшими усиления и модернизации крепостями — Рига, Динабург, Бобруйск, Киев, а также на особые укрепленные лагеря и крупные склады продовольствия.

Действующая армия была важной составной частью этой системы. Но сухопутные силы России были разбросаны по огромной территории от Финляндии до Камчатки. К тому же восьмой год шла война с Персией, и на Кавказе находилось около 30 тысяч человек под командованием генерала от кавалерии А. П. Тормасова. Шестой год продолжалась война с Турцией — Молдавской армией, в составе которой было порядка 46 тысяч человек, командовал генерал от инфантерии М. И. Голенищев-Кутузов. Немалые силы находились и в столь знакомой Барклаю-де-Толли Финляндии. Так что войск было много, но они были весьма разобщены. Это понятно, «такое размещение было прямым следствием войн, которые вела Россия» [8. С. 261].

В связи с тем что западная граница оставалась практически без прикрытия, 19 (31) марта 1812 года последовало высочайшее повеление о составлении из всех войск, собранных в западных губерниях, двух армий. Одна из них, получившая название 1-й Западной, была вверена самому Барклаю-де-Толли, а другая, названная 2-й Западной, — князю Багратиону. Оба главнокомандующих были облечены равной властью, но Барклай-де-Толли, как военный министр, мог передавать Багратиону приказания именем императора.

3-я Резервная (Обсервационная) армия была сформирована в апреле и поступила под командование генерала от кавалерии А. П. Тормасова.

Однако следует отметить, что, помимо плана Барклая-де-Толли, существовало еще не менее трех десятков проектов ведения будущей войны против Наполеона, исходивших как от русских генералов, так и от иностранцев. В частности,

наступательный проект предлагал князь Багратион, которого «захлестывали обида и стыд от самой мысли об отступлении» [5. С. 447].

При этом «некоторые русские участники войны и историки, условно говоря, “недруги Барклая”, полагали, что у российского командования не было заранее продуманного замысла отступления, каковое, по их мнению, осуществлялось стихийно, на ощупь, под давлением обстоятельств» [114. С. 36].

* * *

На самом же деле идея «скифской войны» родилась задолго до 1812 года, и впервые она была выдвинута именно Барклаем-де-Толли. На этот факт обращают внимание ряд весьма уважаемых авторов. Например, А. И. Попов пишет:

«Очевидно, что русское командование заранее предполагало применить “скифскую тактику” — об этом говорят все распоряжения Барклая перед войной и в самом ее начале» [114. С. 39].

Генерал М. И. Богданович считал:

«Весьма неосновательно мнение — будто бы действия русских армий в первую половину кампании 1812 года, от вторжения Наполеона в пределы России до занятия французами Москвы, ведены были без всякого определенного плана. <…> Не подлежит сомнению… что план отступления наших армий внутрь страны принадлежит не одним иностранцам… <…> и что главный исполнитель этого соображения, Барклай-де-Толли, сам составил его задолго до войны 1812 года» [19. С. 93–94].

Богданович пишет о Барклае-де-Толли:

«Давно уже он уверен был в необходимости отступать для ослабления неприятельской армии, и это убедительно доказывается словами, им сказанными знаменитому историку Нибуру в то время, когда Барклай, будучи ранен в сражении при Прейсиш-Эйлау 1807 года, лежал на одре болезни в Мемеле. “Если бы мне довелось воевать против Наполеона в звании главнокомандующего, — говорил тогда Барклай, — то я избегал бы генерального сражения и отступал до тех пор, пока французы нашли бы, вместо решительной победы, другую Полтаву”.

Нибур тогда же довел слова Барклая-де-Толли до сведения прусского министра Штейна, который сообщил их генералу Кнезебеку, а Кнезебек — Вольцогену и Фулю» [19. С. 104].

Отметим, что прусский министр Штейн — это Генрих-Фридрих-Карл фон Штейн (1757–1831), министр торговли,

промышленности и финансов в кабинете короля Фридриха-Вильгельма III, возглавивший в октябре 1807 года прусское правительство. Генерал Кнезебек — это Карл-Фридрих фон Кнезебек (1768–1848), который во время войны 1806–1807 годов состоял при главной квартире русской армии. Соответственно, Людвиг фон Вольцоген (1774–1845) и Карл Фуль (1757–1826) — это тоже были прусские генералы на русской службе.

Свидетельство М. И. Богдановича имеет принципиальное значение, и есть смысл разобраться, откуда авторитетный военный историк взял эту информацию. Сам он ссылается на «Мемуары» французского генерала Дюма, опубликованные в Париже в 1839 году.

Гийом-Матьё Дюма, родившийся в 1753 году, был потомственным дворянином. В феврале 1805 года он получил чин дивизионного генерала, участвовал в сражениях при Ульме и Аустерлице, в марте 1806 года стал военным министром при Неаполитанском короле Жозефе Бонапарте, а когда тот занял испанский престол, вместе с ним покинул Неаполь и в июле 1807 года стал военным министром Испании.

Как видим, генерал Дюма был человеком весьма серьезным, и допустить какую-то непроверенную информацию из его уст крайне сложно. Вот, дословно, что он пишет в своих «Мемуарах»:

«Я узнал, что государственный советник Нибур, сын знаменитого датского путешественника, с которым я познакомился во время пребывания в Гольштейне, находится в Берлине. Я поспешил пойти увидеть его; а так как мы заговорили о предстоящей войне против России и о догадках, которые можно было бы сделать относительно наступательных планов императора Наполеона, он мне сказал, что с тех пор, как он узнал о том, что генерал Барклай-де-Толли стал главнокомандующим русских армий, он не сомневается, что тот будет реализовывать план оборонительной кампании, который он представил во время Тильзитского мира. <…> Нибур провел три месяца в Мемеле в близких отношениях с Барклаем-де-Толли, который, будучи тяжело ранен при Эйлау, был перевезен в Мемель, куда перебрался двор Пруссии. Нибур отлично запомнил все детали этого плана комбинированных отступлений, которыми русский генерал надеялся завлечь великолепную французскую армию в самое сердце России, даже за Москву, истощить ее, удалить от операционной базы, дать ей израсходовать свои ресурсы и снаряжение, а потом, управляя русскими резервами и с помощью сурового климата, перейти в наступление и дать Наполеону найти на берегах Волги вторую Полтаву. Это было страшное и очень верное пророчество; оно мне показалось таким позитивным

и таким важным, что, едва присоединившись к генеральному штабу, я тут же поведал о нем князю Ваграмскому (маршалу Бертье. — С. Н.). Я не мог сомневаться, что он не доложит об этом императору, но со мной об этом больше не говорили» [165. С. 416].

Поясним, что упомянутый Нибур — это Бартольд-Георг Нибур (1776–1831), родившийся в Копенгагене и привлеченный в 1806 году министром Штейном на прусскую службу. А князь Ваграмский — это маршал Луи-Александр Бертье (1753–1815), неизменный начальник Генерального штаба Наполеона.

Как видим, генерал Дюма избегает принятых в мемуарах формулировок типа «по слухам…» или «рассказывали, что…», а называет конкретные имена людей, и это все были люди весьма ответственные и не склонные к фантазиям. В связи с этим довольно спорным выглядит мнение историка В. М. Безотосного, который пишет:

«Мнение Дюма-мемуариста — носит легендарный характер, и как свидетельство, полученное из третьих рук (Барклай — Нибур — Дюма), должно быть взято под большое сомнение. Даже если такой разговор имел место, то одно дело — частное мнение командира бригады, не несущего ответственности за свои слова, коим был Барклай в 1807 году, и совсем другое — план военного министра, принятый после серьезного анализа всех деталей обстановки и трезвой оценки последствий» [13. С. 90].

Да, в 1807 году Барклай-де-Толли был только генерал-майором, но после этого, как мы уже знаем, он получил богатейший опыт боевых действий в Финляндии. Там противник, ведя настоящую «скифскую войну», настолько измотал русских бесконечными отступлениями и нападениями партизан, что Михаил Богданович, став военным министром, твердо решил использовать этот опыт в борьбе с «Великой армией» Наполеона. И произошло это именно «после серьезного анализа всех деталей обстановки и трезвой оценки последствий». В этом вообще можно не сомневаться, так как Барклай-де-Толли всегда все делал только после серьезного анализа и оценки последствий.

Другое дело, что планы Барклая-де-Толли — а это был человек, аналитические способности которого высоко ценил император Александр — несколько раз корректировались. Тот же В. М. Безотосный отмечает, что «мысли Барклая не оставались законсервированными и неподвижными» [13. С. 90].

* * *

Как мы уже говорили, в марте 1810 года Михаил Богданович представил императору записку «О защите западных пределов России», в которой предлагал организовать оборонительные линии по Западной Двине и Днепру. Но тогда точно сказать, куда направит свой главный удар Наполеон, было невозможно. По этой причине Барклай-де-Толли считал, что нужно действовать «по обстоятельствам и при случае наступательно» [13. С.91]. Подчеркнем — при случае. И совершенно не факт, что этот случай представился бы…

Уже осенью 1810 года Барклай-де-Толли докладывал императору, что из-за недостатка средств и нехватки времени программа сооружения крепостей на предполагаемой линии обороны сокращается, и это послужило причиной для определенных изменений в вопросах планирования.

В начале 1811 года из-под пера военного министра вышли два варианта предполагаемых военных действий: наступательный и оборонительный.

Летом 1811 года «царь, по общему утверждению, неофициально утвердил план Фуля» [13. С. 92].

В некоторых источниках этого человека именуют Пфулем[27]. Он родился в Штутгарте и был видным прусским военным теоретиком, офицером Генштаба. После поражения Пруссии в 1806 году Фуль перешел на русскую службу в чине генерал-майора и вскоре стал ближайшим советником императора Александра. В 1811 году он был привлечен к составлению плана военных действий против Наполеона, и его план был основан на взаимодействии двух армий, из которых одна должна была, опираясь на специально построенный Дрисский лагерь, сдерживать противника, а другая — действовать ему во фланг и в тыл.

Генерал М. И. Богданович подчеркивает:

«В составлении Фулева плана не имел участия ни Барклай-де-Толли, ни кто-либо другой из наших известных военных людей. Барклай, военный министр <…> не только не одобрял этого плана действий, но приводил его в исполнение против воли» [19. С. 101–102].

Собственно, Барклай-де-Толли особо и не приводил «педантично-абстрактный» план Фуля в исполнение, что дало основание историку В. В. Пугачеву написать:

«Если по Барклаевому плану велась фактическая подготовка, то план Фуля по существу не оказал никакого влияния на русские военные приготовления» [116. С. 34].

«Это мнение ученого наталкивает на мысль, что план Фуля в 1811 году должен был маскировать настоящий ход подготовки к

войне» [13. С. 92].

Относительно наступательного варианта плана Барклая-де-Толли следует сказать следующее: он был разработан после того, как в октябре 1811 года была заключена русско-прусская конвенция. Михаил Богданович сам был одним из подписавших этот документ, но он прекрасно понимал, что Пруссия — союзник ненадежный, а посему вариант был очень скоро скорректирован «с учетом внешнеполитических изменений». Тут, кстати сказать, военный министр окажется совершенно прав: буквально накануне войны Пруссия перейдет на сторону Франции, что станет важной дипломатической победой Наполеона.

* * *

В том же 1811 году И. Б. Барклай-де-Толли, младший брат министра — он тогда был полковником и отвечал в картографическом ведомстве генерала К. И. Оппермана за рекогносцировку и составление планов — доложил, что, по его оценкам, армия Наполеона насчитывает 500 тысяч человек, а вместе со шведами и турками — 600 тысяч человек.

Как мы очень скоро увидим, русская военная разведка весьма реально оценивала силы противника. Противопоставить им на главном направлении удара Россия могла лишь около 200 тысяч человек, а посему планы военного министра свернулись к тому, что необходимо будет вести оборонительную войну. В письме императору от 18 июля 1812 года Михаил Богданович написал:

«В настоящее время, когда должно заниматься исключительно безопасностью государства, возникает вопрос о том, как сосредоточить скорее все действующие силы армий, а не рассеивать их за границей на рискованные предприятия» [17. С. 304].

Что он имел в виду? Наверняка русские войска, находившиеся в это время слишком далеко от предполагавшегося театра военных действий, — например, в Финляндии и даже в Сербии.

* * *

Еще раз подчеркнем: к этому времени, благодаря донесениям разведки, все симптомы скорого нападения Наполеона были уже явными и Барклай-де-Толли стал предпринимать усилия по дезинформации противника.

В «игру», в частности, был задействован уже известный нам Давид Саван, который, говоря современным оперативным языком, «должен был играть роль резидента, потерявшего связь с центром» [13. С. 100]. Через генерала Нарбонна он передал французам сведения, из которых следовало, что русские собираются дать сражение в приграничной полосе. Это весьма укрепило уверенность Наполеона, всегда делавшего главную ставку на генеральное сражение. Вот и теперь он писал своему брату Жерому: «Я перейду Неман и займу Вильно. <…> Когда этот маневр будет замечен неприятелем, он будет либо соединяться, чтобы дать нам битву, либо сам начнет наступление» [159. С. 470]. Поэтому легко представить себе степень удивления и раздражения французского императора, когда в начале войны он узнал об отходе русских войск.

* * *

Но вернемся к плану барона Фуля, который предусматривал создание Дрисского лагеря между дорогами на Санкт-Петербург и Москву: лагерь должна была занять армия Барклая-де-Толли, закрыв оба направления и приняв на себя главный удар, тогда как армия князя Багратиона должна была действовать в тыл и фланг французам.

Михаил Богданович не одобрял этот план, и, как пишет В. М. Безотосный, «вряд ли можно до такой степени принижать в тот критический для государства момент аналитические способности бесспорно умного человека, каким был Александр I, что он не смог разглядеть бросающиеся в глаза противоречия между проектами своего советника-теоретика и опытного практика — военного министра. Сомнительно, чтобы русский император <… > оказался настолько неграмотным в военном отношении и не отличил существенные расхождения во взглядах авторов» [13. С. 101].

Фактически император Александр держал про запас оба плана. Это значило, что «остановиться на каком-то одном плане действий власть не смогла. Отчасти это отражало умонастроение императора Александра, нередко в своих действиях предпочитавшего уйти от окончательного, твердого решения» [5. С. 434].

С другой стороны, такое двойственное положение весьма устраивало государя: неудачу всегда можно было бы списать на военного министра, а лавры победы присвоить себе. По этой причине, кстати, Александр I и прибыл в армию, постоянно

вмешивался в ее управление и старался направлять ход событий, что крайне раздражало Михаила Богдановича, знавшего, что, согласно параграфу 18 «Учреждения для управления Большой действующей армией», «присутствие императора слагает с главнокомандующего начальство над армией» [140. С. 7].

В подобных условиях, естественно, Барклай-де-Толли «не мог чувствовать себя полноправным хозяином и считал себя первым помощником императора» [13. С. 103].

Император Александр I был умным человеком и понимал, что план отступления перед Наполеоном будет воспринят в штыки в русском обществе. Потом, 24 ноября 1812 года, он так и написал Барклаю-де-Толли:

«Принятый нами план кампании, по моему мнению, единственный, который еще мог иметь успех против такого врага, как Наполеон <…>, неизбежно должен был встретить много порицаний и несоответственной оценки в народе, который <…> должен был тревожиться военными операциями, имевшими целью привести неприятеля в глубь страны. Нужно было с самого начала ожидать осуждения, и я к этому приготовился» [13. С. 104].

А приготовился государь, бывший «едва ли не самым искушенным человеком в России в искусстве дворцовых интриг и мастером закулисных комбинаций» [15. С. 12], следующим образом: сначала «подставил» генерал-майора Фуля, который за шесть лет нахождения на русской службе так и не выучил ни одного русского слова, а второй жертвой общественного мнения сделал Барклая-де-Толли. Насколько цинично это было осуществлено — мы скоро увидим.

Александр Павлович вообще был мастером двойной игры. Недаром же Наполеон говорил про него:

«Александр тонок, как булавка, остер, как бритва, фальшив, как пена морская; если бы надеть на него женское платье, то вышла бы прехитрая женщина» [90. С. 226].

Очень верно подмечено! Мы же пока отметим то, что и своего военного министра император в 1812 году «подставил» по двум направлениям: во-первых, он дал лишь словесное одобрение отступательного плана ведения войны, без официальных документов, на которые мог бы сослаться Михаил Богданович; во-вторых, покинув армию, он не отдал четкого приказа по поводу того, кто остается главнокомандующим над всеми русскими войсками.

Мнение историка Е. Р. Ольховского:

Барклай-де-Толли обладал обширными познаниями в военном

деле и в военной истории, любил учиться и обогащаться новыми знаниями. Он избегал любых излишеств, больших обществ, не любил играть в карты. Барклай-де-Толли вел скромную жизнь. Солдаты уважали своего командира за необыкновенную храбрость, правдолюбие, заботу о них. Как выглядел Барклай-де-Толли? Он был высокого роста, имел продолговатое бледное лицо, голова была лысой, носил бакенбарды. Поступь его и все приемы выражали важность и необыкновенное хладнокровие. Наружность его, с первого взгляда внушавшая доверие и уважение, являла в нем человека, созданного командовать войсками. <…> Спокойствие духа никогда ему не изменяло, и в пылу битвы он распоряжался точно так, как это было в мирное время. Он не обращал ни на кого внимания, не замечал, казалось, неприятельских выстрелов. Бесстрашие его не знало пределов. В обращении с равными он был всегда вежлив и обходителен, но ни с кем близко не сходился; с подчиненными от высших до низших чинов был кроток и ласков. Никогда не употреблял оскорбительных или бранных выражений, всегда настоятельно требовал, чтобы до солдата доходило все то, что ему было положено по уставу.

Барклай-де-Толли неважно владел правой искалеченной рукой и слегка прихрамывал на правую ногу. Это внушало уважение к нему, от него веяло величественностью. Неутомимый в походе, Михаил Богданович почти все время проводил верхом на коне и слезал с него только для того, чтобы засесть за служебные бумаги, за «кабинетные труды». Равнодушие его ко всему, что касалось его личных удобств, было полным [105. С. 171–172].

Глава шестая
«Гроза двенадцатого года»

Соотношение сил

В марте 1811 года в России «был произведен рекрутский набор по два человека с 500 душ» [142. С. 133].

В результате, как отмечает военный историк В. П. Федоров, из того, что было и «что успели сделать для сформирования резервов, было составлено три армии: 1-я Западная, 2-я Западная и 3-я Дунайская. Из резервов на скорую руку были образованы 1-я и 2-я Резервные армии, и, наконец, к 5 мая была еще сформирована 3-я Обсервационная армия, порученная генералу от кавалерии графу Тормасову, но нужно, опять-таки, не забывать, что резервные армии не успели получить окончательную организацию и, следовательно, не имели настоящего числа людей, а были, скорее, лишь кадрами трех действующих армий. Следовательно, при окончательном подведении итогов боевой готовности России к предстоящему кровавому спору во внимание принимать нужно лишь состав двух действующих армий и третьей обсервационной Тормасова, которая в силу необходимости сделалась тоже действующей, ибо Дунайская армия Кутузова была еще далеко, да и не успела окончательно освободиться от Турецкой войны» [142. С. 133–134].

К началу войны 1812 года Барклай-де-Толли командовал 1-й Западной армией, размещенной на границе Российской империи в Литве.

Когда он получал это назначение, император Александр сказал, что «настал момент, когда важнее деятельности по министерству становится служба непосредственно в войске» [8. С. 297].

Михаил Богданович согласился с этим и лишь поинтересовался, что делать с министерством.

«Вы останетесь министром, — последовал ответ, — однако же все дела канцелярские станет вершить князь Горчаков. Конечно же, и Алексей Андреевич, как глава Военного департамента, не будет отдел сих в стороне» [8. С. 297].

Услышав имя графа Аракчеева, Барклай-де-Толли сразу понял, что вопрос окончательно решен, и сдал «дела канцелярские» князю Алексею Ивановичу Горчакову, своему заместителю, участнику войны с Наполеоном 1806–1807 годов,

кавалеру ордена Святого Георгия 3-й степени.

26 марта (7 апреля) 1812 года Барклай-де-Толли приехал в Ригу, где последний раз он был двадцать лет тому назад, а 31 марта (12 апреля) он уже прибыл в Вильно, где находилась главная квартира его армии.

По уточненным данным историка А. А. Подмазо, 1-я Западная армия имела на тот момент следующий состав [107. С. 60–64]:

Командующий: генерал от инфантерии М. Б. Барклай-де-Толли

Начальник штаба: генерал-лейтенант Н. И. Лавров

Генерал-квартирмейстер: генерал-майор С. А. Мухин

Дежурный генерал: флигель-адъютант полковник П. А. Кикин

Начальник артиллерии: генерал-майор граф А. И. Кутайсов

Начальник инженеров: генерал-лейтенант Х. И. Трузсон

1-й пехотный корпус: генерал-лейтенант граф П. Х. Витгенштейн

5-я пехотная дивизия: генерал-майор Г. М. Берг

14-я пехотная дивизия: генерал-майор И. Т. Сазонов

Две бригады кавалерии

Три артиллерийских бригады

Всего в корпусе: 28 батальонов, 16 эскадронов, 3 казачьих полка и 120 орудий.

2-й пехотный корпус: генерал-лейтенант К. Ф. Багговут

4-я пехотная дивизия: генерал-майор герцог Е. Вюртембергский

17-я пехотная дивизия: генерал-лейтенант З. Д. Олсуфьев 3-й

Бригада кавалерии

Две артиллерийских бригады

Всего в корпусе: 24 батальона, 8 эскадронов и 78 орудий.

3-й пехотный корпус: генерал-лейтенант Н. А. Тучков 1-й

3-я пехотная дивизия: генерал-лейтенант П. П. Коновницын

1-я гренадерская дивизия: генерал-майор граф П. А. Строганов

Два казачьих полка

Две артиллерийских бригады

Всего в корпусе: 26 батальонов, 2 казачьих полка и 84 орудия.

4-й пехотный корпус: генерал-адъютант граф П. А. Шувалов

11-я пехотная дивизия: генерал-майор Н. Н. Бахметьев 1-й

23-я пехотная дивизия: генерал-майор А. Н. Бахметьев 2-й

Бригада кавалерии
Две артиллерийских бригады
Всего в корпусе: 25 батальонов, 8 эскадронов и 78 орудий.

5-й резервный (гвардейский) корпус: цесаревич Константин Павлович
Гвардейская пехотная дивизия: генерал-майор А. П. Ермолов
1-я кирасирская дивизия: генерал-майор Н. И. Депрерадович
Две лейб-гвардии артиллерийских бригады
Всего в корпусе: 23 батальона, 20 эскадронов и 74 орудия.

6-й пехотный корпус: генерал от инфантерии Д. С. Дохтуров
7-я пехотная дивизия: генерал-лейтенант П. М. Капцевич
24-я пехотная дивизия: генерал-майор П. Г. Лихачев
Бригада кавалерии
Две артиллерийских бригады
Всего в корпусе: 24 батальона, 8 эскадронов и 84 орудия.

1-й кавалерийский корпус: генерал-адъютант Ф. П. Уваров
Всего в корпусе: 24 эскадрона и 12 орудий.

2-й кавалерийский корпус: генерал-адъютант барон Ф. К. Корф
Всего в корпусе: 24 эскадрона и 12 орудий.

3-й кавалерийский корпус: генерал-майор граф П. П. Пален
Всего в корпусе: 24 эскадрона и 12 орудий.

Летучий казачий корпус: генерал от кавалерии М. И. Платов
Всего в корпусе: 14 казачьих полков и 12 орудий.

По информации Д. Н. Бантыш-Каменского, во всех войсках 1-й Западной армии «было под ружьем 127 000 человек, орудий — 558» [11. С. 355], а по данным Н. А. Троицкого — «120 210 человек и 580 орудий» [136. С. 63].

До дня вступления «Великой армии» Наполеона в Россию расположение корпусов армии Барклая-де-Толли было следующим: главная квартира — в Вильно; корпус П. Х. Витгенштейна — в Россиене, Кейданах и Юрбурге; корпус К. Ф. Багговута — в Оржишках и Яново; корпус Н. А. Тучкова 1-го — в Новых Троках (рядом с Вильно); корпус П. А. Шувалова — в Олькениках; корпус Д. С. Дохтурова — в Лиде (рядом с Гродно); кавалерийские корпуса: Ф. П. Уварова — в Вилькомире (рядом с Ковно); Ф. К. Корфа — в Сморгони (за Вильно); П. П. Палена — у

Лиды; гвардия — по дороге в Дриссу, за Вильно, в Свенцянах. Летучий казачий корпус атамана М. И. Платова был выдвинут в район Гродно.

2-я Западная армия под командованием генерала от инфантерии князя П. И. Багратиона стояла у Волковиска, 3-я Резервная Обсервационная армия генерала от кавалерии А. П. Тормасова — у Луцка.

Кроме того, Дунайская армия адмирала П. В. Чичагова стояла на юге, в Молдавии и Валахии.

Еще примерно 35 тысяч человек составляли гарнизоны Риги, Митавы, Динабурга, Борисова, Бобруйска, Мозыря, Киева и Ольвиополя.

Генерал М. И. Богданович утверждает, что «число русских войск, расположенных на западных границах, простиралось вместе с казаками до 193 тысяч человек, а без казаков было под ружьем регулярных вооруженных сил до 175 тысяч человек» [19. С. 118].

По данным А. И. Михайловского-Данилевского, в трех армиях было «под ружьем 218 000 человек» [95. С. 30].

«Великая армия» Наполеона насчитывала, согласно М. И. Богдановичу, 608 тысяч человек, в том числе 492 тысячи человек пехоты и 96 тысяч человек кавалерии [19. С. 124].

По данным Н. А. Полевого, «“Великая армия” состояла 1-го июня 1812 года из 678 000 человек, из которых — 356 000 французов и 322 000 иностранцев» [110. С. 4].

А вот по информации французского военного историка Анри Лашука, в армии Наполеона было «не менее 600 000 человек, одиннадцать армейских копрусов, четыре кавалерийских корпуса и 1500 артиллерийских орудий» [80. С. 484]. Но при этом уточняется, что для вторжения в Россию были предназначены: на левом фланге — около 200 тысяч человек, в центре — около 80 тысяч человек, на правом фланге — 70 тысяч человек. Итого: 350 тысяч человек. Кроме того, к ним следовало бы добавить 30 тысяч человек из корпуса маршала Макдональда и 30 тысяч человек из вспомогательного австрийского корпуса князя Шварценберга.

В тылу находились резервы численностью в 140 000–150 000 человек (из них потом будут сформированы корпуса маршалов Виктора и Ожеро).

Если просуммировать все названные Анри Лашуком цифры, то получится 550 000–560 000 человек, но никак не 608 тысяч и уж тем более не 678 тысяч.

С другой стороны, по информации Анри Лашука, численность трех русских армий М. Б. Барклая-де-Толли, П. И. Багратиона и А. П. Тормасова составляла 213 813 человек, а вместе с резервами —

317 тысяч человек [80. С. 496].

Вопрос о Главнокомандующем

Итак, оставив свой министерский кабинет в Санкт-Петербурге и прибыв в Вильно, Барклай-де-Толли нашел там императора Александра Павловича, фактически принявшего на себя командование армией.

Военный теоретик и историк Карл фон Клаузевиц с некоторым недоумением пишет:

«Можно видеть, как мало император Александр подготовился к принятию действительного верховного командования. По-видимому, он ни разу не продумал этой задачи до полной ясности и ни разу формально ее не высказал. Так как обе армии пока были разъединены, а Барклай в качестве военного министра, в известной степени, распоряжался и второй армией, то, в сущности, понятие общего командования имелось лишь у Барклая и в его штабе. У него был начальник штаба в лице генерала Мухина[28], генерал-интендант и т. д. Все эти лица приступили к формальному исполнению обязанностей, связанных с их должностями; генерал Барклай ежедневно отдавал приказания, получал рапорты и донесения и т. д.

У императора же все это происходило крайне нерегулярно. Большинство распоряжений он делал через Барклая, кое-что проходило через руки Волконского, и даже Фулю приходилось несколько раз вмешиваться в дела» [66. С. 25–26].

* * *

Вопрос имеет принципиальное значение и нуждается в более подробном рассмотрении. На самом деле, каждая из русских армий имела своего главнокомандующего, который действовал на основании «Учреждения для управления Большой действующей армией», введенного в конце января 1812 года. В соответствии с этим основополагающим документом, главнокомандующий обладал высшей властью в своей армии и в прилегающих к театру военных действий губерниях.

Александр Подмазо пишет:

«Единого главнокомандующего к началу войны в русских армиях не было. Почему? Вероятно, причиной было простое стечение обстоятельств и нерешительность царя» [108. С. 34].

Но дело, очевидно, было не только в этом. У императора Александра были на это и другие причины: в частности, он всегда

мечтал сам командовать и лично победить Наполеона. В воспоминаниях министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде переданы его слова, сказанные еще осенью 1811 года:

«В случае войны я намерен предводительствовать армиями» [132. С. 53].

И он активно предводительствовал, направляя свои приказы командующим армиями, а иногда корпусами и даже отдельными отрядами — минуя их непосредственных начальников. По крайней мере так было в первое время войны. Прямо скажем — очень странное обстоятельство, которое историк Е. В. Анисимов называет «весьма оригинальной формой руководства армией» [5. С. 481]. И оно не могло не сказаться на ходе военных действий.

14 (26) апреля 1812 года император Александр прибыл в Вильно в главную квартиру 1-й Западной армии. Таким образом, в соответствии с уже упомянутым параграфом 18 «Учреждения для управления Большой действующей армией», он автоматически вступил в командование этой армией. Причем, как ни странно, он стал главнокомандующим только этой армии, так как приказа о принятии императором на себя общего командования не было. Как отмечает А. А. Подмазо, «не было создано ни отдельного Главного штаба при императоре, ни отдельной Главной императорской квартиры, ни других служб, которые по “Учреждению для управления Большой действующей армией” положено было создать при главнокомандующем. Утверждения же о том, что царь являлся единым главнокомандующим только потому, что он отдавал приказы всем армиям, не состоятельны, так как по своему статуту императора он мог отдавать любому генералу любые приказы вне зависимости от того, являлся ли он при этом единым главнокомандующим или нет. Подобные приказы царь мог отдавать (и отдавал), даже не выезжая из Петербурга. То есть юридически, в начале войны царь был только главнокомандующим 1-й Западной армии, хотя фактически он взял на себя функции общего главнокомандующего» [108. С. 34].

Когда 7 (19) июля император покинул 1-ю Западную армию, то в соответствии с «Учреждением для управления Большой действующей армией», прежний главнокомандующий Барклай-де-Толли сразу же снова автоматически вступил в командование ею. Притом, и этот факт особо подчеркивается Подмазо, «тезис об оставлении царем армии без назначения командующего верен только в отношении единого главнокомандующего. М. Б. Барклай-де-Толли, хотя и был военным министром, все же не являлся единым главнокомандующим. Как министр, он получал

отчеты о состоянии всех военносухопутных сил России и мог распоряжаться только снабжением их всем необходимым» [108. С. 34].

Начало военных действий

«Перед началом войны 1812 года многие из наших генералов, и в их числе Беннигсен и князь Багратион, не признавали необходимости отступления русских войск во внутренние области империи и даже были совершенно противоположного мнения, полагая, что следовало предупредить нашествие неприятеля вторжением в герцогство Варшавское. До приезда Барклая-де-Толли в армию все в нашей главной квартире были уверены в том, что мы будем действовать наступательно» [19. С. 105].

Особенно рьяно выступал за наступление верный ученик А. В. Суворова князь Багратион. «У него складывались довольно непростые отношения с Барклаем, что и неудивительно: эти двое людей по характеру были совсем разные — поистине, лед и пламень» [5. С. 441].

Закономерный результат: между генералами сразу же началось острое соперничество, и это, как мы скоро убедимся, немало навредило русской армии в целом.

Однако поступили «Правила для военных действий», утвержденные императором Александром, на основании которых «каждая из русских армий, атакованная превосходными силами, должна была отступать» [19. С. 105]. При этом предполагалось, что другая армия, «не имеющая против себя столь превосходных сил», могла осуществить «решительное наступление во фланг и в тыл неприятеля» [19. С. 105]. К сожалению, полноценного взаимодействия 1-й и 2-й Западных армий, в том числе и по изложенной выше причине несогласия главнокомандующих, не получилось и получиться не могло.

* * *

Известие о переправе Наполеона через Неман пришло в русскую главную квартиру в Вильно поздно вечером 12 (24) июня, и сразу же стало очевидно, что русские войска растянуты на слишком длинной линии, а посему они не в силах воспрепятствовать вторжению «Великой армии». В самом деле, не было никакой возможности вводить корпуса в дело порознь, чтобы это не обратилось на пользу противника.

В подобных условиях Барклай-де-Толли «рассудил

справедливо, что он должен был уклоняться от сражения, пока не соединит все корпуса, составляющие его армию» [33. С. 125].

Для этого, понимая, что нельзя терять времени, он назначил общее сборное место при городе Свенцяны (на северо-востоке от Вильно), то есть в пункте, находившемся почти на равном расстоянии и от местечка Кейданы, занятого правым крылом 1-й Западной армии, и от города Лиды, к которому примыкало ее левое крыло.

По первоначальному плану атаман Платов должен был действовать во фланг и в тыл неприятеля по переправе его через Неман, а князь Багратион — поддерживать Платова. Генерал А. П. Тормасов, командовавший 3-й армией, получил повеление наблюдать за движениями противника. А «если тот обратит против него превосходные силы» [33. С. 126], он должен был отступать к Киеву. В ином случае он должен был идти к Пинску, чтобы угрожать правому флангу наполеоновских корпусов, которые будут действовать против князя Багратиона.

* * *

Казалось бы, все вполне понятно, и дело лишь за выполнением этого распоряжения. Однако на практике все оказалось гораздо сложнее.

За неделю до этого, а именно 6(18) июня, в своем донесении императору Александру из Пружан князь Багратион уже выразил свое недовольство и следующим образом констатировал понижение своего статуса:

«Всемилостивый государь! Не быв введен в круг связей политических, я буду говорить о тех только предметах, которые мне известны по долговременной службе…» [40. С. 153].

«Барклай служил под началом Багратиона, получил генеральский чин позже его или, как тогда говорили, был “в генералах моложе”, но затем сделал блестящую карьеру и <…> опередил своего бывшего начальника. В армии такие успехи всегда воспринимаются болезненно» [5. С. 441].

Безусловно, соблюдая нынешнюю субординацию, князь вынужден был теперь подчиняться военному министру, но «Багратион вместе с тем не утаивал своего особого — и несогласного с министерским — мнения» [5. С. 441]. В частности, он был очень недоволен тем, что Барклай-де-Толли не передал ему казачий корпус атамана Платова.

Хорошо знавший обоих генералов А. П. Ермолов пишет:

«Трудно лучше меня знать князя Багратиона — и сколько

беспредельна преданность его к государю, для которого жизнь почитал он малою жертвою; но со всем тем ничто не заставило бы его подчиниться Барклаю-де-Толли, в кампанию 1806 и 1807 годов служившему под его начальством» [57. С. 148].

Конечно, чуть ниже генерал Ермолов отмечает, говоря о князе Багратионе, что «война отечественная, в его понятии, не должна допускать расчетов честолюбия и находила его на все готовым» [57. С. 148]. Но вот так ли это было на самом деле?

* * *

13 (25) июня император Александр I объявил своим войскам о начале войны следующим приказом:

«Из давнего времени примечали мы неприязненные против России поступки французского императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя беспрестанное возобновление явных оскорблений, при всем Нашем желании сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войска Наши; но и тогда, ласкаясь еще примирением, оставались в пределах Нашей Империи, не нарушая мира; а быв токмо готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого Нами спокойствия. Французский император, нападением на войска Наши при Ковно, открыл первый войну. И так, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается Нам ничего иного, как, призвав на помощь Свидетеля и Заступника правды, Всемогущего Творца небес, поставить силы Наши противу сил неприятельских. Не нужно Мне напоминать вождям, полководцам и воинам Нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь Славян. Воины! Вы защищаете Веру, Отечество, свободу. Я с вами. На зачинающего Бог» [19. С. 130].

Наполеон между тем продолжал движение к Вильно.

* * *

У генерала М. И. Богдановича мы читаем:

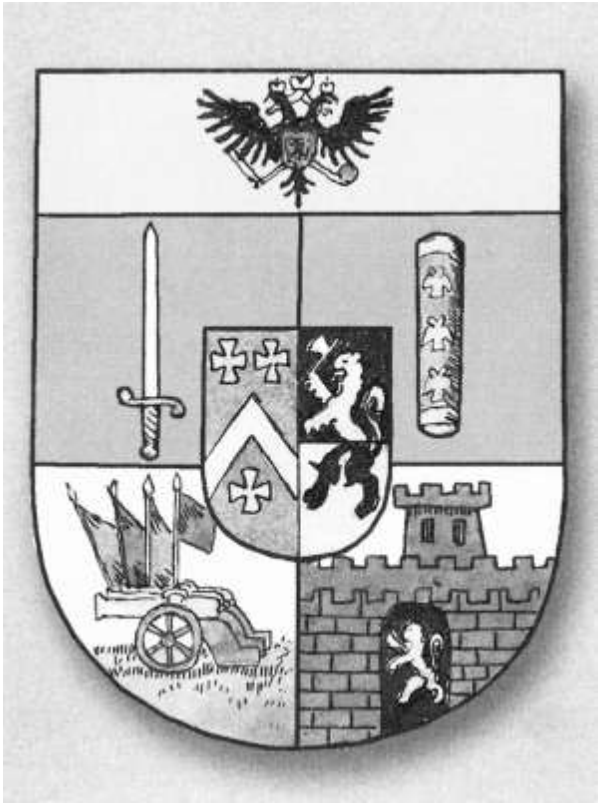
«Главнокомандующий 1-й Западной армией, военный министр Барклай-де-Толли отличался опытностью в боях и положительными сведениями по военной и административной частям; основными чертами его характера были прямодушие, хладнокровие и непоколебимость. Стремление к уничтожению недостатков и злоупотреблений, существовавших в военном

управлении, побуждало его к введению преобразований, приносивших несомненную пользу, но вызвавших неудовольствие и злобу его сильного предместника графа Аракчеева, который старался вредить ему при всяком случае. Недоверчивость, составлявшая одно из отличительных качеств его характера, заставляла его стремиться к исполнению многих обязанностей, которые он мог бы поручить своим подчиненным, и затрудняла ход дел по управлению войсками. Его преданность к государю и России были беспредельны. Но у него недоставало способности говорить с русскими солдатами; войска и народ считали его иностранцем, что в народной войне было несчастьем для самого Барклая и препятствием для общей пользы. При всей твердости своего характера, Барклай принужден был, из опасения не угодить общему мнению, скрывать свои намерения и иногда объявлять в приказах вовсе не то, что требовалось обстоятельствами и необходимостью» [19. С. 133].

Весьма интересный пассаж, который явно нуждается в комментариях.

«Барклай принужден был, из опасения не угодить общему мнению, скрывать свои намерения и иногда объявлять в приказах вовсе не то, что требовалось обстоятельствами и необходимостью». То есть получается, что порой он действовал не так, как считал нужным? К сожалению, да. Ведь силы человека очень часто бывают скованы обручем необходимости, а та, как известно, может быть объективной, а может таковой и не быть. Никто не отменял правомерности утверждения о том, что свобода — это осознанная необходимость. Но, думается, это вовсе не противоречит утверждению, что основными чертами характера Михаила Богдановича были прямодушие, хладнокровие и непоколебимость.

«Войска и народ считали его иностранцем». А вот это, к несчастью, истинная правда. На Руси всегда было так: Москву и Санкт-Петербург строили иностранцы, даже и члены императорской фамилии в большинстве своем были иностранцами, зачастую почти не говорившими по-русски, а случись чего — виноваты во всем были именно «немцы», «чухонцы» и прочие…



Дворянский герб М. Б. Барклая-де-Толли

Санкт-Петербург: вид через Неву на Английскую набережную

Русские войска в Финляндии

Император Александр I

(слева) Председатель Военного департамента Государственного совета граф А. А. Аракчеев

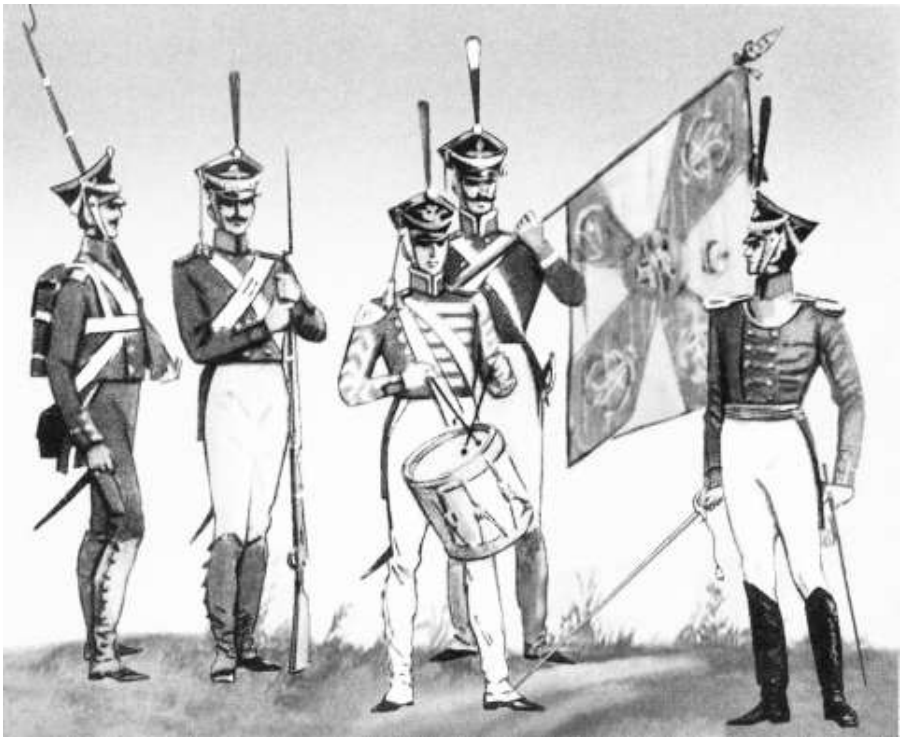
(справа) Военный министр — главнокомандующий 1-й Западной армией от инфантерии М. Б. Барклай-де-Толли

(слева) Главнокомандующий 2-й Западной армией князь П. И. Багратион

(справа) Главнокомандующий 3-й Резервной, Обсервационной армией генерал от кавалерии А. П. Тормасов

(слева) Начальник штаба 1-й Западной армии А. П. Ермолов
(справа) Генерал-квартирмейстер 1-й Западной армии К. Ф. Толь

Директор Особой канцелярии военного министра А. А. Закревский



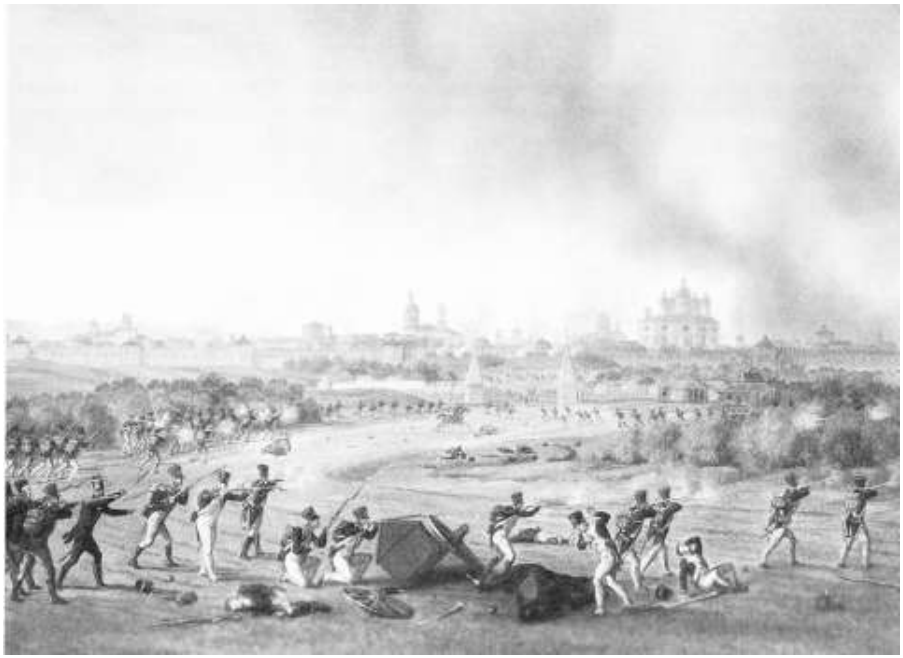
Обер-офицер, знаменщик, барабанщик и рядовые гренадерского полка русской армии

Нижние чины французской линейной пехоты

Военный совет в Дрисском лагере. *1 шюля 1812 г.*

Император Наполеон

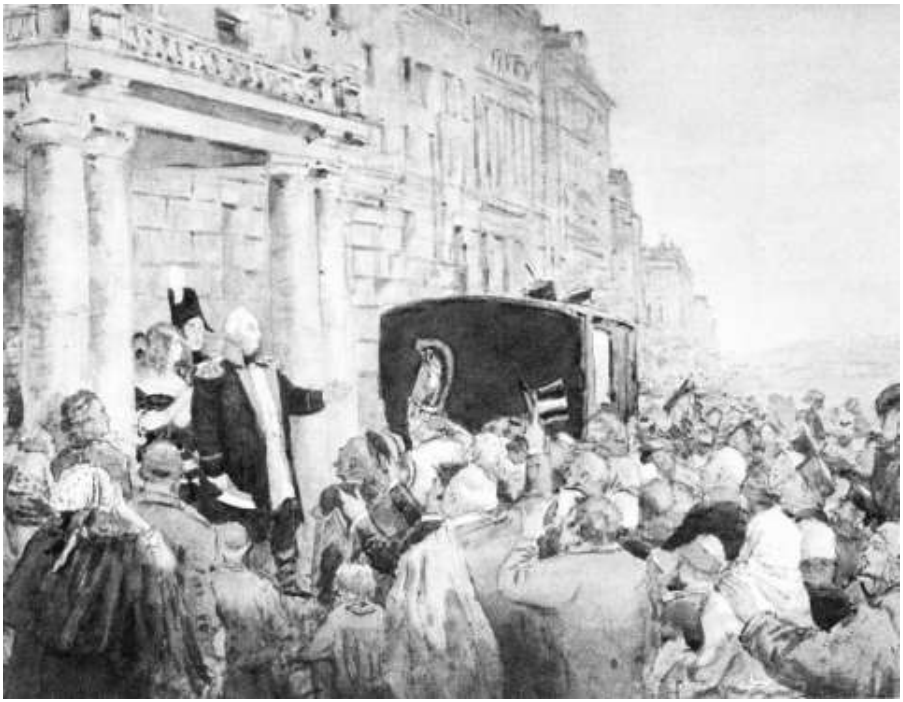
Генерал Н. Н. Раевский и его сыновья в сражении под Салтановкой



Сражение за Смоленск. *18 августа 1812 г.*

Командир бригады 17-й пехотной дивизии генерал-майор П. А. Тучков

Командир 27-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Д. П. Неверовский



Проводы М. И. Кутузова в действующую армию. *Петербург*

Главнокомандующий русской армией М. И. Голенищев-Кутузов

Бородинское сражение

Бородино. Взятие Курганной батареи французскими кирасирами

Прибытие в Москву русских воинов, раненых при Бородине

Московский военный генерал-губернатор генерал от инфантерии граф Ф. В. Ростопчин

Военный совет в Филях (М. Б. Барклай-де-Толли — пятый слева)

Москва в начале XIX века

Пожар Москвы

Наполеон в Кремле

Сожжение знамен «великой армии»

* * *

16 (28) июня, в четыре часа ночи, войска 1-й Западной армии, снявшись с лагеря под Вильно, выступили тремя колоннами.

Первая, составленная из дивизии генерала П. П. Коновницына, перешла реку Вилию и взяла направление на селение Любовну, при котором и остановилась. Арьергард ее состоял из 20-го егерского, лейб-гвардии Уланского и Тептярского казачьего полков с шестью орудиями конной артиллерии, и находился он под начальством князя И. Л. Шаховского.

Вторая колонна, составленная из гренадерской дивизии графа П. А. Строганова, прошла чрез город Вильно, переправилась через Вилию в Британишках и остановилась у этого селения. Арьергард ее состоял из 21-го егерского, лейб-гварии Казачьего и Каргопольского драгунского полков с шестью орудиями конной артиллерии.

4-й пехотный корпус графа П. А. Шувалова составлял третью колонну, которая пошла на Пунжаны.

Главная квартира Барклая-де-Толли перешла в Британишки.

Одновременно с этим, 1-й корпус графа П. Х. Витгенштейна отошел к Вилькомиру, где соединился с кавалерийским корпусом генерала Ф. П. Уварова, 2-й корпус генерала К. Ф. Багговута отступил через Ширвинты и Гедройцы, кавалерийский корпус барона Ф. К. Корфа пошел от Сморгони на Михалишки, 6-й корпус генерала Д. С. Дохтурова и кавалерийский корпус графа П. П. Палена — от Лиды на Олыианы.

Наполеон, желавший побыстрее овладеть Вильной, двинул вперед кавалерию маршала Мюрата, поддержав ее сильным корпусом маршала Даву, однако русский арьергард успел поджечь за собой мост через Вилию. Практически все магазины — армейские склады — также были сожжены.

Едва русские успели уйти, как город отправил к Наполеону депутатов для поднесения ему ключей. В полдень французский император торжественно вступил в Вильно и тотчас же отдал приказ починить уничтоженный мост.

Пока войска Барклая-де-Толли собирались под Свенцянами, Наполеон решил, что будет лучше остановиться в Вильно. В этом городе он пробудет более двух недель, занимаясь вопросами создания органов управления Литвой. При этом он направил

корпус маршала Даву с кирасирской дивизией Баланса и легкими кавалерийскими бригадами Бордессуля и Пажоля по дороге из Вильно на юго-восток, в Ошмяны, чтобы, следуя между армиями князя Багратиона и Барклая-де-Толли, препятствовать их соединению. Генерал Груши со своим кавалерийским корпусом должен был содействовать движениям маршала Даву.

20 июня (2 июля) армия Барклая-де-Толли дневала при Свенцянах. Под вечер ее арьергард был потревожен французами, которые были отбиты. Прибытие 6-го корпуса генерала Дохтурова в Кобыльники завершило сосредоточение 1-й Западной армии, так что в два перехода она могла быть беспрепятственно собрана при Свенцянах в числе около 115 тысяч человек.

Несмотря на это, Барклай-де-Толли справедливо рассудил, что благоразумие требует от него не отваживаться на сражение с противником, почти вдвое превосходившим его в численности, и решил продолжать отступление к Дрисскому лагерю, в котором надеялся соединиться с армией князя Багратиона.

* * *

Объясняется все это тем, что Михаил Богданович имел давно сформировавшееся мнение о том, что является лучшим способом действий против такого противника, как Наполеон. Вспомним его разговор с историком Нибуром в 1807 году. Вспомним злоключения русской армии в Финляндии. План «скифской войны» давно созрел в голове военного министра. Как пишет М. И. Богданович, «прошло пять лет со времени беседы с Нибуром — и Барклай-де-Толли получил возможность исполнить на самом деле свое предположение» [19. С. 105].

«Сразу же после получения известия о переходе неприятеля через границу Барклай-де-Толли отдал директиву командующим армиями и отдельными корпусами, в которой предписывалось истреблять на пути следования неприятеля продовольственные запасы и перевязочные средства» [114. С. 63].

Отступая, русские уничтожали мосты и магазины, забирали продовольствие и скот. В Вильно были сожжены громадные продовольственные склады; не меньшие магазины были уничтожены в Брест-Литовске, Вилькомире, Великих Луках и других населенных пунктах.

По словам генерала Богдановича, «с первого шага неприятельской армии на земле русской началось на пути ее страшное опустошение — неминуемое следствие соединения на небольшом пространстве огромной массы войск. <…> Во всех

направлениях видны были испуганные обыватели, бросавшие свои пепелища и спасавшиеся бегством. Окрестная страна не могла удовлетворить потребностям этого нового переселения народов; средства, находившиеся в ней, были расхищены, разбросаны, уничтожены… Оказался недостаток в фураже. Кавалеристы принуждены были кормить своих лошадей зеленым овсом, отчего они приходили в изнурение и падали» [19. С. 128].

Один из французских участников похода писал в своих «Мемуарах»:

«Разрушительный принцип, принятый противником, который перед нами все опустошал или забирал с собой, вскоре начал приносить свои печальные плоды. <…> Все, что только могло бы мало-мальски пригодно для нашего существования, уничтожалось или увозилось с собой. Мы нигде не встречали жителей; они бежали со своим движимым имуществом в бесконечные леса Литвы… Русские действовали против нас, как когда-то парфяне против римлян под командой их полководца Красса» [114. С. 66].

Историк А. Н. Попов отмечает, что «принятая русским командованием тактика с первых же дней войны наносила серьезный удар по состоянию “Великой армии”» [114. С. 66].

Совершенно верный вывод, но почему бы вместо абстрактного «русского командования» не назвать имя Барклая-де-Толли? Или, может быть, эту тактику придумал и последовательно осуществлял кто-то другой? К сожалению, даже у современных историков слишком силен стереотип мышления и недоверчивость к тому, кого «войска и народ считали иностранцем». Да что говорить об историках, живущих два столетия спустя, если и среди современников, как отмечает генерал Богданович, говоря о Барклае-де-Толли, «немногие лишь лица, приближенные к нему более прочих, могли оценить высокие его качества» [19. С. 134].

* * *

Как пишет Богданович, «положено было соединить обе русские армии и действовать совокупными силами» [19. С. 105]. Пунктом для сосредоточения армий был назначен Дрисский укрепленный лагерь, что и объясняет последовательные действия Барклай-де-Толли, но никак не объясняет действия князя Багратиона, армия которого пошла не на северо-восток, а на юго-восток — на Несвиж и Слуцк, все больше отдаляясь от 1-й Западной армии.

Понятно, что связано это было с движениями войск Наполеона, имевших задачу не допустить соединения русских армий — но ведь у русских была задача противоположная.

26 июня (8 июля), после очередного ночного марша, армия Барклая-де-Толли приблизилась к реке Двине. В это время из-за болезни графа Шувалова начальство над 4-м корпусом принял граф А. И. Остерман-Толстой.

«Быстрота и решительность движений Наполеона не только не расстроили отступления 1-й армии, но не отделили от нее даже ни одного отряда. Все корпуса отступали стройно, разрушая за собой мосты и пользуясь дождливой погодой, затруднявшей поход французов» [110. С. 12].

При этом, как отмечает М. И. Богданович, «Барклай был недоволен тем, что Багратион не присоединился к нему», и между ними «возникли недоразумения» [19. С. 163]. Впрочем, «недоразумения» — это слишком мягко сказано. Дело в том, что князь Багратион искренне полагал, что против него были сосредоточены главные силы Наполеона, и требовал, чтобы Барклай-де-Толли атаковал противника, дабы отвлечь на себя часть сил, действовавших против 2-й Западной армии. По словам Богдановича, «оба они, принимая во внимание только встречаемые ими затруднения и не входя в положение один другого, подтверждали собой неудобство действий двумя отдельными армиями на одном и том же театре войны» [19. С. 163].

При этом император Александр, «находясь при 1-й армии и будучи очевидцем обстоятельств, не позволявших Барклаю действовать решительно, был недоволен распоряжениями Багратиона. Государь приписывал уклонение его от Вилейки, и потом от Минска, излишней осторожности» [19. С. 163].

Получается, что все были недовольны друг другом: Багратион — Барклаем-де-Толли, император Александр — Багратионом…

Карл фон Клаузевиц, в ту пору подполковник Русско-немецкого легиона, рассказывает:

«Командовавший армией генерал Барклай, главная квартира которого находилась на расстоянии одного перехода позади главной квартиры императора, неохотно подчинялся исходившему оттуда нерешительному руководству военными действиями. Неприятель не напирал на него слишком энергично, и это побудило Барклая остановиться там, где по общему плану он не должен был задержаться. Фуль беспокоился о том, как бы неприятель не достиг Дриссы раньше русской армии. Автора неоднократно посылали в главную квартиру генерала Барклая, дабы побудить его к более быстрому отступлению. Хотя при

генерале Барклае состоял подполковник Вольцоген[29], служивший посредником, однако всякий раз автор встречал довольно плохой прием» [66. С. 35].

Все были недовольны друг другом, и причиной тому было отступление. Показывать свое недовольство начали даже простые солдаты…

* * *

29 июня (11 июля) войска 1-я Западной армии заняли укрепленный Дрисский лагерь.

В связи с тем, что беспрерывное отступление от самого Вильно до Дриссы могло иметь (и имело) опасное влияние на дух солдат, надлежало ободрить их, представив им, что это отступление сделано было специально для сосредоточения разных корпусов, составлявших 1-ю армию.

Император Александр издал следующий приказ, подписанный 27 июня (9 июля) — в годовщину Полтавской победы, имевшей место 27 июня 1709 года:

«Русские воины! Наконец, вы достигли той цели, к которой стремились. Когда неприятель дерзнул вступить в пределы Нашей Империи, вы были на границе для наблюдения за оной. До совершенного соединения армии Нашей временным и нужным отступлением удерживаемо было кипящее ваше мужество остановить дерзкий шаг неприятеля. Ныне все корпуса Первой Нашей армии соединились на месте предназначенном. Теперь предстоит новый случай показать известную вашу храбрость и приобрести награду за понесенные труды. Нынешний день, ознаменованный Полтавской победой, да послужит вам примером!» [19. С. 169–170].

Дрисский лагерь

Несмотря на то что Дрисский лагерь, это детище прусского генерала Карла-Людвига-Августа фон Фуля, созданный перед началом войны на левом берегу в излучине Западной Двины, между местечком Дрисса (ныне Верхнедвинск) и деревней Шатрово, «укреплен был с большим тщанием» [33. С. 156], армия Барклая-де-Толли пробыла в нем лишь несколько дней.

По свидетельству генерала Богдановича, «укрепления Дрисского лагеря, стоившие значительных трудов и издержек, не могли служить к предположенной цели — упорной обороне и действиям на сообщения противника. Напротив того — войска,

занимавшие укрепленный лагерь, подвергались опасности быть разбитыми, либо обложенными предприимчивым противником. Лес, находившийся в расстоянии полуверсты от левого крыла нашей позиции, способствовал неприятелю приблизиться к ней и повести атаку сосредоточенными силами. Самый лагерь изрезан был глубокими оврагами, затруднявшими сообщение между частями войск и движение резервов; спуски к мостам были чрезвычайно неудобны. Некоторые из укреплений не доставляли одно другому взаимной обороны» [19. С. 168].

Для такого опытного военачальника, как Барклай-де-Толли, все это давно было понятно. Направляя свою армию к Дриссе, он и не думал следовать плану теоретика Фуля, так как, кроме императора (Фуль преподавал Александру основы стратегии и тактики, и тот очень уважал его) и небольшой группы его приближенных, никто не верил в этот план, понимая всю его вздорность.

Как отмечает Н. А. Троицкий, «именно Барклай наиболее энергично и авторитетно выступал против дрисской затеи Фуля» [136. С. 85].

В самом деле, «Дрисский лагерь, плод соображений и трудов тактика Фуля, оказался неудобным. Искусный инженер, полковник Мишо, вполне доказал невыгоды его местоположения и устройства для пребывания и защиты. Положено было оставить его и при наступательном движении неприятеля отступать к Полоцку и Витебску, где открывалось более удобств и для соединения со 2-й армией, через Минск, или даже через Могилев, если Багратион найдет невозможным пробиться через Минск» [110. С. 21].

Генерал Фуль сильно обиделся и отбыл в Санкт-Петербург. После этого, как свидетельствует Клаузевиц, «в главной квартире генерала Барклая произошла перемена, коснувшаяся двух главных действующих лиц: начальника штаба и генерал-квартирмейстера. Генерал Лобанов[30] получил под начальством великого князя Константина командование гвардией, которая составляла шестой корпус. На место генерала Лобанова был назначен генерал-лейтенант маркиз Паулуччи. Он отличился в войне против турок и персов. Это был человек беспокойного ума, отличавшийся необыкновенной говорливостью. Одному Богу известно, каким образом из этих его качеств сделали вывод относительно его исключительной способности руководить крупными операциями и разрешать труднейшие вопросы войны. Обладая сумбурной головой, он отличался отнюдь не добродушным характером, а потому скоро стало ясно, что ни один человек не сможет с ним ужиться. Он оставался

начальником штаба лишь несколько дней, а затем его отозвали в Петербург; впоследствии он был назначен губернатором Риги; в обороне этой важной крепости он сменил генерала Эссена. Уже в Полоцке вместо него начальником штаба армии был назначен генерал-лейтенант Ермолов[31], прежде служивший в артиллерии» [66. С. 40].

У Н. А. Троицкого читаем:

«Барклай-де-Толли и за три дня пребывания в Дриссе успел сделать для русской армии много полезного. Он убедил царя заменить новыми людьми начальника штаба Ф. О. Паулуччи, энергичного, но не обладавшего “одним качеством, необходимым для начальника штаба русской армии: он не говорил по-русски”, и генерал-квартирмейстера С. А. Мухина, который был лишь “хорошим чертежником”, а в остальном — “мокрой курицей”. Вместо Паулуччи был назначен А. П. Ермолов, вместо Мухина — К. Ф. Толь. Здесь же, в Дриссе, Барклай организовал при своем штабе походную типографию под руководством профессоров Дерптского университета А. С. Кайсарова и Ф. Э. Рамбаха. Кроме приказов и официальных “Известий” типография сразу начала печатать разнообразную агитационную литературу. <…> Барклай стал рассылать командирам корпусов прокламации, адресованные солдатам Наполеона, с поручением “раскидать по всем дорогам… при встречах с неприятелем и стычках с оным”» [136. С. 86].

По словам Карла фон Клаузевица, полковник Толь «выделялся как самый образованный офицер в генеральном штабе» [66. С. 41]. При этом «он лишь наполовину пользовался доверием генерала Барклая — отчасти потому, что генерал отличался несколько холодным темпераментом, не позволявшим ему легко сходиться с другим человеком, отчасти же потому, что полковник Толь был совершенно лишен известной чуткости и тактичности — качеств, безусловно, необходимых на подобных должностях; он был известен своей резкостью по отношению как к начальникам, так и к подчиненным» [66. С. 41].

Не менее странной личностью при штабе Барклая-де-Толли был полковник Людвиг фон Вольцоген, происходивший из саксонских дворян. Он исполнял обязанности квартирмейстера 1-й Западной армии. Карл фон Клаузевиц характеризует его так:

«Русские относились к полковнику Вольцогену с возрастающей подозрительностью; к тому же и генерал Барклай не проявлял к нему особого доверия. Русские смотрели на него с своего рода суеверным страхом, как на злого гения, приносящего несчастье командованию армией» [66. С. 41].

Тем не менее именно Толь с Вольцогеном наиболее резко

выступили против размещения армии в Дрисском лагере.

Конечно, «неудобства Дрисского лагеря, признанные императором Александром, могли быть отчасти устранены, если бы войска 1-й армии усилились, как было предположено, значительными подкреплениями и вошли в связь со 2-й армией. Но резервы, прибывшие в укрепленный лагерь, едва могли пополнить убыль, понесенную с начала кампании, а между тем направление наполеоновых войск к Докшицам и Глубокому, обнаруживало намерение неприятеля разобщить наши армии одну от другой и отбросить 1-ю армию от Москвы и от южных областей государства. В таком положении находилась сия армия, когда на совете, созванном государем и состоявшем из Барклая, графа Аракчеева, принца Георгия Ольденбургского, князя Волконского и Вольцогена, положено было оставить Дрисский лагерь, но не решено, куда именно следовало направить армии. Затем, по предложению находившегося тогда в главной квартире герцога Александра Вюртембергского, поддержанному Барклаем, принято направление к Витебску, где Первая армия, заняв выгодную позицию, должна была соединиться со Второю. Для продовольствования же войск могли служить магазины, устроенные в Велиже» [19. С. 171–172].

Таким образом, кабинетный план Фуля был окончательно отменен, так как июньские дни убедительно показали всем, что сосредоточение 1-й Западной армии в Дрисском лагере могло привести лишь к одному — к ее полной изоляции от 2-й Западной армии. И выход из сложившегося положения был лишь в скорейшем соединении двух армий, а это можно было осуществить только путем отхода войск Барклая-де-Толли и Багратиона по сходящимся направлениям.

Отъезд императора Александра

Было решено, что «Дрисский лагерь следует очистить немедленно» [154. С. 183]. В результате, 2 (14) июля армия Барклая-де-Толли переправилась на правый берег Двины и двинулась на юго-восток, в сторону Полоцка.

Примерно в это время император Александр наконец-то оставил армию. Произошло это 7(19) июля 1812 года.

Карл фон Клаузевиц рассказывает:

«Генерал Барклай в своих докладах самым энергичным образом возражал против сражения под Дриссой и требовал, прежде всего, соединения обеих армий, в чем он был совершенно прав. При таких обстоятельствах император принял решение отказаться от командования армией, временно поставить во главе

всех войск генерала Барклая, сперва отправиться в Москву, а оттуда в Петербург, чтобы повсюду ускорить работу по усилению армии, позаботиться о снабжении ее продовольствием и другими запасами и организовать ополчение, в котором взялась бы за оружие значительная часть населения страны. Несомненно, что лучшего решения император принять не мог» [66. С. 38].

В своем конечном выводе этот знаменитый военный теоретик абсолютно точен, а вот в деталях — не совсем прав. В частности, Н. А. Троицкий указывает на то, что «Александр I, приехав в армию, не объявил, что “главнокомандующий остается в полном его действии”, и, таким образом, как предписывало “Учреждение для управления Большой действующей армией”, фактически сам стал главнокомандующим» [136. С. 85].

По понятным причинам, это страшно стесняло Барклая-де-Толли. По свидетельству А. Н. Муравьева, от царившей в армии неразберихи Михаил Богданович «часто приходил в отчаяние: проекты за проектами, планы и распоряжения, противоречащие друг другу, все это… нарушало спокойствие» [101. С. 88].

Безусловно, этот наболевший вопрос нужно было решить «деликатно и верноподданно» [136. С. 86].

Далее у Н. А. Троицкого читаем:

«Царь всем мешал (Барклаю в особенности), все и вся путал, но мог ли кто сказать ему об этом прямо? Государственный секретарь А. С. Шишков сговорился с А. А. Аракчеевым и А. Д. Балашовым и сочинил от имени всех троих письмо на имя царя, смысл которого сводился к тому, что царь будет более полезен Отечеству как правитель в столице, нежели как военачальник в походе» [136. С. 86].

При этом А. А. Аракчеев, бывший в 1812 году председателем Департамента военных дел в Государственном совете, воскликнул:

«Что мне до Отечества! Скажите мне, не в опасности ли государь, оставаясь долее при армии?» [37. С. 320].

А. С. Шишков на это ответил:

«Конечно, ибо, если Наполеон атакует нашу армию и разобьет ее, что тогда будет с государем? А если он победит Барклая, то беда еще невелика!» [37. С. 320].

Итак, Александр, поколебавшись, решился на оставление армии. Очевидец сцены его прощания с Барклаем-де-Толли

В. И. Левенштерн слышал, как император, садясь в карету, сказал:

«Поручаю вам свою армию; не забудьте, что второй у меня нет» [81. С. 351].

После этого Его Величество «изволил отъехать в Москву, дабы

личным присутствием своим придать более деятельности вооружениям, производимым внутри государства» [33. С. 162].

После этого Михаил Богданович облегченно вздохнул.

У Н. А. Полевого читаем:

«Император Александр оставил русскую армию, и власть главнокомандующего вполне передана была им Барклаю-де-Толли. Облеченный полной доверенностью монарха, Барклай-де-Толли принял тяжелую обязанность борьбы, когда, по-видимому, дела сближались к неизбежному решению. Положено было сражаться, едва соединится он с Багратионом, и маневрировать до тех пор, ибо превышавшие силы Наполеона не давали возможности противостать им одной 1-й армией» [110. С. 22].

Облеченный полным доверием императора? Возможно. Принял тяжелую обязанность борьбы? Да. Но вот получил ли Барклай-де-Толли от императора Александра власть главнокомандующего? Тут, к сожалению, можно ответить только отрицательно.

Как мы уже отмечали, когда император покинул 1-ю Западную армию, в соответствии с «Учреждением для управления Большой действующей армией», ее прежний главнокомандующий Барклай-де-Толли сразу же снова автоматически вступил в командование. Но вот чем? Только своей же 1-й Западной армией. При этом единым Главнокомандующим он не стал. Во всяком случае, если это и было сделано, то «келейно, в устной форме» [132. С. 54]. Никакого официального документа на эту тему император по одной ему ведомой причине не оставил.

Более того, если говорить строго, ситуация складывалась таким образом, что тот же князь Багратион формально и не обязан был подчиняться приказам Барклая-де-Толли, так как оба они «превратились в совершенно самостоятельных главнокомандующих частными армиями» [154. С. 183].

Историк А. А. Подмазо пишет:

«По тогдашней практике, общее командование принимал генерал, имевший над всеми старшинство в чине. <…> М. Б. Барклай-де-Толли и П. И. Багратион были произведены в чин генерала от инфантерии в один день (20.03.1809), только Багратион был расположен в приказе выше и следовательно имел старшинство в чине перед Барклаем. Исходя из этого, Багратион должен был принять общее командование. Однако в армиях кроме них находились и другие генералы, имевшие над Барклаем и Багратионом преимущество в чине (например, Л. Л. Беннигсен и А. Вюртембергский, кроме того в армии был брат царя Константин Павлович)» [108. С. 34–35].

Естественно, подобное положение привело к тому, что «сразу

же начались интриги по поводу общего командования. П. И. Багратион, несмотря на то, что он мог требовать подчинения себе младшего по чину, видимо осознав ситуацию, предоставил общее командование над объединенными армиями М. Б. Барклаю-де-Толли как военному министру. Это была лишь добрая воля Багратиона, и он в любой момент мог отказаться выполнять приказы Барклая. При этом никаких претензий к нему не могло бы быть предъявлено, так как “Учреждение” наделяло обоих главнокомандующих армиями равными правами и никак не регламентировало принцип их взаимной подчиненности» [108. С. 35].

Так что все 42 дня, прошедших с момента отъезда императора до приезда М. И. Кутузова, Барклай-де-Толли оставался командующим лишь одной из армий — «подобно Багратиону и Тормасову, на равных с ними началах» [132. С. 54].

Нелепость положения усугублялась еще и тем, что Барклай-де-Толли «не мог, даже как военный министр, отдавать приказы армиям А. П. Тормасова и П. В. Чичагова» [108. С. 35].

Мнение историка А. Г. Тартаковского:

Двойственная позиция царя ставила и самого Барклая в положение крайне двусмысленное, создав, если можно так сказать, военно-юридические предпосылки развязывания борьбы против него в верхах армии после отъезда из нее Александра I. С одной стороны, в глазах множества военных и гражданских лиц Барклай представал в роли предводителя всех русских армий на театре военных действий, а с другой, — не имея на то от царя официальных полномочий, был предельно скован в своих полководческих усилиях, будучи к тому же обречен проводить непопулярную в армии и обществе стратегическую линию» [132. С. 57].

Отступление к Витебску

После отъезда императора Александра Барклай-де-Толли «выступил 14 июля из Дриссы, где, следовательно, задержался всего лишь шесть дней и направился к Витебску. Мешкать, конечно, не приходилось, так как, в сущности говоря, французы уже давно могли туда подойти» [66. С. 44].

В окрестностях Дриссы был оставлен только 1-й корпус генерал-лейтенанта П. Х. Витгенштейна, в котором состояло примерно 25 тысяч человек — 28 батальонов, 16 эскадронов, 3 казачьих полка и 120 орудий. Граф Витгенштейн получил приказание прикрывать Санкт-Петербургскую дорогу.

Итак, 2 (14) июля 1-я Западная армия перешла за Двину. Движение ее было быстрым — Барклай-де-Толли спешил, опасаясь флангового удара Наполеона.

Как мы уже сказали, в ее руководстве произошли изменения: в частности, начальника штаба Николая Ивановича Лаврова заменил на этом посту генерал-майор А. П. Ермолов, в то время еще явно недооцененный. Лавров же после оставления Смоленска возглавит 5-й пехотный корпус и отличится в Бородинском сражении. Генерал-квартирмейстером армии вместо С. А. Мухина, который был лишь «хорошим чертежником» [136. С. 86], стал блестящий молодой полковник Карл Федорович Толь, участник Итальянского похода А. В. Суворова, сражения при Аустерлице и Русско-турецкой войны 1806–1812 годов.

Такие талантливые и очень работоспособные люди были особенно нужны Михаилу Богдановичу. Как пишет его биограф В. Н. Балязин, «Барклай работал день и ночь, рассылал приказы, донесения императору, письма гражданским чиновникам тех губерний, через которые шли его войска. Все эти канцелярские дела совершал он по ночам, ибо с самого раннего утра и до остановки войск на ночлег был он в седле» [8. С. 327].

Как покажет время, А. П. Ермолов и К. Ф. Толь были точно такими же — впоследствии оба они станут генералами от инфантерии.

* * *

6 (18) июля армия Барклая-де-Толли прибыла к Полоцку и, пройдя этот город, расположилась лагерем на Витебской дороге. Главная квартира была переведена в Полоцк. 8 (20) июля армия двинулась дальше, при этом Михаил Богданович сообщил князю Багратиону, что будет в Витебске 11 июля.

«В Витебске рассчитывали уже во всяком случае соединиться с Багратионом, притом дорога на Витебск продолжалась дальше на Смоленск, где выходила на большой московский тракт; она представляла вполне естественную линию отступления для соединения как с Багратионом, так и с подкреплениями, двигавшимися из центральных областей. Это направление было признано генералом Барклаем единственным по своей целесообразности» [66. С. 39].

Действительно, 11 (23) июля 1-я Западная армия вступила в Витебск.

При этом, по воспоминаниям служившего во 2-й Западной армии А. П. Бутенева, Барклай-де-Толли «довел свою армию во

всей целости до Витебска; у него не было ни отсталых, ни больных, и на своем пути он не оставил позади не только ни одной пушки, но даже ни одной телеги или повозки с припасами» [132. С. 48].

В это время Михаил Богданович написал жене:

«Неприятель выдвинул часть своих превосходных сил между 1-й и 2-й армиями с целью открыть себе дорогу в сердце России… <…> Я надеюсь, что это будет предотвращено. Я нахожусь теперь на скользком пути, на котором многое зависит от счастья» [8. С. 333].

Как видим, Барклай-де-Толли прекрасно понимал всю непопулярность выбранного им плана военных действий, но был уверен в своей правоте и просил для себя лишь немного удачи.

В Витебске к нему пришло известие, что князь Багратион уже находится в Могилеве, то есть в ста с небольшим километрах к югу от Витебска. Обрадованный этим, Барклай-де-Толли полагал соединение 1-й и 2-й армий делом уже совершившимся, а посему поставил свою армию на левом берегу Двины так, что фронт позиции закрывала река Лучеса, впадающая в Двину. Перед Витебском, на правом берегу Двины, был расположен 6-й пехотный корпус генерала Д. С. Дохтурова.

А тем временем П. И. Багратион оказался в критическом положении. Да, он получил приказ императора идти через Минск к Витебску, но маршал Даву успел взять Минск и отрезал Багратиону путь на северо-восток. С юга наперерез ему шел Жером Бонапарт, который должен был замкнуть кольцо окружения вокруг 2-й Западной армии у Несвижа. Корпус Даву — без двух дивизий, выделенных против армии Барклая-де-Толли — насчитывал 40 тысяч человек, у Жерома в трех его корпусах было 70 тысяч человек. Багратион же имел не более 49 тысяч человек.

«Куда ни сунусь, везде неприятель, — писал Багратион генералу Ермолову. — Что делать? Сзади неприятель, сбоку неприятель… Минск занят… и Пинск занят» [136. С. 87].

Поэтому князь вынужден был идти через Слуцк и Бобруйск на Могилев, но и там, после сражения под Салтановкой 11 (23) июля, он не смог прорваться на соединение с Барклаем-де-Толли и пошел к Смоленску кружным путем, через Мстиславль.

Михаил Богданович ничего этого не знал.

* * *

В день сражения под Салтановкой его армия прибыла к Витебску, и там генерал расположил свою главную квартиру.

У М. И. Богдановича читаем:

«Барклай-де-Толли, введенный в заблуждение слухами о занятии князем Багратионом Могилева, не только считал соединение обеих армий совершенно обеспеченным, но даже писал смоленскому губернатору, что он вместе с Багратионом перейдет к наступательным действиям» [19. С. 191–192].

Письмо это было им написано 11 (23) июля. В тот момент Михаил Богданович не имел точных сведений о численности наполеоновской армии и просто хотел успокоить нервничавших при приближении французов смолян. Когда же обнаружилось, что князь Багратион не успел занять Могилев, Барклай-де-Толли решился остановиться на время у Витебска, чтобы дождаться подвоза провианта из Велижа, а потом идти навстречу 2-й Западной армии через Бабиновичи к Сенно. В его планы входило переправиться через Двину и встать в Орше, закрывая дорогу на Смоленск и максимально приближаясь к армии князя Багратиона.

Но очень скоро планы Барклая-де-Толли изменились. Е. В. Анисимов по этому поводу пишет:

«Двигаться дальше, на Оршу, как поначалу объявил в своем письме к Багратиону Барклай, главнокомандующий 1-й армией отказался. Войска, пройдя форсированным маршем по тяжелой дороге, были истомлены до предела, нужен был отдых хотя бы на один день. К тому же солдатам не хватало провианта, и его начали брать силой у местного населения» [5. С. 517].

А может, это известия о движении Наполеона к Витебску заставили Барклая-де-Толли отказаться от намеченного движения на юг?

Как утверждает Анисимов, «в тот момент Барклаю показалось, что позиция под Витебском весьма удобна для сражения» [5. С. 517].

Нужно было только дождаться подхода армии князя Багратиона. Однако…

* * *

«Генерал Ермолов, которому была совершенно известна эта местность, доказал, с обычной ему пылкостью, главнокомандующему опасность боя с превосходным в числе неприятелем на позиции пересеченной, весьма затруднявшей движения войск. Барклай, оценив основательность его представлений, отвечал, что он прикажет отвести войска назад» [19. С. 192].

А вот какую оценку событий дает Карл фон Клаузевиц:

«Под Витебском действительно намеревались дождаться Багратиона, который, как предполагали, находился в направлении на Оршу, и в случае необходимости имелось в виду даже принять здесь сражение. Эта мысль являлась в высшей степени нелепой, и мы назвали бы ее безумной, если бы спокойный Барклай был способен на нечто подобное. Русская армия, не считая казаков, насчитывала приблизительно 75 000 человек. Двести тысяч неприятеля могли каждую минуту подойти и атаковать ее. По самой скромной оценке, силы противника достигали 150 000. Если бы позиция русских оказалась обойденной с левого фланга, а это можно было наперед предсказать с математической точностью, то для них почти не оставалось никакого отступления и армия не только была бы отброшена от дороги на Москву, но и оказалась бы под угрозой полной гибели» [66. С. 45–46].

Тем временем, 12 (24) июля, Наполеон находился в 60 километрах от Витебска.

Островно

13 (25) июля, рано поутру, Барклай-де-Толли отрядил к местечку Островно (примерно в 25 километрах к западу от Витебска) графа А. И. Остермана-Толстого с его 4-м корпусом, одной драгунской бригадой, двумя гусарскими полками и ротой конной артиллерии для «задержания неприятеля и выиграния времени», то есть для того, чтобы сколь можно дольше сдерживать французский авангард и дать время корпусу генерала Д. С. Дохтурова присоединиться к армии.

У Островно граф Остерман-Толстой столкнулся с основными силами французского авангарда под командованием маршала Мюрата. Разгорелся встречный бой, который продолжался весь день. К вечеру на подмогу Мюрату подошла пехотная дивизия генерала Дельзона, и граф, понеся значительные потери, был вынужден отойти к Витебску.

В ночь с 13 на 14 июля Барклай-де-Толли послал вперед генерала П. П. Коновницына с 3-й пехотной дивизией и кирасирской дивизией из кавалерийского корпуса генерала Ф. П. Уварова, дабы сменить графа Остермана-Толстого. В свою очередь, к Мюрату подоспел корпус Эжена Богарне, и с утра сражение возобновилось.

Примерно в два часа пополудни к задействованным в сражении французским войскам прибыл Наполеон, взяв командование на себя. Он повел дело так, что примерно к трем часам дня французы опрокинули русских, отход которых едва не

обратился в бегство.

К вечеру французы вплотную приблизились к Витебску, но, утомленные боем, остановились для передышки и разведки.

Совершенно очевидно, что Наполеону просто необходимо было генеральное сражение.

Близкий к нему в то время генерал Арман де Коленкур рассказывает:

«Император, который так желал сражения, пускал в ход всю свою энергию и весь свой гений, чтобы ускорить движение. Он добивался сражения и тем больше мечтал о нем, что, по слухам, в Витебске находился император Александр. Сражение под Островно… <…> было достаточно кровопролитным и окончилось в нашу пользу, но это был не больше как арьергардный бой, при котором неприятель, по существу, добился желательного для него результата, ибо он задержал наше движение, принудил нас занять позиции и, следовательно, остановил нас на несколько часов.

Русских отбросили к Лучесе, маленькой речке, впадающей в Двину, недалеко от Витебска. Ночью было ускорено движение всех корпусов и всех артиллерийских резервов; были пущены в ход все средства в надежде, что завтра или самое позднее послезавтра состоится генеральное сражение — предмет всех желаний и упований императора. Его Величество часть ночи оставался на лошади, подгоняя и ускоряя движение воинских частей и ободряя войска, которые были полны воинственного пыла. Неаполитанский король уверял, что все маневры неприятеля указывают на подготовку к сражению. Император и вся армия слишком сильно желали этого сражения и поэтому тешили себя надеждой, что великий результат близок» [68. С. 110].

* * *

В это время Барклай-де-Толли буквально умолял Багратиона поторопиться. Он писал:

«Глас Отечества призывает нас к согласию. Оно есть вернейший залог наших побед и полезнейших от них последствий, ибо от единого недостатка в согласии даже славнейшие герои не могли предохранить себя от поражения. Соединимся и сразим врага России! Отечество благословит согласие наше!» [11. С. 357].

Твердый в своем намерении, он решил удерживать позиции под Витебском, с минуты на минуту ожидая подхода 2-й Западной армии. Его целью было отвлечь внимание французов от Багратиона, чтобы тому было удобнее сблизиться с 1-й Западной армией, а посему он решился принять сражение при Островно, хотя, как утверждает генерал М. И. Богданович, «занятая им позиция не представляла выгод в оборонительном отношении» [19. С. 199].

Этот авторитетный военный историк делает следующую оценку возможного результата сражения:

«Несоразмерность его сил с неприятельскими не подавала вероятности в успехе. С нашей стороны можно было ввести в дело не более 80 тысяч человек против 150 тысяч наполеоновской армии» [19. С. 199].

Во многом сходную оценку дает и Д. П. Бутурлин:

«Поелику бои, 13-го и 14-го июля происходившие, показали, что неприятель в больших силах находился в окрестностях местечка Островны, то генерал Барклай-де-Толли и рассудил, что не может уже произвесть предположенного им движения к городу Орше, не подвергнув большой опасности своего правого фланга. С другой стороны, он не мог более отступать к Поречью или Суражу, не отказавшись совершенно от соединения с князем Багратионом, которому сам назначил направление к Орше. В таковой крайности, Барклай-де-Толли принял дерзостное намерение дать сражение, несмотря на чрезмерную малочисленность сил своих в сравнении с неприятельскими. В российской армии считалось не более 82 тысяч человек под ружьем, между тем как в армии Наполеона, состоявшей из его гвардии, корпусов маршала Нея, вице-короля Итальянского, трех пехотных дивизий корпуса маршала Даву и резервных кавалерийских корпусов генералов Нансути и Монбрюна, было не менее 190 тысяч человек» [33. С. 179–180].

Добавим, что Наполеон с таким преимуществом в силах легко мог обойти позицию Барклая-де-Толли и отрезать ему путь к Поречью. Тем не менее генерал уже известил императора Александра о готовящемся сражении. Он писал:

«Я взял позицию и решился дать Наполеону генеральное сражение» [136. С. 97].

Барклай-де-Толли просил князя Багратиона побыстрее занять Оршу. Сам он готовился к битве, но «неожиданно приказал войскам отступать. Обычно это решение объясняют тем, что 15 июля он получил от Багратиона известие о неудаче под Могилевом и невозможности соединиться с 1-й армией, а также о том, что французы угрожают непосредственно Смоленску» [5. С. 533].

В самом деле, как отмечает Д. П. Бутурлин, «Барклай-де-Толли сделал уже все распоряжения свои к сражению, как вдруг прибытие адъютанта от князя Багратиона переменило его намерение» [33. С. 180].

Дело было так. Утром 15 (27) июля от Багратиона прибыл поручик Н. С. Меншиков и передал сообщение о том, что, к сожалению, князь не может пробиться на север (к Орше) через Могилев, а посему он вынужден был перейти Днепр, дабы взять направление на Смоленск.

Для Михаила Богдановича это означало, что нужно было вновь начинать отступление, тем более что и его новый начальник штаба генерал Ермолов «предрекал ему, в случае боя на позиции впереди Витебска, неизбежную гибель армии» [19. С. 200].

Военный совет в Витебске

В этой непростой ситуации Барклай-де-Толли собрал военный совет.

На нем генерал А. П. Ермолов сказал:

«Нас спасает одно обстоятельство — фронт позиции прикрыт Лучесою, которую перейти в брод довольно трудно. Пока неприятель будет отыскивать броды, мы должны, немедленно снявшись с позиции, начать отступление; в противном случае, армия наша подвергается поражению по частям» [19. С. 200].

Все согласились с мнением Ермолова, один лишь генерал Тучков 1-й предложил остаться на позиции до вечера.

«Кто поручится в том, что еще до вечера мы не будем разбиты? — возразил ему Ермолов. — Разве Наполеон обязался оставить нас в покое до ночи?» [19. С. 200].

Барклай-де-Толли, разделяя убеждение генерала Ермолова,

решился отступать через Поречье к Смоленску.

Военный историк Д. П. Бутурлин по этому поводу пишет:

«Намерение дать сражение, принятое единственно с тем, чтобы не потерять сообщений своих со Второй армией, которую предполагали уже при Орше, было оставлено, и Барклай-де-Толли решился отступить к городу Поречье, дабы иметь всегда возможность предупредить неприятеля у Смоленска» [33. С. 180].

А вот анализ историка Отечественной войны 1812 года Н. А. Полевого:

«Причиной перемены плана Барклая-де-Толли и отступления от Витебска было известие, полученное от Багратиона. Вопреки прежнему слуху, Даву предупредил его в Могилеве, и Багратион должен был отодвинуть свое отступление гораздо далее. Он мог пройти только через Мстиславль и, следственно, соединиться с Барклаем-де-Толли уже близ Смоленска. Таким образом, не Витебск, но Смоленск являлся той точкой, где могла остановиться русская армия» [110. С. 24–25].

Позже Михаил Богданович написал в своем «Изображении военных действий 1-й армии»:

«В таких обстоятельствах не было никакой цели сражаться под Витебском: самая победа не принесла бы нам пользы, если бы между тем Даву занял Смоленск. Вступив в сражение, я без всякой пользы пожертвовал бы 20-ю или 25-ю тысячами человек, не имея способа, даже по одержании победы, преследовать неприятеля, ибо Даву, заняв Смоленск, пошел бы в тыл 1-й армии, а если бы я решился на него напасть, то Наполеон последовал бы за мною, и я был бы окружен неприятельскими войсками. Единственное мое отступление, даже после победы, было бы направлено через Сураж к Велижу, и, следовательно — я еще более отдалился бы от 2-й армии. По всем сим соображениям, решился я немедленно следовать к Смоленску. Все обозы и артиллерийские резервы, отправленные в Сураж, получили повеление идти к Поречью и Смоленску, а попечение о продовольствии армии поручено тамошним губернатору и предводителю дворянства» [19. С. 201].

Отступление к Смоленску

Как видим, поняв, что не может рассчитывать на князя Багратиона под Витебском, Барклай-де-Толли отказался от своего плана. 15 (27) июля он доложил государю:

«Я принужден против собственной воли сего числа оставить Витебск» [136. С. 97].

Карл фон Клаузевиц рассказывает:

«Однако для русских представляло все же немалый, хотя и побочный интерес попасть в Смоленск, чтобы скорее соединиться с Багратионом; в Смоленске можно было продержаться несколько дней; там находились значительные запасы и кое-какие подкрепления, поэтому для Наполеона, безусловно, представляло интерес отбросить русских от этого города» [66. С. 48].

Во второй половине дня 15 (27) июля армия Барклая-де-Толли бесшумно двинулась тремя колоннами на юго-восток, в сторону Смоленска.

По мнению Клаузевица, Барклай-де-Толли в последнюю минуту изменил свое решение давать генеральное сражение под Витебском, и «в данном случае это явилось истинным счастьем, и мы вправе сказать, что русская армия… <…> была спасена» [66. С. 47].

Наполеон узнал об отходе русских только утром следующего дня.

Н. А. Троицкий рассказывает, как поступил Барклай-де-Толли:

«Перед рассветом ординарец Мюрата разбудил Наполеона: Барклай ушел! Оставив на месте биваков огромные костры, которые до утра вводили французов в заблуждение, Барклай ночью тихо тремя колоннами увел свою армию к Смоленску» [136. С. 97].

Сказать, что Наполеон был взбешен — это значит ничего не сказать.

Никто в штабе Наполеона не мог понять, куда делась русская армия. В каком направлении ее преследовать?

Генерал Коленкур вспоминал:

«Нельзя представить себе всеобщего разочарования и, в частности, разочарования императора, когда на рассвете стало несомненным, что русская армия скрылась, оставив Витебск. Нельзя было найти ни одного человека, который мог бы указать, по какому направлению ушел неприятель, не проходивший вовсе через город.

В течение нескольких часов пришлось подобно охотникам выслеживать неприятеля по всем направлениям, по которым он мог пойти. Но какое из них было верным? По какому из них пошли его главные силы, его артиллерия? Этого мы не знали» [68. С. 112].

Наполеон вызвал к себе начальника штаба маршала Мюрата генерала Белльяра и спросил его о состоянии кавалерии. Тот ответил честно:

«Надо сказать правду Вашему Величеству. Кавалерия сильно тает. Слишком длительные переходы губят ее, и во время атак

можно видеть, как храбрые бойцы вынуждены оставаться позади, потому что лошади не в состоянии больше идти ускоренным аллюром. Еще несколько дней такого марша, и кавалерия исчезнет» [68. С. 114–115].

Наполеон в бешенстве бросил свою саблю на разложенную перед ним карту, а потом, поразмыслив, сказал:

«Здесь я остановлюсь. Здесь я хочу осмотреться, собрать свои силы, дать отдохнуть армии и организовать Польшу. Кампания 1812 года окончена, поход 1813 года завершит остальное» [18. С. 100].

* * *

Потери русских в трехдневных боях в районе Витебска, по данным Д. П. Бутурлина, «простирались до 2500 человек, выбывших из строя» [33. С. 179]. По информации М. И. Богдановича, у русских выбыло из строя 3764 человека (в том числе 827 человек было убито) [19. С. 203]. Между прочими, 13 (25) июля был убит генерал-майор М. М. Окулов[32], командир одной из бригад 23-й пехотной дивизии.

У французов был убит дивизионный генерал Руссель; а урон их убитыми и ранеными, по словам Бутурлина, «долженствовал быть весьма значителен, и сверх того взято у них 300 человек» [33. С. 179]. Другие историки французские потери обычно оценивают как равные русским. Например, у М. И. Богдановича фигурируют такие цифры: 3704 человека, включая 300 пленных [19. С. 203].

В донесении Александру I от 15 (27) июля Барклай-де-Толли написал:

«Войска Вашего Императорского Величества в течение сих трех дней с удивительною храбростию и духом сражались противу превосходного неприятеля. Они дрались как россияне, пренебрегающие опасностями и жизнию за Государя и Отечество. <…> Одни неблагоприятствующия обстоятельства, не от 1-й армии зависящия, принудили ее к отступлению. <…> Непоколебимая храбрость войск дает верную надежду к большим успехам» [19. С. 204].

* * *

Итак, армия Барклая-де-Толли отошла от Витебска тремя колоннами.

Правая, находившаяся под начальством генерала Д. С. Дохтурова, была составлена из 5-го и 6-го пехотных корпусов. Она направилась по дороге к местечку Лиозна. В арьергарде за ней следовал 3-й кавалерийский корпус.

Средняя колонна, состоявшая из 3-го пехотного корпуса Н. А. Тучкова 1-го, пошла к селу Веледичи, имея в арьергарде 2-й кавалерийский корпус. Главная квартира также была переведена в Веледичи.

Левая колонна, составленная из 2-го и 4-го пехотных корпусов, следовала по большой дороге к селу Агапоновщино.

Наполеон, лишенный какой-либо достоверной информации, был вынужден делать свои распоряжения наугад, исходя из предположения, что Барклай-де-Толли не мог отступить иначе, как к Смоленску, дабы постараться войти в соединение с князем Багратионом.

Смоленск в это время был занят небольшим резервным корпусом под начальством генерал-адъютанта барона Ф. Ф. Винценгероде, составленным из батальонов и эскадронов, взятых из рекрутских депо Вязьмы, Ельни и Рославля.

Как отмечает генерал М. И. Богданович, французские войска были крайне утомлены «недостатком в провианте и фураже» и «изнемогали от зноя, доходившего в тени до 28 градусов[33]» [19. С. 205].

С другой стороны, офицер артиллерии Н. Е. Митраевский констатирует:

«Во весь наш поход от Лиды до Дриссы и оттуда до Смоленска, несмотря на <…> трудные переходы, все до последнего солдата были бодры и веселы. Больных и отсталых было не более, как в обыкновенных походах; лошади были в хорошем теле и не изнурены» [92. С. 34].

Скорее всего, именно это обстоятельство и привело в конечном итоге к тому, что Барклаю-де-Толли и Багратиону удалось опередить неприятельские корпуса, им противопоставленные, и их армии поспешили к Смоленску — городу, который по справедливости можно назвать ключом от всей России.

И вот уже 2-й и 4-й корпуса соединились с 3-м в Поречье, а 5-й и 6-й прибыли к Рудне. Дальнейшее движение к Смоленску шло в двух колоннах.

Н. А. Полевой описывает действия Барклая-де-Толли следующим образом:

«Он шел на Поречье, охраняя отправленные туда обозы и тяжести; Дохтуров был отряжен поспешно в Смоленск, предупреждая могущее быть движение туда Наполеона. Он достиг

Смоленска 31 июля. Барклай-де-Толли был в Поречье 29-го и 1 августа также сдвинулся к Смоленску» [110. С. 25].

17 (29) июля левая и средняя колонны русской армии соединились при городе Поречье, куда переведена была и главная квартира Барклая-де-Толли.

Теперь, похоже, ничто уже не могло воспрепятствовать соединению 1-й и 2-й Западных армий.

20 июля (1 августа) главные силы 1-й Западной армии соединились в Смоленске и стали лагерем.

В то же время и князь Багратион равномерно шел к Смоленску: 19 (31) июля он подвинулся от Мстиславля к местечку Хиславичи, 20-го пришел к селу Герчикову, 21-го — к Ржавцу и, наконец, 22-го прибыл к Смоленску.

Как ни стремился Наполеон разбить русские армии порознь, добиться этого ему не удалось. Пройдя за 38 дней отступления более шестисот километров, 22 июля (3 августа) 1-я и 2-я Западные армии соединились в районе Смоленска. Это было первой большой неудачей Наполеона в войне 1812 года.

* * *

А 21 июля (2 августа), в тот день, когда обе русские армии находились на расстоянии одного дневного перехода друг от друга, князь Багратион лично приехал в Смоленск и тотчас же явился к Барклаю-де-Толли. При встрече Михаил Богданович сказал:

«Узнавши о вашем приезде в Смоленск, я уже готов был ехать к вам» [19. С. 218–219].

Михайловский-Данилевский рассказывает:

«При свидании главнокомандующих все объяснилось; недоразумения кончились. <…> Князь Багратион был старше Барклая-де-Толли в чине, но от Барклая-де-Толли, как облеченного особенным доверием монарха, не были сокрыты мысли его величества насчет войны, и ему, как военному министру, были также известны состояние и расположение резервов, запасов и всего, что было уже сделано и приготовлялось еще для обороны государства. Князь Багратион подчинил себя Барклаю-де-Толли, который в прежних войнах бывал часто под его начальством.

Первое свидание продолжалось недолго. Оба главнокомандующие расстались довольные друг другом. Вот собственные их выражения из донесений государю: “Долгом почитаю доложить, — говорил Барклай-де-Толли, — что мои

сношения с князем Багратионом самые лучшие. <…>” “Порядок и связь, приличные благоустроенному войску, — писал князь Багратион к его величеству, — требуют всегда единоначалия; еще более теперь, когда дело идет о спасении отечества. <…>”

“Я весьма обрадовался, услышав о добром согласии вашем с князем Багратионом, — отвечал государь Барклаю-де-Толли. — Вы сами чувствуете всю важность настоящего времени, и что всякая личность должна быть устранена, когда дело идет о спасении отечества”. В тот же день император писал к князю Багратиону: “Зная ваше усердие к службе и любовь к отечеству, я уверен, что в настоящее, столь важное для оного время, вы отстраните все личные побуждения, имея единственным предметом пользу и славу России. Вы будете к сей цели действовать единодушно и с непрерывным согласием, чем приобретете новое право на мою признательность”» [95. С. 99].

Очевидец встречи Барклая-де-Толли и князя Багратиона А. Н. Муравьев потом вспоминал, что генералы и офицеры, которые «единодушно не терпели Барклая», узнав о согласии между двумя командующими, «негодовали на сей оборот дела» [101. С. 102].

* * *

«По соединении обеих армий, они представляли громаду сил в 120 000 человек под ружьем; надлежало только сообразить дальнейшие действия» [33. С. 200].

К сожалению, «сообразить дальнейшие действия» оказалось весьма непросто, ибо все разговоры о единодушии и согласии между Барклаем-де-Толли и Багратионом были явной попыткой выдать желаемое за действительное.

Хорошо осведомленный о реальном положении дел начальник штаба Барклая-де-Толли генерал А. П. Ермолов потом в своих «Записках» рассказывал:

«Соединение с князем Багратионом не могло быть ему приятным; хотя по званию военного министра на него возложено начальство, но князь Багратион по старшинству в чине мог не желать повиноваться. Это был первый пример в подобных обстоятельствах и, конечно, не мог служить ручательством за удобство распоряжений» [57. С. 148].

Карл фон Клаузевиц излагает следующую точку зрения по этому вопросу:

«Когда русский император Александр покинул армию, то выполняемые им функции по верховному командованию отпали, и тем самым Барклай обратился в самостоятельного

командующего Первой Западной армией. Однако император формально не передавал генералу Барклаю верховного командования над обеими армиями, опасаясь обидеть князя Багратиона. Правда, Барклай был старшим генерал-аншефом (генералом от инфантерии), и этого обстоятельства, в крайнем случае, было бы достаточно для того, чтобы иметь некоторый авторитет перед другими генералами; однако для такого ответственного поста, как командование армиями, значение одного старшинства в чине никогда не считалось достаточным, и во всех государствах признавалось необходимым специальное полномочие монарха. Так как Багратион был лишь немногим моложе Барклая, а боевая слава обоих была приблизительно одинаковая, то император, конечно, предвидел, что определенно подчеркнутое подчинение его Барклаю будет обидным. Как, собственно, обстояло дело с главнокомандованием, никто в точности не знал, да и теперь, я полагаю, историку нелегко ясно и определенно высказаться по этому вопросу, если он не признает, что император остановился на полумере; надо полагать, что он рекомендовал князю Багратиону входить в соглашение с Барклаем по всем вопросам вплоть до изменений в группировке. Автору неизвестно, имелось ли уже тогда намерение поставить во главе обеих армий князя Кутузова, однако в войсках стали говорить об этом назначении лишь незадолго перед тем, как оно состоялось, и притом, как о мере, ставшей необходимой вследствие нерешительности Барклая. По всей вероятности, император захотел посмотреть, как поведет дело Барклай, и тем самым оставить себе открытым путь для назначения другого главнокомандующего» [66. С. 49–50].

Сказанное выше, безусловно, нуждается в комментариях. Прежде всего Багратион был не «лишь немногим моложе» Барклая-де-Толли. Он был моложе аж на одиннадцать с лишним лет. Что же касается всего остального, то тут лучше привести фрагмент воспоминаний генерала Ермолова:

«Князь Багратион приехал к главнокомандующему, сопровождаемый несколькими генералами, большой свитой, пышным конвоем. Они встретились с возможным изъявлением вежливости, со всеми наружностями приязни, с холодностию и отдалением в сердце один от другого. Различные весьма свойства их, нередко ощутительна их противуположность. Оба они служили в одно время, довольно долго в небольших чинах и вместе достигли звания штаб-офицеров.

Барклая-де-Толли долгое время невидная служба, скрывая в неизвестности, подчиняла порядку постепенного возвышения, стесняла надежды, смиряла честолюбие. Не принадлежа

превосходством дарований к числу людей необыкновенных, он излишне скромно ценил хорошие свои способности и потому не имел к самому себе доверия, могущего открыть пути, от обыкновенного порядка не зависящие» [57. С. 149].

Прежде чем продолжить цитирование суждений Алексея Петровича, хотелось бы сказать следующее: Михаила Богдановича он не любил.

В. Н. Балязин по этому поводу пишет:

«Для Барклая Ермолов идеальной фигурой не был. Признавая его несомненные воинские дарования, огромную память, неутомимость в труде, обширные познания в деле и незаурядную храбрость, Барклай, вместе с тем, знал, что Ермолов не любит его, что он коварен и отменно хитер, и от него можно нажить немалых козней. <…> Но, как бы то ни было… ему пришлось служить с Ермоловым до конца войны, и он убедился, что Алексей Петрович не столь злокознен, как он ожидал, а во всех своих лучших качествах был им даже и недооценен» [8. С. 331].

И все же мы видим, что генерал Ермолов в своих «Записках» порой совсем не щадит Михаила Богдановича, и делает он это не всегда справедливо, что невольно наводит на мысль об известной зависти («возбудил во многих зависть, приобрел недоброжелателей» [57. С. 150].), ведь военная карьера самого Ермолова, несмотря на все его достоинства, складывалась весьма непросто: он получил чин полковника в 1805 году, а генерал-майора — в 1808 году, хотя два раза представлялся годом раньше, а ведь в том же 1807 году Барклай-де-Толли тоже был всего лишь генерал-майором.

С другой стороны, в своих «Записках» генерал Ермолов не скрывает своего восхищения князем Багратионом.

Мнение генерала А. П. Ермолова:

Князь Багратион, на те же высокие назначения возведенный (исключая должности военного министра), возвысился согласно с мнением и ожиданиями каждого. Конечно, имел завистников, но менее возбудил врагов. Ума тонкого и гибкого, он сделал при дворе сильные связи. Обязательный и приветливый в обращении, он удерживал равных в хороших отношениях, сохранил расположение прежних приятелей. Обогащенный воинской славой, допускал разделять труды свои, в настоящем виде представляя содействие каждого. Подчиненный награждался достойно, почитал за счастие служить с ним, всегда боготворил его. Никто из начальников не давал менее чувствовать власть свою; никогда подчиненный не повиновался с большею приятностию. Обхождение его очаровательное! Нетрудно воспользоваться его доверенностию, но

только в делах, мало ему известных. Во всяком другом случае характер его самостоятельный. Недостаток познаний или слабая сторона способностей может быть замечаема только людьми, особенно приближенными к нему.

Барклай-де-Толли до возвышения в чины имел состояние весьма ограниченное, скорее даже скудное, должен был смирять желания, стеснять потребности. Такое состояние, конечно, не препятствует стремлению души благородной, не погашает ума высокие дарования; но бедность однако же дает способы явить их в приличнейшем виде. Удаляя от общества, она скрывает необходимо среди малого числа приятелей, не допуская сделать обширные связи, требующие нередко взаимных послуг, иногда даже самых пожертвований. Семейная жизнь его не наполняла всего времени уединения: жена немолода, не обладает прелестями, которые могут долго удерживать в некотором очаровании, все другие чувства покоряя. Дети в младенчестве, хозяйства военный человек не имеет! Свободное время он употребил на полезные занятия, обогатил себя познаниями. По свойствам воздержан во всех отношениях, по состоянию неприхотлив, по привычке без ропота сносит недостатки. Ума образованного, положительного, терпелив в трудах, заботлив о вверенном ему деле; нетверд в намерениях, робок в ответственности; равнодушен в опасности, недоступен страху. Свойств души добрых, не чуждый снисходительности; внимателен к трудам других, но более людей, к нему приближенных. Сохраняет память претерпенных неудовольствий: не знаю, помнит ли оказанные благотворения. Чувствителен к наружным изъявлениям уважения, недоверчив к истинным чувствам оного. Осторожен в обращении с подчиненными, не допускает свободного и непринужденного их обхождения, принимая его за несоблюдение чинопочитания. Боязлив пред государем, лишен дара объясняться. Боится потерять милости его, недавно пользуясь ими, свыше ожидания воспользовавшись. Словом, Барклай-де-Толли имеет недостатки, с большею частию людей неразлучные, достоинства же и способности, украшающие в настоящее время весьма немногих из знаменитейших наших генералов. Он употребляет их на службе с возможным усердием, с беспредельною приверженностию государю наилучшего верноподданного!

Князь Багратион с равным недостатком состояния брошен был случайно в общество молодых людей, в вихрь рассеянности. Живых свойств по природе, пылких наклонностей к страстям, нашел приятелей и сделал с ними тесные связи. Сходство свойств уничтожало неравенство состояния. Расточительность товарищей отдаляла от него всякого рода нужды, и он сделал

привычку не покоряться расчетам умеренности. Связи сии облегчили ему пути по службе, но наставшая война, отдаляя его от приятелей, предоставив собственным средствам, препроводила в Италию под знамена Суворова. Война упорная требовала людей отважных и решительных, тяжкая трудами — людей, исполненных доброй воли. Суворов остановил на нем свое внимание, проник в него, отличил, возвысил!

Современники князя Багратиона, исключая одного Милорадовича, не были ему опасными. Сколько ни умеренны были требования Суворова, но ловкий их начальник, провожая их к общей цели, отдалил столкновение частных их выгод. Багратион возвратился из Италии в сиянии славы, в блеске почестей. Неприлично уже было ни возобновить прежние связи, ни допустить прежние вспомоществования: надобно было собственное состояние. Государь избрал ему жену прелестнейшую, состояние огромное, но в сердце жены не вложил он любви к нему, не сообщил ей постоянства! Нет семейного счастия, нет домашнего спокойствия! Уединение — не свойство Багратиона; искать средств в самом себе было уже поздно, рассеянность сделалась потребностию; ее усиливало беспрерывное в службе обращение. С самых молодых лет без наставника, совершенно без состояния, князь Багратион не имел средств получить воспитание. Одаренный от природы счастливыми способностями, остался он без образования и определился в военную службу. Все понятия о военном ремесле извлекал он из опытов, все суждения о нем из происшествий, по мере сходства их между собою, не будучи руководим правилами и наукою и впадая в погрешности; нередко однако же мнение его было основательным. Неустрашим в сражении, равнодушен в опасности. Не всегда предприимчив, приступая к делу; решителен в продолжении его. Неутомим в трудах. Блюдет спокойствие подчиненных; в нужде требует полного употребления сил. Отличает достоинство, награждает соответственно. Нередко однако же преимущество на стороне тех, у кого сильные связи, могущественное у двора покровительство. Утонченной ловкости пред государем, увлекательно лестного обращения с приближенными к нему. Нравом кроток, несвоеобычлив, щедр до расточительности. Не скор на гнев, всегда готов на примирение. Не помнит зла, вечно помнит благодеяния. Короче сказать, добрые качества князя Багратиона могли встречаться во многих обыкновенных людях, но употреблять их к общей пользе и находить в том собственное наслаждение принадлежит его невыразимому добродушию! Если бы Багратион имел хотя ту же степень образованности, как Барклай-де-Толли, то едва ли бы сей последний имел место в сравнении с

ним [51.С. 150–153].

И все же, несмотря на полную непохожесть и нескрываемую вражду, при встрече в Смоленске князь Багратион заявил, что готов служить под начальством Барклая-де-Толли. Карл фон Клаузевиц пишет:

«Когда Барклай прибыл в Смоленск, Багратион заявил, что весьма охотно будет служить под его начальством» [66. С. 50].

Охотно будет служить под его начальством? На самом деле, как подчеркивает А. Г. Тартаковский, «подчинение это было чисто символическим и эфемерным, что обнаружилось буквально через несколько дней» [132. С. 55].

Да и Клаузевиц отмечает, что «армия радовалась такому единению, но, по правде говоря, оно было недолговечным, потому что скоро выявилось различие во взглядах, и на этой почве возникли недоразумения» [66. С. 50].

Опять недоразумения… И опять самого субъективного свойства… Как будто не было в русских вооруженных силах иных объективных проблем…

Военный совет в Смоленске

25 июля (6 августа) состоялся военный совет, на котором присутствовали Барклай-де-Толли и князь Багратион, великий князь Константин Павлович, начальники штабов армий генералы А. П. Ермолов и граф Э. Ф. Сен-При, генерал-квартирмейстеры 1-й армии — полковник К. Ф. Толь и 2-й армии — генерал М. С. Вистицкий 2-й, а также полковник Вольцоген, который после отъезда императора остался в должности дежурного штаб-офицера при Барклае-де-Толли.

Генерал И. Ф. Паскевич, командовавший тогда бригадой в 7-м пехотном корпусе генерала Раевского, рассказывает:

«В Смоленске созван был Военный совет. <…> Полковник Толь первый подал мнение, чтобы, пользуясь разделением французских корпусов, расположенных от Витебска до Могилева, атаковать центр их временных квартир, сделав движение большей частью сил наших к местечку Рудне. Хотя сначала намеревались было ожидать неприятеля под Смоленском и действовать сообразно сего движения, но как между тем получено было известие, что против нашего правого фланга неприятель выдвинул корпус вице-короля Итальянского с кавалерией, то и решились, по мнению полковника Толя, идти атаковать его, полагая, что и вся армия Наполеона там находится» [1. С. 90].

Д. П. Бутурлин также утверждает, что именно полковник

Толь «предложил, чтобы, пользуясь разделением французских корпусов, немедленно атаковать центр их временных квартир, обратив главную громаду российских сил к местечку Рудне. Он представил, что, действуя с быстротою, должно надеяться легко разорвать неприятельскую линию» [33. С. 206]. По словам этого военного историка, «мнение сие, одобренное цесаревичем и князем Багратионом, принято было всеми единодушно. В самом деле, оно представляло самые очевидные выгоды» [33. С. 201].

Генерал М. И. Богданович уточняет:

«Еще до созвания совета Толь подал Барклаю-де-Толли записку, в которой, изложив необходимость воспользоваться благоприятными обстоятельствами для перехода к наступательным действиям, предлагал двинуться быстро и решительно по дороге, ведущей через Рудню к Витебску: действуя таким образом, можно было, по мнению Толя, разобщить неприятельскую армию на две отдельные части, занять между ними центральное положение и разбить их порознь сосредоточенными силами. Последствия показали, что мы не имели тогда верных сведений ни о числе наполеоновых войск, ни о расположении их, и потому весьма трудно судить, какую степень вероятности успеха представлял план, предложенный Толем. Осторожный, хладнокровный Барклай, хотя и считал неприятеля слабейшим и более растянутым, нежели как было в действительности, однако же оставался убежденным, что тогда еще не настало время к решительному противодействию войскам Наполеона. С другой стороны, Барклаю было известно общее жаркое желание войск и начальников их — помериться с неприятелем и положить предел успехам его. Сам государь изъявлял ему надежду свою, что соединение наших армий будет началом решительного оборота военных действий» [19. С. 224].

Как видим, Барклай-де-Толли находился под сильным давлением, в том числе и самого императора Александра. Понятно, что мнение последнего всегда и во всем было решающим и ослушаться было практически невозможно. При этом подчеркнем еще раз: Барклай-де-Толли «оставался убежденным, что тогда еще не настало время к решительному противодействию войскам Наполеона» [19. С. 224].

Между тем император Александр писал Михаилу Богдановичу:

«Я не могу умолчать, что хотя, по многим причинам и обстоятельствам, при начатии военных действий нужно было оставить пределы нашей земли, однако же не иначе как с прискорбием должен был видеть, что сии отступательные движения продолжались до Смоленска. С великим удовольствием

слышу я уверения ваши о хорошем состоянии наших войск, о воинственном духе и пылком их желании сражаться. Не менее доволен также опытами отличной их храбрости во всех бывших доселе битвах и терпеливостью, оказанною ими во всех многотрудных и долгих маршах.

Вы развязаны во всех ваших действиях, без всякого препятствия, а потому и надеюсь я, что вы не пропустите ничего к пресечению намерений неприятельских и к нанесению ему всевозможного вреда…

Я с нетерпением ожидаю известий о ваших наступательных движениях, которые, по словам вашим, почитаю теперь уже начатыми» [19. С. 224–225].

Фактически это был приказ наступать, и никак иначе слова императора понимать невозможно.

Генерал М. И. Богданович констатирует:

«Таким образом, Барклай находился в самом затруднительном положении: с одной стороны — собственное убеждение в невозможности противостоять сильнейшему противнику побуждало его уклоняться от решительной с ним встречи; с другой — все окружавшие его, вся армия, вся Россия и, в челе ее, сам государь, требовали, чтобы наши армии заслонили от врага родную землю. Оставаясь в бездействии у Смоленска, невозможно было остановить дальнейшее нашествие французов.

Таковы были обстоятельства, заставившие Барклая-де-Толли при объяснении с Толем изъявить, против собственного убеждения, готовность свою предпринять наступление, но не иначе, как обеспечивая сообщение войск со Смоленском и не подвергаясь опасности быть атакованным с обеих сторон. Для этого, по мнению Барклая, следовало, оставив 2-ю армию у Смоленска для прикрытия Московской дороги, двинуть 1-ю против левого крыла неприятельской армии, овладеть пространством между Суражем и Велижем и занять его отрядом генерала Винценгероде. Когда же Первая армия таким образом утвердится на фланге неприятеля, тогда войска обеих армий должны были направиться к Рудне и действовать сосредоточенными силами» [19. С. 225–226].

22 июля (3 августа) Барклай-де-Толли писал императору:

«Я намерен идти вперед и атаковать ближайший из неприятельских корпусов, как мне кажется, корпус Нея, у Рудни. Впрочем, по-видимому, неприятель готовится обойти меня с правого фланга корпусом, расположенным у Поречья» [19. С. 226].

На военном совете 25 июля (6 августа) полковник Вольцоген предложил укрепить по возможности Смоленск и ждать в нем

французов. Это предложение явно не согласовывалось с общим мнением о том, что у Смоленска не было выгодной оборонительной позиции.

Богданович подчеркивает:

«За исключением Вольцогена, всегдашнего поборника отступления, и самого Барютая-де-Толли, все члены совета желали решительных наступательных действий, и потому положено было идти соединенными силами на центр неприятельского расположения, к Рудне» [19. С. 226].

В заключение Михаил Богданович сказал:

«Мы будем иметь дело с предприимчивым противником, который не упустит никакого случая обойти нас и через то вырвать из наших рук победу» [19. С. 227].

А. Г. Тартаковский утверждает, что «в результате горячих дебатов» Барклаю-де-Толли «был навязан тот способ действий, который в глубине души он не одобрял» [132. С. 55].

А вот биограф князя Багратиона Е. В. Анисимов четко указывает на то, что «идея движения на Рудню принадлежала Багратиону» [5. С. 554]. И еще он отмечает, что Барклай-де-Толли в тот момент «явно нервничал» [5. С. 555].

В. И. Левенштерн, служивший в 1812 году адъютантом Михаила Богдановича и пользовавшийся его большой доверенностью, потом рассказывал:

«Я никогда не замечал у Барклая такого внутреннего волнения, как тогда; он боролся с самим собою: он сознавал возможные выгоды предприятия, но чувствовал и сопряженные с ним опасности» [5. С. 555].

Все это явно противоречит утверждению Е. В. Тарле о том, что Михаил Богданович «решил предупредить нападение на Смоленск и сам двинул было авангард в Рудню, но почти сейчас же отменил приказ» [131. С. 114].

На самом деле, не сам решил и не сам двинул. Как пишет профессор Е. Н. Щепкин, «военный совет старших начальников единодушно высказался теперь за наступление, и Барклай, вопреки собственному убеждению, согласился… <…> начать движение к Рудне» [154. С. 187]. Историк Н. А. Троицкий развивает и дополняет эту мысль: «Барклай принял мнение совета, но “с условием не отходить от Смоленска более трех переходов” — на случай, если Наполеон попытается отрезать русские войска от Смоленска» [136. С. 106].

Тем временем Багратион все никак не мог успокоиться. Раздраженный всем, что делает Барклай-де-Толли, он писал Ф. В. Ростопчину в конце июля:

«Между нами сказать, я никакой власти не имею над

министром (Барклаем-де-Толли. — С. Н.), хотя и старше я его. Государь по отъезде своем не оставил никакого указа на случай соединения, кому командовать обеими армиями, и по сей самой причине он, яко министр… Бог его ведает, что он из нас хочет сделать: миллион перемен в минуту, и мы, назад и вбок шатавшись, кроме мозолей на ногах и усталости, ничего хорошего не приобрели» [56. С. 73].

В своей горячности он шел и еще дальше, пытаясь обвинять в военных неудачах самого императора:

«От государя ни слова не имеем, нас совсем бросил. Барклай говорит, что государь ему запретил давать решительные сражения, и все убегает. По-моему, видно государю угодно, чтобы вся Россия была занята неприятелем. Я же думаю, [что], русский и природный царь должен наступательный быть, а не оборонительный» [56. С. 98].

Маневры под Рудней

Как бы то ни было, 26 июля (7 августа), на рассвете, соединенные русские армии выступили из Смоленска тремя колоннами.

На этот момент, по информации Д. П. Бутурлина, «в обеих армиях вместе состояло налицо 121 119 человек, из того числа 77 712 человек в Первой армии, а 43 407 человек во Второй» [33. С. 203]. Движение колонн прикрывали казаки атамана М. И. Платова.

Барклай-де-Толли «двинул всю армию к Рудне, в районе которой рассчитывали встретить центр неприятельской армии» [66. С. 51]. «Расчет был на то, что по дороге на Рудню есть удобные позиции, заняв которые можно было бы дать Наполеону генеральное сражение» [5. С. 554].

Но в ночь с 26 на 27 июля Барклай-де-Толли получил от генерала Винценгероде, отряженного к Велижу, известие о сосредоточении французов у Поречья. Опасаясь быть обойденным с фланга и отрезанным от Смоленска, Барклай-де-Толли решил остановить свое движение к Рудне.

Карл фон Клаузевиц уточняет:

«Уже на первом переходе распространилось известие, что главные силы неприятеля находятся на дороге в Поречье, а при таких условиях удар по воздуху в направлении Рудни являлся чрезвычайно опасным предприятием, так как он мог привести к потере пути отступления. Хотя это известие не было достоверным и представляло, скорее, плод различных соображений и догадок и хотя такое сосредоточение французской армии было явно

неправдоподобно, так как дорога на Поречье отнюдь не лежала в том направлении, которого до сих пор держался противник, угрожая все время русской армии своим правым флангом, однако невозможно было уговорить Барклая предпочесть неизвестное известному и помешать ему самому пойти с первой армией по дороге на Поречье, задержав на дороге в Рудню Вторую армию. <…> Багратион был чрезвычайно недоволен отменой первоначального решения, и с этого времени стали постоянно возникать разногласия и споры между обоими генералами» [66. С. 51].

Прервем рассказ Клаузевица, чтобы выразить сожаление — если бы только с этого времени… Горячий по натуре князь Багратион с самого начала войны не скрывал своей неприязни к Барклаю-де-Толли. С самого начала войны он ратовал за наступление и всячески критиковал стратегию военного министра. При этом обоих полководцев не могло не страшить возможное окружение. Именно поэтому, кстати, было принято решение далеко от Смоленска не отходить и обеим армиям не отдаляться друг от друга дальше, чем на расстояние одного перехода.

Опасения Барклая-де-Толли вполне понятны: Наполеон мог захватить Смоленск и отрезать русские армии от Москвы. Абсолютно достоверных сведений о положении войск Наполеона у него не было, а посему слишком рисковать он не счел нужным. Позиция князя Багратиона была несколько иной: сам он вряд ли знал о противнике больше, чем Барклай-де-Толли, но зато априори был совершенно уверен, что действовать нужно иначе. Но вот как? Как и всегда, обладавший вулканическим темпераментом князь Багратион предпочитал довериться своей интуиции. А в отношении Барклая-де-Толли он, опять же как всегда, мог сказать лишь одно:

«Невозможно делать лучше и полезнее для неприятеля, как он. <…> Истинно, я сам не знаю, что мне делать с ним, и о чем он думает?» [148. С. 174].

Право же, складывается впечатление, что все, что думал и делал Михаил Богданович, вызывало в тот момент у князя Петра Ивановича изжогу.

В любом случае, он написал Барклаю-де-Толли:

«Я не могу согласиться с причинами, которые заставили вас переменить прежнюю нашу диспозицию. Одни слухи не должны служить основанием к перемене операций, в которых всякая минута дорога, особливо по нынешним обстоятельствам. Если мы всегда будем думать, что фланги наши в опасности, то мы нигде не найдем удобной позиции» [40. С. 226–227].

Мнение военного теоретика Карла фон Клаузевица:

Полководец, который ясно держал бы в своем сознании план глубокого отступления внутрь страны, который был бы проникнут убеждением, что на войне часто следует действовать, не имея достоверных данных, а опираясь лишь на вероятность, и который имел бы достаточно мужества, чтобы кое-что оставить на долю удачи, такой полководец 9 августа дерзко продолжал бы начатое движение и в течение нескольких дней испытывал бы свое счастье в наступлении. Но такой генерал как Барклай, который ждал спасения только от одержания полной победы, который считал себя обязанным искать таковую в правильном и осторожно подготовленном сражении, который тем более прислушивался к внешним объективным доводам, чем больше в нем замолкали внутренние субъективные, — такой генерал, конечно, не мог не найти во всех обстоятельствах вполне достаточных оснований для того, чтобы отказаться от намеченного предприятия. Мнение полковника Толя и тех офицеров Генерального штаба, которые особенно горячо настаивали на продолжении наступательной операции, сводилось к тому, что внезапность наступления и неожиданное нападение на разбросанную неприятельскую армию уже сами по себе вырывают победу и опрокидывают врага.

Подобные взгляды, выраженные в такой формулировке, представляют великое зло в военном искусстве, так как они обладают своего рода силой терминологического доказательства, а по существу не содержат в себе никакой определенной мысли. Весь исторический опыт свидетельствует, что подобными стратегическими внезапными нападениями редко достигается подлинная победа, выигрывается лишь известное пространство территории и создаются выгодные предпосылки для сражения. Ведь для того, чтобы одержать настоящую победу, необходимо встретить значительную часть неприятельской армии и вынудить ее принять сражение и притом в таких условиях, чтобы иметь возможность охватить ее и, таким образом, добиться наибольшего успеха. Нужно помнить, что одно простое отталкивание противника по прямой линии, которое могло бы сойти за победу, когда оно захватывает всю неприятельскую армию, не является таковой, когда оно направлено лишь против одной ее части.

Неприятельские корпуса редко принимают такой удар: большинство их форсированным маршем стремится достигнуть расположенного позади сборного пункта, и за исключением случаев, когда географические условия особенно благоприятствуют этому, редко удается где-либо нанести противнику подлинно крепкий удар.

Правда, неприятельская армия таким неожиданным нападением приводится в менее выгодное по сравнению с предшествовавшим положение, но отнюдь не в состояние армии разбитой, и если наступающая армия ранее не располагала достаточными силами, чтобы дать настоящее сражение, то едва ли она окажется в состоянии дать его и вследствие полученных преимуществ. Что выбор хорошей позиции, знакомство с местностью и устройство укреплений дают обороняющемуся в сражении значительные выгоды, когда-нибудь будет считаться вполне естественным и раз навсегда решенным, но для этого надо ясно и твердо установить понятия и каждое из них поставить на свое место. Но еще теперь и в еще большей мере в 1812 году наступательная форма войны почиталась подлинным волшебным средством, так как наступавшие и продвигавшиеся вперед французы являлись победителями. Тот, кто основательно продумает этот вопрос, должен будет себе сказать, что наступление является на войне слабейшей формой, а оборона — сильнейшей, но что первая преследует положительные и, следовательно, более крупные и решительные цели, вторая же — лишь отрицательные, благодаря чему устанавливается равновесие между ними и одновременное существование обеих форм становится возможным [66. С. 52–53].

После этого отступления, слишком уж углубившегося в теорию, вернемся к противостоянию Барклая-де-Толли и князя Багратиона. Под Смоленском, после соединения с 1-й Западной армией, Петр Иванович «добровольно подчинил себя военному министру и изъявил готовность выполнять его распоряжения» [11. С. 358], но тут же стал открыто обвинять его в неспособности руководить войсками.

Позднее Барклай-де-Толли написал про свои отношения с князем следующее:

«Я должен был льстить его самолюбию и уступать ему в разных случаях против собственного своего удостоверения, дабы произвести с большим успехом важнейшие предприятия» [109. С. 52].

Военный историк Дэвид Чандлер вынужден констатировать:

«Личные разногласия Барклая и Багратиона дошли до такой степени, что это уже мешало согласованию действий их армий» [147. С. 479].

* * *

Тем временем в действиях русских армий образовалась

весьма странная пауза. Четыре дня, с 28 по 31 июля, обе они стояли на месте, чего-то ожидая. В результате у Багратиона «лопнуло терпение», и он, «в сущности, почти вышел из повиновения Барклаю» [5. С. 560]. Может быть, именно это и стало причиной «странного» стояния русских на пути к Рудне? Не сам ли Багратион только что жаловался графу Ф. В. Винценгероде, что его войска, «назад и вбок шатавшись, кроме мозолей на ногах и усталости ничего хорошего не приобрели»? Получается, что для него и «мозоли на ногах» от быстрых переходов были плохи, и «топтание на месте» — плохо. Кстати, жара в то время стояла страшная, и все в армии только и мечтали, что об отдыхе. А ведь Барклай-де-Толли действовал не просто так, но получив сведения, что Наполеон стянул войска позади Рудни, и посему он занял крайне выгодную на случай сражения позицию у населенного пункта Волкова — в надежде вызвать противника на атаку.

По свидетельству Карла фон Клаузевица, «окружавшие Барклая опять принялись за работу, чтобы побудить его предпринять новое наступление; и действительно, простояв четыре дня на дороге в Поречье, он снова совершил 13-го и 14-го два перехода по направлению к Рудне, но на этот раз было уже слишком поздно. Первая попытка атаковать французов вынудила их покинуть квартиры, в которых они расположились на отдых, и они снова двинулись вперед, 14-го перешли через Днепр близ Расасны и пошли на Смоленск. Это побудило сперва Багратиона, а за ним и Барклая двинуться к Смоленску, так как 15-го дивизия Неверовского, выдвинутая навстречу французам к Красному, после крайне неудачного боя укрылась в Смоленске» [66. С. 54].

По сути, маневры русских армий на северо-западе от Смоленска (сперва к Рудне, потом к Поречью, потом опять к Рудне) едва не стали причиной их гибели, открыв Наполеону наш левый фланг и практически прямую дорогу на Смоленск с юго-запада.

* * *

Отметим, что Наполеон, переведя свои войска на другой берег Днепра у Расасны, совершил, как пишет Д. П. Бутурлин, «движение самое искусное из всех, сделанных им в течение сего похода» [33. С. 206]. Он перевел через Днепр почти 175 тысяч человек, двинулся через Ляды параллельно реке и вполне мог без боя взять оставленный Смоленск, отрезав двум русским армиям дорогу на Москву. Сделай он это, положение русских стало бы

поистине катастрофическим. И фактически это была бы труднопоправимая ошибка, причем не «русских генералов», а конкретно князя Багратиона (вспомним, «идея движения на Рудню принадлежала Багратиону») и того самого военного совета, мнение которого под давлением императора («с нетерпением ожидаю известий о ваших наступательных движениях») вынужден был принять Барклай-де-Толли.

Что же касается «крайне неудачного боя» под Красным, имевшего место 2 (14) августа, то в нем генерал Д. П. Неверовский со своей недавно сформированной дивизией, насчитывавшей всего шесть тысяч человек, выдержал атаки огромных сил французов. Этот бой по праву называют подвигом 27-й дивизии Неверовского под Красным и одним из самых героических эпизодов войны 1812 года.

Военный историк Д. П. Бутурлин по поводу боя под Красным пишет:

«Российская пехота, беспрерывно сражаясь и отбиваясь от неприятеля, с достойной величайшей похвалы твердостью устояла против всех его нападений. Под вечер французы прекратили преследование» [33. С. 208].

В самом деле, 27-я дивизия, потеряв до половины своего состава, задержала на целый день наступление Наполеона на Смоленск и не позволила ему с ходу взять город. Очень важно подчеркнуть, что идея выслать этот «наблюдательный отряд» к Красному принадлежала именно Барклаю-де-Толли.

Независимый в своих суждениях Дэвид Чандлер подчеркивает, что именно Барклай-де-Толли «очень мудро приказал генералу Неверовскому передислоцировать свою дивизию… на южный берег Днепра для охраны подступов к Смоленску и наблюдения за французскими войсками» [147. С. 480]. И если бы не «доблестное сопротивление дивизии Неверовского, французская кавалерия вполне могла бы достичь Смоленска к вечеру 14 августа» [147. С. 480].

* * *

Как пишет Н. А. Троицкий, «руднинские маневры Барклая не нашли понимания ни у современников, ни у историков» [136. С. 107]. Е. В. Тарле, например, писал, что «армия бесполезно “дергалась” то в Рудню, то из Рудни» [131. С. 114]. Тем не менее, оставив за скобками то, кто был истинным инициатором этого «дерганья», отметим, что и тут Барклай-де-Толли оказался на высоте.

Генерал М. И. Богданович совершенно верно объясняет «мнимую нерешительность» Барклая-де-Толли тем, что, «предпринимая против собственной воли движение к Рудне, он искал всякого благовидного случая приостановить его и обратиться к прежнему способу действий, которого необходимость впоследствии оказалась на самом опыте» [19. С. 236].

А что же князь Багратион? Он не стал утомлять себя каким-либо анализом ситуации и открыто обвинил Барклая-де-Толли в измене.

Дело в том, что в числе бумаг, захваченных казаками под Инковом на квартире генерала Себастьяни, был найден приказ маршала Мюрата, в котором он извещал о намерении русских направить главные силы к Рудне и предписывал генералу отойти назад. В главной квартире русской армии не могли понять, каким образом французы смогли добыть столь точные сведения, и стали подозревать в измене вообще всех иностранцев, а в особенности — полковника Людвига фон Вольцогена, дежурного штаб-офицера при Барклае-де-Толли. На самом деле, как потом выяснилось, причиной утечки важной информации стал один из русских офицеров, имевший неосторожность предупредить о наступлении свою мать, жившую в имении возле Рудни. Записка эта оказалась в руках маршала Мюрата, который квартировал в этом поместье…

Но князь Багратион, во всем видевший злой умысел иностранцев, уже успел написать А. А. Аракчееву, в письмах к которому обычно изливал душу, что быть с военным министром он никак не может. Более того, он стал просить о переводе из 2-й Западной армии, «куда угодно, хотя полком командовать в Молдавию или на Кавказ» [131. С. 114]. И по какой же причине? Да потому, что «вся главная квартира немцами наполнена так, что русскому жить невозможно, да и толку никакого нет» [64. С. 205]. Понятно, что себя Петр Иванович Багратион считал русским, хотя его дед, царевич Исаак-бек (Александр), побочный сын или, по другим источникам, племянник царя, переехал из Грузии в Россию в 1759 году, а отец, родившийся в Персии, — еще на шесть лет позже. Зато Михаила Богдановича, дед которого стал российским подданным аж в 1710 году, то есть за двадцать лет до рождения отца Петра Ивановича, он русским не считал…

В приступе неуместной эмоциональности князь Багратион написал:

«Я думал, истинно служу государю и отечеству, а на поверку выходит, что я служу Барклаю. Признаюсь, не хочу!» [130. С. 95].

В письме же графу Ф. В. Ростопчину князь Багратион пошел

еще дальше и написал о Барклае-де-Толли совершенно недопустимое:

«Надо командовать одному, а не двум. Ваш министр может хороший по министерству, но генерал — не то, что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего отечества… Я, право, с ума схожу от досады» [20. С. 504].

В этом смысле весьма странно читать следующее откровение Н. Б. Голицына о князе Багратионе:

«Самоотвержение, с каковым он подчинился младшему его по службе генералу Барклаю, доказывает, что он умел заглушить чувства самолюбия, когда дело шло о спасении Отечества и повиновении воле своего государя. И в этом случае не суетное тщеславие руководило им: он уже был осыпан всеми знаками отличия и почестями, которые можно было желать в столь высоком сане; но он поступил как истинный сын Отечества и последовал чувству отвержения, которое во времена тяжкого испытания, как тогдашнее, облегчает всякое пожертвование» [44. С. 16].

Ничего себе — «подчинился»! Ничего себе — «отвержение и пожертвование»!

Впрочем, удивляться не стоит, ведь Голицын — «близкий родственник Багратиона»[34] [132. С. 326].

Его отец, генерал-лейтенант князь Борис Андреевич, был женат на Анне Александровне, урожденной княжне Грузинской, родственнице князя П. И. Багратиона, который был дружен и с ней, и с ее мужем. Кстати, еще один Голицын — генерал-майор Алексей Борисович, сын адмирала Б. В. Голицына — был женат на княгине Анне Георгиевне (Егоровне) Багратион, внучке царя Вахтанга.

Коим-то образом высказывания князя дошли до Михаила Богдановича, и между двумя заслуженными генералами произошла безобразная сцена.

«— Ты немец! — кричал князь Багратион. — Тебе все русское нипочем!

— А ты дурак, — отвечал ему Барклай-де-Толли, — и сам не знаешь, почему себя называешь коренным русским…» [6. С. 198].

Генерал Ермолов в это время стоял у дверей и никого не пропускал, уверяя, что командующие очень заняты важным совещанием.

В «Записках» Ермолова можно найти следующее обращение к покойному уже в то время князю Петру Ивановичу:

«За что терпел я от тебя упреки, Багратион, благодетель мой! При первой мысли о нападении на Рудню не я ли настаивал на исполнении ее, не я ли убеждал употребить возможную скорость?

Я всеми средствами старался удерживать между вами, яко главными начальниками, доброе согласие, боясь малейшего охлаждения одного к другому. Скажу и то, что в сношениях и объяснениях ваших, через меня происходивших, нередко холодность и невежливость Барклая-де-Толли представлял я пред тебя в тех видах, которые могли казаться приятными. Твои отзывы, иногда грубые и колкие, передавал ему в выражениях обязательных. <…> Не раз он повторял мне, что не думал, чтобы можно было, служа вместе с тобою, не встречать неудовольствия» [57. С. 159].

Невежливый Барклай-де-Толли? А как тогда назвать человека, который, несмотря на свою принадлежность к некогда царствовавшей в Грузии династии, писал, что Михаил Богданович — «трус», «бестолков», «подлец, мерзавец, тварь», «генерал не то что плохой, но дрянной»? [136. С. 120].

Наверное, правильно говорят, что хамство — ответная реакция на обиду, и оно свидетельствует о слабости характера, оставаясь хамством, каким бы оно ни было: спровоцированным или спонтанным, выраженным в изощренной форме или в грубой…

Биограф князя Багратиона Е. В. Анисимов по этому поводу пишет:

«Это невольно вызывает горькую улыбку — ведь оба эти человека: один — прибалтийский немец, выходец из шотландского клана, а другой — потомок грузинского царского рода, в сущности, были великими русскими полководцами, искренне преданными России — своему Отечеству» [5. С. 563].

И все же, если вернуться к событиям перед Смоленском, что было полезнее для той же России — шапкозакидательские настроения бурлящего необузданной энергией князя Багратиона или холодный расчет гиперответственного за порученное ему дело Барклая-де-Толли?

Избавим читателя от необходимости делать не самые приятные выводы. Авторитетный историк Н. А. Троицкий подводит следующий итог событиям перед Смоленском:

«Стратегическая интуиция и осмотрительность Барклая, побудившие его не удаляться от Смоленска больше, чем на три перехода, и выставить наблюдательный отряд к Красному, оказали на последующий ход событий важное и выгодное для России влияние» [136. С. 108].

И тут, как говорится, ни убавить и ни прибавить.

Мнение публициста и издателя Н. И. Греча:

Слава Кутузова, Барклая, Багратиона, Витгенштейна,

Платова, Воронцова, Ермолова, Кутайсова, Толя не померкнет от ошибок и недосмотров писателей иностранных, но еще возвысится их беспристрастием. Должно сказать по совести, что если некоторые из сих лиц слишком резко отзываются о наших генералах и государственных людях, они извинительны. У нас господствует нелепое пристрастие к иностранным шарлатанам, актерам, поварам и т. п., но иностранец с умом, талантами и заслугами редко оценяется по достоинству: наши критики выставляют странные и смешные стороны пришельцев, а хорошее и достойное хвалы оставляют в тени.

Разумеется, если русский и иностранец равного достоинства, я всегда предпочту русского, но, доколе не сошел с ума, не скажу, чтобы какой-нибудь Башуцкий, Арбузов, Мартынов были лучше Беннигсена, Ланжерона или Паулуччи. К тому же должно отличать немцев (или германцев) от уроженцев наших Остзейских губерний: это русские подданные, русские дворяне, охотно жертвующие за Россию кровью и жизнью, и если иногда предпочитаются природным русским, то оттого, что домашнее их воспитание было лучше и нравственнее. Они не знают русского языка в совершенстве, и в этом виноваты не они одни: когда наша литература сравняется с немецкой, у них исчезнет преимущественное употребление немецкого языка. А теперь можно ли негодовать на них, что они предпочитают Гёте и Лессинга Гоголю и Щербине? Я написал эти строки в оправдание Александра: помышляя о спасении России, он искал пособий и средств повсюду и предпочитал иностранцев, говоривших ему правду, своим подданным, которые ему льстили, лгали, интриговали и ссорились между собой. Да и чем лифляндец Барклай менее русский, нежели грузинец Багратион? Скажете: этот православный, но дело идет на войне не о происхождении Святого Духа! Всякому свое по делам и заслугам. Александр воздвиг памятник своему правосудию и беспристрастию, поставив рядом статуи Кутузова и Барклая. Дело против Наполеона было не русское, а общеевропейское, общее, человеческое, следственно, все благородные люди становились в нем земляками и братьями. Итальянцы и немцы, французы (эмигранты) и голландцы, португальцы и англичане, испанцы и шведы — все становились под одно знамя [47. С. 236–237].

Сражение под Смоленском

А тем временем все в обеих русских армиях уже открыто требовали генерального сражения.

Наполеон не ошибался, думая, что русские сочтут защиту Смоленска делом своей чести. «Солдаты наши желали, просили

боя! — вспоминал Ф. Н. Глинка. — Подходя к Смоленску, они кричали: “Мы видим бороды наших отцов! Пора драться!”» [42. С. 28].

Как мы уже говорили, подвиг дивизии генерала Д. П. Неверовского позволил русским армиям вовремя подойти к Смоленску.

Клаузевиц дает следующую характеристку Смоленска:

«Этот город, один из наиболее значительных в России, насчитывал 20 000 жителей, имел старинную крепостную стену вроде той, какая окружает Кельн, и несколько плохих полуразрушенных земляных укреплений бастионного типа. Местоположение Смоленска настолько неблагоприятно для устройства здесь крепости, что потребовались бы крупные расходы на превращение его в такой пункт, который стоило бы вооружить и обеспечить гарнизоном. Дело в том, что город расположен на скате высокого гребня левого берега реки; вследствие этого с правого берега реки очень ясно просматривается весь город и все линии укреплений, спускающиеся к реке, хотя правая сторона и не выше левой; такое положение является противоположным хорошо укрытому от взоров расположению и представляет собой наихудшую форму нахождения под господствующими высотами. Поэтому вполне ошибочно было бы утверждение, что русским ничего не стоило бы превратить Смоленск в крепость. Превратить его в укрепленный пункт, который мог бы продержаться одну и самое большее две недели, это, пожалуй, было возможно; но, очевидно, неразумно было бы ради столь краткого сопротивления затрачивать гарнизон в 6000–8000 человек и от 60 до 80 орудий, множество снарядов и другого снаряжения. В том виде, в каком находился тогда Смоленск, защищать его можно было только живой силой» [66. С. 54].

В шесть часов утра, 4 (16) августа, начались бои за город, и теперь примерно 200-тысячной армии Наполеона противостояло 120 тысяч русских. Но это — теоретически. На практике же непосредственно оборону Смоленска взял на себя Барклай-де-Толли, а князь Багратион очень скоро отошел по Московской дороге, «со всей своей армией остановился у Валутиной горы и мог только слышать грохот сражения за Смоленск» [5. С. 627].

По мнению Карла фон Клаузевица, «из-за постоянно возникавших проектов наступления было упущено время для подготовки хорошей позиции, на которой можно было бы принять оборонительное сражение; теперь, когда русские вновь были вынуждены к обороне, никто не отдавал себе ясного отчета, где и как следует расположиться. По существу, отступление

немедленно должно было бы продолжаться, но Барклай бледнел от одной мысли о том, что скажут русские, если он, несмотря на соединение с Багратионом, покинет без боя район Смоленска, этого священного для русских города» [66. С. 54].

* * *

В принципе, когда в Смоленске было еще не так много русских войск (по данным М. И. Богдановича, в городе «находилось в начале сражения всего 13 тысяч человек» [19. С. 257].), Наполеон мог взять город, но не Смоленск был его целью — ему необходимо было победоносное генеральное сражение. Совершенно очевидно, что именно поэтому он и решил не препятствовать соединению обеих русских армий. Во всяком случае, когда он увидел спешно идущие к городу русские дивизии, он с радостью воскликнул:

«Наконец-то, теперь они в моих руках!» [164. С. 240].

Наполеон ожидал, что русские выступят из города для сражения с ним, но видя, что не таково было их намерение, сам решился атаковать. На этот момент у него было примерно 150 тысяч человек, а еще на соединение с ним подошел из Могилева польский корпус генерала Понятовского.

С раннего утра 5 (17) августа все наполеоновские войска стояли в ружье, за исключением вестфальского корпуса генерала Жюно, который сбился с дороги и пришел на свою позицию не раньше пяти часов дня. Это, кстати сказать, было лучшим доказательством того, что на первом своем шагу в коренную Россию неприятель уже лишился необходимого пособия на войне: надежных проводников.

С восходом солнца Наполеон был в седле, ожидая, скоро ли откроются городские ворота и из них выступит русская армия для принятия сражения. Но Барклай-де-Толли видел все совершенно иначе. Он полагал, что маневр, предпринятый Наполеоном, имеет целью отрезать 1-ю и 2-ю армии от южных губерний России и от находившейся там 3-й армии А. П. Тормасова.

По этой причине Михаил Богданович решился на следующее: 2-я армия должна была отступить на восток, оставив у Смоленска, на стратегически важной Московской дороге, впереди речки Колодни, авангард под начальством князя Горчакова; для прикрытия движения князя Багратиона 1-й армии следовало занять одним корпусом Смоленск, а прочим корпусам — расположиться возле города, но на правом берегу Днепра.

Барклай-де-Толли решил прикрывать 2-ю армию до тех пор,

пока она не достигнет Соловьевой переправы на Днепре, которая была ключевым пунктом в его замысле.

Эти распоряжения и начали приводиться в исполнение в ночь с 4 на 5 августа.

* * *

Когда Наполеон отдал приказ о штурме Смоленска, Барклай-де-Толли уже успел поставить на позициях артиллерию, расположить войска на наиболее угрожаемых участках, разместив свой командный пункт напротив предместья Раченка.

Активная ружейная перестрелка началась в восемь утра, а через два часа французы пошли в атаку, однако ворваться в город не смогли. Тогда Наполеон бросил на штурм Смоленска сразу три корпуса — Нея, Даву и Понятовского. На пути этих войск встали полки Д. С. Дохтурова, П. П. Коновницына, принца Евгения Вюртембергского и Д. П. Неверовского.

Стоит отметить, что город Смоленск лежит по обе стороны Днепра. Главная его часть, окруженная древней крепостной стеной высотой до двадцати метров, воздвигнутой из камня и кирпича еще во времена Бориса Годунова, была построена на левом берегу. Обширное Санкт-Петербургское предместье находилось на правом берегу, не таком крутом, как левый, но совершенно над ним господствующем.

5-го числа сражение продолжалось целый день. Лишь поздно вечером канонада и перестрелка постепенно стихли: французы обложили город с трех сторон, русские — город удержали.

Взять хорошо укрепленный город прямым штурмом не представлялось возможным. Впрочем, Наполеон, скорее всего, и не стремился к этому. Он всячески пытался выманить русские войска на левую сторону Днепра для решительного сражения в поле, однако его ожиданиям не суждено было сбыться.

В. И. Левенштерн написал впоследствии в своих «Записках»:

«Главнокомандующий объехал все пункты, коим угрожала опасность, и остановился на нашем крайнем левом фланге, на возвышенности возле церкви Гурия, Самсона и Авивы, маскировавшей батарею с двенадцатью орудиями, коей командовал полковник Нилус. Он приказал открыть огонь. Неприятель отвечал на него энергично. Это был настоящий ад.

Генерал Барклай, бесподобный в таких случаях, по-видимому вовсе не думал об опасности, коей он подвергался, и отдавал приказания с величайшим хладнокровием» [8. С. 357].

Французы несли огромные потери, но упорно шли вперед.

Русские тоже отбивались с ожесточением. Командир бригады 7-й пехотной дивизии генерал-майор А. И. Балла был убит. Генерал Коновницын был ранен в руку, но не отвлекся даже на перевязку. Генерал Дохтуров, державшийся из последних сил, вскоре попросил у Барклая-де-Толли подкреплений. Михаил Богданович послал к нему 4-ю пехотную дивизию принца Евгения Вюртембергского, сказав:

«Передайте Дмитрию Сергеевичу, что от его мужества зависит сохранение всей армии» [19. С. 265].

* * *

Ночь с 5 на 6 августа Барклай-де-Толли провел под открытым небом в раздумьях, а на другой день, несмотря на бурные протесты импульсивного князя Багратиона, он принял решение не рисковать более и дал приказ основным силам отступать по Московской дороге в сторону Лубина и Соловьева.

Решение это было как нельзя более своевременным и обоснованным, ибо в результате ожесточенной канонады предместья Смоленска оказались охвачены огнем и оборонять их стало практически невозможно.

В результате горящий город был вскоре окончательно оставлен русскими, а его жители бежали вслед за армией.

Багратион просил Барклая-де-Толли не только удержать Смоленск, но и перейти в наступление. Но на тот момент Михаил Богданович, имея чуть более 70 тысяч человек, не мог атаковать армию Наполеона, превосходившую его более чем вдвое. Не мог и не хотел. Как утверждает М. И. Богданович, «Барклай-де-Толли, принимая на себя оборону Смоленска, уже имел в виду дальнейшее отступление» [19. С. 258].

Князь Багратион, напротив, «полагал, что должно было отстаивать Смоленск до последней крайности» [19. С. 259].

Как видим, «неизбежное отступление, как единственно спасительный в тех условиях для России способ ведения военных действий, не было принято патриотически негодующим обществом» [134. С. 44].

Генерал М. И. Богданович по этому поводу замечает:

«Не будем порицать руководившей их готовности пожертвовать собою в защиту Отечества, но, воздавая каждому должное, скажем, что Барклай имел справедливые причины воздерживать общее рвение и что осторожность его действий против решительного полководца, располагавшего почти двойными силами, была весьма основательна» [19. С. 258].

«Генеральский заговор»

А что же «вулканический» князь Багратион? 5 августа он написал императору Александру, что надеется, что «военный министр, имея перед Смоленском готовую к бою всю 1-ю армию, удержит Смоленск» [5. С. 632].

Он опять продолжал во всех бедах винить Барклая-де-Толли.

7 августа Багратион вновь жаловался, выражая свое недовольство его действиями:

«Если военный министр ищет выгодной позиции, то, по моему мнению, и Смоленск представлял немалую удобность к затруднению неприятеля на долгое время и к нанесению ему важного вреда! <…> Позволяю себе мыслить, что при удержании Смоленска еще один или два дня неприятель принужден был [бы] ретироваться» [5. С. 632].

Читая подобные рассуждения, начинаешь думать, что князь Багратион, не видевший никаких иных способов ведения операций, кроме наступательных[35], не слишком хорошо представлял себе реальное положение дел под Смоленском. Ну, в самом деле, о каком отступлении французов могла в тот момент идти речь?

Как пишет его биограф Е. В. Анисимов, «Багратион имел серьезный недостаток как полководец и человек — в какой-то момент он оказывался не в состоянии взвешенно и хладнокровно проанализировать ситуацию, в которой оказывались другие, и торопился с осуждением: он не хотел и допустить, что в своем поведении Барклай руководствуется иными мотивами, кроме трусости, бездарности, нерешительности или измены» [5. С. 633].

Безусловно, Багратион был генералом, «беспримерно удачливым на поле сражения», и при этом он «являл собой полную противоположность сдержанно-молчаливому, последовательному в достижении своих целей, осмотрительно взвешивавшему каждый свой шаг Барклаю» [132. С. 61].

7 августа князь опять писал императору:

«Сколько по патриотической ревности моей, столько и по званию главнокомандующего, обязанного ответственностью, я долгом поставил все сие довести до высочайшего сведения вашего императорского величества, и дерзаю надеяться на беспредельное милосердие твое, что безуспешность в делах наших не будет причтена в вину мне, из уважения на положение мое, не представляющее вовсе ни средств, ни возможностей действовать мне инако, как согласуя по всем распоряжениям военного министра, который со стороны своей уклоняется вовсе следовать в чем-либо моим мнениям и предложениям» [5. С. 633].

Таким образом, Багратион отказывался признавать свою ответственность за происходившее. Но одновременно с этим он заверял самого Михаила Богдановича:

«Я на все согласен, что угодно вашему высокопревосходительству делать для лучшего устройства наших сил и для отражения неприятеля, и теперь при сем повторяю вам, что мое желание сходственно вашим намерениям» [5. С. 634].

* * *

Наблюдая за продолжавшейся не первый день напряженностью в отношениях двух командующих армиями, некоторые русские генералы — прежде всего Л. Л. Беннигсен, А. П. Ермолов, М. И. Платов, Д. С. Дохтуров, И. В. Васильчиков и др. — делали все, чтобы подтолкнуть князя Багратиона к еще более решительным действиям, направленным против ненавистного многим Барклая-де-Толли.

Таким образом, можно говорить о том, что в армии сложился «генеральский заговор», который «хотя и не выливался ни в какие организационные формы, но выражался в некоем единодушном суждении о “непригодности” главнокомандующего 1-й армией и в требованиях заменить его Багратионом» [5. С. 636].

«Присутствие царя в армии еще как-то их сдерживало» [132. С. 81]. Но вот после приказа об оставлении Смоленска недовольные генералы стали поговаривать «о том, чтобы силой лишить Барклая-де-Толли командования» [132. С. 89].

Конечно же в реальности никто даже и не попытался бы сделать это, ведь подобное поползновение было бы равносильно покушению на власть самого императора, ибо только он имел право назначать и смещать командующих армиями, и квалифицировалось бы как измена.

И все же настал день, когда эти генералы направили к Михаилу Богдановичу молодого генерал-майора А. И. Кутайсова с тем, чтобы он передал ему их недовольство и пожелание продолжать оборону Смоленска.

Выбор был сделан не случайно: Александр, сын Ивана Павловича Кутайсова (турецкого мальчика по имени Кутай, захваченного русскими солдатами при штурме Бендер, ставшего камердинером и брадобреем императора Павла, а потом — графом, кавалером ордена Святого Андрея Первозванного), был всеобщим любимцем и к тому же обладал редким красноречием.

Михаил Богданович искренне любил Кутайсова, а любви его удостаивались весьма немногие. Он сразу же понял, почему

именно Кутайсова прислали к нему, спокойно выслушал молодого человека, а потом столь же спокойно ответил:

«Пусть всякий делает свое дело, а я сделаю свое» [123. С. 39].

После этого члены «генеральской оппозиции» явились к нему целой делегацией. Здесь были герцог Вюртембергский, Беннигсен, Тучков 1-й, Ермолов и еще несколько человек. Перед тем как пойти к Барклаю-де-Толли, они сообщили о своем намерении брату императора Константину Павловичу, чтобы заручиться его поддержкой, и он сам пошел вместе с ними.

При встрече цесаревич, охотно возглавивший генеральский демарш, стал говорить от имени всех пришедших, что армия желает сражаться, а император Александр желает того же, что и армия.

На это Барклай-де-Толли сухо ответил, что не нуждается в непрошеных советах младших по званию, полагая их грубым нарушением правил службы.

Затем Михаил Богданович сказал:

«Ссылка на волю государя имеет, конечно, наиважнейшее значение. И потому, для лучшего выяснения монаршей воли, я прошу ваше высочество безотлагательно отправиться к государю и лично передать ему депеши, которые тотчас будут приготовлены и в которых обо всем произошедшем государь будет в точности уведомлен» [8. С. 360].

В ответ Константин Павлович заявил, что он не какой-то там фельдъегерь, но Барклай-де-Толли стал настаивать на его немедленном отъезде из армии с донесениями государю императору.

«Если бы я не был наследником престола, я вызвал бы тебя на дуэль, негодяй! — закричал Константин Павлович, не обращая внимания на стоящих рядом генералов» [8. С. 361].

«Если бы я не был главнокомандующим, я принял бы ваш вызов, но сие запрещено положением моим, — сухо и холодно ответил Барклай-де-Толли. — И именно потому, что вы волею вашего августейшего брата состоите у меня по команде, извольте, генерал, делать то, что вам приказано» [8. С. 361].

Как видим, Михаил Богданович намеренно не назвал цесаревича «его высочеством», а именовал просто генералом. Таким образом, он весьма четко напомнил Константину Павловичу о его месте в армии. Лицо императорского брата мгновенно побелело, а потом покрылось пятнами. Рванув ворот мундира, он выбежал за дверь, а Барклай-де-Толли тут же написал Александру I:

«Великий князь Константин сам предложил отправиться в Петербург для доклада вашему императорскому величеству о

настоящем положении дел. Я принял, государь, это предложение с удовольствием по известным вам соображениям» [146. С. 19].

В результате цесаревич получил конверт с предписанием сдать гвардейский корпус генералу Лаврову.

* * *

То, что в это время происходило в Смоленске, М. И. Богданович описывает следующим образом:

«Очевидцы рассказывают, что ввечеру 5 (17) августа на бивуаках старые офицеры, бывшие в Египетской экспедиции, сравнивали Смоленск с Сен-Жан-д'Акром, где Наполеон впервые претерпел неудачу. Ярко блистала звезда Наполеона, но малейшее уменьшение ее блеска обнаруживало перед лицом Света возможность ее падения и разрушало очарование, которому завоеватель столь много был обязан своими успехами» [19. С. 270].

Рано утром 6 (18) августа войска маршала Даву вступили в Смоленск, пылающий, словно ад.

«Наполеон въехал в Смоленск через Никольские ворота; но в стенах города он нашел только груды камней и пепла и никого из жителей, кроме горсти больных, раненых и увечных, которые спасались в храмах Божьих» [102. С. 281–282].

Пожар нанес городу страшный урон: в нем сгорело «45 домов каменных и 1568 деревянных, 69 лавок каменных и 248 деревянных; из 2250 обывательских домов, лавок и заводов уцелели только 350» [102. С. 282].

Потери французов под Смоленском разными источниками оцениваются в 7000—12 000 человек, а русских — в 12 000— 13 000 человек. С французской стороны были ранены дивизионный генерал Зайончек, бригадные генералы Грандо и Дальтон, а генерал Грабовский — убит. С русской стороны были убиты генерал-майоры А. А. Скалон и А. И. Балла.

Наполеон, рассчитывавший окончательно и бесповоротно разбить русских, ходил «мрачный и унылый» [110. С. 55]. Еще бы! «Русские не были разбиты и не бежали» [110. С. 55]. Более того, русские армии опять сумели избежать решительного сражения, при этом они успешно соединились, а также не дали себя окружить и отрезать от Москвы.

Отступление от Смоленска

Утром 6 (18) августа, в то самое время, когда 1-я Западная

армия, оставив Смоленск, расположилась к северу от Санкт-Петербургского предместья, 2-я Западная армия шла по Московской дороге в направлении Соловьевой переправы.

По мнению историка войны 1812 года Н. А. Полевого, «отступление было решено Барклаем-де-Толли еще накануне вечером: он видел невозможность победы, не хотел из Смоленска сделать нового Ульма[36] и решил отступить. Мысль, что отступление должно кончиться в Москве, не приходила ему в голову; он полагал, что по дороге от Смоленска найдется выгодная позиция, где можно остановиться и дать битву; надлежало только обеспечить отступление» [110. С. 51–52].

Примерно о том же самом свидетельствует и участник войны князь Н. Б. Голицын:

«Не входило в план главнокомандующего Барклая-де-Толли дать генерального сражения, но ему необходимо было удержать на несколько времени Смоленск за собою, для того чтобы армия могла совершить свое дальнейшее отступление» [44. С. 10].

По словам генерала М. И. Богдановича, «Барклай-де-Толли, видя приготовления неприятеля к устройству мостов на Днепре, не мог долее оставаться на позиции, занятой им к северу от Смоленска, а должен был перевести, как можно поспешнее, свои войска с Петербургской на Московскую дорогу. Для достижения этой цели ему следовало воспользоваться моментом, когда французы еще не успели навести мостов» [19. С. 276–277].

В самом деле, если бы Наполеон успел совершить фланговое передвижение через Днепр южнее города именно 6 августа, отступление вверенной Барклаю-де-Толли армии стало бы весьма затруднительно. Противник уже занимал Смоленск и весь левый берег Днепра в соседстве этого города, а обходной маневр, который был поручен вестфальскому корпусу генерала Жюно, угрожал отрезать задержавшиеся у Смоленска русские войска. Допустить этого было никак нельзя. Именно поэтому Барклай-де-Толли и решился, довольствуясь кровопролитным уроком, данным противнику в Смоленске, совершить передвижение своей армии с Петербургской на Московскую дорогу. Армия должна была выйти на нее у деревни Лубино, чтобы потом двинуться к Соловьевой переправе и восстановить сообщение с ушедшим далеко вперед Багратионом.

Это движение Барклая-де-Толли было одним из самых сложных за всю войну, ибо оно совершалось на виду у неприятеля. Потом многие военные историки и теоретики будут утверждать, что оно сделало «величайшую честь» военному таланту Михаила Богдановича, потому что никогда еще русская армия не подвергалась большей опасности, и из этой сложнейшей

ситуации Барклай-де-Толли вывел ее без потерь.

Отдав все необходимые распоряжения, сам Михаил Богданович ушел из Смоленска с последним отрядом.

Любопытную подробность об этом сообщает Д. В. Давыдов:

«Распорядившись насчет отступления армии из-под Смоленска, Барклай и Ермолов ночевали в арьергарде близ самого города. Барклай, предполагая, что прочие корпуса армии станут между тем выдвигаться по дороге к Соловьевой переправе, приказал разбудить себя в полночь для того, чтобы лично приказать арьергарду начать отступление. Когда наступила полночь, он с ужасом увидел, что 2-й корпус еще вовсе не трогался с места. Он приказал Ермолову: “Мы в большой опасности, как это могло произойти?” К этому он присовокупил: “Поезжайте вперед, ускоряйте марш войск, а я пока здесь останусь…”

Прибыв на рассвете на то место, где корпуса Остермана и Тучкова-первого располагались на ночлег, Ермолов именем Барклая приказал им следовать далее… И таким образом все наши войска и артиллерия достигли благополучно Соловьевой переправы» [50. С. 160].

* * *

Оставление Смоленска вызвало огромное недовольство в армии и стране. Естественно, князь Багратион был буквально вне себя и написал А. А. Аракчееву следующее полное праведного возмущения письмо, явно предназначенное для передачи императору:

«Я думаю, что министр уже рапортовал об оставлении Смоленска. Больно, грустно, и вся армия в отчаянии, что самое важное место понапрасну бросили. Я, с моей стороны, просил лично его убедительнейшим образом, наконец и писал, но ничто его не согласило. Я клянусь всей моей честью, что Наполеон был в таком мешке, как никогда, и он бы мог потерять половину армии, но не взять Смоленска. Войска наши так дрались и так дерутся, как никогда. Я удержал с пятнадцатью тысячами более тридцати пяти часов и бил их; но он не хотел остаться и четырнадцать часов. Это стыдно, и пятно армии нашей, а ему самому, мне кажется, и жить на свете не должно. Ежели он доносит, что потеря велика, — неправда; может быть, около четырех тысяч, не более, но и того нет. Хотя бы и десять, как быть, война! Но зато неприятель потерял бездну» [9. С. 70–17].

Как видим, «под влиянием досады и гнева на Барклая Багратион вольно или невольно искажал действительность и представлял своим влиятельным адресатам ситуацию, прямо скажем, в превратном виде» [5. С. 634].

А ведь Барклай-де-Толли объяснял Багратиону смысл своих действий. Он писал ему:

«Весьма хорошо и полезно было бы удерживать Смоленск; но сей предмет не должен однако же нас удерживать от важнейших предметов: то есть сохранения армии и продолжения войны» [19. С. 237].

Сказано не очень складно, но весьма верно, однако, похоже, смысл слов Михаила Богдановича уже давно не интересовал князя Багратиона. Он вел с военным министром войну на полное уничтожение, не понимая, что ненависть — это сила бессилия.

Валутина гора

Тем временем утром 7 (19) августа эпицентр военных действий переместился в сторону Соловьевой переправы через Днепр — в сорока верстах на востоке от Смоленска.

Еще накануне, как мы уже говорили, на вестфальский корпус

генерала Жюно была возложена важная задача: он должен был скрытно навести мост через Днепр у деревни Прудищево, обойти Смоленск с юго-востока, выйти на Московскую дорогу и отрезать русские войска, которые могли еще находиться между Смоленском и деревней Лубино.

Принято считать, что Жюно представился отличный шанс окружить русских и отличиться в глазах Наполеона, который «послал герцогу д'Абрантес приказ действовать с должной энергией» [68. С. 135].

«Барклай сошел с ума, — говорил император. — Его арьергард будет взят нами, если только Жюно ударит на него» [68. С. 135].

Наведение понтонных мостов у Прудищева не стало, однако, неожиданностью для русских, так как об этом вовремя донес один вестфальский дезертир. При этом кавалерия маршала Мюрата не нападала на русский арьергард, да и корпус маршала Даву также простоял весь день в бездействии. Все якобы ждали переправы Жюно, а тот, перейдя через Днепр, остановился в нерешительности у деревни Тебеньково и не двигался вперед.

Это одна версия бездействия французов. Есть и другая, высказанная М. И. Богдановичем:

«Неприятель не мог знать в точности, в каком положении тогда находилась наша армия, и поэтому оставался в бездействии» [19. С. 287].

Экспрессивный Мюрат неоднократно посылал гонцов к Жюно, торопил его, однако все его слова «остались тщетны: Жюно не трогался, отзываясь, что в 200 шагах перед его фронтом топкое болото, которое нельзя перейти иначе, как по одному человеку, и то с подстилкою фашин. Ему предложили обойти болото и напасть на русских с тыла. Жюно отвечал, что для такой отдельной атаки корпус его слишком малочислен» [95. С. 176].

Для справки: в это время вестфальский корпус насчитывал всего 13 600 человек [19. С. 538]. Кроме того, Жюно объяснял, «что для обхода требуется много времени, между тем как до наступления ночи остается только четыре часа» [95. С. 176].

Конечно, приказ есть приказ, и его нужно выполнять. С другой стороны, наличие топкого болота на пути Жюно — бесспорно. В связи с этим у герцога д'Абрантес было лишь два выхода: первый — разрушить боевое построение, нарубить веток, навязать и постелить фашины, а затем по одному, след в след, перейти болото; второй — попытаться обойти болото. Любое из этих решений требовало массу времени для своего осуществления и было чрезвычайно опасным. «Вестфальцы Жюно были поставлены в такое затруднительное положение этими болотами,

что было сомнительно, что на них можно будет рассчитывать в главном действии» [166. С. 238].

События этого дня генерал Богданович описывает следующим образом:

«Ничто не мешало войскам Жюно выйти на московскую дорогу, что, без всякого сомнения, не только заставило бы нас отказаться от обороны позиции за Строганью, но и поставило бы наш отряд в весьма опасное положение. Но Жюно, по уверению некоторых писателей, уже страдавший припадками сумасшествия, вместо того, чтобы решительно занять большую дорогу, скрыл свои войска в Тебеньковском лесу и не пошел далее» [19. С. 297].

* * *

А в это время в районе Лубино — у Валутиной горы — корпус маршала Нея атаковал арьергард Барклая-де-Толли, прикрывавший отход русской армии от Смоленска. Именно здесь генерал П. А. Тучков 3-й[37] на три часа задержал противника, но потом вынужден был доложить Михаилу Богдановичу, «что больше не может сдержать натиск противника» [136. С. 116].

«В ответ Барклай-де-Толли резко сказал ему:

“Возвратитесь на свой пост, пусть вас убьют; если же вы вернетесь живым, то я прикажу вас расстрелять”» [8. С. 363].

Генерал Тучков 3-й был очень храбрым человеком, он пошел и не вернулся. Его бригада почти полностью была уничтожена, но приказ он выполнил. Лишь незначительное число его людей смогло отойти за реку Строгань, а сам генерал, дважды тяжело раненный в бок и в голову, попал в плен к французам.

* * *

Кстати, в тот день чуть не попал в плен и сам Михаил Богданович, и произошло это следующим образом.

«Барклай, Левенштерн и группа офицеров штаба 1-й армии проезжали неподалеку от места боя. Михаил Богданович ехал на горячем и порывистом коне, который гарцевал, но не шел вперед. И вдруг вперед проскочили польские уланы и, опрокинув заслон, ринулись к Барклаю.

Левенштерн подал свою лошадь командующему, и тот с величайшим хладнокровием сошел на землю, затем снова сел в седло и поехал вперед.

Уланы окружили Барклая, но на помощь к

главнокомандующему ринулся эскадрон Изюмских гусар во главе с капитаном Львом Нарышкиным и спас своего генерала. Наблюдавшие этот эпизод были единодушны в том, что ни один мускул на лице Барклая не дрогнул» [8. С. 362].

По расчетам Наполеона, корпус генерала Жюно должен был выйти к Лубино раньше Барклая-де-Толли, но задуманного окружения не произошло.

Позднее, осмотрев поле боя у Лубино, император «излил свой гнев на Жюно, ставя ему в вину, что русская армия не потерпела совершенного поражения» [95. С. 178].

«Жюно, — повторял он с горечью, — упустил русских. Из-за него я теряю кампанию» [68. С. 135–136].

* * *

Однако на события под Смоленском можно посмотреть и с иных позиций.

Во-первых, как отмечает Богданович, под Смоленском Даву, Мюрат и Жюно «командовали только войсками, непосредственно им подчиненными. Все трое действовали независимо один от другого и поэтому не могли направлять своих усилий с надлежащим согласием к достижению общей цели» [19. С. 293]. Формально ни Мюрат, ни Даву не могли приказывать Жюно, «каждый поступал по своему разумению» [95. С. 177].

Во-вторых, — это мнение высказывает, в частности, Н. А. Полевой — «не виноватее ли всех был сам Наполеон, не явившийся на поле битвы, не отдавший точных приказов?» [110. С. 57].

Ему вторит Дэвид Чандлер:

«Благополучный уход русских войск все же не был целиком на совести у Жюно. Показательно, что Наполеон покинул фронт и удалился в Смоленск в 5 часов вечера для отдыха; это уже не был тот блестящий полководец с безграничной энергией, как в прошлые кампании» [147. С. 482].

Историк Франсуа-Ги Уртулль также выражает недоумение по поводу поведения Наполеона:

«Отсутствие Наполеона в этом бою удивительно, он мог бы получше управлять этими разрозненными операциями» [161. С. 86].

В-третьих, — этим вопросом справедливо задается М. И. Богданович — зачем Наполеону вообще потребовалось основными силами штурмовать хорошо укрепленный город и почему в обход он отправил лишь малочисленный и к тому же

вестфальский корпус? Действительно, трудно объяснить, «к чему Наполеон готовился штурмовать город, не имевший для него никакой особенной важности. Ежели бы он <…>, сосредоточив под Смоленском до 180-ти тысяч войск, направил большую часть их вверх по реке к Прудищеву, то мы были бы принуждены очистить Смоленск, либо потеряли бы сообщение с Москвой» [19. С. 272].

* * *

«Бой при Лубино закончился таким же, как и под Смоленском, планомерным отступлением Барклая-де-Толли» [136. С. 117].

Сам Михаил Богданович, сообщая царю об оставлении Смоленска, написал:

«Отдача Смоленска дала пищу к обвинению меня. <…> Слухи неблагоприятнейшего сочинения, исполненные ненавистью <…> распространились, и особенно людьми, находившимися в отдалении и не бывшими свидетелями сего события» [8. С. 366].

Конечно же больше других усердствовал князь Багратион. 7 (19) августа он жаловался на действия Барклая-де-Толли и лично императору Александру, и другим высокопоставленным лицам. Вот, например, еще один отрывок из его письма графу Аракчееву:

«Министр самым мастерским образом ведет в столицу за собою гостя. <…> Скажите, ради Бога, что нам Россия — наша мать скажет, что так страшимся и за что такое доброе и усердное Отечество отдается сволочам и вселяет в каждого подданного ненависть и посрамление? Чего трусить и кого бояться? Я не виноват, что министр нерешим, трус, бестолков, медлителен и все имеет худые качества. Вся армия плачет совершенно, и ругают его насмерть. <…> И все от досады и грусти с ума сходят…

Ох, грустно, больно, никогда мы так обижены и огорчены не были, как теперь… Я лучше пойду солдатом, в суме воевать, нежели быть главнокомандующим и с Барклаем. Вот я Вашему сиятельству всю правду описал, яко старому министру, а ныне дежурному генералу и всегдашнему доброму приятелю. Простите» [9. С. 71–72].

Мнение генерал-майора, философа и декабриста М. А. Фонвизина:

Главнокомандующие обеих наших западных армий, генералы Барклай-де-Толли и князь Багратион, оба, хотя в разных родах, обладали великими военными качествами, из которых последнее

была самая блистательная храбрость, ознаменовавшая многолетнее военное поприще того и другого. Оба наши полководца в неустрашимости и военной опытности не уступали ни одному из маршалов Наполеона. Барклай-де-Толли при равных с князем Багратионом достоинствах имел более его познаний в военных науках, мог искуснее его соображать высшие стратегические движения и начертать план военных действий, но князь Багратион на поле сражения, которое мог объять глазом, был неподражаем в своих мгновенных вдохновениях, — угадывал верно намерения неприятеля и умел противодействовать успехам даже самого Наполеона.

Однако при всех достоинствах Барклая-де-Толли, человека с самым благородным, независимым характером, геройски храброго, благодушного и в высшей степени честного и бескорыстного, армия его не любила за то только, что он — немец! В то время, когда против России шла большая половина Европы под знаменами Наполеона, очень естественно, что предубеждение против всего нерусского, чужестранного сильно овладело умами не только народа и солдат, но и самих начальников. При том Барклай-де-Толли с холодной и скромной наружностью был изранен, был с перебитыми в сражении рукою и ногою, что придавало его особе и движениям какую-то неловкость и принужденность; не довольно чисто говорил он и по-русски, и большая часть свиты его состояла из немцев: — все это было, разумеется, достаточно в то время, чтобы не только возбудить нелюбовь армии к достойному полководцу, но даже внушить обидное подозрение насчет чистоты его намерений. Не оценили ни его прежних заслуг, ни настоящего искусного отступления, в котором он сберег армию и показал столько присутствия духа и мудрой предусмотрительности.

Князь Багратион, сподвижник и любимец Суворова в Итальянскую кампанию, был любим войсками; высокими важными качествами, обходительным и ласковым обращением с подчиненными, он приобрел всеобщую любовь и затмил своего соперника, главнокомандующего 1-й армии, которому имел причины завидовать: Барклай-де-Толли был моложе в чине Багратиона, но как военный министр он брал у него первенство. Император приказал князю Багратиону сообразовать все действия 2-й Западной армии с действиями 1-й и следовать всем действиям ее главнокомандующего. Это ставило Барклая-де-Толли с Багратионом в странное, неестественное соотношение, и ко вреду всех военных действий могло только раздражать и усиливать их взаимную неприязнь. К тому же сам император, хотя уважал Барклая-де-Толли, но не он один пользовался исключительной доверенностью государя: нескольким лицам в обеих армиях дал он

право писать к себе откровенно о военных действиях. Кроме двух главнокомандующих с Александром переписывались начальники штабов обеих армий, генерал Ермолов, граф Сен-При и исправляющий должность дежурного генерала 1-й армии флигель-адъютант Кикин. Все эти лица принадлежали к партии, противной Барклаю-де-Толли, и в письмах своих к государю не щадили ни нравственный его характер, ни военный действия его и соображения. Против него был и великий князь Константин Павлович, командовавший гвардией, и лица, его окружающие.

Барклай-де-Толли почти не имел в своей армии приверженцев: все лучшие наши генералы, из которых многие приобрели справедливо заслуженную славу, были или против него, или совершенно к нему равнодушны. Главные недоброжелатели его были: во-первых, начальник его штаба генерал Ермолов, издавна дружный с князем Багратионом, и генерал Раевский, пользовавшийся его доверенностью и имевший на него большее влияние. Ермолов и Раевский (особенно первый) по высоким качествам, отличным способностям и характеру не могли удовлетвориться второстепенными ролями. Оба они с самой блистательной храбростью соединяли военное научное образование и опытность, были пламенные патриоты и обожаемы не только непосредственными подчиненными, но и всей армией. Александр не любил ни того, ни другого, но поневоле уважал их за личные достоинства. За ними на первом плане выставлялись некоторые из корпусных начальников: граф Витгенштейн, Милорадович[38], Тучков, Багговут, граф Остерман-Толстой, Коновницын, граф Пален, Дохтуров; артиллеристы: граф Кутайсов, князь Яшвиль; генерального штаба полковники: Толь и Дибич[39], — все это генералы недюжинные, в которых личная храбрость была из последних достоинств. Не любя Барклая-де-Толли, его противники сообщили чувства неприязни своей и войску: не раз во время ночных переходов он, объезжая колонны, слышал ропот на бесконечное отступление, а в гвардейских полках пение насмешливых куплетов на его счет. Но Барклай-де-Толли не обращал на это внимания и твердо исполнял принятый однажды план: искусным отступлением довлечь Наполеона с его несметной армией в сердце России и здесь устроить ему гибель [145. С. 106–111].

* * *

Мнение историка С. П. Мельгунова:

Не Барклай сделался народным героем 1812 года. Не ему, окруженному клеветой, достались победные лавры… А между тем

он лучше всех понимал положение вещей, он предусмотрел спасительный план кампании, он твердо осуществлял его, пока был в силах, несмотря на злобные мнения вокруг. И его преемник должен был пойти по его пути. Не он виноват был в первых ошибках. Даже недоброжелательно настроенный к нему генерал Ермолов, и тот должен снять ответственность за первые неудачные шаги с Барклая:

«Не только не смею верить, — говорит Ермолов в своих «Записках», — но готов даже возражать против неосновательного предположения, будто бы военный министр одобрял устроение укрепленного при Дриссе лагеря и, что еще менее вероятно, будто не казалось ему нелепым действие двух разобщенных армий на большом одна от другой расстоянии, и когда притом действующая во фланге армия не имела полных пятидесяти тысяч человек». Здесь уже приходилось умолкнуть перед решением высшей власти…

Во всяком случае, Барклай, судя по отзывам современников, был одним из лучших русских генералов, — человек знания и дела. Как ни бледна характеристика Барклая, сделанная Ермоловым в «Записках», но и она много говорит, если принять во внимание, что эта характеристика исходит от друга Багратиона, в свою очередь, повинного в интригах и известного своей нелюбовью к «немцам». «Не принадлежа превосходством дарований к числу людей необыкновенных, он излишне скромно ценил свои способности, — пишет Ермолов. — Барклай — человек ума образованного, положительного, терпелив в трудах, заботлив о вверенном ему деле, равнодушен в опасности, недоступен страха. Свойств души добрых!»… Отмечая другие свойства, Ермолов заключает: «Словом, Барклай-де-Толли имеет недостатки с большей частью людей неразлучные, достоинства же и способности, украшающие в настоящее время весьма немногих из знаменитейших наших генералов». Ермолов отмечает, что при всех хороших своих качествах Барклай страдал недостатком: «нетверд в намерениях, робок в ответственности… Боязлив перед государем, лишен дара объясняться. Боится потерять милость его»… Мы увидим дальше, что все факты опровергают эти последние черты, приписываемые Барклаю биографом. Независимость Барклая, которую как характерную черту его отмечает М. А. Фонвизин, много раз подтвердилась на деле и, быть может, в значительной степени и вызывала нелюбовь соратников и подчиненных.

Барклай был человек дела, к тому же обладавший большой работоспособностью (ее отмечает и Ермолов). Назначенный военным министром, он не подходил к общему тону придворной жизни, не разделял и вкусов тогдашней военщины. Человек образованный, еще будучи шефом Егерского полка, он старался

внушить подчиненным офицерам, что военное искусство далеко не заключается только в «изучении одного фронтового мастерства». Он боролся против господствовавшей тенденции «всю науку, дисциплину и воинский порядок основывать на телесном и жестоком наказании» (знаменитый циркуляр военного министра 1810 года). И этим он вызвал уже «злобу сильного своего предместника», то есть Аракчеева, который «поставлял на вид малейшие из его (то есть Барклая) погрешностей». Неожиданному возвышению Барклая завидовали, а он, «холодный в обращении», замкнутый в себе, «неловкий у двора», не думал снискивать к себе расположения «людей близких государю». Барклай не был царедворцем и по внешности. <…>

Таким образом еще до войны вокруг Барклая скопилось много зависти, злобы и ненависти. Но император Александр ценил и доверял ему: «Вы развязаны во всех ваших действиях», писал он ему 30 июля 1812 года. И Барклай сознательно шел к поставленной цели, проявляя свою обычную работоспособность, показывая «большое присутствие духа» и «мудрую предусмотрительность» (Фонвизин). Но вокруг него кишела зависть и борьба. «Всякий имел что-нибудь против Барклая, — вспоминает генерал Левенштерн, — сам не зная почему». Все действия главнокомандующего критиковались; без «всякого стеснения» обсуждались его «мнимые ошибки». Действительно, против Барклая в полном смысле слова составился какой-то «заговор», и заговор очень внушительный по именам, в нем участвующим. Не говоря уже о таких природных интриганах, как Армфельт[40], свитских флигель-адъютантах и т. п., все боевые генералы громко осуждали Барклая — и во главе их Беннигсен, Багратион, Ермолов и многие другие. Такие авторитетные лица, как принц Ольденбургский, герцог Вюртембергский, великий князь Константин Павлович, командовавший гвардией, открыто враждовали с Барклаем. Было бы хорошо, если бы дело ограничивалось тайными письмами, в которых не щадили «ни нравственный его (Барклая) характер, ни военные действия его и соображения». Нет, порицали открыто, не стесняясь в выражениях, лицемерно чуть ли не обвиняя его в измене. В гвардии и в отряде Беннигсена сочинялись и распространялись насмешливые песни про Барклая. Могла ли при таких условиях армия, не понимавшая действия главнокомандующего, верить в его авторитет, сохранять к нему уважение и любовь? Игру вели на фамилии, на «естественном предубеждении» к иностранцу во время войны с Наполеоном. Любопытную и характерную подробность сообщает в своих воспоминаниях Жиркевич: он лично слышал, как великий князь Константин Павлович, подъехав к его бригаде, в присутствии

многих смолян утешал и поднимал дух войска такими словами: «Что делать, друзья! Мы не виноваты… Не русская кровь течет в том, кто нами командует… А мы и болеем, но должны слушать его. У меня не менее вашего сердце надрывается»…

Какой действительно трагизм! Полководец «с самым благородным, независимым характером, геройски храбрый, благодушный и в высшей степени честный и бескорыстный»… <… > человек беззаветно служивший родине и, быть может, спасший ее «искусным отступлением, в котором сберег армию», вождь, как никто, заботившийся о нуждах солдат, не только не был любим армией, но постоянно заподозревался в самых низких действиях. И кто же виноват в этой вопиющей неблагодарности? Дикость черни, на которых указывает Пушкин, или те, кто сознательно или бессознательно внушал ей нелюбовь к спасавшему народ вождю?

Надо было проявить много твердости, чтобы парализовать тот «дух происков» в армии, на который жаловался Барклай в своем «изображении военных действий 1-й армии в 1812 году». Он проявил достаточную независимость, выслав в Петербург нескольких царских флигель-адъютантов, находившихся в главной квартире. Он не остановился перед удалением из армии цесаревича Константина, признав присутствие его в армии «бесполезным». Но Барклай буквально был окружен недоброжелателями. Он знал о ропоте солдат. Он знал, что победа примирила бы его с армией. Но, как должен признать Ермолов, «обстоятельства неблагоприятны были главнокомандующему и не только не допускали побед, ниже малых успехов». А поражение нанесло бы непоправимую уже брешь.

Но почему же Барклай, окруженный такой нелюбовью, сам не сложил с себя звания главнокомандующего? И не честолюбие, очевидно, играло здесь роль — Барклай слишком страдал от окружавшей его неприязни, чтобы не принести в жертву свое честолюбие, как полководца.

Здесь, может быть, в высшей степени проявилась его твердость — русские военачальники на первых порах слишком все пылали стремлением одерживать победы, слишком самоуверенно смотрели вперед, мало оценивая всю совокупность «неблагоприятных обстоятельств» и опасность положения. И, может быть, было бы большим несчастием для России, если бы командование перешло к пылкому и самонадеянному Багратиону, который и по чинам и по положению в армии имел все шансы сосредоточить в своих руках командование.

Барклай и Багратион были люди совершенно различного темперамента. Ужиться им было слишком трудно. Пылкость и горячность Багратиона мало подходила к уравновешенности

Барклая. <…> Это «рожденный чисто для воинского дела человек», по отзыву декабриста Волконского. «Отец-генерал по образу и подобию Суворова» (Ростопчин). Но при всех этих качествах Багратион был человек «не высоко образованный», как отмечают в один голос все его друзья. Ив этом отношении он должен был уступить Барклаю. «Одаренный от природы счастливыми способностями, остался он без образования и определился в военную службу, — пишет Ермолов. — Все понятия о военном ремесле извлекал он из опытов, все суждения о нем — из происшествий, по мере сходства их между собою, не будучи руководим правилами и наукою и впадая в погрешности»… «Если бы Багратион, — добавляет Ермолов, — имел хоть ту же степень образованности, как Барклай-де-Толли, то едва ли бы сей последний имел место в сравнении с ним». Но именно этой «образованности» у Багратиона не было. <…>

Одним словом, Багратион был, несомненно, хорошим боевым генералом, человеком большого энтузиазма и личного геройства. Быть может, все это хорошие качества для полководца, но не при тех условиях инее тот момент, в каких находилась Россия в начале кампании 1812 года. Отличаясь «умом тонким и гибким», по отзыву Ермолова, Багратион, к сожаленшю, не проявил этих качеств в отношении к Барклаю. <… >

Наивность и искренность, в которые Багратион облекал свои выступления против Барклая, служат оправданием для личности Багратиона, геройски павшего на поле брани. Но если личные его подвиги давали высокие примеры бесстрашия и мужества, то бестактные поступки против Барклая не могли не иметь деморализующего влияния. А между тем именно Багратион при своем влиянии в армии мог быть лучшей опорой Барклая. Барклай ценил достоинство Багратиона, щадил его самолюбие, когда последнему, несмотря на старшинство в чинах, связи при дворе и огромную популярность в армии, пришлось при соединении под Смоленском двух армий стать в подчинение к Барклаю. Такт Барклая проявился уже в том, что он лично поехал навстречу Багратиону. Однако поведение Багратиона способно было вывести из терпения и всегда спокойного Барклая. Если верить рассказам очевидцев, в армии происходили бесподобные сцены: дело доходило до того, что главнокомандующие в присутствии подчиненных «ругали в буквальном смысле» один другого. <… > Можно ли в таких условиях говорить о какой-либо солидарности в действиях, являвшейся одним из главных залогов успеха [89. С. 90–98].

Продолжение отступления

Генерал А. И. Михайловский-Данилевский пишет:

«После сражения при Лубино неприятель два дня не напирал на наш арьергард» [95. С. 179].

1-я Западная армия в это время находилась на марше к Соловьевой переправе, 2-я Западная армия шла к Дорогобужу. Вскоре армия Барклая-де-Толли заняла позицию у Умолья.

Михаил Богданович «предполагал выждать тут неприятеля и принять сражение, для чего князь Багратион возвратился из Дорогобужа и стал на левом крыле 1-й армии. Намерение Барклая-де-Толли не отступать далее казалось несомненным» [95. С. 179].

Во всяком случае, местные условия он признал достаточно выгодными для сражения. Но главное заключалось не в этом: слишком уж велика была степень давления на него общего желания боя, царившего в русской армии. А потому Барклай-де-Толли принял решение дать генеральное сражение французам при Умолье, и он даже отдал ряд соответствующих распоряжений.

9 (21) августа князь Багратион, находясь в Дорогобуже, продолжал негодовать и на отступление, и на отсутствие новостей, и на утомление людей. В своем письме генералу А. П. Ермолову он выразил свое отношение к происходившему следующим образом:

«Зачем вы бежите так, и куда вы спешите?.. Что с вами делается, за что вы мною пренебрегаете? Право, шутить не время» [25. С. 240].

Прямо скажем, положение было не из простых. В конце концов, разрываясь между необходимостью и невозможностью, Михаил Богданович, похоже, и сам начал думать, что без генерального сражения уже больше не обойтись.

В те драматические дни он написал графу Ф. В. Ростопчину:

«Нынешнее положение дел непременно требует, чтобы судьба наша была решена генеральным сражением. <…> Все причины, доселе воспрещавшие давать оное, ныне уничтожаются. Неприятель слишком близок к сердцу России, и, сверх того, мы принуждены всеми обстоятельствами взять сию решительную меру, ибо, в противном случае, армии были бы подвержены сугубой гибели и бесчестью, а отечество не менее того находилось бы в той опасности, от которой, с помощью Всевышнего, можем избавиться общим сражением, к которому мы с князем Багратионом избрали позиции» [95. С. 179–180].

«Мы избрали…» Правильнее, наверное, было бы сказать: «Меня вынудили избрать…»

Мнение писателя и историка С. Н. Глинки:

На челе Барклая-де-Толли не увяла ни одна ветка лавров его. Он отступал, но уловка умышленного отступления — уловка вековая. Скифы — Дария, а парфяне — римлян разили отступлениями. Не изобрели тактики отстушений ни Моро, ни Веллингтон. <…> Не изобрел этой тактики и Барклай на равнинах России. Петр Первый высказал ее в Желковке на военном совете 30 апреля 1707 года, когда положено было: «Не сражаться с неприятелем внутри Польши, а ждать его на границах России». Вследствие этого Петр предписал: «Тревожить неприятеля отрядами; перехватывать продовольствие; затруднять переправы, истомлять переходами». В подлиннике сказано: «Истомлять непрестанными нападениями». Отвлечение Наполеона от сражений и завлечение его вдаль России, стоило нападений. Предприняв войну отступательную, император Александр писал к Барклаю: «Читайте и перечитывайте журнал Петра Первого». Итак, Барклай-де-Толли был не изобретателем, а исполнителем возложенного на него дела. Да и не в том состояла трудность. Наполеон, порываемый могуществом для него самого непостижимым; Наполеон, видя с изумлением бросаемые те места, где ожидал битвы, так сказать, шел и не шел. Предполагают, что отклонением на Жиздру Барклай заслонил бы и спас Москву. Но, втесняя далее в пределы полуденные войско Наполеона, вместе с ним переселил бы он туда и ту смертность, которая с нив и полей похитила в Смоленске более ста тысяч поселян. Следственно, в этом отношении Смоленск пострадал более Москвы; стены городов и домов можно возобновить, но кто вырвет из челюстей смерти погибшее человечество? А при том, подвигая Наполеона к южным рубежам России, мы приблизили бы его и к Турции, заключившей шаткий мир, вынужденный английскими пушками, целившими на сераль.

Снова повторяю: не завлечение Наполеона затрудняло Барклая-де-Толли, но война нравственная, война мнения, обрушившаяся на него в недрах Отечества. Генерал Тормасов говорил: «Я не взял бы на себя войны отступательной».

Граф Тюрпин в обозрении записок Монтекукули замечает, что перетолкование газетных известий о военных действиях вредит полководцам. Но если это вредно в войну обыкновенную, то в войну исполинскую, в войну нашествия, разгул молвы, судящей по слуху, а не по уму, свирепствует еще сильнее. Напуганное, встревоженное воображение все переиначивало. Надобно было отступать, чтобы уступлением пространства земли обессиливать нашествие. Молва вопияла: «Долго ли будут отступать и уступать Россию!» Под Смоленском совершилось одно из главных предположений войны 1812 года, то есть соединение армии Багратиона с армией Барклая-

де-Толли. Но нельзя было терять ни времени, ни людей на защиту стен шестнадцатого и семнадцатого столетия — нашествие бью еще в полной силе своей. А молва кричала: «Под Смоленском соединилось храброе русское войско, там река, там стены! И Смоленск сдали!» Нашествию нужно было валовое сражение и под Вильно, и под Дриссой, и под Витебском, и под Смоленском: за ним были все вспомогательные войска твердой земли Европы. Но России отдачей земли нужно было сберегать жизнь полков своих. Итак, Барклаю-де-Толли предстояли две важные обязанности: вводить, заводить нашествие вдаль России и отражать вопли молвы. Терпение его стяжало венец [120. С. 258–259].

А тем временем стоять на своем Барклаю-де-Толли становилось все труднее и труднее. Давили на него со всех сторон, и давление это с каждым днем возрастало.

Однако выбранная позиция в конце концов была признана неподходящей для сражения, и тут же «было отменено намерение сразиться при Умолье» [95. С. 180].

После этого Барклай-де-Толли написал императору Александру:

«Потеря 1-й армии в последних сражениях весьма значительна. По этой причине и по тому уважению, что в случае неудачи армии не имеют за собою никакого подкрепления… <… > я буду вместе с князем Багратионом стараться избегать генерального сражения» [95. С. 180].

В этом же письме Михаил Богданович говорил о том, что он будет избегать сражения, «чтобы предупредить случайности какого-либо слишком поспешного предприятия» [95. С. 180].

Все эти случайности и все эти «слишком поспешные предприятия» он очень не любил и, всегда думая о конечном результате, старался избегать сомнительных по своей эффективности и целесообразности действий. И все потому, что над ним, в отличие от многих его осуждающих, которые «дела никакого не делали, но болтали и критиковали» [136. С. 95], тяготела громадная ответственность за вверенное ему дело.

Что же это было — природная нерешительность или четкий и абсолютно трезвый расчет? Как говорится, вопрос вопросов… Впрочем, профессор Николаевской академии генерал Б. М. Колюбакин дает нам на него ответ:

«После оставления Смоленска идея прекратить отступление и заградить дальнейшее движение Наполеона стала общей во всей армии и, естественно, тому должна была послужить первая встретившаяся позиция, каковой и была таковая на реке Уже. Но дело было не в позиции, а в сомнении своевременности дать бой,

в отсутствии единства командования, в постоянных разногласиях между главнокомандующими армиями, а, быть может, и в известной нерешительности Барклая, если только не объяснить это тем, что в решительную минуту расчет брал у него верх над всеми остальными, в области чувств, побуждениями» [70. С. 203].

Конечно же ни о какой «известной нерешительности» Барклая-де-Толли тут не могло быть и речи. На самом деле все объяснялось хладнокровным расчетом ответственного за сохранение армии полководца.

И вот результат: при получении известия о том, что противник идет в обход, Барклай-де-Толли тут же велел продолжить отступление. При этом начальник инженеров 1-й Западной армии генерал Х. И. Трузсон и полковник К. Ф. Толь были посланы вперед, к Вязьме, куда ждали прихода генерала Милорадовича со свежими войсками.

* * *

А незадолго до этого имел место весьма неприятный эпизод: в присутствии великого князя Константина Павловича князь Багратион отчитал полковника Толя, а тот начал возражать князю «со свойственной ему самоуверенностью и заносчивостью» [70. С. 203]. Это, как пишет Б. М. Колюбакин, «взорвало горячего и раздражительного князя Багратиона и привело к прискорбному инциденту между ними» [70. С. 203].

О том, что произошло далее, генерал Колюбакин рассказывает так:

«Скромный, простой и лишенный в своем положении должного авторитета, Барклай сначала не остановил, а потом не поддержал своего оскорбленного генерал-квартирмейстера» [70. С. 203–204].

Вечером великий князь Константин Павлович выехал в Санкт-Петербург, получив письма к императору Александру от Барклая-де-Толли и от генерала Ермолова. В своем письме А. П. Ермолов сделал краткий отчет о военных событиях с 4 по 7 августа и рассказал о вредном влиянии на войска непрерывного отступления.

Н. А. Полевой констатирует:

«Все падало на главнокомандующего: его обвиняли в незнании воинского дела, непростительной робости, даже измене. Холодно встречаемый солдатами, он не мог продолжать своего согласия с Багратионом. Цесаревич Константин Павлович с неудовольствием оставил армию; за ним уехал рассерженный

Беннигсен; Фуль не смел оставаться при Барклае-де-Толли, не терпимый никем, и также отправился в Петербург. Русская удаль требовала битвы, сражения — победы или смерти! Хотели лучше умереть, но не хотели идти далее» [110. С. 65–66].

Но и в этих тяжелейших условиях Михаил Богданович «соразмерял потребность и опасность битвы, видел необходимость и невозможность дать ее» [110. С. 66].

Ермолов изложил императору свое личное мнение по поводу Барклая-де-Толли в следующих словах:

«Дарованиям главнокомандующего здешней армии мало есть удивляющихся, еще менее имеющих к нему доверенность, войска же и совсем ее не имеют» [153. С. 145].

Как видим, даже начальник штаба Михаила Богдановича не понимал спасительной для армии и России сути его действий. К сожалению, и он в числе многих других готовил этим почву к назначению популярного в России и в армии главнокомандующего. Однако хорошо известно, что популярный — это далеко не всегда лучший. Популярность может длиться день, и совсем не она достается по наследству детям и внукам, и не всем было дано понять то, о чем, не уставая, говорил Барклай-де-Толли…

* * *

Русские армии продолжали спасительное отступление.

11 (23) августа князь Багратион, оказавшись перед угрозой обхода своего левого фланга, сам предложил отойти к Дорогобужу, утверждая, что там имеется очень сильная позиция. Барклай-де-Толли, напротив, располагал совершенно другими сведениями: его квартирмейстеры нашли позицию при Дорогобуже негодной, да и сам он счел ее «слишком тесной» [95. С. 186].

После этого Михаил Богданович послал генерала Трузсона и полковника Толя к Вязьме с целью выбора там позиции для сражения. Но они вернулись с донесением, что около Вязьмы подходящей позиции не найдено, зато она была отыскана за Вязьмой, у селения Царево-Займище.

Безусловно, давать генеральное сражение сильному противнику на плохой позиции было бы безумием. Тем не менее, решение Барклая-де-Толли идти к Царево-Займищу вызвало в армии уже просто крайнюю степень неудовольствия. Больше всех усердствовал конечно же князь Багратион: он не скрывал своего бурного негодования и не жалел обидных упреков. В результате,

уже никто не верил обещанию Михаила Богдановича сражаться, а самого его штабные остряки стали за глаза звать «Болтай да и только» [131. С. 71].

* * *

В это самое время Барклай-де-Толли написал императору:

«Кажется, теперь настала минута, где война может принять благоприятнейший вид, потому что неприятель, невзирая на его усилия соединить все силы… слабеет на каждом шагу, по мере того, как подается вперед, и в каждом сражении с нами. Напротив того, наши войска подкрепляются резервом, который Милорадович ведет к Вязьме. Теперь мое намерение поставить у этого города в позиции 20 000 или 25 000 человек и так ее укрепить, чтобы этот корпус был в состоянии удерживать превосходящего неприятеля, чтобы с большею уверенностью можно было действовать наступательно. Этому до сих пор препятствовали важные причины: главнейшая — та, что пока обе армии не были подкреплены резервами, они составляли почти единственную силу России против превосходного и хитрого неприятеля. Следовательно, надобно по возможности сохранять армии и не подвергать их поражению, чтобы действовать вопреки намерению неприятеля, который соединил все свои силы для решительного сражения. Доныне мы имели счастье достигать нашей цели, не теряя неприятеля из вида. Мы его удерживали на каждом шагу, и, вероятно, этим принудим его разделить его силы. Итак, вот минута, где наше наступление должно начаться» [95. С. 186–187].

При этом в ночь на 12 (24) августа обе русские армии отошли к Дорогобужу, а 13 (25) августа продолжили отступление к Вязьме.

Князь Багратион, крайне недовольный оставлением Дорогобужа без боя, писал в те дни графу Ф. В. Ростопчину:

«Продолжаются прежние нерешительность и безуспешность. Послезавтра назначено быть обеим армиям в Вязьме, далее же что будет, вовсе не знаю, не могу даже поручиться и за то, что не приведет (Барклай. — С. Н.) неприятеля до Москвы. Скажу в утешение, армия наша в довольно хорошем состоянии, и воины русские, горя истинной любовью к своему отечеству, готовы всякий час к отмщению неприятеля за его дерзость, и я ручаюсь, что они не посрамят себя» [70. С. 211].

А тем временем Барклай-де-Толли приказал вывезти из Вязьмы все, что возможно, и начать укреплять позиции за этим

городом.

Получив сообщение о спешном отступлении к Вязьме, князь Багратион немедленно написал Михаилу Богдановичу:

«Я уже сего утра приказал графу Сен-При объявить Ермолову, что я на все согласен» [70. С. 214].

Он уверял, что его желание «сходственно» с желанием Барклая-де-Толли и что должно «иметь ту единственную цель защищать государство и, прежде всего, спасти Москву», но при этом он отмечал, что «отступление к Дорогобужу уже все привело в волнение» [70. С. 214]. Свое письмо он завершал следующими словами: «Когда узнают, что мы приближаемся к Вязьме, вся Москва поднимется против нас» [70. С. 214].

Князь Багратион уверял Барклая-де-Толли, что он «на все согласен», но в тот же день докладывал графу Ф. В. Ростопчину в Москву:

«Вообразите, какая досада, я просил убедительно министра, чтобы дневать здесь, дабы отдохнуть людям, он и дал слово, а сию минуту прислал сказать, что Платов отступает, и его армия тотчас наступает к Вязьме. Я вас уверяю, приведет к вам Барклай армию через шесть дней. Милорадович не успеет соединиться с нами в Вязьме, ему семь маршей, а мы завтра в Вязьме, а неприятель за нами один марш» [55. С. 97].

Е. В. Анисимов отмечает тот факт, что князь «был более чуток к настроениям в армии и вообще к общественным веяниям» [5. С. 618]. Естественно, это «обостряло его ощущения» [5. С. 618]. А в армии в это время зрел «генеральский заговор» против военного министра, и князь Багратион был искренне уверен, что выражает мнение всей армии. Это, к сожалению, еще больше «обостряло его ощущения», тем более что император Александр упорно «не воспринимал Багратиона как крупного полководца» [5. С. 646].

Известно, что крайне критически высказывался по поводу Барклая-де-Толли генерал Н. Н. Раевский, генерал Д. С. Дохтуров говорил о нем как о человеке глупом, а атаман М. И. Платов однажды в узкой компании даже поклялся, что больше не наденет свой генеральский мундир, потому что носить его — позор.

В районе Дорогобужа, когда Барклай-де-Толли проезжал вдоль идущих по дороге полков, он вдруг услышал, как какой-то солдат крикнул:

— Смотрите, вот едет изменщик!

«Ненависть к Барклаю стала почти всеобщей — его ненавидел царский двор, презирали офицеры и солдаты, генералы считали глупым, упрямым и самонадеянным педантом. В эти дни беспрерывного отступления мало кто верил в Барклая — разве что самые дальновидные, но таких было немного» [8. С. 368–369].

К сожалению, их было совсем немного, но они были — например Ф. Н. Глинка, будущий декабрист, писатель и военный историк. В своих «Письмах русского офицера» 16 августа 1812 года он написал о Барклае-де-Толли:

«Я часто хожу смотреть, когда он проезжает мимо полков, и смотрю всегда с новым вниманием, с новым любопытством на этого необыкновенного человека. Пылают ли окрестности, достаются ли села, города и округи в руки неприятеля; вопиет ли народ, наполняющий леса или великими толпами идущий в далекие края России: его ничто не возмущает, ничто не сильно поколебать твердости духа его. Часто бываю волнуем невольными сомнениями: Куда идут войска? Для чего уступают области? И чем, наконец, все это решится? Но лишь только взглядываю на лицо этого вождя сил российских и вижу его спокойным, светлым, безмятежным, то в ту же минуту стыжусь сам своих сомнений. Нет, думаю я, человек, не имеющий обдуманного плана и верной цели, не может иметь такого присутствия, такой твердости духа! Он, конечно, уже сделал заранее смелое предначертание свое; и цель, для нас непостижимая, для него очень ясна! Он действует как Провидение, не внемлющее пустым воплям смертных и тернистыми путями влекущее их к собственному их благу. Когда Колумб, посредством глубоких соображений, впервые предузнал о существовании нового мира и поплыл к нему через неизмеримые пространства вод, то спутники его, видя новые звезды, незнакомое небо и неизвестные моря, предались было малодушному отчаянию и громко возроптали. Но великий духом, не колеблясь ни грозным волнением стихии, ни бурею страстей человеческих, видел ясно перед собой отдаленную цель свою и вел к ней вверенный ему Провидением корабль. Так, главнокомандующий армиями, генерал Барклай-де-Толли, проведший с такой осторожностью войска наши от Немана и доселе, что не дал отрезать у себя ни малейшего отряда, не потеряв почти ни одного орудия и ни одного обоза, этот благоразумный вождь, конечно, увенчает предначатия свои желанным успехом» [42. С. 152].

* * *

Резервный 15-тысячный корпус генерала М. А. Милорадовича, который все так ждали, и в самом деле не успел прийти к Вязьме к 15 (27) августа. Таким образом, по всей видимости, еще на марше в Вязьму Барклай-де-Толли решил для себя вопрос об оставлении этого города.

Поэтому 16-го числа обе русские армии отошли от Вязьмы к селу Федоровскому, «намереваясь на друг ой день продолжить отступление к Царево-Займищу, где найдена была позиция» [95. С. 188].

Отметим также, что Барклай-де-Толли был крайне недоволен действиями своего арьергарда, и он поставил атаману Платову на вид «неумение или нерадение его в командовании». За выговором последовало в тот же день решение устранить М. И. Платова от командования арьергардом, заменив его генералом П. П. Коновницыным — при этом был составлен новый арьергард с достаточно сильной пехотой.

Командир 2-й сводно-гренадерской дивизии граф М. С. Воронцов, будущий генерал-фельдмаршал, свидетельствует о М. И. Платове и нареканиях на него:

«Уже давно в армии были им недовольны, и Барклай и Багратион жаловались, что он ничего не хотел делать и, конечно, он мало делал с тем, что мог, но, с другой стороны, сколько я мог приметить, ему никогда и не приказывали так, как должно; например, отступая от Смоленска, всякий мог ясно видеть, что, ежели Платова с казаками переправить через Днепр позади французской армии, он бы сей последней причинил большой вред; все жаловались, что он не умел и не хотел того сделать, вышло же, что он настоящего повеления никогда и не получал. Как бы то ни было, под предлогом, что государь желает Платова видеть в Москве, его удалили» [14. С. 73].

А вот мнение по этому же вопросу А. П. Ермолова:

«Главнокомандующий, справедливо недовольный беспорядочным командованием атамана Платова арьергардом, уволил его от командования оным; арьергард поручен Коновницыну, и он, отступая от Вязьмы, дрался на каждом шагу» [57. С. 183].

А пока же Барклай-де-Толли, ожидая скорейшего соединения с генералом Милорадовичем, 17 (29) августа приказал отступать к Царево-Займищу. Связано это было с тем, что по прибытии войск к Федоровскому обнаружилось отсутствие там воды, да и позиция там оказалась не самой лучшей. Что касается Царево-Займища, то Барклай-де-Толли, как думали многие, принял твердое решение именно здесь дать генеральное сражение. Во всяком случае, в «Записках» Ермолова мы читаем:

«Около Царево-Займище усмотрена весьма выгодная позиция, и главнокомандующий определил дать сражение. Начались работы инженеров, и армия заняла боевое расположение. Места открытые препятствовали неприятелю скрывать его движение. В руках наших возвышения, давая большое превосходство действию

нашей артиллерии, затрудняли приближение неприятеля; отступление было удобно. Много раз наша армия, приуготовляемая к сражению, переставала уже верить возможности оного, хотя желала его нетерпеливо; но приостановленное движение армии, ускоряемые работы показывали, что намерение главнокомандующего (Барклая-де-Толли. — С. Н.) решительно, и все возвратились к надежде видеть конец отступления» [57. С. 182].

Князь М. И. Кутузов

И вот в этот-то момент в приказе по армиям было объявлено о прибытии Главнокомандующего — князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова.

В своем труде, составленном для личного пользования императора Александра — под названием «Изображение военных действий 1812 года» он был опубликован в 1912 году, — Барклай-де-Толли пишет:

«17-го прибыли сюда (в Царево-Займище. — С. Н.) обе армии; расположенные в небольшом пространстве, имели перед собой открытое место, на коем неприятель не мог скрывать своих движений; в 12 верстах от сей позиции была другая, позади Гжатска, найденная также удобной. Милорадович донес, что прибудет 18-го к Гжатску с частью своих резервов. Все сии причины были достаточны к уготовлению там (то есть у Царево-Займища. — С. Н.) решительного сражения; я твердо решился на сем месте исполнить оное» [70. С. 224].

Однако он тут же делает следующую оговорку: «В случае неудачи, мог я удержаться в позиции при Гжатске» [70. С. 224]. Это говорит о том, что решение Михаила Богдановича было не таким уж и твердым и он был вполне склонен отступить на новую позицию к Гжатску, где можно было соединиться с подкреплением генерала М. А. Милорадовича.

Офицер квартирмейстерской части А. А. Щербинин в своих «Записках о кампании 1812 года» рассказывает о событиях у Царево-Займища так:

«Приходим в лагерь под Царево-Займище — речка с чрезвычайно болотистыми берегами находится непосредственно позади линий наших. Слишком опасно принять сражение в такой позиции. Не менее того Барклай на то решиться хочет. Толь до такой степени убежден был в опасности этого лагеря, что бросается перед Барклаем на колени, чтобы отклонить его от намерения сражаться здесь. Барклай не внимает убеждениям своего обер-квартирмейстера, но вдруг извещают о прибытии

генерала Кутузова» [59. С. 124].

Через несколько часов Барклай-де-Толли получил рескрипт о назначении М. И. Кутузова, в котором император Александр обращался к Михаилу Богдановичу со следующими словами:

«Я уверен, что любовь ваша к отечеству и усердие к службе откроют вам и при сем случае путь к новым заслугам» [9. С. 392].

В тот же день Барклай-де-Толли ответил императору:

«Всякий верноподданный и истинный слуга государя и отечества должен ощущать истинную радость при известии о назначении нового главнокомандующего, который уполномочен все действия вести к одной цели. Примите, все милостивейший государь, выражение радости, которой я исполнен! Воссылаю мольбы, чтобы успех соответствовал намерениям Вашего Величества. Что касается до меня, то я ничего иного не желаю, как пожертвованием жизни доказать готовность мою служить отечеству во всяком звании и достоинстве» [95. С. 189–190].

Приведенные выше слова Михаила Богдановича никого не должны вводить в заблуждение — особую радость при назначении нового начальника редко кто испытывает.

Как очень верно подметил В. М. Безотосный, «редко какая кампания обходилась без личных стычек и мелочных обид на коллег среди военачальников. Ничего удивительного в этом не было — в любые времена и во всех странах генеральская среда всегда отличалась повышенной профессиональной конкуренцией и столкновением честолюбий» [15. С. 13].

На самом деле, и это естественно, Михаил Богданович тут тоже не был исключением. Он «был потрясен и унижен этим актом. <…> Барклай тяжело переживал ряд непрерывных обид до Царева-Займища, и вдруг новое, страшное оскорбление, этот внезапный удар в Царево-Займище» [131. С. 144].

Генерал А. П. Ермолов потом рассказывал, что «с удивлением видел слезы на глазах его, которые он старался скрыть» [57. С. 214]. Да, действительно, чтобы довести столь мужественного и терпеливого человека до такого состояния, «сильны должны быть огорчения» [57. С. 214].

У А. И. Михайловского-Данилевского читаем:

«Так кончилось главное начальство Барклая-де-Толли над первыми двумя армиями. Заключим описание времени его предводительства собственными его словами, писанными государю накануне прибытия князя Кутузова: “Не намерен я теперь, когда наступают решительные минуты, распространяться о действиях вверенной мне армии. Успех докажет, мог ли я сделать что-либо лучшее для спасения государства”» [95. С. 190].

* * *

К сожалению, в русской армии участь Барклая-де-Толли уже давно была решена. Но вот кем его было заменить?

Хорошо известно, что Александр I не любил М. И. Кутузова. Об этом наглядно говорят данные нижеприведенной таблицы:

Число приглашений к императору на обед по годам
(по сведениям камер-фурьерского журнала за это время) [103. С. 719–720].

Ф. И. О.	**1806**	**1807**	**1808**	**1809**	**1810**	**1811**
М. И. Кутузов	38	—	1	—	—	—
М. Б. Барклай-де-Толли	—	12	38	11	61	92

Как видим, за предшествовавшие войне пять лет император приглашал к себе Кутузова на обед всего один раз. Для сравнения: Барклая-де-Толли за это же время он приглашал 214 раз, А. А. Аракчеева — 271 раз, а, например, князя П. М. Волконского — 482 раза [103. С. 719].

Но политик в императоре всегда брал верх над человеком. А посему, испытывая известную неприязнь к Михаилу Илларионовичу, он поручил решить вопрос о Главнокомандующем специально созданному для этого Чрезвычайному комитету, в который вошли шесть человек: генерал-фельдмаршал граф Н. И. Салтыков (председатель Государственного совета и Комитета министров), генерал от артиллерии граф А. А. Аракчеев (председатель Департамента военных дел Государственного совета), князь П. В. Лопухин (председатель Департамента законов Государственного совета), генерал от инфантерии С. К. Вязьмитинов (главнокомандующий в Петербурге), граф В. П. Кочубей (дипломат и советник императора) и министр полиции генерал-адъютант А. Д. Балашов.

Как видим, как это часто бывало, государь не стал брать ответственность на себя, а переложил все на некий комитет, который и собрался 5 (17) августа 1812 года в доме графа Салтыкова.

Члены Чрезвычайного комитета обсудили несколько кандидатур: генерала от кавалерии графа Л. Л. Беннигсена (после поражения от Наполеона под Фридландом уволенного в отставку «по болезни» и вернувшегося на службу в апреле 1812 года с

назначением состоять при особе императора без определенных поручений), генерала от кавалерии графа П. А. Палена (одного из организаторов убийства императора Павла I, вот уже много лет находившегося в отставке), генерала от инфантерии князя П. И. Багратиона и генерала от кавалерии А. П. Тормасова. Лишь пятым был назван М. И. Кутузов, но именно его кандидатура была признана единственно достойной такого высокого назначения.

Члены Чрезвычайного комитета «долго колебались в выборе», а имя Кутузова было «произнесено последнее — и соединило все голоса» [110. С. 67].

В тот же день Чрезвычайный комитет представил свою рекомендацию императору. В документе говорилось, что «бывшая доселе недеятельность в военных операциях происходит от того, что не было над всеми действующими армиями положительной единоначальной власти» [26. С. 11–12].

Относительно Барклая-де-Толли было сказано, что «главнокомандующий 1-й Западной армией, соединяя вместе с сим постом и звание военного министра, имеет по сему случаю распорядительное влияние на действия прочих главнокомандующих; но как он будучи в чине моложе их, то, может быть, и сие самое стесняет его в решительных им предписаниях» [26. С. 12]. Далее отмечалось, что «звание военного министра, соединенное с постом главнокомандующего, производит различные неудобства в достижении желаемой пользы» [26. С. 12].

После подобного рассуждения утверждалось, что «назначение общего Главнокомандующего армиями должно быть основано, во-первых, на известных опытах в военном искусстве, отличных талантах, на доверии общем, а равно и на самом старшинстве», а посему Чрезвычайный комитет единогласно предлагал генерала от инфантерии князя М. И. Кутузова. При этом Барклаю-де-Толли предлагалось «остаться при действующих армиях под командой князя Кутузова, но в таком случае сложить звание и управление Военного министерства». В противном же случае, он мог «сдать командование 1-й Западной армией, кому от князя Кутузова приказано будет», и «возвратиться по должности военного министра в Санкт-Петербург» [26. С. 12–13].

В завершение, однако, говорилось, что «в обоих случаях, если бы военный министр Барклай-де-Толли согласился остаться в действующей армии или возвратился бы в Санкт-Петербург, то все же следует уволить его от звания военного министра, предоставя в обоих случаях полное управление сим министерством управляющему уже и ныне департаментами оного генерал-лейтенанту князю Горчакову» [26. С. 13].

Обстоятельства назначения М. И. Кутузова Главнокомандующим принято представлять так: народ и дворянство потребовало, и император Александр, в конце концов, согласился. Однако эта версия документально ничем не подтверждается. Скорее всего, главную роль в этом назначении сыграли совсем другие причины.

Известно, например, что 5 (17) августа, когда был созван Чрезвычайный комитет, в Санкт-Петербург из армии прибыл П. М. Волконский с письмом от графа П. А. Шувалова, и это письмо отражало «антибарклаевские» настроения части русского генералитета, возглавлявшейся князем Багратионом. Но генералы вовсе не просили императора о назначении М. И. Кутузова, они лишь требовали немедленного отстранения Барклая-де-Толли и назначения единого Главнокомандующего.

Удивительным выглядит и следующий факт: в то же самое время, когда после сдачи Смоленска в армии проклинали «изменника» и «немца» Барклая-де-Толли, который не имел к немцам ни малейшего отношения, настоящий немец, начавший службу в ганноверской пехоте, Левин-Август фон Беннигсен фигурировал в качестве первого кандидата в Главнокомандующие.

А чего, например, стоила кандидатура цареубийцы графа Петера-Людвига фон дер Палена?

Почему же выбор пал именно на Кутузова, а не, скажем, на того же Александра Петровича Тормасова, исключительно русского и вполне заслуженного генерала, командовавшего в тот момент 3-й Резервной Обсервационной армией?

* * *

Может быть, это произошло потому, что большинство членов Чрезвычайного комитета, рассматривавшего вопрос о Главнокомандующем, принадлежали к той же масонской ложе, что и Михаил Илларионович?

Известно ведь, что Кутузов был высокопоставленным масоном, отчего и получила распространение версия о том, что масоны сыграли не последнюю роль в его избрании. Однако это не научный факт, а лишь предположение, которое документально не подтверждено, хотя об этом уже пишут, причем в последнее время все больше и больше.

В частности, у Н. И. Макаровой в книге «Тайные общества и секты» читаем:

«Первое прикосновение Кутузова к таинствам Ордена

свершилось в 1779 году в Регенсбурге, в ложе “К Трем Ключам”. <…> Путешествуя по Европе, он вошел также в ложи Франкфурта и Берлина, а по возвращении в Россию в 1783 году “посвященные” на берегах Невы признали его своим…

На основании некоторых косвенных указаний можно предполагать, что Кутузов был членом шотландской ложи “Сфинкса”. Он дошел до высоких степеней и был влиятельным и необходимым членом братства “вольных каменщиков”, его постоянной опорой. При посвящении в 7-ю степень шведского масонства Кутузов получил орденское имя “Зеленеющий лавр” и девиз “Победами себя прославить”. И орденское имя, и девиз, по словам одного из историков масонства, оказались пророческими» [85. С. 185].

М. А. Голденков называет иную дату. Он пишет о том, что после тяжелого ранения Кутузов был отправлен на лечение в Германию, и там ему предложили «вступить в тайную масонскую ложу, популярнейшую у всего высшего дворянства в Европе того времени. Так, в 1776 году Кутузова посвятили в масонское братство и даже сделали главой масонской ложи “К трем ключам”[41], куда он вступил в городе Регенсбург» [43. С. 125]. По его словам, Михаил Илларионович «с удовольствием окунулся в таинства масонского подпольного мира» [43. С. 131].

Б. П. Башилов в своей «Истории русского масонства» развивает масонскую версию назначения М. И. Кутузова:

«Еще в 1807 году Барклай-де-Толли говорил известному историку Нибуру, что если бы ему пришлось быть во время войны главнокомандующим, он бы завлек французскую армию к Волге и только там дал генеральное сражение. Когда Барклай-де-Толли оказался главнокомандующим, он так и поступил. Дождавшись соединения русских армий, он решил их вести к Москве.

Доброжелатели Наполеона из кругов “французской партии” поняли, чем грозит Наполеону этот верный замысел Барклая-де-Толли и начали против него клеветническую кампанию. Его начали обвинять в измене.

Масонам французской ориентации необходимо было во что бы то ни стало удалить Барклая. Дело было в том, что “немец” Барклай… <…> примыкал к… “русской партии”, возглавляемой Аракчеевым. Барклая необходимо было оклеветать и во что бы то ни стало добиться его удаления с поста главнокомандующего и поставить “своего”. Этого удалось добиться. Барклай был смещен, и на его место назначен Кутузов, масон высоких степеней» [12. С. 55].

* * *

А еще существует мнение совершенно противоположного свойства — что основной причиной назначения Кутузова стала его близость к обществу «Беседа любителей русского слова»[42], получившему высочайшее утверждение в 1810 году. Членами «Беседы» были многие весьма известные и влиятельные люди, в том числе и сенатор Павел Иванович Голенищев-Кутузов, близкий родственник Михаила Илларионовича.

Его лидером был А. С. Шишков, филолог и член Российской академии, а также адмирал и участник Русско-шведской войны 1788–1790 годов. Этот человек был главным идеологом русского патриотизма, и 9 апреля 1812 года император Александр назначил его вместо М. М. Сперанского Государственным секретарем. В начале войны с Наполеоном Шишков, находясь при императоре в армии, составлял все важнейшие приказы, рескрипты и обращения к русским людям.

Что же касается Сперанского, ставшего в январе 1810 года, с учреждением Государственного совета, первым Государственным секретарем и фактически вторым после императора лицом в государстве, то он тоже был масоном, и реформы, проводимые им, затронули практически все слои российского общества. Как известно, политическим идеалом М. М. Сперанского были конституционные государства Западной Европы, но более всего он отдавал предпочтение французской системе — простоте и стройности государственного механизма, созданного во Франции при Наполеоне. Естественно, это вызвало бурю недовольства со стороны консервативной части «высшего света», то есть тех, чьи интересы были затронуты более всего. Вот и была разыграна мощная интрига, ставившая целью регулярно сообщать мнительному императору Александру разные дерзкие отзывы, якобы исходившие из уст его первого Государственного секретаря. Более того, Сперанского «стали обвинять в подрыве государственных устоев России, назвали изменником и французским шпионом» [62. С. 485].

Развязка наступила 17 марта 1812 года, когда император Александр объявил Сперанскому о прекращении его служебных обязанностей. В тот же день ему было предписано покинуть столицу. Современники назвали это «падением Сперанского». На самом деле произошло не просто падение высокопоставленного сановника, а падение либерала-реформатора со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Не без оснований считается, что имя Барклая-де-Толли «прочно ассоциировалось с опальным М. М. Сперанским» [132. С. 124] и его падение было в значительной мере предопределено падением последнего. Во всяком случае, в дворянской среде

Михаил Богданович слыл своего рода «Сперанским в армии».

Отношения между этими двумя людьми завязались в 1809 году, когда Барклай-де-Толли занимал пост генерал-губернатора Финляндии, «получившей, по разработанному Сперанским плану, внутреннюю автономию на конституционных принципах с законодательным сеймом» [132. С. 126]. Естественно, Михаил Богданович просто обязан был постоянно контактировать с Михаилом Михайловичем — председателем Комитета по делам Финляндии, в который сходились все нити управления вновь присоединенной территорией.

Еще более упрочились их отношения с начала 1810 года, когда Барклай-де-Толли стал министром.

В результате, как писал в сентябре 1812 года секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны Н. М. Лонгинов, Барклай имел «нужду» в Сперанском, а тот, со своей стороны, «принял его в покровительство» [132. С. 128]. Как следствие, вину за отступления русских армий на Сперанского стали возлагать даже раньше, чем на Михаила Богдановича. «Солдаты вслух кричат, что Барклай со Сперанским в измене», — отмечал все тот же Лонгинов [132. С. 129].

Что же касается М. И. Кутузова, то, говоря о его кандидатуре, все же не следует забывать, что в мае 1812 года именно ему удалось завершить длившуюся уже шесть лет войну и заключить в Бухаресте очень важный мир с Турцией — то есть совершить то, чего не смогли сделать его предшественники на посту главнокомандующего Днестровской армией генерал от кавалерии И. И. Михельсон, фельдмаршал А. А. Прозоровский, князь П. И. Багратион и граф Н. М. Каменский. Это стало крупной военной и дипломатической победой, изменившей в лучшую для России сторону стратегическую обстановку накануне войны с Наполеоном.

* * *

Как бы то ни было, назначение М. И. Голенищева-Кутузова Главнокомандующим состоялось 5 (17) августа, однако Александр I, недолюбливавший эту, по его словам, «старую лисицу», утвердил постановление Чрезвычайного комитета только 8 (20) августа.

Позднее император в письме к великой княгине Екатерине Павловне объяснил это свое решение следующим образом:

«Вот вам, дорогой друг, мой обстоятельный ответ, который я должен вам дать. Нечего удивляться, когда на человека,

постигнутого несчастьем, нападают и терзают его. Что лучше, чем руководствоваться своими убеждениями? Именно они заставили меня назначить Барклая главнокомандующим 1-й армией за его заслуги в прошлых войнах против французов и шведов. Именно они говорят мне, что он превосходит Багратиона в знаниях. Грубые ошибки, сделанные сим последним в этой кампании и бывшие отчасти причиной наших неудач, только подкрепили меня в этом убеждении, при котором меньше, чем когда-либо, я мог считать его способным быть во главе обеих армий, соединившихся под Смоленском. Хотя я не вынес большого удовлетворения и от того немногого, что высказал в мое присутствие Барклай, но все же считаю его менее несведущим в стратегии, чем Багратион, который ничего в ней не смыслит. <…>

В Петербурге я нашел всех за назначение главнокомандующим старика Кутузова — к этому взывали все. Так как я знаю Кутузова, то я противился его назначению, но когда Ростопчин в своем письме ко мне от 5 августа известил меня, что и в Москве все за Кутузова, не считая ни Барклая, ни Багратиона годными для главного начальства, и когда Барклай, как нарочно, делал глупость за глупостью под Смоленском, мне не оставалось ничего иного, как уступить единодушному желанию — и я назначил Кутузова. И в настоящую еще минуту я думаю, что при обстоятельствах, в которых мы находились, мне нельзя было не выбрать из трех генералов, одинаково мало подходящих в главнокомандующие, того, за кого были все» [75. С. 112].

На самом деле устранение Михаила Богдановича не было уступкой Александра I «единодушному желанию». Подобными ссылками на то, к чему якобы «взывали все», император лишь прикрывал «закулисное, но достаточно жесткое давление враждебной ему (Барклаю-де-Толли. — С. Н.). генеральской оппозиции» [132. С. 136].

Совершенно очевидно, что корни этой трагедии Михаила Богдановича лежали «в плоскости его взаимоотношений не с народом, а с “властями”, “правительством” — Александром I, его придворным окружением и высшим генералитетом. Что же до народа, то кульминация отвержения им Барклая последовала уже после его отъезда из армии и явилась как бы вторичным актом этой трагедии, наслоившимся на первый и ее, конечно, непомерно усугубившим» [132. С. 136].

* * *

Оговоримся сразу, что в назначении Михаила Илларионовича Главнокомандующим и по сей день для историков остается много неясного. Известно, например, что император «писал Барклаю-де-Толли, что Кутузова он назначил Главнокомандующим вопреки собственным убеждениям» [64. С. 212]. Известно также, что, уже назначив Кутузова, император встретился с Жаном-Батистом Бернадотом (наполеоновским маршалом, усыновленным королем Швеции и ставшим в 1810 году наследником престола) и предложил ему… стать главнокомандующим всеми русскими армиями.

Хотя в 1812 году этот основатель династии Бернадотов в Швеции уже порвал отношения с Наполеоном и заключил союз с Россией, он вежливо, но твердо отклонил предложение. Когда «изменником» вдруг оказался Барклай-де-Толли, достойно прослуживший всю свою жизнь России, то что скажут о нем, родственнике Наполеона[43], если он проиграет хотя бы одно сражение?

* * *

Итак, Александр I принял окончательное решение 8 (20) августа, и князь М. И. Кутузов тут же получил уведомление о своем назначении.

К сожалению, назначение Кутузова Главнокомандующим как в 1812 году, так и поныне многими воспринималось как смещение с этого же поста Барклая-де-Толли. Однако ничего подобного не было. «Перед нами, в сущности, еще одно из тех “вообразительных сказаний”, которые сопровождали полководца при его жизни и посмертно» [132. С. 51].

Главнокомандующим русскими армиями Михаил Богданович никогда не был — он командовал лишь 1-й Западной армией, а был таковым до своего отъезда в Санкт-Петербург император Александр, чье «некомпетентное в военном отношении вмешательство в текущие армейские дела вносило путаницу в руководство боевыми действиями» [132. С. 52].

Но и после своего отъезда император не назначил Михаила Богдановича единым Главнокомандующим. Таким образом, «Кутузов был назначен на незанятый до него пост» [132. С. 55] и ни о каком смещении Барклая-де-Толли не может быть и речи.

К командующим четырьмя русскими армиями — все они остались на своих постах — был направлен императорский рескрипт, в котором говорилось:

«Разные важные неудобства, происшедшие после соединения

двух армий, возлагают на меня необходимую обязанность назначить одного над всеми оными главного начальника. Я избрал для сего генерала от инфантерии князя Кутузова, которому и подчиняю все четыре армии. Вследствие чего предписываю вам со вверенною вам армией состоять в точной его команде. Я уверен, что любовь ваша к Отечеству и усердие к службе откроют вам и при сем случае путь к новым заслугам, которые мне весьма приятно будет отличить надлежащими наградами» [41. С. 35].

Получив назначение, Кутузов тут же написал письмо Барклаю-де-Толли, в котором уведомил Михаила Богдановича о своем скором приезде в армию и выразил надежду на успех их совместной службы.

Барклай-де-Толли получил это письмо 15 (27) августа и ответил Кутузову следующим образом:

«В такой жестокой и необыкновенной войне, от которой зависит сама участь нашего Отечества, все должно содействовать одной только цели, и все должно получить направление свое от одного источника соединенных сил. Ныне под руководством Вашей Светлости будем мы стремиться с соединенным усердием к достижению общей цели, и да будет спасено Отечество» [27. С. 12].

В. И. Левенштерн, старший адъютант Михаила Богдановича, рассказывал обо всем случившемся так:

«Народ и армия давно уже были недовольны нашим отступлением. Толпа, которая не может и не должна быть посвящена в тайны серьезных военных операций, видела в этом отступлении невежество или трусость. Армия разделяла отчасти это мнение; надобно было иметь всю твердость характера Барклая, чтобы выдержать до конца, не колеблясь, этот план кампании. Его поддерживал, правда, в это трудное время император, видевший в осуществлении этого плана спасение России. Но толпа судит только по результатам и не умеет ожидать.

Император также волновался в начале войны по поводу того, что пришлось предоставить в руки неприятеля столько провинций. Генералу Барклаю приходилось успокаивать государя, и он не раз поручал мне писать Его Величеству, что потеря нескольких провинций будет вскоре вознаграждена совершенным истреблением французской армии: во время сильнейших жаров Барклай рассчитывал уже на морозы и предсказывал страшную участь, которая должна была постигнуть неприятеля, если бы он имел смелость и неосторожность проникнуть далее в глубь империи.

Барклай умолял Его Величество потерпеть до ноября и ручался головою, что к ноябрю французские войска будут вынуждены покинуть Россию более поспешно, нежели вступили туда.

Я припоминаю, что еще до оставления нами Смоленска Барклай, говоря о Москве и о возможности занятия ее неприятелем, сказал, что он, конечно, даст сражение для того, чтобы спасти столицу, но что, в сущности, он смотрит на Москву не более как на одну из точек на географической карте Европы и не совершит для этого города точно так же, как и для всякого другого, никакого движения, способного подвергнуть армию опасности, так как надобно спасать Россию и Европу, а не Москву.

Эти слова дошли до Петербурга и Москвы, и жители этих городов пустили в ход все свое старание к тому, чтобы сменить[44] Главнокомандующего, для которого все города были безразличны» [8. С. 373–374].

* * *

Тому, что слова Барклая-де-Толли об «одной из точек на географической карте» быстро дошли до обеих столиц, находятся многочисленные подтверждения. Например, в одном весьма характерном частном письме (М. А. Волкова — В. И. Ланской), датированном 3 сентября (15 сентября), читаем:

«Мы узнали, что Кутузов застал нашу армию отступающей и остановил ее между Можайском и Гжатском, то есть во ста верстах от Москвы. Из этого прямо видно, что Барклай, ожидая отставки, поспешил сдать французам все, что мог, и если бы имел время, то привел бы Наполеона прямо в Москву. Да простит ему Бог, а мы долго не забудем его измены. <…> Ведь ежели Москва погибнет, все пропало! Бонапарту это хорошо известно; он никогда не считал равными наши обе столицы. Он знает, что в России огромное значение имеет древний город Москва, а блестящий, нарядный Петербург почти то же, что все другие города в государстве. Это неоспоримая истина» [61. С. 294].

А вот письмо московского военного губернатора Ф. В. Ростопчина князю Багратиону, написанное 12 (24) августа, когда обе армии находились у Дорогобужа:

«Когда бы вы отступили к Вязьме, тогда я примусь за отправление всех государственных вещей и дам на волю убираться, а народ здешний… следуя русскому праву: не доставайся злодею, обратит город в пепел, и Наполеон получит вместо добычи место, где была столица. О сем недурно и ему дать

знать, чтоб он не считал миллионы и магазейны хлеба, ибо он найдет пепел и золу» [130. С. 151].

Вот она, кстати, истинная правда о пожаре Москвы, его организации и исполнителях!

Мнение историка М. В. Довнар-Запольского:

Нельзя не отметить особой системы назначения начальствующих лиц и частных сношений государя с подчиненными начальникам армии генералами. Во всем этом сказалась обычная черта характера Александра I. Так, Ермолов был назначен начальником штаба при Барклае-де-Толли и облечен особым правом писать лично государю, когда он это сочтет нужным; между тем Барклай считал Ермолова в числе своих врагов и не доверял ему. В угоду общественному мнению, жертвуя собственным убеждением, государь назначает Главнокомандующим Кутузова, но, не доверяя старику, он при нем назначает начальником штаба генерала Беннигсена, к которому отношения Кутузова были в высшей степени неприязненными. Впоследствии дело дошло до того, что уклончивый Кутузов должен был поставить вопрос в том виде, что он или барон Беннигсен, но кто-нибудь один должен начальствовать. Мало того, при Беннигсене в армии появляется английский агент Роберт Вильсон, который пытается руководить армией. Вильсон был злым гением Кутузова, постоянно критиковал его действия и следил, шаг за шагом, за тем, что делал Кутузов [52. С. 121].

Не следует, кстати, думать, что назначение Кутузова всеми было воспринято с восторгом.

Например, князь Багратион написал 16 (28) августа Ростопчину:

«Слава Богу, довольно приятно меня тешут за службу мою и единодушие: из попов да в дьяконы попался. Хорош и сей гусь, который назван и князем и вождем! Если особенного он повеления не имеет, чтобы наступать, я вас уверяю, что тоже приведет к вам, как и Барклай. Я, с одной стороны, обижен и огорчен. <…> С другой стороны, я рад: с плеч долой ответственность; теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабьи и интриги. Я думаю, что и к миру он весьма близкий человек, для того его и послали сюда» [56. С. 100].

Совершенно иначе отреагировал на все благородный Барклай-де-Толли. В тот же день, 16 (28) августа, он написал жене:

«Что касается назначения князя Кутузова, то оно было необходимо, так как император лично не командует всеми

армиями; но счастливый ли это выбор, только Господу Богу известно. Что касается меня, то патриотизм исключает всякое чувство оскорбления» [132. С. 142].

Императору Александру он написал следующее:

«Какую бы должность или положение я ни занимал, я желал бы пожертвованием жизни доказать мою готовность служить отечеству. <…> В звании главнокомандующего, подчиненного князю Кутузову, я знаю свои обязанности и буду исполнять их точно» [132. С. 142].

«Говоря так, Барклай-де-Толли не обманывал. По совести исполняя долг свой, но обвиненный общим мнением, он решился не пережить несправедливых упреков и искать смерти в первой битве» [110. С. 68].

* * *

И все же самым распространенным было следующее мнение, выраженное историком Д. П. Бутурлиным:

«Прибытие к армии генерала князя Голенищева-Кутузова сделало тем благоприятнейшее впечатление на дух войск российских, что беспрерывные отступления, доселе производимые, отчасти уменьшили доверенность армии к своим начальникам. Одно имя Кутузова казалось уже верным залогом победы. Знаменитый старец сей, коего вся жизнь, посвященная на служение Отечеству, была порукой за сию доверенность, по справедливости соединял в себе все качества, потребные для противовесия счастью Наполеона. К уму, сколь обширному, столько же и проницательному, присовокуплял он познания, собственной опытностью и опытом великих мужей, предшественников его, приобретенные; ибо глубокое исследование привело его в состояние ценить великие их подвиги. Кутузов, мудрый как Фабий, проницательный как первый Филипп Македонский, в состоянии был предузнавать и уничтожать предприятия нового Ганнибала, доселе весьма часто торжествовавшего счастливым соединением хитрости с быстротою, — оружий, без сомнения, опасных для противников с посредственным гением, но которые неминуемо долженствовала сокрушить благоразумная осторожность российского полководца» [33. С. 245].

* * *

17 (29) августа 1812 года в командование «всех российских армий, употребленных против Наполеона», вступил генерал от инфантерии князь М. И. Голенищев-Кутузов.

Уже на следующий день генерал Н. И. Лавров (он был начальником штаба 1-й Западной армии до назначения А. П. Ермолова, а после оставления Смоленска ему было вверено командование 5-м пехотным корпусом, которым до этого командовал цесаревич Константин Павлович) написал графу А. А. Аракчееву:

«По приезде князя Кутузова армия оживотворилась, ибо прежний [главнокомандующий] с замерзлой душой своей замораживал и чувства всех подчиненных» [55. С. 69].

Впрочем, тот же Лавров очень скоро вынужден будет признать:

«Однако же обстоятельства дел, завлекшие так далеко нас внутрь России, принудили и Кутузова сделать несколько отступных маршей, дабы соединиться с резервными силами» [55. С. 69].

Генерал Ермолов по этому поводу пишет:

«Получено известие о назначении генерала от инфантерии князя Голенищева-Кутузова Главнокомандующим всеми действующими армиями и о скором прибытии его из Санкт-Петербурга. Почти вслед за известием приехал в Царево-Займище князь Кутузов и принял начальство над 1-й и 2-й Западными армиями. Если единоначалие не могло совершенно прекратить несогласие между командующими армиями, по крайней мере, оно было уже безвредно и продолжалось под лучшими формами. Но возродило оно ощутительным образом в каждом из подчиненных надежду на прекращение отступления, большую степень порядка и успехи» [57. С. 182].

Мнение же генерала Ермолова по поводу отступления Барклая-де-Толли теперь однозначно:

«Несправедливо было бы упрекать генерала Барклая-де-Толли отступлением. При Смоленске видно было превосходство сил неприятельских, и точнейшие полученные сведения делали его необходимым» [57. С. 182].

Мнение историка С. П. Мельгунова:

Обострение отношений между главнокомандующими, неопределенность их взаимоотношений (Багратион фактически

должен был подчиниться Барклаю, а между тем армия его продолжала составлять отдельное целое с особым штабом и т. д.), сознание необходимости объединить армии всецело в одних руках привело к назначению Кутузова. Как отнеслись к этому факту Барклай и Багратион? Любопытное замечание по этому поводу делает в своих записках Ростопчин, как мы знаем уже, благожелательно настроенный к Багратиону: «Барклай, — сообщает он, — образец субординации, молча перенес уничижение, скрыл свою скорбь и продолжал служить с прежним усердием. Багратион, напротив того, вышел из всех мер приличия и, сообщая мне письмом о прибытии Кутузова, называл его мошенником, способным изменить за деньги» («Русск. Стар.», декабрь, 1889, 693). Правда, А. Н. Попов не без основания указывает («Русск. Арх.», 1875, IX, 17), что последний отзыв может быть заподозрен в правдивости, так как записки Ростопчина, писанные много лет позже событий 1812 года, далеко не всегда являются надежным источником. Ростопчин излагает в записках некоторые события уже не так, как они рисовались ему в момент действия. И, вероятно, резкие слова, приписанные Багратиону и являющиеся отчасти отзвуком недоброжелательного отношения самого Ростопчина к Кутузову, должны быть сильно смягчены. Но можно думать, что в них есть и доля правды. При своей излишней прямолинейности, Багратион мог сгоряча сказать что-нибудь весьма резкое, так как, надеясь получить место Главнокомандующего, Багратион отрицательно относился к Кутузову. Человек, как мы видели, весьма самонадеянный, Багратион думал, что он один может спасти Россию, что он один достоин вести войска к победе над Наполеоном. Багратион, конечно, знал, что многие указывали на него, как на заместителя Барклая. «Впоследствии я узнал, — говорит Ростопчин в своих “Записках”, — что Кутузову было поручено многими из наших генералов просить государя сместить Барклая и назначить Багратиона». Не показывает ли это, что честолюбие и соперничество являлось и у Багратиона стимулом выступлений против Барклая? Недаром Ермолов, в ответ на жалобы Багратиона, — и тот должен был устыдить его: «Вам, как человеку, боготворимому подчиненными, тому, на кого возложена надежда многих и всей России, обязан я говорить истину: да будет стыдно вам принимать частные неудовольствия к сердцу, когда стремление всех должно быть к пользе общей; это одно может спасти погибающее отечество наше!.. Принесите ваше самолюбие в жертву погибающему отечеству нашему, уступите другому и ожидайте, пока не назначат человека, какого требуют обстоятельства»…

Барклай безропотно подчинился и «в полковых рядах сокрылся одиноко». Самолюбие Барклая должно было страдать ужасно. Его заместитель явился с обещанием: «скорее пасть при стенах Москвы, нежели предать ее в руки врагов». И должен был последовать, в конце концов, плану Барклая [89. С. 90–98].

В «Записках» генерала Ермолова читаем:

«С прибытием к армиям князя Кутузова известны мне были неприятности, делаемые им Барклаю-де-Толли, который негодовал на беспорядок в делах, принявших необыкновенный ход. Сначала приказания князя отдавались начальникам главного штаба, мне и генерал-адъютанту графу Сен-При, через полковника Кайсарова, исправляющего при нем должность дежурного, через многих других, и даже через капитана Скобелева, нередко одни другим противоречащие, из которых происходили недоразумения, запутанности и неприятные объяснения. Случалось иногда, что приказания доставлялись непосредственно к корпусным и частным начальникам, которые, приступая к исполнению, извещали для доклада главнокомандующим, когда войска выступали из лагеря или возвращались. Приказания объявляемы были также… гвардии полковником князем Кудашевым» [57. С. 198].

Князь Н. Д. Кудашев был зятем Михаила Илларионовича — он был женат на его дочери Екатерине Михайловне, и деятельность его и полковника Кайсарова страшно раздражала любившего порядок во всем Барклая-де-Толли.

Подобный «беспорядок в делах» создавал совершенно невыносимую обстановку в армии, тем более что, «несмотря на назначение М. И. Кутузова единым Главнокомандующим, М. Б. Барклай-де-Толли как был главнокомандующим 1-й Западной армии, таким и остался» [108. С. 35].

Это выглядит удивительно, но и теперь вопрос о единоначалии в русской армии так и не был закрыт. Юридически М. И. Кутузов являлся единым Главнокомандующим, однако фактически он распоряжался только войсками 1-й и 2-й Западных армий и резервами, а император через его голову отправлял распоряжения П. Х. Витгенштейну, А. П. Тормасовуи П. В. Чичагову, причем, как пишет историк А. А. Подмазо, «иногда эти распоряжения прямо противоречили приказам Кутузова» [108. С. 35].

В непосредственном же подчинении Кутузова находились лишь Барклай-де-Толли и князь Багратион.

Считается, что этот вопрос разрешился лишь после смертельного ранения князя Багратиона, когда 1-я и 2-я Западные

армии были объединены в одну, но и это не совсем так. Обе армии стали находиться под формальным командованием Михаила Богдановича, так что бредовость ситуации еще более обострилась. Как пишет А. А. Подмазо, «главный штаб Кутузова практически дублировал главный штаб Барклая, зачастую высылая приказы войскам, не ставя в известность Барклая и его штаб» [108. С. 35]. Ниже мы увидим, что именно эта невыносимость положения в армии привела к тому, что привыкший к порядку Барклай-де-Толли просто махнул на все рукой и покинул армию, сославшись на плохое здоровье.

Добавим, что личные отношения у Барклая-де-Толли с М. И. Кутузовым не сложились сразу же. После приезда Главнокомандующего он «держался в главной квартире особняком и ни с кем из генералитета, кроме, может быть, только П. П. Коновницына, не сближался» [132. С. 139].

Однако, «находясь в армии рядом с Кутузовым с 17 августа по 22 сентября, Барклай в письмах к Александру I (а они сохранились от этого времени полностью) не допустил в его адрес ни одного худого слова, хотя в глубине души тяжело переживал это назначение» [132. С. 139].

* * *

Безусловно, интересен взгляд на происходившее в русской армии и с французской стороны. Например, генерал Коленкур в своих «Мемуарах» пишет:

«Так как подозревали, что Барклай намерен дать сражение, и продолжали еще верить в это, войска были сконцентрированы до пределов возможного. В бою под Валутиной горой мы захватили нескольких пленных; при преследовании пленных не удалось захватить; не удалось также захватить ни одной повозки. Русские отступали в порядке и не оставляли ни одного раненого. Жители следовали за армией; деревни опустели. Несчастный город Дорогобуж… загорелся. <…> Многие деревни в эти дни постигла та же участь. Пожар Смоленска, устроенный русскими, ожесточил наших солдат, впрочем, у нас и так было мало порядка» [68. С. 140–141].

Как видим, план «скифской войны» Барклая-де-Толли давал результат.

Далее французский генерал рассказывает:

«В двух лье перед Гжатском авангард захватил в плен казака, под которым только что была убита лошадь, и вскоре затем негра, заявившего, что он повар атамана Платова. <…>

Неаполитанский король отослал обоих пленников к императору, который задал им множество вопросов. Их ответы показались мне довольно пикантными, и я тотчас же записал их. <…>

По словам казака, русские открыто жаловались на Барклая, который, как они говорили, помешал им драться под Вильно и под Смоленском, заперев их в стенах города. Два дня назад в армию прибыл Кутузов, чтобы сменить Барклая. Он не видел его, но один молодой штабной офицер приезжал вчера, чтобы поговорить с казачьим офицером, его командиром, и сообщил ему эту новость, добавив, что дворянство принудило Александра произвести эту перемену, которой армия была очень довольна. Это известие показалось императору весьма правдоподобным и доставило ему большое удовольствие; он повторял его всем.

Медлительный характер Барклая изводил его. Это отступление, при котором ничего не оставалось, несмотря на невероятную энергию преследования, не давало надежды добиться от такого противника желанных результатов.

— Эта система, — говорил иногда император, — даст мне Москву, но хорошее сражение еще раньше положило бы конец войне, и мы имели бы мир, так как, в конце концов, придется ведь этим кончить.

Узнав о прибытии Кутузова, он тотчас же с довольным видом сделал вывод, что Кутузов не мог приехать для того, чтобы продолжать отступление; он, наверное, даст нам бой, проиграет его и сдаст Москву, потому что находится слишком близко к этой столице, чтобы спасти ее; он говорил, что благодарен императору Александру за эту перемену в настоящий момент, так как она пришлась как нельзя более кстати. Он расхваливал ум Кутузова, говорил, что с ослабленной, деморализованной армией ему не остановить похода императора на Москву. Кутузов даст сражение, чтобы угодить дворянству, а через две недели император Александр окажется без столицы и без армии» [68. С. 149–150].

И тем не менее все пошло совсем не так, как ожидал Наполеон. Первое, что сделал приехавший в армию М. И. Кутузов, — это был приказ… о дальнейшем отходе на восток.

«Приказ этот хотя и вызвал недоумение, разочарование и обман надежд, все же не произвел того впечатления и не вызвал таких чувств, которые, несомненно, появились бы, издай такой приказ Барклай» [8. С. 382].

Отступление продолжается

«Пожалуй, было даже нечто утешительное для Барклая, что и Кутузов продолжает ретираду: любой мало-мальски непредвзятый

человек мог теперь воочию убедиться, что дело вовсе не в том, кто командует армией, а в том, что в борьбе против Наполеона пригодна лишь одна тактика, которую и будут употреблять, пока вконец не истощат его, а потом, ослабив и измотав, нанесут решительный, смертоносный удар.

Многие поняли это, как только Кутузов этот приказ об отступлении отдал» [8. С. 382].

Огромный интерес представляют воспоминания участника войны 1812 года С. И. Маевского, закончившего службу генерал-майором. Его симпатии к М. И. Кутузову, в штабе которого он служил, несомненны, но он объективно оценивает и роль Барклая-де-Толли:

«Несчастная ретирада наша до Смоленска делает честь твердости и уму бессмертного Барклая. В современном понятии смотрят в настоящее, не относясь в будущее, и каждый указывает на Суворова, забывая, что Наполеон не сераскир[45] и не Костюшко» [8. С. 382].

Далее С. И. Маевский рассказывает:

«С приездом Кутузова в Царево-Займище все умы воспрянули и полагали видеть на другой день Наполеона совершенно разбитым, опрокинутым, уничтоженным. В опасной болезни надежда на лекаря весьма спасительна. Кутузов имел всегда у себя верное оружие — ласкать общим надеждам. Между тем посреди ожиданий к упорной защите мы слышим, что армия трогается назад» [8. С. 382–383].

И ведь, что характерно, никто не стал роптать. Никто не упрекал Кутузова за то, за что Барклая-де-Толли еще вчера называли изменником…

Почему? Ответ на этот вопрос очевиден. Михаил Илларионович, да к тому же еще и Голенищев-Кутузов, был русским по национальности. А Михаил Богданович, хотя «в третьем поколении являлся русским подданным, в обществе воспринимался как иноземец, прибалтийский немец (лифляндец), или, по выражению Багратиона, “чухонец”. Это обстоятельство дало возможность противникам военного министра строить и вести ярую критику, активно используя тезис о “засилье иностранцев”» [15. С. 17].

А дальше все просто: раз он немец, то подкуплен Наполеоном и изменяет России. И дело тут было не в Барклае-де-Толли, «а в отношении к нему, в отсутствии доверия к его личности и к “чужому звуку” его имени» [136. С. 126].

«Засилье иностранцев» — странная логика, и не все в России разделяли ее. Например, известный в те времена петербургский публицист Н. И. Греч писал:

«Отказаться в крайних случаях от совета и участия иностранцев было бы то же, что по внушению патриотизма не давать больному хины[46], потому что она растет не в России» [47. С. 238].

Но, к сожалению, националистическая логика актуальна в России и по сей день, а в 1812 году именно она погубила «иноземца» Барклая-де-Толли, сделав его положение практически безвыходным.

Другое дело — Кутузов. С его приездом в армию «сразу родилась поговорка: “Приехал Кутузов бить французов”» [136. С. 131].

Да и сам Михаил Илларионович тут же заявил:

«Ну, как можно отступать с такими молодцами!» [125. С. 543].

А на следующий день и он отдал приказ продолжить отступление в сторону Москвы.

Конечно, Барклай-де-Толли понимал, что М. И. Кутузов находится под влиянием некоторых окружавших его людей. Он писал:

«Вскоре по прибытии князя окружила его толпа праздных людей, в том числе находились многие из высланных мною из армии» [8. С. 383].

Далее он называл двух адъютантов Кутузова: его зятя князя Н. Д. Кудашева, назначенного дежурным генералом, и полковника П. С. Кайсарова, обвиняя их в интригах, направленных против него лично.

О действиях этих двух молодых людей Барклай-де-Толли написал императору, что они «оба условились заметить престарелому и слабому князю, что по разбитии неприятеля в позиции при Царево-Займище слава сего подвига не ему припишется, но избравшим позицию» [113. С. 204].

Подобная трактовка не совсем справедлива: Михаил Илларионович при всех его недостатках явно был выше того, чтобы из-за личного самолюбия уходить с сильной позиции. Но и требовать от Барклая-де-Толли полной беспристрастности в отношении к новому Главнокомандующему тоже не совсем справедливо, ибо настоящей объективности в отношениях между людьми не существует… по объективным причинам.

Тем не менее Кудашев и Кайсаров вскоре были заменены, и «на первые роли вышли П. П. Коновницын и К. Ф. Толь, действия которых оказались более профессиональными и эффективными» [15. С. 27].

* * *

От Царево-Займища русская армия отступала уже не так быстро, как от Смоленска. При этом французы ни на минуту не переставали беспокоить русский арьергард, не давая ему возможности передохнуть и перегруппироваться.

21 августа (2 сентября) русская армия подошла к Колоцкому монастырю, а 22-го заняла при селе Бородине позицию, избранную М. И. Кутузовым. Главная квартира была расположена в деревне Горки.

Весь следующий день обе стороны готовились к генеральному сражению.

Барклаю-де-Толли при первом же взгляде на позицию стало ясно, что главный удар будет нанесен Наполеоном по более слабому левому флангу.

Потом он писал, что позиция «была выгодна в центре и правом фланге, но левое крыло в прямой линии с центром совершенно ничем не подкреплялось и окружено было кустарником» [28. С. 16].

Да и князь Багратион видел, что «левый его фланг подвергали величайшей опасности» [28. С. 17].

Конечно же оба генерала предложили Кутузову произвести передислокацию войск, отодвинув 2-ю армию чуть назад, но Михаил Илларионович, как обычно, покивал головой, но никаких приказов не отдал, и начальная диспозиция осталась прежней.

В диспозиции этой М. И. Кутузов написал:

«Не в состоянии будучи находиться во время действий на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность г. г. главнокомандующих армиями и потому предоставляю им делать соображения действий на поражение неприятеля» [152. С. 239].

Как видим, Михаил Илларионович заранее дал двум главнокомандующим армиями «свободу в разгар сражения действовать по своему усмотрению» [152. С. 239].

Утвердив такую диспозицию, Кутузов объехал войска и напомнил всем, что позади Москва и что надо стоять крепко.

Накануне сражения Барклай-де-Толли был очень грустен и почти все время молчал, а вот его начальник артиллерии генерал-майор А. И. Кутайсов, напротив, без устали шутил и веселился. Через четыре дня ему должно было исполниться 28 лет. Из-под его пера вышел следующий приказ по артиллерии 1-й армии:

«Подтвердите во всех ротах, чтобы они с позиции не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Сказать командирам и всем господам офицерам, что только отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции. Артиллерия должна жертвовать собой. Пусть возьмут

вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор» [41. С. 36].

На другой день он будет убит при попытке отбить у противника батарею Раевского, и его тело так и не будет найдено…

Михаил Богданович всю ночь писал «прощальные письма и завещание. Все видевшие его в начавшемся несколько часов спустя Бородинском бою утверждали, что он хотел умереть» [8. С. 391].

Бородинский бой

В рамках данной книги нет никакого смысла подробно описывать ход Бородинского сражения, имевшего место 26 августа (7 сентября) 1812 года. Это было уже сотни раз сделано. Приведем лишь выдержки из рапорта Барклая-де-Толли М. И. Кутузову, а также некоторые комментарии и отзывы участников сражения о действиях непосредственно Михаила Богдановича.

1812 г. сентября 26. — Рапорт М. Б. Барклая-де-Толли М. И. Кутузову о действиях войск 1-й армии в Бородинском сражении

«г. Калуга

24-го числа пополудни войска вверенной мне армии, находившиеся в арьергарде, будучи сильно преследованы неприятелем, отступили в позицию и присоединились к своим корпусам. Переправа их через Москву-реку была обеспечена лейб-гвардии Егерским полком, занявшим деревню Бородино, и батареей на правом берегу сей реки устроенной. Иррегулярные войска вверенной мне армии остались на левом берегу сей реки для наблюдения и прикрытия правого фланга, и в сей день, а равно и 25-го числа препятствовали неприятелю распространиться своей позицией в сию сторону. <…>

25-го числа кроме маловажных перепалок, в коих взято было несколько пленных, ничего важного не происходило. <…>

26-го числа поутру до света получено донесение командира лейб-гвардии Егерского полка полковника Бистрома, что замечено движение в неприятельской позиции против деревни Бородино, и вскорости после сего неприятель атаковал превосходными силами сию деревню и принудил лейб-гвардии Егерской[47] полк оставить деревню, поспешно ретироваться через

мост, который и сжечь не успел. Неприятель перешел вслед за сим полком и начал крепко усиливаться.

Я приказал полковнику Вуичу, начальнику егерской бригады 24-й дивизии, атаковать сего неприятеля в правый фланг. Сей храбрый офицер ударил в штыки, и в миг перешедший на наш берег неприятель был опрокинут. Лейб-гвардии Егерской полк присоединился к сей бригаде и прогнал неприятеля опять за реку; мост же сожгли до основания, невзирая на сильный огонь неприятельский.

Между тем на левом фланге 2-й армии продолжалась сильная канонада и ружейной огонь и центр обеих армий, то есть Курган, на коем поставлена была батарея, состоящая из 18-и батарейных орудий под прикрытием 26-й дивизии, уже был атакован. Князь Багратион требовал подкрепления, и остальная часть резерва 1-й армии, то есть гвардейская пехотная дивизия на то обращена была. Вслед за оною посланы были туда же весь 2-й пехотный корпус и три кирасирские полка 1-й кирасирской дивизии. К полудни 2-я армия, весь 8-й корпус и сводная гренадерская дивизия, потеряв большую часть своих генералов и лишившись самого даже главнокомандующего своего, была опрокинута, все укрепления левого фланга взяты были неприятелем, который всеми силами угрожал левому нашему флангу и тылу 7-го и 6-го корпусов.

В сем положении решился я поставить 4-й корпус, который по откомандировании резервных войск придвинут был с правого фланга ближе к центру, с уступами на левый фланг 7-го корпуса, примыкая левым своим флангом к стоявшим там лейб-гвардии Преображенскому и Семеновскому полкам и за сею линиею находились 2-й и 3-й кавалерийские корпуса. В сей позиции сии войски стояли под перекрестным огнем неприятельской артиллерии: с правой стороны от той части, которая действовала противу центра армий и вышепомянутого Кургана, и сия неприятельская артиллерия даже анфилировала нашу линию; а с левой стороны от той части, которая овладела всею позициею 2-й армии, но дабы сделать преграду неприятельским успехам и удерживать остальные, нами еще занимаемые места, не можно было избегнуть сего неудобства, ибо в противном случае мы должны были бы оставить вышеупомянутой Курган, который был ключ всей нашей позиции, и сии храбрые войска под начальством генерала от инфантерии Милорадовича и генерал-лейтенанта графа Остермана выдержали сей страшный огонь с удивительным мужеством.

Вскоре после овладения неприятелем всеми укреплениями левого фланга сделал он, под прикрытием сильнейшей канонады

и перекрестного огня многочисленной его артиллерии, атаку на центральную батарею, прикрываемой 26-й дивизиею. Ему удалось оную взять и опрокинуть вышесказанную дивизию, но начальник Главного штаба 1-й армии генерал-майор Ермолов с обыкновенною своею решительностию, взяв один только 3-й батальон Уфимского полка, остановил бегущих и толпою в образе колонны ударил в штыки. Неприятель защищался жестоко, батареи его делали страшное опустошение, но ничто не устояло. Вслед за означенным батальоном послал я еще один батальон, чтобы правее сей батареи зайти неприятелю во фланг, а на подкрепление им послал я Оренбургской драгунской полк еще правее, чтобы покрыть их правый фланг и врубиться в неприятельские колонны, кои следовали на подкрепление атакующих его войск. 3-й батальон Уфимского полка и 18-й егерский полк бросились против них прямо на батарею, 19-й и 40-й егерские полки по левую сторону оной, и в четверть часа наказана дерзость неприятеля, батарея во власти нашей, вся высота и поле около оной покрыто телами неприятельскими. Бригадный генерал Бонами был один из неприятелей, снискавших пощаду, и неприятель преследован был гораздо далее батареи. Генерал-майор Ермолов удержал оную с малыми силами до прибытия 24-й дивизии, которой я велел сменить расстроенную неприятельскою атакою 26-ю дивизию, прежде сего защищавшую батарею, и поручил сей пост генерал-майору Лихачеву.

Во время сего происшествия неприятельская конница, кирасиры и уланы повели атаку на пехоту 4-го корпуса, но сия храбрая пехота встретила оную с удивительною твердостью, подпустила ее на 60 шагов, а потом открыла такой деятельной огонь, что неприятель совершенно был опрокинут и в большом расстройстве искал спасение свое в бегстве.

При сем особенно отличились Перновской пехотной и 34-й егерской полки, коим в каждую роту назначил по 3 знака отличия. Сумской и Мариупольской гусарские и за оными Иркутской и Сибирской драгунские полки преследовали и гнали неприятеля до самых его резервов, но будучи здесь приняты сильным пушечным и ружейным огнем, принуждены были отступить. Неприятельская конница, получив подкрепление своих резервов, преследовала нашу и, прорвавшись сквозь интервалы наших пехотных кареев, зашла совершенно в тыл 7-й и 11-й пехотных дивизий, но сия бесподобная пехота, ни мало не расстраиваясь, приняла неприятеля сильным и деятельным огнем, и неприятель был расстроен. Между тем кавалерия наша снова собралась, и неприятель с сего пункта уже совершенно был

прогнан и отступил за свою пехоту. Так что мы его совершенно из виду потеряли. После сего с обеих сторон действовала одна только артиллерия и на левом фланге 4-го корпуса и гвардейской дивизии продолжалась перестрелка между тиральерами[48]. Можно было заметить, что неприятель приготовился сделать еще раз решительную атаку; он подвинул опять вперед свою конницу и сформировал разные колонны. Я предвидел, что конница наших 2-го и 3-го кавалерийских корпусов, потерпевши много в прежних атаках, не будет в состоянии противостоять новому столь сильному удару, и потому послал за 1-й кирасирскою дивизией, которая однако же, по несчастию, не знаю кем отослана была на левой фланг, и адъютант мой не нашел оную на том месте, где я предполагал ей быть. Он достиг лейб-гвардии кавалергардский и конный полки, которые на рысях поспешили ко мне, но неприятель успел между тем совершить свое намерение: неприятельская конница врубилась в пехоту 24-й дивизии, которая поставлена была [для] прикрытия батареи на Кургане, а с другой стороны сильные неприятельские колонны штурмовали сей Курган и овладели оным. После сего вся неприятельская конница обратилась на пехоту 4-го корпуса и 7-й дивизии, но была на сем месте встречена конногвардейским и кавалергардским полками и остановлена в своих предприятиях, между тем присоединились к сим двум полкам Псковской драгунский полк и остальные полки 2-го и 3-го кавалерийских корпусов и тут продолжалась жестокая кавалерийская битва, которая кончилась тем, что неприятельская конница к 5 часам совершенно была опрокинута и отступила вовсе из виду нашего, а войска наши удержали свои места, исключая Кургана, который остался в руках неприятеля.

Неприятельская пехота еще оставалась в виду нашей, но к вечеру, когда стало смеркаться, скрылась. Канонада продолжалась до самой ночи, но по большей части с нашей стороны и к немалому урону неприятеля; неприятельская артиллерия, будучи совершенно сбита, даже совсем умолкла к вечеру. В течение всех сих происшествий оставались на крайнем нашем правом фланге четыре егерских полка и несколько артиллерии под командой полковника Потемкина, которым я к вечеру велел примкнуть к 7-й дивизии. 1-й кавалерийский корпус Вашей Светлостью отряжен был на левый берег Москвы-реки и действовал на оном общем с иррегулярными войсками под начальством генерала от кавалерии Платова. <…>

После окончания сражения я заметил, что неприятель начал оттягивать свои войска от занятых им мест, приказал я занять следующую позицию: правый фланг 6-го корпуса примкнул к

высоте у деревни Горки, на которой устроена была батарея из 10 батарейных орудий, и на коей сверх того предполагалось устроить ночью сомкнутый редут. Левый фланг сего корпуса взял направление к тому пункту, где стоял правый фланг 4-го корпуса.

Генералу Дохтурову, который последовал князю Багратиону в командовании, поручено было собрать пехоту 2-й армии, устроить ее на левом фланге 4-го корпуса и занять интервал между сим корпусом и войсками генерал-лейтенанта Багговута, который со 2-м и 3-м корпусами находился на крайнем левом фланге и к вечеру занял опять все те места, которые им поутру заняты были. Кавалерийским корпусам приказано было стать за сею линией. За оными назначено было в резерве противу центра быть гвардейской пехотной дивизии, а за оною кирасирским дивизиям. Генералу от инфантерии Милорадовичу поручил я перед рассветом снова занять Курган, против центра лежащий, несколькими батальонами и артиллерией.

В полночь же получил я повеление Вашей Светлости к отступлению» [26. С. 173–177].

Полководец

Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский

Кончина М. И. Кутузова

Генерал от кавалерии граф П. Х. Витгенштейн

Австрийский император Франц I

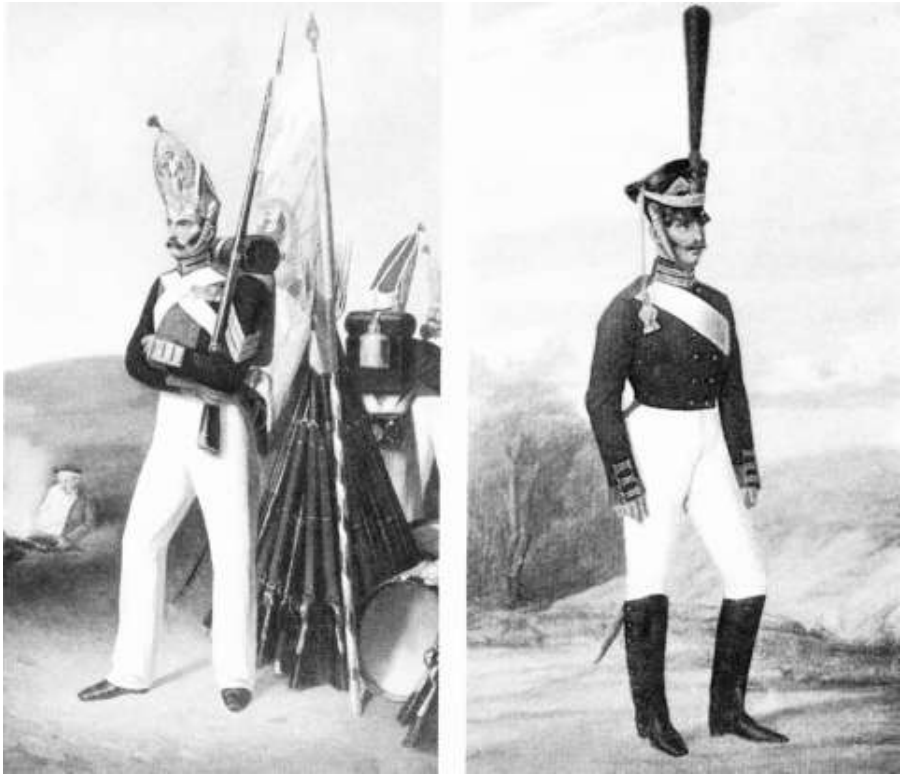
Король Пруссии Фридрих Вильгельм III

Сражение при Дрездене

(слева) Знак ордена Святого Александра Невского
(справа) Знак ордена Святого Георгия IV класса

Сражение при Кульме, пленение генерала Вандамма

Граф А. И. Остерман-Толстой



(слева) Рядовой лейб-гвардии Павловского полка
(справа) Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка

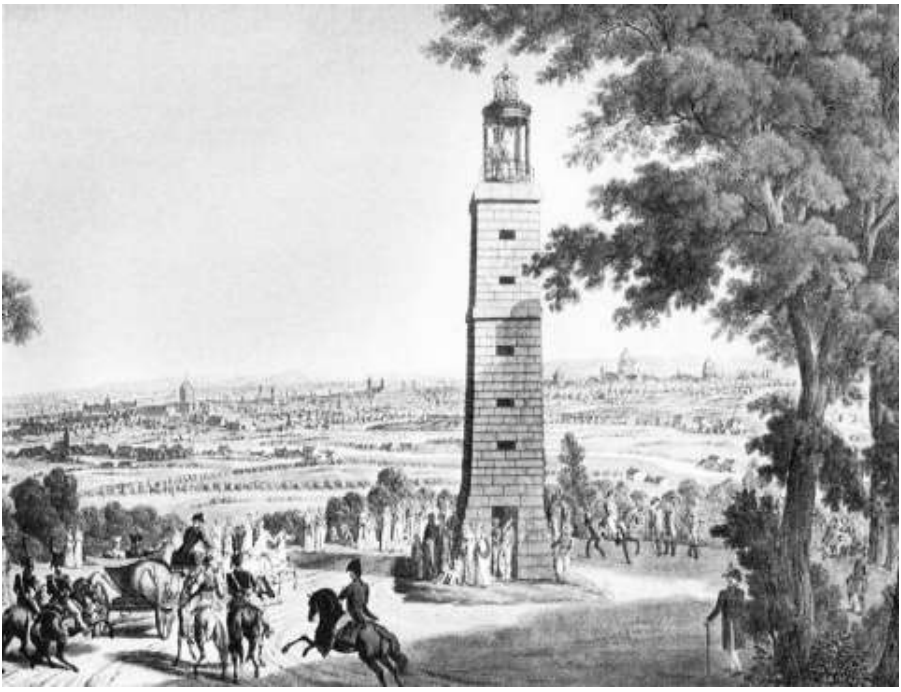
Рядовой и обер-офицер лейб-гвардии Егерского полка

Сражение при Лейпциге

(слева) М. Б. Барклай-де-Толли
(справа) Граф М. А. Милорадович

Князь П. М. Волконский

Кампания во Франции. *1814 г.*



Париж. *Начало XIX в.*

Сражение под Парижем

Бои на улицах Пантена — предместья Парижа

М. Б. Барклай-де-Толли (лубочное изображение)

Всупление союзных войск в Париж

Прощание Наполеона с гвардией в Фонтенбло 20 апреля 1814 года

Бивак казаков в Париже

Генерал-фельдмаршал князь М. Б. Барклай-де-Толли

Княжеский герб М. Б. Барклая-де Толли

Мавзолей фельдмаршала Барклая-де-Толли в деревне Йыгевесте в Южной Эстонии (вид снаружи и изнутри)

Памятник Михаилу Богдановичу Барклаю-де-Толли в Санкт-Петербурге у Казанского собора

* * *

Теперь же оставим картину, сухо набросанную самим Барклаем-де-Толли, и расскажем о том, о чем он умолчал. А он не поведал нам о том, что в самом начале сражения он «в полной парадной форме, при орденах и в шляпе с черным пером стоял со своим штабом на батарее позади деревни Бородино» [26. С. 361].

Его адъютант В. И. Левенштерн свидетельствует:

«В тот момент, когда он обернулся ко мне, чтобы получить сведения о боевых снарядах, которые должны были доставить ему из Москвы, позади его была ранена ядром лошадь генерал-лейтенанта князя Б. В. Голицына.

Князь, смущенный своим падением, подошел к генералу Барклаю и донес ему об этом; Барклай, не оборачиваясь, отвечал с величайшим хладнокровием:

— Прикажите подать другую лошадь» [26. С. 361].

В Бородинском сражении и под самим Барклаем-де-Толли пали пять лошадей, были убиты два и ранены семь находившихся рядом офицеров и адъютантов, ему прострелили шляпу и плащ, но, как писал Ф. Н. Глинка, «с ледяным хладнокровием, которого не мог растопить и зной битвы Бородинской, втеснялся он в самые опасные места» [42. С. 85].

По свидетельству Левенштерна, в самом начале сражения Барклай-де-Толли был сильно возмущен тем фактом, что Кутузов взял у него два гвардейских полка и перебросил их на левый фланг для поддержки князя Багратиона. После этого «Барклай вышел из своего обычного равнодушия: его глаза гневно засверкали, и он воскликнул:

— Следовательно, Кутузов и генерал Беннигсен считают сражение проигранным, а между тем оно едва только начинается. В девять часов утра употребляют резервы, кои я не предполагал употребить в дело ранее как в пять или шесть часов вечера.

Сказав это, он пришпорил лошадь… <…> и поскакал к Кутузову.

Барклай понимал, что исход сражения зависит от хорошо употребленного резерва. Победа бывает всегда на стороне того генерала, который умеет воспользоваться резервом последний. <…>

Кутузов принял генерала Барклая, окруженный многочисленной и блестящей свитой. Он… подъехал навстречу Барклаю, который говорил ему что-то с жаром; я не мог расслышать того, что они говорили, но мне показалось, что Кутузов старался успокоить Барклая. Несколько минут спустя последний поехал обратно галопом и сказал мне по пути:

— По крайней мере, не разгонят остального резерва» [26. С. 363].

В ходе сражения мундир Барклая-де-Толли был весь забрызган кровью, а однажды он едва не попал в плен.

Как мы помним, под Прейсиш-Эйлау он был тяжело ранен в правую руку, а посему теперь мог держать шпагу только левой, а справа его оберегали два адъютанта — смельчаки и рубаки фон Клингфер и граф Лайминг. Но то, что Барклай-де-Толли был одет в парадный генеральский мундир, украшенный всеми наградами, привлекало к нему всеобщее внимание.

По свидетельству Федора Глинки, «белый конь полководца отличался издалека под черными клубами дыма. <…> Офицеры и даже солдаты говорили, указывая на почтенного своего вождя: “Он ищет смерти!”» [42. С. 85–86].

Вскоре в упор был застрелен граф Лайминг, а потом погиб и фон Клингфер.

Один из критических для полководца эпизодов боя так описывает В. И. Левенштерн:

«Барклай поспешил к тому пункту, где произошло замешательство, но так как его лошадь была ранена, хотя и продолжала скакать, то он очутился в большой опасности. Его преследовали несколько польских уланов. Мы сделали попытку спасти нашего генерала. Несколько кавалеристов разных полков, коих нам удалось собрать, помогли нам в этом; мы бросились на польских улан, из коих одни были нами изрублены, а другие обращены в бегство. Барклай был спасен» [26. С. 366].

Мы, в данном случае, — это адъютанты Левенштерн, Закревский и Сеславин. Именно они спасли от плена своего генерала.

* * *

А в это время на другом фланге русской армии был тяжело ранен князь Багратион. «Когда привезли его на перевязочное место, и лейб-медик Виллие начал перевязывать рану, он встретил раненого адъютанта Барклая, возвращавшегося в дело, подозвал его к себе и слабеющим голосом поручил ему уверить Барклая-де-Толли в своем искреннем уважении» [95. С. 220].

По свидетельству этого самого адъютанта, князь Багратион сказал:

«Скажите генералу Барклаю, что участь армии и ее спасение зависят от него. До сих пор все идет хорошо, но пусть он следит за моей армией, и да поможет нам Господь» [26. С. 365].

* * *

Генерал А. П. Ермолов характеризует Барклая-де-Толли в день Бородинского сражения следующим образом: «Всегда в опаснейших местах присутствующий» [28. С. 30].

Ф. Н. Глинка пишет о том, что Барклай-де-Толли «действовал в день Бородинской битвы с необыкновенным самоотвержением. Ему надлежало одержать две победы, и, кажется, он одержал их! Последняя — над самим собою — наиважнейшая! Нельзя было смотреть без особенного чувства уважения, как этот человек, силою воли и нравственных правил, ставил себя выше природы человеческой!» [42. С. 85].

По свидетельству состоявшего при Михаиле Богдановиче адъютантом П. Х. Граббе, «Барклай-де-Толли и Милорадович в эти минуты были путеводными звездами в хаосе сражения: все ободрялось, устраивалось ими и вокруг них» [28. С. 90].

С другой стороны, «Главнокомандующий Кутузов не сходил весь день с места» [28. С. 73].

Левенштерн пишет о Барклае-де-Толли:

«Не подлежит сомнению, что он был прекраснейшим боевым генералом. Кутузов знал это, поэтому он предоставлял ему полную свободу действий» [26. С. 369].

Этот адъютант Михаила Богдановича сам был ранен, но, по его словам, Барклай-де-Толли «не обращал никакого внимания на то, кого убивали или ранили возле него. Он был всегда спокоен и невозмутим» [26. С. 369].

Он не находился весь день на одном месте, вдали от основных событий кровопролитной битвы. У него за весь день даже не было времени нормально поесть. Лишь ближе к вечеру Барклай-де-Толли сошел с лошади. «Изнемогая от голода, он выпил рюмку рома, съел предложенный ему кусочек хлеба и продолжал спокойно следить за действиями неприятеля, не обращая внимания на ядра» [26. С. 368].

У Михайловского-Данилевского читаем:

«Вся армия примирилась с Барклаем-де-Толли в Бородине. Вряд ли осталось в центре опасное место, где он не распоряжался бы, полк, не ободренный словами и примером его. Под ним было убито и ранено пять лошадей; из адъютантов и ординарцев его уцелели весьма немногие. Велико было прежде негодование против Барклая-де-Толли, но в Бородине общее мнение решительно склонилось на его пользу. Уже несколько недель не приветствовали его войска обычным восклицанием, но в Бородине от каждого полка гремело ему: ура! Однако же хвала, воздаваемая его бесстрашию, не могла искоренить в душе его горесть упреков, какими прежде его осыпали. Глубоко чувствовал он оскорбление и искал смерти, желая пожертвованием жизни

искупить примирение с укорявшей его Россией» [95. С. 220].

Известно, что перед сражением он написал императору Александру:

«Государь! С тем большею откровенностью пишу сии строки, что мы теперь накануне кровопролитного и решительного сражения, в котором, может быть, удастся мне найти совершение моих желаний» [95. С. 220].

Да, он искал смерти, но не нашел ее. Уже после сражения он вновь написал императору:

«С твердостью покоряюсь моему жребию. 26-го августа не сбылось мое пламеннейшее желание: Провидение пощадило жизнь, для меня тягостную» [95. С. 220].

* * *

Когда в ходе сражения французами была захвачена батарея Раевского, Барклай-де-Толли сказал:

«Это печально, но мы возьмем ее обратно завтра, а может быть, французы покинут ее сегодня ночью» [26. С. 368].

Эти его слова наглядно свидетельствуют, что Михаил Богданович был уверен в том, что на другой день сражение будет продолжено.

Подтверждает это и его адъютант В. И. Левенштерн:

«Мы были уверены, что сражение возобновится на следующий день. <…> Поэтому велико было наше удивление, когда на рассвете было отдано приказание отступать» [26. С. 368].

* * *

М. И. Кутузов не мог не отметить роль Барклая-де-Толли в Бородинском сражении, и в своем рапорте императору Александру от 29 сентября о представлении к награждению М. Б. Барклая-де-Толли и Л. Л. Беннигсена написал:

«Повергая с сим вместе имена генералов, отличившихся 24-го и 26-го августа, всеподданнейшим долгом считаю в особенности свидетельствовать пред Вашим Величеством о генералах Беннигсене и Барклае-де-Толли.

Первый из них с самого приезда моего к армии во всех случаях был мне усерднейшим помощником… <…> находясь лично в опаснейших местах.

Барклай-де-Толли присутствием духа своего и распоряжениями удерживал стремящегося против центра и

правого фланга превосходного неприятеля; храбрость же его в сей день заслуживает всякую похвалу.

Достоинство первого и служба последнего, будучи известны Вашему Величеству, посему и награждения заслуг их предаю высочайшему усмотрению.

Фельдмаршал князь Голенищев-Кутузов» [26. С. 181].

«Высочайшее усмотрение» было таково: Кутузова произвести в генерал-фельдмаршалы с выплатой ему единовременно 100 тысяч рублей, а Барклая-де-Толли — наградить орденом Святого Георгия 2-й степени.

И опять — отступление

«Сумрачно было на Бородинском поле под утро 27-го августа» [95. С. 231].

По воспоминаниям генерала Ермолова, на следующий день после Бородинского сражения Барклай-де-Толли одобрил его действия в бою, а потом сказал: «Вчера я искал смерти, и не нашел ее» [57. С. 214].

«Имевши много случаев узнать твердый характер его и чрезвычайное терпение, — пишет А. П. Ермолов, — я с удивлением увидел слезы на глазах его, которые он скрыть старался. Сильны должны быть огорчения!» [57. С. 214].

Русская армия, потерявшая в сражении от 45 тысяч до 60 тысяч человек, отступила в сторону Москвы. При этом Кутузов написал императору Александру:

«Когда дело идет не о славах выигранных только баталий, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии, ночевав на месте сражения, я взял намерение отступить» [136. С. 174].

Фактически это было точное повторение слов и действий Барклая-де-Толли, за что еще совсем недавно многие в армии называли его трусом и изменником. Приказ Кутузова тоже «вызвал недоумение, разочарование и обман надежд» [8. С. 382], но не произвел такой бурной реакции, которая, безусловно, появилась бы, отдай подобный приказ Михаил Богданович. В связи с этим очень хочется повторить слова французского писателя Андре Моруа, который говорил, что не стоит ориентироваться на общественное мнение; это не маяк, а блуждающие огни. Слова Наполеона по этому поводу еще жестче: «Общественное мнение — это публичная девка».

К сожалению, оно так и есть, и бороться с общественным мнением — то же самое, что сражаться с ветряными мельницами…

Арьергард русской армии, составленный из четырех егерских полков, 1-го кавалерийского корпуса, одной роты конной артиллерии и нескольких казачьих полков, некоторое время продержался в Можайске, но потом, будучи весьма сильно тесним авангардом маршала Мюрата, оставил этот город.

30 августа (11 сентября) русская армия подошла к селу Вяземе, а арьергард отступил к селу Кубинскому.

31-го числа армия пришла к деревне Мамоновой, а генерал Милорадович с арьергардом — к Малой Вяземе. Все заставляло полагать, что Кутузов хотел еще раз сразиться с неприятелем. Беннигсен даже выбрал позицию для сражения.

«Когда Барклай осмотрел позицию, им овладело недоумение, смешанное с опасением. Барклай тотчас же поехал к Кутузову, чтобы доложить о совершеннейшей непригодности позиции» [8. С. 415].

По пути он встретил Л. Л. Беннигсена.

«“Я открыл все свои замечания сей позиции; я спросил у него: решено ли было погрести всю армию на сем месте? Он казался удивленным и объявил мне, что вскоре сам будет на левом фланге. Вместо того поехал в деревню, находящуюся при центре, где назначена была его квартира”, — писал Барклай» [8. С. 416].

Когда Барклай-де-Толли приехал в Главную квартиру, он долго разговаривал с Михаилом Илларионовичем.

«Он ужаснулся, выслушав меня», — написал впоследствии Михаил Богданович [41. С. 97].

На вопрос «Почему?» отвечает официальная записка, которую он подал Кутузову. Вот она:

«Многие дивизии были отделены непроходимыми рытвинами. В одной из оных протекала река, совершенно пересекающая сообщение; правое крыло примыкало к лесу, продолжающемуся на несколько верст к неприятелю. По превосходству его стрелков можно было полагать, что он без труда овладеет сим лесом, и тогда не было средств к поддержанию правого крыла. 1-я армия имела за собою ров, имеющий, по крайней мере, от 10 до 15 саженей глубины и со столь крутыми берегами, что едва одному человеку возможно было пройти. Резерв справа столь неудачно был поставлен, что каждое ядро могло постигнуть все четыре линии. Резерв на левом фланге, будучи отдален от корпусов, получающих от него подкрепление, упомянутой рытвиной, должен был в случае разбития сих войск быть спокойным зрителем оного, не имея возможности доставить им помощь. Пехота сего резерва могла, по крайней мере, стрелять по нашим и по неприятелю. Конница уже не имела и того преимущества, но обязана была, если бы не

решилась немедленно обратиться в бегство, спокойно ожидать своего уничтожения неприятельскою артиллериею.

Вообще, сия позиция простиралась почти на расстоянии 4-х верст, на которых армия, ослабленная Бородинским сражением и пагубным смешением отступления, была растянута, подобно паутине. Позади сей позиции находился обширный город Москва и река сего имени, на оной построено было восемь плавающих мостов, как выше, так и ниже города. При сем должно заметить, что четыре моста выше города были поставлены при столь крутых берегах, что одна пехота могла сойти до оных; в случае разбития вся армия была бы уничтожена до последнего человека, ибо отступление через столь обширный город перед преследующим неприятелем есть вещь несбыточная» [8. С. 416–417].

Генерал Ермолов с полковником Толем тоже «говорили о невозможности принять сражение на выбранной Беннигсеном позиции» [95. С. 236–237].

Совет в Филях

Внимательно выслушав соображения Барклая-де-Толли, Ермолова и Толя, М. И. Кутузов приказал собрать к четырем часам пополудни совещание, которое вошло в историю под названием «Совета в Филях».

За несколько часов до начала этого совета в Фили приехал московский генерал-губернатор Ф. В. Ростопчин и уединился с Барклаем-де-Толли в доме, который тот занимал недалеко от Поклонной горы. Самого Ростопчина на совет не позвали, и он был страшно обижен на это.

О чем они говорили, мы не знаем. Отметим лишь, что Федор Васильевич приехал в Фили, чтобы узнать последние новости «из первых рук», а с Михаилом Богдановичем его связывали стародавние дружеские отношения.

Военный совет М. И. Кутузов собрал 1 (13) сентября, пригласив на него генералов Беннигсена, Барклая-де-Толли, Дохтурова, Остермана-Толстого, Ермолова, Уварова, Раевского и Коновницына, а также полковника Толя. Генерала от кавалерии Платова «пригласить забыли», однако он прибыл — пусть и с большим опозданием. Присутствие дежурного генерала полковника П. С. Кайсарова источниками не подтверждено…

Кутузову важно было спросить каждого, что делать: остановиться и ожидать нового нападения неприятеля или уступить ему столицу без боя?

Михаил Богданович, начав говорить первым, заявил, что позиция неудобна для обороны, что нужно оставить Москву и

идти по дороге к Владимиру — тому важнейшему пункту, который мог служить связью между северными и южными областями России.

«Барклай-де-Толли объявил, что для спасения отечества главным предметом было сохранение армии. “В занятой нами позиции, — сказал он, — нас наверное разобьют, и все, что не достанется неприятелю на месте сражения, будет потеряно при отступлении через Москву. Горестно оставлять столицу, но, если мы не лишимся мужества и будем деятельны, то овладение Москвой приготовит гибель Наполеону”» [95. С. 238].

Генерал Беннигсен, поддержанный генералом Дохтуровым, оспорил мнение Барклая-де-Толли, утверждая, что позиция довольно тверда и что армия должна дать новое сражение.

Генерал Коновницын высказался зато, чтобы армия сделала еще одно усилие, прежде чем решиться на оставление столицы, и для этого предложил идти на неприятеля и атаковать его, где бы тот ни встретился. Генерал Раевский тоже считал, что нужно идти навстречу противнику.

Барклай-де-Толли, — рассказывает в своих «Записках» А. П. Ермолов, — «начал объяснение настоящего положения дел следующим образом: “Позиция весьма невыгодна, дождаться в ней неприятеля весьма опасно; превозмочь его, располагающего превосходными силами, более нежели сомнительно. Если бы после сражения могли мы удержать место, но такой же потерпели урон, как при Бородине, то не будем в состоянии защищать столь обширного города. Потеря Москвы будет чувствительной для государя, но не будет внезапным для него происшествием, к окончанию войны его не наклонит. <…> Сохранив Москву, Россия не сохраняется от войны жестокой, разорительной; но сберегши армию, еще не уничтожаются надежды Отечества, и война, единое средство к спасению, может продолжаться с удобством. Успеют присоединиться в разных местах за Москвою приуготовляемые войска; туда же заблаговременно перемещены все рекрутские депо. В Казани учрежден вновь литейный завод; основан новый ружейный завод Киевский; в Туле оканчиваются ружья из остатков прежнего металла. Киевский арсенал вывезен; порох, изготовленный в заводах, переделан в артиллерийские снаряды и патроны и отправлен внутрь России”» [57. С. 203].

Далее Ермолов говорит о том, что Барклай-де-Толли предложил «взять направление на город Владимир в намерении сохранить сообщение с Петербургом, где находилась царская фамилия» [57. С. 203].

О своем собственном мнении он пишет:

«Не решился я, как офицер, не довольно еще известный,

страшась обвинения соотечественников, дать согласие на оставление Москвы и, не защищая мнения моего, вполне не основательного, предложил атаковать неприятеля. Девятьсот верст беспрерывного отступления не располагают его к ожиданию подобного со стороны нашей предприятия; что внезапность сия, при переходе войск его в оборонительное состояние, без сомнения, произведет между ними большое замешательство, которым Его Светлости как искусному полководцу предлежит воспользоваться, и что это может произвести большой оборот в наших делах. С неудовольствием князь Кутузов сказал мне, что такое мнение я даю потому, что не на мне лежит ответственность» [57. С. 204].

Разногласие членов совета давало М. И. Кутузову полную свободу отвергнуть все предложения, в которых не было ни одного, совершенно лишенного недостатков.

Рассматриваемый вопрос можно представить и в таком виде: что выгоднее для спасения Отечества — сохранение армии или столицы? Так как ответ не мог быть иным, как в пользу армии, то из этого следовало, что неблагоразумно было бы подвергать опасности первое ради спасения второго. К тому же нельзя было не признать, что вступление в новое сражение было бы делом весьма ненадежным. Правда, в русской армии, расположенной под Москвой, находилось еще около 90 тысяч человек в строю, но в этом числе было только 65 тысяч опытных регулярных войск и шесть тысяч казаков. Остаток же состоял из рекрутов и ополчения, которых после Бородинского сражения разместили по разным полкам. Более десяти тысяч человек не имели даже ружей и были вооружены пиками. С такой армией нападение на 130 тысяч— 140 тысяч человек, имевшихся еще у Наполеона, означало бы очень вероятное поражение, следствия которого были бы тем пагубнее, что тогда Москва неминуемо сделалась бы могилой русской армии, принужденной при отступлении проходить по запутанным улицам большого города.

По всем этим причинам, очевидно, надлежало согласиться с мнением Барклая-де-Толли — но, соглашаясь с ним в необходимости оставить Москву, М. И. Кутузов не принял направления, предложенного им для отступления. Он сказал:

«С потерей Москвы не потеряна Россия. Первой обязанностью поставляю сохранить армию» [95. С. 239].

После того Кутузов, как пишет генерал Ермолов, «приказал сделать диспозицию к отступлению. С приличным достоинством и важностью выслушивая мнения генералов, не мог он скрыть удовольствия, что оставление Москвы было требованием, не дающим места его воле, хотя по наружности желал он казаться

готовым принять сражение [57. С. 205].

Участники совета не возражали против этого решения Главнокомандующего, а посему тут же были разосланы приказания приводить его в исполнение.

* * *

После принятия решения об оставлении Москвы Барклай-де-Толли написал жене:

«Чем бы дело ни кончилось, я всегда буду убежден, что я делал все необходимое для сохранения государства, и если у Его Величества еще есть армия, способная угрожать врагу разгромом, то это моя заслуга. После многочисленных кровопролитных сражений, которыми я на каждом шагу задерживал врага и нанес ему ощутимые потери, я передал армию князю Кутузову, когда он принял командование в таком состоянии, что она могла помериться силами со сколь угодно мощным врагом. Я ее передал ему в ту минуту, когда я был исполнен самой твердой решимости ожидать на превосходной позиции атаку врага, и я был уверен, что отобью ее. <…> Если в Бородинском сражении армия не была полностью и окончательно разбита — это моя заслуга, и убеждение в этом будет служить мне утешением до последней минуты жизни» [75. С. 104].

В том же письме жене Барклай-де-Толли рассказал и о тяжелой моральной обстановке, сложившейся вокруг него. К сожалению, главная проблема заключалась в том, что у Михаила Богдановича явно не сложились отношения с князем Кутузовым, человеком совершенно другого склада характера и поведения.

После Бородинского сражения, где потери русских, как мы уже говорили, составили от 45 тысяч до 60 тысяч человек, Кутузов счел нецелесообразным сохранять прежнее разделение на две армии. Поэтому остатки армии князя Багратиона были слиты с остатками армии Барклая-де-Толли и должность последнего в новых условиях стала чисто номинальной: над ним находился Кутузов, как над его штабом — штаб Кутузова.

Н. А. Полевой пишет о русской армии после Бородинского сражения:

«В ней последовали многие важные перемены. Главнокомандующий 1-й армией Барклай-де-Толли, изнуренный прискорбием и тяжкими трудами, был до того расстроен в здоровье, что испросил себе отпуск и уехал в свою лифляндскую деревню, где император Александр ободрил и утешил его милостивым письмом» [110. С. 109].

На самом деле все обстояло не совсем так. Вернее, почти совсем не гак. Прежде всего следует отметить, что после реорганизации армии Барклай-де-Толли оказался в весьма двусмысленном положении: формально сохраняя свой пост, он фактически был отстранен от реального управления войсками. В армии М. И. Кутузова ему места не было, и единственным выходом из подобного положения могла быть отставка.

Обычно очень корректный и сдержанный, генерал вдруг счел возможным заявить уезжавшему в Санкт-Петербург Карлу фон Клаузевицу:

«Благодарите Бога, что вас отозвали отсюда; у нас здесь нельзя ожидать ничего дельного» [29. С. 179].

Что касается здоровья, то Михаил Богданович доверительно сообщил генералу Коновницыну:

«Я действительно слаб и ни к чему теперь не гожусь, как лечь и умереть. Я сей час имел спазм в груди, который чуть было меня не задушил» [132. С. 140].

Отметим, что П. П. Коновницын даже в самые худшие для Барклая-де-Толли времена «сохранял к нему благорасположение и поддерживал с ним добрые отношения» [132. С. 212]. По свидетельству В. И. Левенштерна, позже, когда Михаил Богданович оставил армию, «из всех приближенных Кутузова только один Коновницын искренне сожалел об отъезде Барклая» [81. С. 110].

Да, Барклай-де-Толли тяжело заболел, но дело было все-таки не в болезни. Вернее, не только в болезни. Ведь на самом деле он заболел сразу после Бородинского сражения, но тогда это не помешало ему в экстремальной ситуации накануне сдачи Москвы перебороть недомогание и оставаться в строю. Теперь же ситуация в армии коренным образом изменилась и он был лишен всех реальных рычагов управления даже своей 1-й армией. Об этом свидетельствуют слова, которые он написал жене на марше к Тарутино:

«Я послал Его Величеству письмо и надеюсь получить если не ответ, то, по крайней мере, резолюцию. Дай Бог, чтобы таковая последовала скоро, потому что я не в состоянии оставаться здесь долее» [8. С. 439].

Во втором письме, отправленном в тот же день, Михаил Богданович написал:

«Дела наши приняли такой оборот, что можно надеяться на счастливый и почетный исход войны, — только нужно больше деятельности. Меня нельзя обвинять в равнодушии; я прямо высказывал свое мнение, но меня как будто избегают и многое от меня скрывают» [8. С. 439].

Грубо говоря, Барклай-де-Толли вдруг окончательно понял, что «при Кутузове он лишний в армии» [132. С. 143].

А в довершение ко всему, совсем уже некстати, пришел приказ о его увольнении с поста военного министра, который был подписан императором в канун Бородинского сражения.

Отъезд Барклая-де-Толли из армии

Собственно говоря, на этом фактически и закончилось участие Барклая-де-Толли в Отечественной войне 1812 года, в которой судьба определила на его долю самую трудную, самую неблагоприятную и самую неблагодарную часть военных действий. Хорошо продуманное и искусно выполненное уклонение от несвоевременных и не гарантировавших успеха сражений; умение производить отступление на виду у превосходящего по силе противника, всегда в примерном порядке и по большей части без сильного урона — вот великие и многими до сих пор непонятые заслуги Михаила Богдановича в этой войне. Ну и, конечно же, сохранение армии — этого «главного инструмента защиты территориальной целостности страны» [15. С. 7].

Добавим, что последней каплей, переполнившей чашу терпения этого всегда спокойного и рассудительного человека, ставшей поводом для подачи им рапорта, стало то, что Кутузов передал из его армии в арьергард генерала М. А. Милорадовича почти 30 тысяч человек. Казалось бы, ну передал, и что? Как Главнокомандующий, он имел на то полное право. Но дело в том, что при этом самого Барклая-де-Толли даже не известили о таком решении — и это было равносильно публичному оскорблению.

Кутузов потом оправдывался тем, что дежурный генерал, совсем замотавшись, просто забыл передать его распоряжение, но эти заверения не убедили Михаила Богдановича. Он немедленно сдал командование и уехал в Санкт-Петербург, взяв с собой лишь полковника А. А. Закревского, своего адъютанта, и барона фон Вольцогена, дежурного штаб-офицера. Кроме них больного генерала сопровождал его лечащий врач М. А. Баталин.

* * *

Рано утром 20 сентября (2 октября) русская армия прибыла к селу Тарутино, и «со вступлением в Тарутинский лагерь настала новая, светлая эпоха войны» [95. С. 286]. Да, для всей русской армии, для России — но не для Михаила Богдановича…

Генерал Ермолов в своих «Записках» пишет:

«22-го числа сентября… генерал Барклай-де-Толли оставил армию и через Калугу отправился далее. Не стало терпения его: видел с досадою продолжающиеся беспорядки, негодовал за недоверчивое к нему расположение, невнимательность к его представлениям. <…>

Вместе с Барклаем-де-Толли уехал директор его собственной канцелярии флигель-адъютант гвардии полковник Закревский, офицер отлично благородных свойств, с которым был я в отношениях совершенно дружеских, разделяя и горести неудачной войны, и приятные в ней минуты» [57. С. 214].

В ночь перед отъездом из армии Михаил Богданович сказал одному из близких к нему людей:

«Настоящее против меня, и я принужден покориться, но настанет время хладнокровного обсуждения всего случившегося, и это время отдаст мне должное. Я ввел колесницу на гору, а с горы она скатится сама и при малом руководстве… Мой труд, мой памятник налицо: сохраненная, снабженная всем необходимым армия, а перед ней — расстроенный, упавший духом противник» [105. С. 177–178].

Своему старшему адъютанту В. И. Левенштерну он объяснил следующее:

«Я должен уехать. Это необходимо, так как фельдмаршал не дает мне возможности делать то, что я считаю полезным. Притом главное дело сделано, остается пожинать плоды. Я слишком люблю Отечество и императора, чтобы не радоваться заранее успехам, коих можно ожидать в будущем. Потомство отдаст мне справедливость. На мою долю выпала неблагодарная часть кампании; на долю Кутузова выпадет часть более приятная и более полезная для его славы. Я бы остался, если бы я не предвидел, что это принесет армии больше зла. Фельдмаршал не хочет ни с кем разделить славу изгнания неприятеля со священной земли нашего Отечества. Я считал дело Наполеона проигранным с того момента, как он двинулся от Смоленска к столице. Это убеждение перешло во мне в уверенность с той минуты, как он вступил в Москву. Моя заслуга состоит в том, что я передаю фельдмаршалу армию хорошо обмундированную, хорошо вооруженную и отнюдь не деморализованную. Это дает мне право на признательность народа…» [9. С. 402–403].

«Признательность народа…» Знал бы Михаил Богданович, что его ждет в самое ближайшее время!

Мнение историка С. П. Мельгунова:

На военном совете после Бородина, когда Барклай первый

высказал мысль о необходимости отступления, Кутузов, по словам Ермолова, «не мог скрыть восхищения своего, что не ему присвоена будет мысль об отступлении». И здесь постарались набросить тень на Барклая. Кутузов, желая сложить с себя ответственность, указывал в своем донесении, что «потеря Смоленска была преддверием падения Москвы», не скрывая намерения, говорит Ермолов, набросить невыгодный свет на действия главнокомандующего военного министра, в котором и не любящие его уважали большую опытность, заботливость и отличную деятельность. Ведь записки писались, когда острота событий прошла. На Бородинском поле Барклай проявил свою обычную предусмотрительность и энергию. Быть может, и не совсем скромно было со стороны Барклая писать своей жене: «Если при Бородине не вся армия уничтожена, я — спаситель», то все же это более чем понятно, когда заслуги Барклая в этот момент явно не желали признавать. Барклай, уже лишившись главного командования, продолжал чувствовать к себе недоверие. Терпеть создавшееся двойственное положение было для Барклая слишком тяжело. И он искал смерти на поле битвы. <… >

Откровенные мнения Барклая о «беспорядках в делах, принявших необыкновенный ход», не нравились Кутузову. Ив конце концов Барклай (22 сентября) совсем оставил армию. «Не стало терпения его, — замечает Ермолов, — видел с досадою продолжающиеся беспорядки, негодовал за недоверчивое к нему расположение, невмешательство к его представлениям»… Выступая с критикой, Барклай поступил честнее всех других. Он откровенно высказал в письме к Кутузову все те непорядки, которые господствовали в армии. «Во время решительное, — писал он, — когда грозная опасность отечества вынуждает отстранить всякие личности, вы позволите мне, князь, говорить вам со всею откровенностью»… Но еще с большей откровенностью высказался он в письме к императору Александру 24 сентября, то есть тогда, когда решение оставить армию было принято им уже окончательно. «Я умоляю, Ваше Величество, — писал Барклай, — сделать мне это благодеяние, как единственную милость, которую прошу для себя»… «Яне нахожу выражений, чтобы описать ту глубокую скорбь, которая тяготит мое сердце, когда я нахожусь вынужденным оставить армию, с которой я хотел и жить и умереть. Если бы не болезненное мое состояние, то усталость и нравственные тревоги должны меня принудить к этому. Настоящие обстоятельства и способы управления этой храброй армией ставят меня в невозможность с пользою действовать для службы»… И Барклай очень резко отзывается об армии, находящейся под управлением неопытных лиц, причисленных к

«свите двух слабых стариков, которые не знают другого высшего блага, как только удовлетворение своего самолюбия, из которых один, довольный тем, что достиг крайней цели своих желаний, проводит время в совершенном бездействии и которым руководят все молодые люди, его окружающие; другой — разбойник, которого присутствие втайне тяготит первого»… Высказав все накопившееся чувство негодования, Барклай ушел… И хотя имя Барклая было реабилитировано после 1812 года и ему вновь было поручено командование армией; хотя и памятник ему поставлен рядом с Кутузовым, но все же не Барклай вошел в историю с именем народного героя Отечественной войны. А, быть может, он более всех заслужил эти лавры [89. С. 90–98].

В «Записках» И. И. Лажечникова[49] приводится следующий рассказ:

«Я пошел с несколькими помещиками и купцами прогуляться по деревне. Когда мы подходили к станционному дому, возле остановилась колясочка; она была откинута[50]. В ней сидел — Барклай-де-Толли. Его сопровождал только один адъютант. При этом имени почти все, что было в деревне, составило тесный и многочисленный круг и обступило экипаж. Смутный ропот пробежал по толпе… Не мудрено… Отступление к Москве расположило еще более умы против него; кроме Государя и некоторых избранников, никто не понимал тогда великого полководца, который с начала войны и до Бородинской отчаянной схватки сберег на плечах своих судьбу России, охваченную со всех сторон еще неслыханною от века силою военного гения и столь же громадною вещественною силой. Но ропот тотчас замолк — его мигом сдержал величавый, спокойный, холодный взор полководца. Ни малейшая тень смущения или опасения не пробежала по лицу его. В этом взоре не было ни угрозы, ни гнева, ни укоризны, но в нем было то волшебное, неразгадываемое простыми смертными могущество, которым наделяет Провидение своего избранника и которому невольно покоряются толпы, будучи сами не в состоянии дать отчета, чему они покоряются. Мне случалось после видеть, как этот холодный, спокойный, самоуверенный взгляд водил войска к победе, как он одушевлял их при отступлении. <…> Русский солдат, всегда недовольный ретирадами, не роптал тогда, потому что, смотря на своего предводителя, уверен был, что он не побежден, а отступает ради будущей победы.

День был ясный, коляска стояла под тенью липы, урвавшей на улицу несколько густых сучьев из-за плетня деревенского сада. Барклай-де-Толли скинул фуражку, и засиял голый, как ладонь,

череп, обессмертенный кистью Доу и пером Пушкина. При этом движении разнородная толпа обнажила свои головы. Вскоре лошади были готовы, и экипаж исчез в клубах пыли. Но долго еще стояла толпа на прежнем месте, смущенная и огромленная видением великого человека.

Не знаю, куда ехал тогда Барклай-де-Толли, но знаю, что 25 сентября был он в Калуге» [76. С. 8–9].

К сожалению, не все рассуждали так, как процитированный выше автор. В самом деле, из Тарутина путь Михаила Богдановича лежал через Калугу. Так вот, когда он проезжал через этот город, «признательный народ» забросал его экипаж камнями. Сквозь разбитые окна Барклай-де-Толли и его спутники слышали угрозы и крики:

— Смотрите, вот изменник! Предатель!

Потребовалось даже вмешательство полиции, чтобы прекратить бесчинства толпы.

В Калуге Барклай-де-Толли остановился в доме местного губернатора. Он пробыл там всего один день и весь этот день занимался сочинением писем. В одном из них — императору Александру — он написал:

«Государь! Мое здоровье расстроено, а мои моральные и физические силы до такой степени подорваны, что теперь здесь, в армии, я безусловно не могу быть полезным на службе <…> и эта причина побудила меня просить у князя Кутузова позволения удалиться из армии до восстановления моего здоровья.

Государь! Я желал бы найти выражения, чтобы описать глубокую печаль, снедающую мое сердце, видя себя вынужденным покинуть армию, с которой я хотел жить и умереть…» [41. С. 39].

Из Калуги Барклай-де-Толли поехал через Тулу во Владимир. Находясь в Туле, он написал жене:

«Готовься к уединенному и скудному образу жизни, продай все, что ты сочтешь излишним, но сохрани только мою библиотеку, собрание карт и рукописи в моем бюро» [41. С. 39].

По дороге из Тулы к Владимиру его ждало еще одно испытание. По какой-то причине возле дома станционного смотрителя оказалось много народу. Узнав Барклая-де-Толли, люди стали кричать, называя его изменником и не желая пропускать к экипажу. Так что полковнику Закревскому даже пришлось обнажить саблю, чтобы проложить дорогу и заставить ямщика ехать.

Всю дорогу до Владимира Барклай-де-Толли был мрачен, как туча, и не проронил ни слова. Теперь он вынужден был соблюдать строгое инкогнито и все мысли его были направлены на то, как добиться справедливости.

В эти дни он написал полные раздражения и горечи письма императору и двум министрам — внутренних дел и военному.

Министру внутренних дел О. П. Козодавлеву, в частности, он отправил письмо с требованием напечатать в газете опровержение порочащих его упреков, «ибо помрачение чести целой армии и ее начальника не есть партикулярное, но государственное дело» [133. С. 74].

Приехав во Владимир, Барклай-де-Толли встретился с остановившимся там Ростопчиным, московским генерал-губернатором, также в то время окруженным всеобщей злобой и пытавшимся найти поддержку в Санкт-Петербурге. Они провели в беседах почти целый день.

В письме жене из Владимира Барклай-де-Толли сообщил, что послал в Санкт-Петербург к государю своего адъютанта. Далее он писал:

«Если бы Его Величество меня совершенно уволили от службы, то я принял бы это как награду за долголетнюю службу. Если я не получу ответа на мою просьбу, то подам прошение об отставке и поеду через Псков в Лифляндию» [8. С. 442–443].

Ожидая ответа императора во Владимире и очень сильно болея, Барклай-де-Толли все же нашел в себе силы подготовить для печати «Объяснение генерала от инфантерии Барклая-де-Толли о действиях 1-й и 2-й Западных армий в продолжение кампании сего 1812 года». Этот документ он тоже послал императору, сопроводив его просьбой о дозволении публикации.

Барклай-де-Толли писал:

«Всемилостивейший государь! Проезжая губернии внутренние, с сокрушением сердца слышу я повсюду различные толки о действиях армий наших, и особливо о причинах отступления их от Смоленска и Москвы. Одни приписывают то робости, другие — недостаткам и слабости разного рода, а некоторые, что всего оскорбительнее, даже измене и предательству!

Известный отзыв князя Голенищева-Кутузова, что отдача неприятелю Москвы есть следствие отдачи Смоленска, к сожалению, подтверждает во многих умах сии ужасные для чести армий и предводительствовавших ими заключения.

Я менее всех должен быть равнодушен к ним и более всех нахожу себя в обязанности защищать честь армии и честь мою собственную, сорокадвухлетнею службою и увечьем стяжанную» [56. С. 272].

Через какое-то время адъютант вернулся, но никакого письма от императора не привез. После этого совершенно расстроенный Барклай-де-Толли написал новое письмо и отправил его на сей

раз с графом А. А. Закревским — любимцем императора. Тому действительно удалось добиться ответа, однако занятый Александр писал его несколько недель.

В это время уставший ждать Барклай-де-Толли решил уехать в Бекгоф, семейное имение в Лифляндии.

Уже оттуда он написал своему товарищу А. Л. Майеру, служившему экспедитором Особенной канцелярии Военного министерства:

«Несколько дней тому назад я благополучно приехал сюда в свою деревеньку и чувствую себя довольным, как человек, укрывшийся в тихую гавань от бурного бушующего моря. Теперь мне недостает моей полной отставки, чтобы стряхнуть с себя все, что только может напомнить о прошедшем, и облачиться в простую одежду земледельца. Но при всем том я не хочу оставаться в неведении всего того, что происходит в политическом мире, а потому прошу вас, буде это возможно, озаботиться о присылке мне “Петербургской газеты”, “Северной почты” и “Лондонского курьера” на французском языке… Адрес мой: в Дерптскую почтовую контору» [8. С. 447].

* * *

Однако недолго продолжалось его уединение. Спокойствие «тихой гавани» было нарушено уже через две недели, когда Михаилу Богдановичу доставили письмо Александра I.

«Генерал, — писал император, — я получил ваше письмо от 9 ноября. Плохо же вы меня знаете, если могли хотя на минуту усумниться в вашем праве приехать в Петербург без моего разрешения.

Скажу вам даже, что я ждал вас, так как я от всей души хотел переговорить с вами с глазу на глаз. Но так как вы не хотели отдать справедливость моему характеру, я постараюсь в нескольких словах передать вам мой настоящий образ мыслей насчет вас и событий. Приязнь и уважение, которые я никогда не переставал к вам питать, дают мне это право» [9. С. 404].

Затем Александр откровенно перечислил все претензии, которые он имел к Михаилу Богдановичу за все время от начала войны до приезда Кутузова к армии. А завершал свое письмо император так:

«Мне только остается сохранить вам возможность доказать России и Европе, что вы были достойны моего выбора, когда я вас назначил главнокомандующим. Я предполагал, что вы будете довольны остаться при армии и заслужить своими воинскими

доблестями, что вы и сделали при Бородине, уважение даже ваших хулителей.

Вы бы непременно достигли этой цели, в чем я не имею ни малейшего сомнения, если бы оставались при армии, и потому, питая к вам неизменное расположение, я с чувством глубокого сожаления узнал о вашем отъезде! Несмотря на столь угнетавшие вас неприятности, вам следовало оставаться, потому что бывают случаи, когда нужно ставить себя выше обстоятельств. Будучи убежден, что в целях сохранения своей репутации вы останетесь при армии, я освободил вас от должности военного министра, так как было неудобно, чтобы вы исполняли обязанности министра, когда старший вас в чине был назначен главнокомандующим той армии, в которой вы находились. Кроме того, я знаю по опыту, что командовать армиею и быть в то же время военным министром — несовместимо для сил человеческих. Вот, генерал, правдивое изложение событий так, как они происходили в действительности и как я их оценил. Я никогда не забуду существенных услуг, которые вы оказали отечеству и мне, и я хочу верить, что вы окажете еще более выдающиеся. Хотя настоящие обстоятельства самые для нас благоприятные ввиду положения, в которое поставлен неприятель, но борьба еще не окончена, и вам поэтому представляется возможность выдвинуть ваши воинские доблести, которым начинают отдавать справедливость.

Я велю опубликовать обоснованное оправдание ваших действий, выбранное из материалов, присланных мне вами. Верьте, генерал, что мои личные чувства остаются к вам неизменными. Весь ваш.

Простите, что я запоздал с ответом, но писание взяло у меня несколько дней вследствие моей ежедневной работы» [9. С. 405].

Попытки оправдания

«Я велю опубликовать обоснованное оправдание ваших действий», — таковы были слова государя. Что же он имел в виду, и было ли выполнено это обещание?

Дело в том, что Барклай-де-Толли сразу же после отъезда из армии начал «необыкновенно упорную и последовательную, длившуюся много месяцев борьбу за свою реабилитацию» [132. С. 146]. И при этом он рассчитывал на поддержку со стороны Александра I.

Уже 24 сентября Михаил Богданович написал императору из Калуги:

«Я был бы несчастлив увидеть, что моя репутация помрачена

в глазах моего монарха, потому что, несомненно, это величайшее несчастье, которое может случиться с человеком честным и с принципами. <…> Излагая вам чистую правду, в моем настоящем положении я не мог иметь другого желания, как быть вам, государь, еще раз полезным и спасти, если возможно, репутацию, которая чиста по убеждению моей совести» [146. Приложение. С. 43].

Как видим, Барклай-де-Толли очень рассчитывал, что император, которому он всегда говорил только правду, сумеет поддержать его. Но при этом «беда Барклая заключалась в том, что он не мог постичь всей сложности “византийской” натуры Александра I, его двойственности, лицемерия, глубоко спрятанной злопамятности, отягощенной его непомерным и не раз ущемлявшимся военным честолюбием» [132. С. 153].

В самом деле, «Александр никогда ничего не забывал и никогда ничего не прощал, хотя замечательно умел скрывать свои истинные чувства» [52. С. 117].

«Все это помешало Барклаю реально оценить, насколько сильно пали его шансы в глазах императора» [132. С. 153–154].

Тем не менее, Михаил Богданович, уехав из армии, написал на имя Александра I целую серию оправдательных записок. Первая из них называлась так — «Примечание Барклая-де-Толли на рапорт главнокомандующего армиями генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова» (это был ответ на заявление Михаила Илларионовича о том, что сдача Москвы была нераздельно связана с потерей Смоленска). Вторая называлась «Объяснения генерала от инфантерии Барклая-де-Толли о действиях первой и второй западных армий в продолжение кампании сего 1812 года»; третья — «Изображение военных действий 1-й армии в 1812 году»; четвертая — «Оправдание генерала Барклая-де-Толли».

В этих документах Барклай-де-Толли, «чувствуя себя смертельно оскорбленным, дал, наконец, волю своим чувствам» [132. С. 170]. Естественно, он очень рассчитывал на публикацию своих оправдательных записок, и надо сказать, император Александр пообещал ему посодействовать в этом.

Но время шло — и ничего не происходило.

В январе 1813 года состоялась личная встреча Михаила Богдановича и Александра I, но и она оказалась безрезультатной. Английские биографы Барклая-де-Толли Микаэль и Дайана Джоссельсон отмечают:

«Встреча с царем <…> не оправдала надежды Барклая и тяжело подействовала на его сердце. Вопреки обещанию царя опровергнуть утверждения Кутузова, в печати ничего не

появилось. Атмосфера была настолько напряженной, что Барклаю стало трудно объясняться с царем лично, и он опять направил ему письменное послание» [162. С. 167].

Речь идет о письме, отправленном 27 января 1813 года, и в нем Михаил Богданович вновь попытался изложить императору свои взгляды по столь волновавшему его тогда вопросу. И опять ничего не изменилось. Видимо, Александр I считал подобную публикацию политически нецелесообразной, ибо она могла подорвать престиж победоносной русской армии, которой еще предстояло освободить Европу от Наполеона. Тут вопрос личного достоинства, чести и репутации какого-то генерала для него явно отходил даже не на второй, а на двести двадцать второй план.

«Очевидным отголоском неудачи этой последней попытки Барклая добиться своей реабилитации явилось неизвестное доселе его письмо от 9 апреля 1813 года к неустановленному лицу, покинувшему армию и не участвовавшему в заграничном походе (оно сохранилось в виде писарского текста с перлюстрированного подлинника, расположенного сразу же вслед за авторской рукописью “Оправдания”, которая была передана Барклаем царю в январе 1813 года): “Я сам сожалею, что не устоял в своем намерении оставить военную карьеру, в которой я наместо благодарности и признательности за спасение отечества и армии, ни что другое не имел, как только смертельное огорчение и тьма неудовольствий. Пусть Светлейший наслаждается теперь <…> своею славою, собрав жатву с того, что я посеял. Потомство справедливое нас обоих судить будет; оно поставит в настоящем виде замечание его, что потеря Москвы есть последствие потери Смоленска; я намерен был выдать в публику объяснение мое о прошедшей кампании, но я нахожу, что публика и не заслуживает сие уважение”» [132. С. 189].

* * *

Но это все будет происходить уже в 1813 году, а пока же Барклай-де-Толли получил приведенное выше письмо от императора Александра. Понятно, что в нем не содержалось официального приказа, но оно означало одно: Михаилу Богдановичу нужно было ехать в армию, чтобы «оказать Отечеству еще более выдающиеся услуги» [84. С. 193].

А потому он, полубольной и в сопровождении доктора М. А. Баталина, поехал в Санкт-Петербург.

* * *

А в это время русская армия под командованием М. И. Кутузова, преследуя отступающих французов и их союзников, вошла в Вильно.

Из Вильно Кутузов написал жене:

«Карл XII вошел в Россию так же, как Бонапарте, и Бонапарте не лучше Карла из России вышел» [112. С. 63].

В самом деле, «из России не вернулось 400 тыс. военнослужащих и еще неизвестное число гражданских лиц, следовавших за армией. Потери составили 80 % использованных сил, и потери эти были безвозвратные» [114. С. 309].

1812 год близился к победоносному завершению…

При этом М. И. Кутузов лишь продолжал то, что начал Барклай-де-Толли. Фактически он делал именно то, за что Барклая-де-Толли обвиняли в предательстве, в пособничестве французам. Известно, что о французах Кутузов говорил: «Сами пришли, сами уйдут» [156. С. 293]. Так оно, собственно, и произошло, но русскому обществу показалось, что при исконно русском «Михайле Ларивоныче» победа пришла гораздо более героическим способом, чем при «немце Барклае».

А ведь «любой мало-мальски непредвзятый человек мог… воочию убедиться, что дело вовсе не в том, кто командует армией, а в том, что в борьбе против Наполеона пригодна лишь одна тактика» [8. С. 382].

Ее Кутузов и придерживался, пока вконец не истощил Наполеона. И никто не роптал, никто не упрекал его за продолжение отступления, за оставление Москвы, за неспешность преследования и за провал операции у реки Березины.

По поводу переправы армии Наполеона через Березину военный историк Д. П. Бутурлин пишет:

«Беспристрастие… не позволяет скрыть, что французский император в сем важном обстоятельстве действовал превыше всякой похвалы. Великая опасность, ему угрожавшая, еще раз возбудила сей военный гений, который от самой Москвы, казалось, был усыплен. Наполеон, окруженный со всех сторон, не потерял присутствия духа. Искусными ложными движениями он обманывает генералов, ему противопоставленных, и, так сказать, проскользнув между армий, готовящихся напасть на него, производит переправу свою на пункте, хорошо избранном, где все выгоды местоположения находятся на его стороне. Худое состояние мостов, улучшение постройки коих не от него зависело, было единственной причиной, которая, замедлив действие, соделала оное столь опасным. И так великий урон, претерпенный неприятелем на помянутой переправе, должно приписывать не Наполеону, а стечению несчастных обстоятельств,

коими управлять он был не властен» [34. С. 282].

Преследуя Наполеона, Кутузов действовал не слишком активно. В своих рапортах императору он постоянно говорил о том, что его армии нужен отдых, тогда как войскам П. В. Чичагова и П. Х. Витгенштейна «предписывалось безостановочно следовать за неприятелем до самой Вислы» [136. С. 305].

Кутузов считал, что не нужно торопиться, а лучше подождать подхода отставших и подкреплений. По словам Бутурлина, по занятии Вильно он рассудил, что задача по полному уничтожению армии Наполеона могла быть выполнена «без содействия главной армии, которая, будучи изнурена утомительными переходами, ею произведенными, имела необходимую надобность в отдыхе на несколько дней, дабы освежиться и снова устроиться» [34. С. 293].

Император торопил Кутузова, требовал не останавливаться, но все было тщетно.

Утром 7 (19) декабря император Александр, мечтавший войти в Европу освободителем и славным победителем непобедимого доселе Наполеона, выехал к армии в Вильно. Весь предыдущий день он ждал Барклая-де-Толли и даже непосредственно перед отъездом спрашивал, не приехал ли Михаил Богданович. Но тот, к сожалению, приехал уже после отъезда государя и вместе с доктором Баталиным остановился в доме своего старого друга Л. Л. Майера, сын которого — А. Л. Майер — в 1812 году служил при нем.

12 (24) декабря, в день рождения Александра I, Барклай-де-Толли отправился в Зимний дворец. Но ни один из придворных не поприветствовал его, а все люди, прежде знакомые, делали вид, что не узнают. Лишь после того как императрица Елизавета Алексеевна продемонстрировала ему свою благосклонность, Михаил Богданович сделался предметом всеобщего внимания. Подобное отношение так повлияло на него, что, приехав домой, он снова слег в постель.

«Далее следы Барклая теряются. По одним сведениям, от расстройства он надолго слег больным, по другим — тут же вернулся в лифляндское имение, и о времени его приезда в главную квартиру армии… прямых указаний в источниках и литературе мы не находим» [132. С. 175].

А что же Кутузов? Когда император прибыл в Вильно, армия «маститого старца» все еще стояла на месте.

Глава седьмая
Освобождение Европы

Возвращение в армию

1 (13) января 1813 года, отслужив молебен, император Александр и М. И. Кутузов вместе с армией перешли Неман. Россия, «сокрушительница врага в собственных пределах» [119. С. 5], шла теперь освобождать от наполеоновского ига и другие страны. Твердо веря в грядущую победу, Михаил Илларионович в тот же день написал своей жене:

«Дай Бог, чтобы тринадцатый год кончился так счастливо, как начинается» [91. С. 459].

Скорее всего, весь конец декабря Барклай-де-Толли пробыл в фамильном имении Бекгоф в Лифляндии. После возвращения из Санкт-Петербурга он в основном лежал в постели и с трудом передвигался по дому.

Но вот уже 13 января Кутузов сообщил домой:

«Барклая ожидаем; я думаю, мы с ним не поссоримся, тем более что и не вместе будем жить» [10. С. 209].

Это говорит о том, что Барклай-де-Толли вполне мог приехать в главную квартиру уже 14 или 15 января.

В любом случае, ко дню его приезда в действующую армию войска Наполеона уже были изгнаны из России, и император Александр находился перед дилеммой: завершить войну подписанием мира или продолжить ее на территории Европы, добившись окончательного уничтожения Наполеона?

В пользу продолжения войны говорило то, что окончательный разгром Наполеона явно укрепил бы позиции России в Европе и позволял рассчитывать на приобретение новых территорий.

Соответственно, Александр I потребовал «следовать беспрерывно за неприятелем» [137. С. 219] и лично прибыл к армии в Вильно. Со своей стороны, «Кутузов не торопился с заграничным походом и предпочел бы обойтись без него. “Ваш обет исполнен, — говорил он царю, — ни одного вооруженного неприятеля не осталось на русской земле. Теперь остается исполнить и вторую половину обета: положить оружие”» [137. С. 219].

Но Александр, не желавший останавливаться на достигнутом, настоял на своем, ибо для него «война с Наполеоном была актом борьбы его личного самолюбия, независимо от тех политических причин, которые ее вызывали» [52. С. 117].

В результате, в январе 1813 года русские войска в составе Главной армии генерала от кавалерии А. П. Тормасова (с ней были сам император и М. И. Кутузов), 3-й Западной[51] адмирала П. В. Чичагова и 30-тысячного отряда графа М. А. Милорадовича вошли в Польшу и Пруссию. На направлении Кёнигсберг — Данциг двигался отдельный корпус П. Х. Витгенштейна.

Наступление шло очень энергично, и вскоре на сторону русских перешел прусский корпус генерала Йорка фон Вартбурга.

В это время Барклай-де-Толли оставался в вынужденном бездействии, не понимая, для чего он вызван, чем будет командовать и будет ли командовать вообще.

У военного историка А. В. Висковатова читаем:

«Мы не могли достоверно узнать, где и как происходило первое свидание императора Александра с Барклаем-де-Толли по прибытии последнего из Петербурга, а сколько важного и любопытного должно было заключать в себе это свидание!» [35. С. 75].

Точно известно лишь то, что в январе месяце Барклай-де-Толли в очередной раз написал императору Александру, а 23 января (4 февраля) он уже принял командование 3-й Западной армией вместо заболевшего адмирала П. В. Чичагова. По состоянию на декабрь 1812 года эта армия насчитывала 46 батальонов, 39 эскадронов, 10 казачьих полков и 136 орудий [106. С. 231].

Осада и взятие Торна

Когда Барклай-де-Толли принял командование 3-й армией, на него было возложено взятие крепости Торн, расположенной на правом берегу Вислы.

3-я армия была самой малочисленной из всех русских армий. На то время в ее рядах было всего лишь около 18 тысяч человек — меньше, чем в ином корпусе, причем непосредственно под Торном стояло лишь 13 тысяч. Но разве это было главное? Главное заключалось в том, что Михаил Богданович снова находился в армии, на театре военных действий, и он был по-настоящему счастлив.

Адмирал Павел Васильевич Чичагов с нетерпением ждал того дня, когда сможет сдать должность Барклаю-де-Толли.

«Не без сочувствия принимал Михаил Богданович у адмирала бразды правления. Судьба сурово обошлась с неудачливым “сухопутным адмиралом”, и пост, им занимаемый, давно уже был ему не в радость» [8. С. 454].

В 1812 году П. В. Чичагов не без «содействия» М. И. Кутузова

допустил ряд непростительных ошибок, что позволило Наполеону ускользнуть из России.

Между тем, как это часто бывает, все критические стрелы были пущены в одного лишь Чичагова. Его прозвали «земноводным генералом», взявшимся не за свое дело, «ангелом-хранителем Наполеона» и даже опять-таки изменником.

Остроумная и язвительная Екатерина Ильинична Голенищева-Кутузова, статс-дама и жена Главнокомандующего, высказалась так: «Витгенштейн спас Петербург, мой муж — Россию, а Чичагов — Наполеона» [136. С. 294].

Павел Васильевич был человеком гордым. Оскорбленный несправедливым к себе отношением, он начал один за другим писать рапорты с просьбой об отставке, но согласие государя получил лишь в феврале 1813 года.

«Сочувствие Барклая к своему предшественнику на посту командующего 3-й армией объяснялось прежде всего прекрасной человеческой репутацией адмирала, а также и тем, что во всех жизненных обстоятельствах Чичагов сохранял твердость духа и высокое достоинство, несмотря на удары судьбы.

Барклай помнил, как еще во времена Павла I интригой военно-морского министра графа Кушелева Чичагов был обвинен в намерении бежать в Англию и по приказу Павла — прямо у императора в кабинете — с него сначала сорвали ордена и отобрали шпагу, а затем сняли мундир и провели в одном нижнем белье по коридорам дворца в Павловске, заполненного придворными и знатью.

Тут же адмирал был отведен в Петропавловскую крепость, где и просидел целый год до лета 1799 года» [8. С. 455].

На самом же деле все обстояло совсем не так просто и не так однозначно. Вот, например, что писал о Чичагове граф Ф. П. Толстой[52], известный независимостью суждений:

«Павел Васильевич Чичагов был человек умный и образованный. Будучи прямого характера, он был удивительно свободен и, как ни один из других министров, прост в обращении и разговорах с государем и царской семьей.

Зная свое преимущество над знатными придворными льстецами как по наукам, образованию, так и по прямоте и твердости характера, Чичагов обращался с ними с большим невниманием, а с иными даже с пренебрежением, за что, конечно, был ненавидим почти всем придворным миром и всей пустой высокомерной знатью; но император Александр Павлович и императрица Елизавета Алексеевна его очень любили» [144. С. 534–535].

А кто-то из современников Чичагова видел в нем фигуру

трагическую и даже отмеченную печатью рока.

«Наконец, третьи полагали причину его жизненных неудач в собственном его характере. К числу последних принадлежал и Барклай, ибо и в его собственном характере было немало черт, свойственных Павлу Васильевичу» [8. С. 456].

Генерал А. П. Ермолов писал о П. В. Чичагове так:

«Я не мог не видеть превосходства ума его, точности рассуждений и совершенного знания обстоятельств. Упругий нрав его, колкий язык и оскорбительная для многих прямота сделали ему много неприятностей» [2. С. 247].

Чичагов также симпатизировал и Михаилу Богдановичу, и Ермолову, видя некую параллель в своей судьбе с их собственными.

* * *

Сдача дел произошла быстро. После этого «Чичагов сошел с военного поприща и на оном уже более не являлся» [96. С. 11].

5 (17) февраля 1813 года Барклай-де-Толли докладывал М. И. Кутузову:

«По числу наличных здесь в полках людей армия сия носит только одно название, составляя, впрочем, не более как отряд: большая часть полков, ей принадлежащих, находится в отдаленных корпусах и отрядах, кои по отдаленности своей не имеют даже и нужного сообщения, — многие бригады не в своем виде, так что один полк или батальон его находится здесь, а другие в отдаленных корпусах и отрядах, некоторые же пошли в расформировку» [41. С. 43].

Желая исправить создавшуюся ситуацию, Барклай-де-Толли предлагал следующее:

«Посему для сохранения в армии возможного устройства, не благоугодно ли будет Вашей Светлости приказать или только отделенные от своих бригад присоединить к оным, или же из остающихся здесь разных бригад составить бригады новые, ибо если далее будут оставаться в теперешнем их положении, то, не имея должного наблюдения за внутренним их управлением, как и начальников, собственно им назначенных, и переходя из рук в руки, могут сии войска, наконец, вовсе исчезнуть. Все сие имею честь предать в благорассмотрение Вашей Светлости и испрашиваю Вашего разрешения» [41. С. 43].

С этого момента между Барклаем-де-Толли и М. И. Кутузовым установилась регулярная служебная переписка. В двадцатых числах марта крепость Торн была уже тесно обложена, и 28 марта

(9 апреля) начались осадные работы. Михаил Богданович сообщал Кутузову обо всем: о вылазках противника, об ответных контратаках, о подготовке армии к длительной осаде, хотя для нее явно не хватало войск, а также пороха, гранат, бомб и крупнокалиберных орудий.

Гарнизон Торна состоял из четырех тысяч баварцев и полутора тысяч французов под командованием бригадного генерала Пуатвена.

Город был окружен мощной крепостной стеной с башнями, валом, рвами с водой и бастионами. На левом берегу Вислы находился замок с еще более толстыми стенами, прикрытый артиллерией из крепости и батареей на речном острове Пац. Замок с крепостью соединялся мостом, но лед снес этот мост и теперь сообщение между гарнизонами поддерживалось с помощью лодок.

Осадная артиллерия Барклая-де-Толли насчитывала 38 орудий: это были 12-фунтовые пушки и 50-фунтовые мортиры. Как только все необходимое поступило, начались интенсивные бомбардировки крепости, сочетавшиеся с атаками господствующих высот. Так, за 1–2 (13–14) апреля по крепости было выпущено почти пять тысяч бомб из мортир и около двух тысяч пушечных ядер.

В следующие дни люди инженер-генерала К. И. Оппермана подвели траншеи вплотную к крепости, и это заставило осажденных начать переговоры о сдаче. В итоге, 4(16) апреля 1813 года они приняли все условия капитуляции, согласно которой крепость была сдана через два дня.

Оставшиеся невредимыми солдаты и офицеры гарнизона, сдав оружие, получили дозволение отправиться в Баварию с обязательством не воевать больше в кампанию 1813 года. Было захвачено 52 орудия, более десяти тысяч ружей и значительный запас провианта. При этом русские потеряли лишь 28 человек убитыми и 167 — ранеными. После этого 3-я армия двинулась в Силезию, на соединение с основными силами.

Наградой Барклаю-де-Толли стали орден Святого Александра Невского с алмазами и 50 тысяч рублей.

Соединение с главной армией

По прибытии 6 (18) апреля в город Бунцлау император Александр I и Главнокомандующий князь Кутузов расположились здесь, как рассчитывалось, на четыре дня. Но именно здесь уже тяжело больной генерал-фельдмаршал «тихо угас на лаврах» [111. С. 272]. Его тело было «по высочайшему повелению

отправлено в Санкт-Петербург, дабы быть погребено со всеми высокому званию его и навеки незабвенным Отечеству оказанным услугам подобающими почестями» [24. С. 311].

После этого — 16 (28) апреля — армию возглавил генерал от кавалерии граф Витгенштейн, «имя коего гремело среди других с яркою славою “Защитника Петрова града”» [111. С. 272]. Пруссаки согласились с этим решением императора Александра, а вот генералы Тормасов и Милорадович «отказались служить под его командой, ссылаясь на свое старшинство (Витгенштейн был действительно моложе обоих)»[53] [147. С. 536].

Уже с Витгенштейном во главе русско-прусская армия 20 апреля (2 мая) 1813 года провела сражение при Лютцене, которое военный историк Дэвид Чандлер называет «бесспорной победой Наполеона» [147. С. 529].

По оценкам Анри Лашука, в этом сражении французы потеряли примерно 20 тысяч человек убитыми и ранеными, а союзники — около 12 тысяч человек [80. С. 610]. Естественно, последние поспешили назвать Лютцен своим успехом, но, по мнению Дэвида Чандлера, эти «претензии были весьма неубедительны» [147. С. 539].

В «Записках» генерала А. И. Михайловского-Данилевского читаем:

«По возвращении в Дрезден мы нашли жителей в великом недоумении, потому что о Лютценском сражении было им возвещено как о совершенной победе над французами, коих они полагали в отступлении: они не знали, чему приписать появление наше посреди их, особенно видя, что улицы города были наполнены союзными войсками, обозами и ранеными, тянувшимися на правый берег Эльбы» [96. С. 134].

Наполеон со свойственной ему пропагандистской экзальтацией после сражения написал:

«Лютценская битва будет поставлена выше сражений при Аустерлице, Йене, Фридланде и Москве-реке. Я уже двадцать лет командую французскими армиями, и никогда не видел еще столько смелости и преданности» [80. С. 611].

После этого сражения русско-прусская армия, при которой находились союзные монархи, поспешно отступила за Эльбу и заняла позицию за Бауценом, саксонским городком, что в 40 километрах восточнее Дрездена.

«Прибыв туда, Витгенштейн нашел ожидавшее его желанное подкрепление» [147. С. 540]. Это была армия Барклая-де-Толли, которая подошла от Торна.

По данным Михайловского-Данилевского, это был сводный корпус из 22 500 человек [100. С. 196]. Он выступил из Торгау в

ночь с 6 на 7 мая, «в двух колоннах: первую, графа Ланжерона, составляли русские; вторую, Йорка, пруссаки» [100. С. 196].

Генерал Чаплиц командовал авангардом первой колонны. Он-то и встретил противника в районе Кёнигсварте — это был передовой отряд маршала Нея. Завязался бой, но очень скоро Барклай-де-Толли вынужден был остановить колонну генерала А. Ф. Ланжерона, «услышав сильную канонаду в той стороне, где находилась колонна Йорка» [100. С. 197].

В самом деле, генерал Йорк фон Вартенбург в это время завязал бой с корпусом генерала Лористона у Вейсига. Понимая, что пруссаков немного, Михаил Богданович отрядил им на помощь 1-ю гренадерскую дивизию. Этим он подкрепил их и облегчил им отступление. Потом вслед за генералом Йорком начал медленно отступать и сам Барклай-де-Толли.

В результате этого боя с русской стороны было «убито, ранено и без вести пропало 1001; у пруссаков выбыло из строя 1983 человека» [100. С. 198].

Таким образом, корпус Нея нанес мощный удар по войскам Барклая-де-Толли, однако, несмотря на превосходство в силах, прославленному наполеоновскому маршалу не удалось осуществить задуманный Наполеоном глубокий обходный маневр союзной армии. Это произошло из-за стойкой обороны русских частей, а «за дело при Кёнигсварте[54] Барклай-де-Толли был награжден орденом Святого Андрея Первозванного» [100. С. 198].

После этого его войска присоединились к Главной армии, расположенной у Бауцена, и стали на ее правом фланге.

Бауцен

Вслед за этим, 8 (20) мая, Наполеон с основными силами — всего у него было около 140 тысяч человек — форсировал в нескольких местах реку Шпрее.

У союзников в районе Бауцена имелось лишь «96 000 человек, в том числе 68 000 русских и 28 000 пруссаков» [100. С. 195].

Как видим, Наполеон превосходил союзников в численности войск на 44 тысячи человек. При таком превосходстве противника войска графа Витгенштейна, оставив Бауцен, начали отходить за реку Лёбау. Вскоре выяснилось, что направленных в обход правого фланга сил французов гораздо больше, чем думали сначала. А это значило, что угроза обхода правого крыла союзников все еще оставалась. Сообразно этому последовали перемещения в расположении войск, в результате чего Барклай-де-Толли тоже стал отходить вслед за главными силами.

Михаил Богданович переместил свои войска за реку Блезауер, а потом двинулся к реке Лёбау. В это время главная армия, перестраиваясь, растянулась почти на 12 километров и, таким образом пытаясь уйти от угрозы охвата с фланга, выстроилась в боевой порядок, который мог быть прорван практически в любом месте.

При отступлении из-под Бауцена русско-прусская армия шла тремя колоннами, и Барютай-де-Толли командовал одной из них. Теперь его войска служили арьергардом, прикрывавшим общее отступление. В ходе этого отступления, именно благодаря образцовым действиям арьергарда, союзники не потеряли ни одного орудия и повозки.

Среди свидетельств участников битвы под Бауценом особый интерес представляют «Записки» подполковника квартирмейстерской части штаба 3-й армии П. И. Фаленберга, исполнявшего обязанности адъютанта Барклая-де-Толли.

«После сражения под Люценом, — пишет П. И. Фаленберг, — наши армии отступали до Бауцена, где Барклай и Блюхер стояли в крепкой позиции, чтобы дать генеральное сражение, которого, как кажется, Наполеон жаждал. При присоединении к нам главной армии боевая позиция 3-й армии растянулась с промежутками в пять верст; неприятель расположился почти параллельно к нам на такое же протяжение на расстоянии более пушечного выстрела.

Бауцен, никем не занятый, остался на нейтральном пространстве между двух армий.

Сначала Наполеон атаковал наш левый фланг; все его атаки были мужественно отражены… Наполеон хотел непременно сломить наш фланг.

Прусский генерал фон Клейст, стоявший ближе к центру и водивший свои войска несколько раз в огонь, сильно пострадал. Два дня продолжалась упорная битва левого фланга и центра; канонада продолжалась до поздней ночи без умолку; только правый фланг наш стоял, не трогаясь с места» [8. С. 462–463].

В это время Фаленберг был отправлен к казачьему генералу Б. А. Грекову 3-му, стоявшему с несколькими полками за рекой Шпрее, чтобы зарисовать позицию левого фланга неприятеля. Устроившись в кустах на вершине холма, подполковник заметил вдалеке густые клубы пыли — это в тыл Барклаю-де-Толли шли корпуса Лористона и Мармона. Однако до назначенной цели им оставалось пройти еще немало.

Поняв ситуацию, Фаленберг помчался к генералу Грекову, и тот немедленно отправил донесение к начальнику штаба армии. Барклай-де-Толли был вовремя предупрежден, что спасло его

армию от поражения. Однако как раз в это время к Барклаю-де-Толли прибыл от императора один из его генерал-адъютантов с требованием отправить подкрепление на противоположный фланг.

С невозмутимым спокойствием Михаил Богданович отказался выполнить этот приказ, заверив посланника императора, что не пройдет и двух часов, как его позиция будет атакована.

Так и случилось.

«Часу в одиннадцатом обнаружилось настоящее намерение неприятеля, он начал обходить правое крыло наше под командой Барклая. <…> Барклай сражался мужественно и делал самые благоразумные распоряжения; превосходство сил неприятельских ни на одну минуту не поколебало его» [98. С. 343–344].

Войска Барклая-де-Толли стояли твердо, не отступив с позиции ни на шаг.

«Сражение продолжалось упорно целый день с переменными успехами, наконец, к вечеру армия наша отступила» [155. С. 84].

«Бауцен стал местом двухдневного крайне ожесточенного сражения, где удача переходила то на одну, то на другую сторону. Если союзников было намного меньше, чем французов, зато они хорошо укрепились, имели перед собой реку, тогда как у Наполеона большинство соединений состояло из плохих солдат — и измотанных, и неопытных» [147. С. 542].

Каждая сторона потеряла под Бауценом примерно по 20 тысяч человек, и преследование со стороны Наполеона было «относительно медленным и малоэффективным» [147. С. 545]. Русские и прусские войска отошли в полнейшем порядке. Когда отступил и Барклай-де-Толли, император Александр похвалил его за ослушание, спасшее армию, обнял и приказал командовать арьергардом, прикрывая общее отступление.

У А. И. Михайловского-Данилевского читаем:

«Русские и пруссаки не одержали победы, но не были и разбиты, стяжав славу мужественного сопротивления. Ни один из наших батальонов и эскадронов не был расстроен. <…> Наполеон не взял ни пушки, ни знамени, ни повозки у армии, двое суток с ним боровшейся, и, наконец, отступившей среди прекрасного майского дня, когда сам он потерял два орудия, отбитые русскими конными партиями на левом крыле. Данный Наполеону под Бауценом отпор и беспрепятственное отступление, совершившееся без малейшей потери, были неоспоримыми доказательствами нравственного превосходства союзных войск в сравнении с наполеоновыми, новым благодетельным плодом нашей Отечественной войны, поглотившей старые полки завоевателя» [100. С. 214].

Бауценское сражение изменило положение Барклая-де-Толли в армии. В тяжелом бою он показал себя очень хорошо, «долго оспаривал у неприятеля место сражения» и «нарушил все предположения Наполеона, который, поручая начальство своим левым флангом маршалу Нею, приказал ему обойти наше правое крыло» [11. С. 363].

А вот граф Витгенштейн «с ролью Главнокомандующего не справился — это был не его уровень» [24. С. 327].

Вскоре после сражения он представил императору Александру следующее донесение:

«Теперь прибыл к армии генерал Барклай-де-Толли, который гораздо меня старее и у которого я всегда находился в команде, и ныне я почту за удовольствие быть под его начальством. При соединении армии необходимо быть одному начальнику; я до сих пор всем распоряжал именем Вашего Императорского Величества, находясь при Вашей квартире, а посему не мог никто и обижаться тем. Но как теперь, по случаю ретирады, я не могу быть всегда при Вашем Величестве, то считаю сие уже неудобным, не сделав кому-либо через то оскорбления, ибо в армии многих я моложе» [100. С. 228].

На основании этого донесения Барклай-де-Толли «получил повеление явиться к государю для личных объяснений» [100. С. 224].

Причиной этого приглашения оказалось намерение императора вверить Михаилу Богдановичу начальство над всеми союзными русско-прусскими войсками вместо графа Витгенштейна. Соответствующий приказ последовал 17 (29) мая. Почти одновременно с этим прусский король пожаловал Михаилу Богдановичу орден Черного Орла.

Во главе русско-прусской армии

Итак, Михаил Богданович встал во главе объединенной русско-прусской армии, которая насчитывала 140 батальонов, 182 эскадрона, 29 казачьих полков и 340 орудий [106. С. 236].

Произошло это как раз накануне перемирия с Наполеоном. Сначала оно было заключено на 36 часов, затем его продлили до 20 июня, а потом — еще на три недели. Делалось это для того, чтобы «дать Австрии время закончить свою тайную мобилизацию. Наполеон, также желавший завершить свою подготовку, не возражал, хотя у него не было иллюзий насчет будущего исхода» [147. С. 547].

29 июля (10 августа) Австрия объявила войну Франции.

«После заключения перемирия союзные и французские войска

пошли за демаркационные черты и расположились на пространных квартирах. Авангарды наши оставлены были на биваках с приказанием: соблюдать строго военные предосторожности для избежания внезапного нападения, и не допускать жителей иметь сообщение с нейтральной полосой и краем, занятым неприятелями» [100. С. 259].

В это время Барклай-де-Толли занимался устройством своей армии. Например, «несколько дней он не мог узнать истинного счета оной, сначала полагали ее… во сто тысяч, потом в семьдесят, а на поверку вышло, что она состояла из девяноста тысяч. Сие происходило оттого, что полки были перемешаны, что некоторые дивизии и бригады имели полки, вовсе к ним не принадлежавшие, другие же полки примыкали к чужим дивизиям, не зная, где отыскать настоящих своих начальников» [98. С. 347].

После окончания перемирия армия Барклая-де-Толли вошла в состав Богемской армии союзников под командованием австрийского генерал-фельдмаршала Шварценберга, еще совсем недавно воевавшего против России.

Князь Шварценберг, главнокомандующий австрийской армией, попросил Барклая-де-Толли сообщить ему план военных действий. Не удовлетворить его желание было нельзя, однако между русским и австрийским дворами тогда еще не существовало должного союза, а посему «надлежало в сем случае поступить с некоторой осмотрительностью» [96. С. 195].

Барклай-де-Толли отправил к австрийскому фельдмаршалу К. Ф. Толя, которому поручил объяснить предположения Александра I, касающиеся действий после перемирия. При этом генерал-майору Толю было дано наставление, чтобы он «в особенности дал почувствовать князю Шварценбергу, с каким тщанием мы старались сохранять наши силы, доколе приготовления австрийцев к войне не были еще окончены» [96. С. 196]. Он должен был объяснить, что именно поэтому союзники, чтобы выиграть время, только и делали, что отходили назад.

«Может быть, — сказал Михаил Богданович генералу Толю, — князь Шварценберг составил другой план, отличающийся от нашего? В этом случае, чрезвычайно важно не оскорблять самолюбия австрийских генералов, и показать им с нашей стороны особенное уважение, а посему вам надлежит соблюсти всю осторожность и приличия, необходимые в столь щекотливом деле, касающемся, сверх того, личностей» [96. С. 196].

Согласно составленному плану, все силы союзных монархов были разделены на три армии. Первая — Главная или Богемская — под командованием князя Шварценберга, включала в себя «237

777 русских, пруссаков и австрийцев при 698 орудиях» [96. С. 202]. Русско-прусскими войсками этой армии командовал Барклай-де-Толли: они состояли из русского корпуса графа Витгенштейна, прусского корпуса генерала Фридриха фон Клейста и резерва цесаревича Константина Павловича.

Союзные монархи решили находиться при Богемской армии.

Силезская армия под командованием прусского генерала Блюхера состояла из трех русских корпусов — Остен-Сакена, Ланжерона и Сен-При, и прусского корпуса генерала Йорка. Всего эта армия насчитывала «95 322 человека и 356 орудиий» [96. С. 203].

Наконец, Северная армия, состоявшая под начальством шведского наследного принца Карла-Юхана, он же бывший маршал Бернадот, включала в себя русские, шведские и прусские войска — всего «155 112 человек при 387 орудиях» [96. С. 203].

Всего в союзных армиях насчитывалось «488 211 человек и 1441 орудие» [96. С. 203].

Тем временем Наполеон сумел набрать «559 батальонов, почти 400 эскадронов и 1284 пушки, то есть, вероятно, он имел 400 000 пехоты и почти 40 000 кавалерии» [147. С. 548].

* * *

В период перемирия Барклай-де-Толли энергично проводил устройство своих войск. Оружие было исправлено, запасы пополнены, люди и лошади отдохнули, полки были усилены прибывшими к ним резервами и выздоровевшими, так что на смотрах, произведенных императором в конце июля, войска оказались в самом удовлетворительном, а частью и в отличном состоянии. «Парад был блестящий; войска успели укомплектоваться, обшиться и обучиться» [119. С. 168].

Перемирие окончилось 27 июля (8 августа) 1813 года, но еще оставалось шесть дней, в которые, по условию, нельзя было начать военных действий, и обе воевавшие стороны старались употребить этот кратковременный срок с наибольшей для себя пользой и расположить свои войска выгоднейшим образом для начинавшегося нового похода.

После окончания перемирия, как пишет в своих «Походных записках» подполковник-артиллерист И. Т. Радожицкий, «генерал Барклай-де-Толли отдал по армиям строгий приказ о военном порядке в биваках, на марше и в сражениях. Он обещал нам важнейшие события, если только употребим последние усилия для сокрушения общего врага Европы» [119. С. 183].

Сражение под Дрезденом

13 (25) августа 1813 года Богемская армия фельдмаршала Шварценберга подошла к Дрездену в четырех колоннах, и после этого началась сильная артиллерийская перестрелка.

«В девять утра 14 (26) августа Наполеон вошел в Дрезден. К 17 часам у Наполеона в Дрездене было уже около 70 000 солдат. Союзники к тому времени имели под городом более 110 000 человек, но императора не смущал их численный перевес» [80. С. 640].

При этом союзники не спешили атаковать город, так как никто не хотел брать ответственность на себя. Русские и пруссаки обвиняли в нерешительности австрийцев, австрийцы — Барклая-де-Толли. По словам генерала М. И. Богдановича, «осторожный Барклай действительно не решался штурмовать укрепленный город, находясь по непростительной небрежности главнокомандующего (князя Шварценберга. — С. Н.). в совершенном неведении насчет средств, которыми располагает неприятель» [23. С. 129].

Как бы то ни было, «из-за несогласованных действий союзников взять укрепленный город с ходу не удалось» [24. С. 328].

А между тем, «пока союзники теряли время, Наполеон принимал меры для отражения их от Дрездена» [23. С. 132]. Что же касается боевых действий, то имела место лишь сильная канонада, конец которой положила темнота.

15 (27) августа стрельба возобновилась с новой силой. К этому времени «Наполеон располагал уже 120-тысячной армией против почти 150 000 австрийцев, русских и пруссаков, имевшихся тогда у Шварценберга» [80. С. 641].

По состоянию на август 1813 года русско-прусская армия, находившаяся под командованием Барклая-де-Толли, имела следующий состав [106. С. 236–237]:

Русский корпус (генерал от кавалерии граф П. Х. Витгенштейн)

1-й пехотный корпус (генерал-лейтенант князь А. И. Горчаков 2-й)

5-я пехотная дивизия (генерал-майор Б. П. Мезенцев)

14-я пехотная дивизия (генерал-майор Б. Б. Гельфрейх)

2-й пехотный корпус (генерал-лейтенант принц Евгений Вюртембергский)

3-я пехотная дивизия (генерал-майор князь И. Л. Шаховской)

4-я пехотная дивизия (генерал-майор Д. И. Пышницкий)

Олонецкое и Вологодское ополчение (генерал-майор И. М. Аклечеев)

Кавалерийский корпус (генерал-лейтенант граф П. П. Пален 3-й)

1-я гусарская дивизия (генерал-майор Ф. В. Ридигер)

3-я уланская дивизия (генерал-майор барон Е. И. Меллер-Закомельский)

2-й прусский корпус (генерал-лейтенант Ф. Г. Клейст)

9-я пехотная бригада (генерал-майор Клюке)

10-я пехотная бригада (генерал-майор Г. Д. Пирх 1-й)

11-я пехотная бригада (генерал-майор Г. Э. Цитен)

12-я пехотная бригада (генерал-лейтенант принц Август Прусский)

Резервная кавалерия (генерал-майор Ф. Э. Рёдер)

Резервная артиллерия (полковник Браун)

Российско-прусский резерв (цесаревич Константин Павлович)

3-й гренадерский корпус (генерал-лейтенант Н. Н. Раевский)

1-я гренадерская дивизия (генерал-майор Н. С. Сулима)

2-я гренадерская дивизия (генерал-майор П. Н. Чоглоков)

5-й гвардейский корпус (генерал-лейтенант А. П. Ермолов)

1-я гвардейская пехотная дивизия (генерал-майор барон Г В. Розен)

2-я гвардейская пехотная дивизия (генерал-майор И. Ф. Удом 1-й)

Гвардейская легкая кавалерийская дивизия (генерал-майор И. Г. Шевич)

Прусская гвардейская бригада (полковник Э. Л. Типпельскирх)

Кирасирский корпус (генерал-лейтенант князь Д. В. Голицын 2-й)

1-я кирасирская дивизия (генерал-лейтенант Н. И. Депрерадович)

2-я кирасирская дивизия (генерал-майор Н. В. Кретов)

3-я кирасирская дивизия (генерал-лейтенант барон И. М. Дука)

Резервная артиллерия (генерал-майор Я. Е. Гине)

Казачий корпус (генерал от кавалерии граф М. И. Платов)

Армия Барклая-де-Толли входила в состав Богемской армии князя Шварценберга и насчитывала 140 батальонов, 182 эскадрона и 29 казачьих полков при 340 орудиях [106. С. 236].

Согласно диспозиции, Барклай-де-Толли, находившийся на правом фланге союзной армии, должен был спуститься от Лёйбница к Зёйдницу. Войска же, которые должны были атаковать французов с фронта, ожидали для начала нападения, пока Барклай-де-Толли спустится с гор вниз.

Но еще ночью начался сильный дождь, который сильно ухудшил видимость и создал неимоверную грязь на дорогах. Он был настолько сильным, что пехота практически не могла стрелять из ружей. По этой причине Михаил Богданович прислал адъютанта, который «по причине мглы и ненастья долго отыскивал государя. Он был прислан доложить Его Величеству, что Барклай-де-Толли не решается спуститься с гор для нападения на Мортье, опасаясь лишиться всей артиллерии, ибо, в случае неудачи, при тогдашней грязи невозможно будет взвести орудия обратно на горы» [100. С. 334].

Впрочем, передвигаться было сложно не только по горам. Генерал Богданович пишет, что «от сильного дождя местность растворилась до такой степени, что всякое передвижение войск сделалось весьма затруднительным» [23. С. 180]. К тому же примерно в это время привезли донесение о поражении австрийских войск, находившихся на левом фланге у Плауэна. И хотя эта неудача, ставшая «следствием ошибочных распоряжений Шварценберга» [23. С. 183], не могла иметь решающего влияния на ход сражения, но так как известие о ней пришло одновременно с тем, как Барклай-де-Толли заявил, что опасается оставлять выгодную позицию и спускаться с гор по скользкой грязи на топкую равнину, союзные монархи приняли решение отказаться от дальнейших покушений на Дрезден. Князь Шварценберг также признал продолжение сражения невозможным.

Общие потери союзников под Дрезденом оцениваются разными источниками в 20 000—28 000 человек. Из 12 000—15 000 пленных большую часть составили австрийцы. Русских выбыло из строя около 1300 человек. По данным Анри Лашука, потери союзников составили 26 000—27 000 человек, французов — не более 10 тысяч человек [80. С. 647]. По информации Дэвида Чандлера, союзники потеряли около 38 тысяч человек. «Казалось,

что легенда о непобедимости французов снова ожила» [147. С. 554].

После поражения союзных армии при Дрездене их расстроенные войска стали отступать тремя колоннами на юг через долины рудных гор в сторону Богемии. Целью князя Шварценберга, естественно, было прикрытие направления на Вену. Барклаю-де-Толли со всеми бывшими у него войсками было предписано отступить к Теплицу, и сделать это нужно было по гористым, совершенно испорченным от дождя дорогам.

Михаил Богданович решил идти на Теплиц через Диппольдисвальде и Альтенберг. В его арьергарде отходил корпус графа Витгенштейна. При этом Барклай-де-Толли со свойственной ему проницательностью и верностью военного взгляда, сравнивая данную диспозицию с расположением противника, предугадал, что если ее исполнить, то корпус французского генерала Вандамма успеет его опередить занятием теснин при Гисгюбеле и Пётерсвальде. Это означало, что пришлось бы пробиваться, а тем временем Наполеон получил бы возможность атаковать русских и пруссаков с тыла.

И в самом деле, еще 15 (27) августа Наполеон, чтобы перерезать путь отступления союзникам через горные долины, послал обходным маневром слева на Теплиц корпус генерала Вандамма, поддержать которого должны были корпуса маршалов Сен-Сира и Мармона.

На пути корпуса Вандамма, у которого было 32 000—35 000 человек, близ местечка Кульм, что в 40 километрах к югу от Дрездена, оказался 10-тысячный отряд под командованием графа Остермана-Толстого.

При успешном выполнении Вандаммом поставленной перед ним задачи для союзных войск могла сложиться крайне опасная и даже критическая ситуация. Ведь в случае выхода корпуса Вандамма к Теплицу он мог бы перекрыть узкий проход через Рудные горы, и тогда Богемской армии — а при ней находились император Александр и король Пруссии — грозило бы окружение и полный разгром. К тому же после неудачи под Дрезденом Австрия уже была готова выйти из коалиции, и в случае еще одного крупного поражения эта очередная анти-французская коалиция могла бы развалиться.

Понимая все это, Барклай-де-Толли, вопреки диспозиции, велел графу Остерману-Толстому идти на Пётерсвальде. В отряд графа входили корпус принца Евгения Вюртембергского и 1-я гвардейская дивизия А. П. Ермолова.

Сражение под Кульмом

Таким образом, Михаил Богданович вновь нарушил диспозицию и вечером 17 (29) августа подошел к Кульму, где принял личное начальство над войсками. При этом австрийские корпуса генералов Бьянки и Коллоредо получили повеление следовать к Теплицу.

Барклай-де-Толли велел своим войскам готовиться к бою. Одновременно он послал к генералу фон Клейсту предписание повернуть на Ноллендорф, чтобы зайти в тыл французам, и пригласил генералов Коллоредо и Бьянки поспешить со своим прибытием для содействия предполагаемой атаке.

Следует отметить, что Барклай-де-Толли не раз выражал неудовольствие медлительностью австрийцев. Так, он писал Александру I из Ноллендорфа:

«Движение австрийцев на правый берег Эльбы есть самое лучшее предприятие, которое сделать можно. Но удивляюсь, зачем сие движение не выполняется нашими войсками: мы тут более были бы в связи с Блюхером и Беннигсеном, а теперь мы вовсе от них отделены. Ежели бы с самого начала сделана была сия диверсия, то последствия были бы блистательнее, нежели экспедиция наша на Дрезден.

В главном основании предпринимаемый маневр хорош. Но, судя по тому, как князь Шварценберг выполнить его предполагает, выходит, что он будет действовать по кордонной системе, то есть слишком растянется, и нигде не будет иметь резервов. Ради Бога, государь, не допустите, чтобы Блюхер потянулся вправо, а Беннигсен встал между нами и австрийцами. Надобно себе только представить линию от Мекленбурга до Мариенбурга, чтобы ужаснуться, как мы разобщены. Я думаю, что когда неприятель отрядит значительные силы против шведского принца, то ослабит себя против Блюхера, и тут надобно атаковать и опрокинуть все то, что против шведского принца находиться будет; войска эти взяты будут в тыл, а Беннигсен должен составить резерв на случай неудачи.

Полагаю взять у Блюхера казаков; у него без того остается теперь только десять полков казацких. Те отряды, которые посланы в левый фланг неприятеля, достаточны, ежели они будут действовать с быстротой. Князь Шварценберг хочет совершенно раздробить армию вашу и раскинется во все стороны. Ежели случится несчастие, то нам собраться не можно будет и подкрепить себя некем. Против Наполеона надобно действовать массами, а не растянуто» [4. С. 467].

Отметим также, что если бы план Барклая-де-Толли не удался, вся тяжкая полнота ответственности пала бы на него — ведь он уклонился от исполнения официальной диспозиции, но

граф Остерман-Толстой «решительностью своею стяжал бессмертие» [100. С. 361]. Неожиданно помог ему и генерал фон Клейст, который, пытаясь спастись от преследовавшего его маршала Сен-Сира, наткнулся на войска Вандамма в самый острый момент его боя с русскими. Оказавшись таким образом у Вандамма в тылу, он «увеличил замешательство» [11. С. 365] и отрезал французам пути отступления к Ноллендорфу.

В результате 18 (30) августа корпус Вандамма был совершенно разбит. Примерно 12 000—13 000 человек было взято в плен, в том числе пять генералов и сам Вандамм, и с ними «84 орудия, несколько знамен, 200 зарядных ящиков и весь обоз» [100. С. 371].

«В лагере союзников ликовали» [147. С. 555].

У Михайловского-Данилевского читаем:

«Кульмское сражение решительно положило предел успехам Наполеона. С того времени почти все военные предприятия его были неудачны. Известие о Кульмской победе распространило повсюду тем большую радость, что никто не ожидал успехов через три дня после неудачи нашей под Дрезденом. В общности событий чрезвычайно важны были следствия обеих битв под Кульмом, 17-го и 18-го августа, ибо они имели существенное влияние на участь войны и самого Наполеона, а для России останутся навсегда драгоценным листком в ее победном венке. 17-го числа почти никаких войск, кроме русских, не было в огне, а 18-го составляли они многочисленнейшую часть союзной армии. Собственно победа принадлежала императору Александру, потому, что повеление Барклаю-де-Толли атаковать Вандамма и Клейсту ударить в тыл его, дано было непосредственно Его Величеством, и в то время, когда главнокомандующий и доверенные его генералы предавались безнадежности, помышляя только о безопасном отступлении за Эгер. Светлая мысль царя была достойно выполнена русскими и союзными войсками. Блистательный успех, одержанный под Кульмом, возымел самое животворное влияние на союзников наших. Победа всегда возвышает дух солдат, но ничто сильнее победы не скрепляет братского дружества между разнонародными армиями, сражающимися под одними знаменами. <…> Потеря убитыми и ранеными простиралась в оба дня с нашей стороны до 7000; у пруссаков выбыло из строя 1500, у австрийцев около 800 человек» [100. С. 372–373].

Победа принадлежала императору Александру? Иного мнения от официального придворного историка ждать и не приходится. А вот, например, участник сражения подполковник И. Т. Радожицкий утверждает, что эта победа была обязана

«особенно отличной твердости российской гвардии под начальством графа Остермана-Толстого и благоразумным распоряжениям главнокомандующего Барклая-де-Толли» [119. С. 226].

Собственно, даже сама «инициатива Кульмского сражения целиком исходила от Барклая-де-Толли» [84. С. 195], и это подтверждается тем, что за эту победу он был удостоен высшей полководческой награды — ордена Святого Георгия 1-й степени, а также — высшего ордена Австрийской империи — командорского креста Марии-Терезии.

Теперь, как и М. И. Кутузов, «Барклай имел тоже все четыре степени ордена Георгия» [8. С. 477]. Факт этот весьма примечателен, ибо так получилось, что столь знаменитые полководцы, как генералиссимус А. В. Суворов и генерал-фельдмаршал Г. А. Потемкин-Таврический, имели лишь три первые степени ордена Святого Георгия: до 1838 года генералов, а порой и полковников, награждали сразу же Георгием 3-го класса. Таким образом, хотя ордена Святого Георгия 1-й степени были удостоены 25 человек, но полными кавалерами ордена стали только четверо, и Михаил Богданович оказался вторым из них.

Кроме того, «король прусский, личный великодушный свидетель сражения 17-го августа, наградил орденом Железного креста — в России он получил название “Кульмский крест” — всех генералов, офицеров и нижних чинов гвардии, бывших в сражении. При раздаче крестов граф М. А. Милорадович отдал приказ, в котором между прочим было сказано: “Да умножат сии новые знаки отличия на груди вашей число тех, которые трудами и кровью приобрели вы в битвах за спасение отечества, за славу имени русского и свободу Европы”» [100. С. 364].

«Битва народов»

Силы союзников стягивались под Лейпциг по частям. Первыми подошли Силезская армия генерал-фельдмаршала Блюхера и Богемская армия князя Шварценберга. В ходе сражения подтянулись Северная армия Бернадота, а также немалое количество иных войск. Всего союзная армия насчитывала более 300 тысяч человек, из которых 127 тысяч составляли русские, 89 тысяч — австрийцы, 72 тысячи — пруссаки и 18 тысяч — шведы.

По информации Дэвида Чандлера, под Лейпцигом у союзников было: в Богемской армии князя Шварценберга — 203 тысячи человек, в Силезской армии Блюхера — 54 тысячи человек, а в Северной армии Бернадота — 85 тысяч человек [147.

С. 560].

По данным Анри Лашука, численность союзной армии была еще больше и превышала 361 тысячу человек [80. С. 661].

Главнокомандующим союзными войсками считался австрийский фельдмаршал князь Шварценберг.

У Наполеона под Лейпцигом было девять пехотных корпусов — более 120 тысяч человек; императорская гвардия — три пехотных корпуса, кавалерийский корпус и артиллерийский резерв, всего до 42 тысяч человек; пять кавалерийских корпусов — до 24 тысяч человек и гарнизон города Лейпцига — около четырех тысяч человек. Итого, около 190 тысяч человек.

По данным Дэвида Чандлера, под Лейпцигом Наполеон имел 177 тысяч человек, и еще 18 тысяч человек должны были вот-вот подойти [147. С. 560].

По количеству орудий Наполеон также существенно уступал союзникам: у него имелось в наличии 717, а у союзников — 893 пушки.

Если посмотреть на карту, можно увидеть, что «Лейпциг лежит на обширной плодородной равнине, изрезанной многими реками и речками, текущими в неглубоких долинах. Вообще вся эта местность хотя и волнообразна, однако же не представляет значительных высот. Пространство кругом Лейпцига открыто на значительном расстоянии, и только в двенадцати верстах к юго-востоку от города находится довольно обширный лес. Множество селений с каменными строениями, прочными оградами и с церквями, лежащими на отдельных незастроенных площадях, способствуют оборонительным действиям; главными же преградами для движения войск служат текучие воды, пересекающие местность во многих направлениях. Важнейшее из них есть перепутанное множеством каналов и рукавов течение Эльстера и Плейссе, образующее обширную низину из лугов и болот, местами покрытых кустарником, изрезанных рвами и соединенных между собою плотинами и мостиками. <…> Другую важную преграду образует река Парта, впадающая к северу от Лейпцига» [23. С. 434].

Вот на этой-то местности и состоялось одно из величайших сражений эпохи наполеоновских войн, вошедшее в историю под названием «Битва народов».

* * *

3 (15) октября 1813 года Наполеон разместил войска вокруг Лейпцига, при этом большую часть своей армии (примерно 110

тысяч человек) он поставил южнее города — возле реки Плейссе, от Конневица до Хольцхаузена. Корпус генерала Бертрана (около 12 тысяч человек) расположился на западе от города у Линденау, а на севере находились войска маршалов Нея и Мармона (около 50 тысяч человек).

Союзники к этому моменту имели в наличии примерно 200 тысяч человек, так как австрийский корпус графа Коллоредо и русская Польская армия генерала Беннигсена лишь только подтягивались к месту битвы, равно как и бывший наполеоновский маршал Бернадот, возглавлявший Северную армию.

Согласно плану фельдмаршала Шварценберга, основная часть войск союзников должна была преодолеть сопротивление противника возле Конневица, чтобы обойти правый фланг французов. При этом около 20 тысяч человек под командованием графа Гиулая должны были атаковать Линденау, а Гебхарду фон Блюхеру следовало наступать на Лейпциг с севера.

«Генерал Толь, со своей стороны, считая диспозицию, составленную в штабе фельдмаршала, в высшей степени несоответственною обстоятельствам, старался убедить в том как самого князя Шварценберга, так и его советников. По его мнению, переправа при Конневице, под картечью и огнем стрелков, была невозможна, да ежели бы и удалось там перейти через болота и реку, то не иначе как в узкой колонне, которая потребовала бы для построения к бою продолжительное время, что способствовало бы неприятелю атаковать превосходными силами и уничтожить головные войска прежде, нежели прочие могли дебушировать из теснины и подоспеть им в помощь. На основании этих доводов генерал Толь полагал, что следовало направить главные силы армии по правой стороне Плейссе и обойти неприятельскую позицию с левого фланга. Как все усилия его отклонить австрийских стратегов от их намерения не имели успеха, то он просил князя Шварценберга не рассылать диспозиции корпусным командирам, пока император Александр не изъявит на то свое согласие, а сам тотчас же отправился к государю и доложил ему о предположениях главнокомандующего. Не трудно было Толю отстаивать свои убеждения, разделяемые генералами Барклаем-де-Толли и Дибичем. Государь приказал пригласить к себе князя Шварценберга» [23. С. 438].

Естественно, князь Шварценберг принялся упорно защищать свой план действий, но в конечном итоге было принято решение о том, что австрийский корпус графа фон Кленау, русские войска генерала графа Витгенштейна и прусский корпус генерала фон Клейста под общим командованием Барклая-де Толли будут

атаковать французов в лоб с юго-востока. Таким образом, Богемская армия оказалась разделенной на три части: на западе находились австрийцы Гиулая, другая часть австрийской армии должна была действовать на юге между реками Эльстер и Плейссе, а остальная часть Богемской армии под начальством Барклая-де-Толли — на юго-востоке, между Дрёзеном и Хольцхаузеном.

Таким образом, под общим командованием Михаила Богдановича оказалось примерно 84 тысячи человек с 404 орудиями, и эти войска встали в две линии [23. С. 441–442].

* * *

4 (16) октября, еще до рассвета, войска Барклая-де-Толли начали выдвижение, и около восьми утра по французам был открыт сильный артиллерийский огонь. Авангардные колонны атаковали позиции противника.

Примерно в 9.30 войска генерала фон Клейста захватили деревню Маркклееберг. Затем была взята деревня Вахау, однако из-за наносящего большой урон огня французской артиллерии к полудню она была оставлена.

Упорнейшие бои шли за любую деревню на юго-востоке от Лейпцига. При этом обе стороны несли тяжелые потери.

На юге наступление австрийцев против Конневица не имело успеха, и после полудня князь Шварценберг направил один австрийский корпус на помощь Барклаю-де-Толли.

В районе трех часов Наполеон решил перейти в контрнаступление, направив кавалерию маршала Мюрата — порядка 10 тысяч сабель — на прорыв центра союзников у Вахау. Но это действие не имело успеха, равно как неудачей закончилась и попытка наступления корпуса генерала Лористона.

В это время на западе генералом Бертраном было отбито наступление войск графа Гиулая на Линденау. Зато на севере большого успеха добилась Силезская армия Блюхера. Не дожидаясь подхода Северной армии, прусский фельдмаршал отдал приказ присоединиться к общему наступлению на Лейпциг через Мёккерн, который защищали войска маршала Мармона. Но, в итоге, корпус последнего был смят и фронт французских войск севернее Лейпцига оказался прорван. Это отвлекло Наполеона от сражения в районе Вахау, и он «не смог прорвать фронт Богемской армии» [80. С. 677].

С наступлением ночи боевые действия прекратились. Несмотря на огромные потери, день завершился без особого

преимущества для какой-либо из сторон.

* * *

В воскресенье 5 (17) октября к союзникам подошло подкрепление, и положение Наполеона стало очень тяжелым. Через взятого в плен австрийского генерала Максимилиана фон Мерфельдта он передал свои условия перемирия, однако командование союзников даже не удостоило императора ответом.

В целом же день этот прошел относительно спокойно, лишь на севере от Лейпцига пруссаки Блюхера, взяв деревни Ойтрицш и Голиц, вплотную подступили к городу.

А в два часа дня в деревне Зестевит собрался военный совет союзников. На этом совете генерал Беннигсен, совсем недавно прибывший со своей армией, заявил, что его солдаты слишком устали от долгого перехода и не могут немедленно включиться в сражение. Поэтому было принято решение возобновить общее наступление утром следующего дня.

* * *

Ночью Наполеон оставил свои старые позиции, защищать которые из-за недостатка войск ему было практически невозможно, и отступил к Лейпцигу. К этому времени у императора оставалось примерно 150 тысяч человек, тогда как силы союзников составляли около 300 тысяч человек. Несмотря на это, бои, начавшиеся 6(18) октября, были крайне ожесточенными и далеко не на всех участках удачными для союзников.

В 7 часов утра князь Шварценберг отдал приказ о наступлении.

На левом фланге австрийцы под командованием наследного принца Гессен-Гомбургского атаковали позиции французов под Дёлицем и Дёзеном. К 10 часам оба этих населенных пункта были взяты, но сам принц был тяжело ранен, и его заменил граф Коллоредо.

Потом французские войска были оттеснены до Конневица, однако Наполеон вовремя прислал две дивизии под командованием маршала Удино, и австрийцы были отброшены за Дрёзен. Повторно взять Конневиц им уже не удалось.

Одновременно с этим под Пробстхейде Барклай-де-Толли столкнулся с маршалом Виктором.

Как пишет Анри Лашук, «колонна Барклая-де-Толли около 8 часов утра выступила с исходной позиции. <…> Заняв Вахау и Либертвольквиц, она приблизилась к Пробстхейде — главному опорному пункту корпуса Виктора — и остановилась на дистанции пушечного выстрела от этой сильно укрепленной деревни» [80. С. 680].

Примерно в 14 часов войска Барклая-де-Толли начали штурм Пробстхейде, «однако артиллерия союзников не смогла проделать бреши в стенах укрепленного селения» [80. С. 682]. Понимая всю важность позиции при Пробстхейде, Наполеон лично отправился туда, а потом приказал бросить туда свою гвардию и гвардейскую артиллерию — около 150 орудий.

Подполковник И. Т. Радожицкий пишет:

«Большая союзная армия наступала на центр наполеоновой позиции, утвердившейся в Пробстхейде. Она успела только взять д. Хольцхаузен и Цукельхаузен, но не могла сбить французов с линии. В 2 часа пополудни пруссаки и австрийцы подступили к Пробстхейде, но были два раза отражены гвардией Наполеона при сильном огне с батарей. Тогда князь Шварценберг, видя, что невозможно поколебать твердый центр наполеоновой позиции, и щадя войска, выставил несметное число артиллерии, которая, охватив дугой верст на пять пространства, истребляла храбрейшие войска Наполеона. Его батареи хотя также были сильны, но из центра не могли отвечать с равным истреблением сосредоточенным на них выстрелам наших батарей. Наполеонова гвардия показала и здесь удивительный пример твердости: она даже покушалась идти на батареи, но гибельная картечь тогда еще опустошительнее смывала ряды храбрых. <…> Этот убийственный огонь артиллерии продолжался до ночи» [119. С. 274–275].

В Лейпцигском сражении Барклай-де-Толли подвергался большой опасности, но, несмотря на это, он, как всегда в боевой обстановке, отличался необычайным хладнокровием, о котором солдаты говорили друг другу: «Погляди на Барклая, и страх не берет» [41. С. 52].

Он всегда находился там, где это было нужно.

Что же касается генерала Беннигсена, то его армия перешла в наступление с большим опозданием, но сумела захватить Паунсдорф. В это же время войска Бернадота и фон Бюлова также продвинулись вперед, а на севере от Лейпцига союзникам удалось захватить Голиц.

В этот момент сражения саксонская дивизия, сражавшаяся в рядах наполеоновских войск, перешла на сторону союзников, а чуть позже то же самое совершили вюртембергские и баденские

части.

Барон Марбо в своих «Мемуарах» написал по этому поводу:

«Подобное предательство со стороны наших союзников привело к образованию ужасной пустоты в самом центре французской армии» [87. С. 672].

«Никому ни слова об этой низости! — приказал император своему адъютанту Флао, принесшему ему новость об измене» [80. С. 683]. А что еще ему оставалось делать?

К вечеру на севере и востоке союзники уже были на расстоянии 15-минутного марша от Лейпцига. Лишь темнота прекратила боевые действия, и противники стали готовиться к возобновлению сражения на следующее утро.

* * *

Так как при планировании битвы Наполеон рассчитывал только на победу, то меры по подготовке отступления были приняты явно недостаточные. В распоряжении всех колонн оказалась только одна дорога на Вайсенфельс.

Диспозиция союзников на 7 (19) октября была составлена с расчетом на продолжение сражения. Предложения Александра I о форсировании Плейссе и Блюхера о выделении 20-тысячной кавалерии для преследования неприятеля были отклонены.

Вскоре после того, как утренний туман рассеялся, король Саксонии Фридрих-Август прислал офицера с предложением сдать город без боя — если французским войскам будут гарантированы четыре часа на отступление. Александр I отклонил это предложение и послал своих адъютантов к колоннам с приказом о наступлении в 10 часов утра.

«Некоторые приближенные советовали Наполеону сжечь предместья Лейпцига и обороняться за городскими стенами» [180. С. 686]. Но император предпочел отступить.

В то время как французская армия в толчее протискивалась через западные Рандштадтские ворота и сам Наполеон лишь с трудом смог выбраться из города, русские войска под командованием генералов Ланжерона и Сакена захватили восточный пригород Халлес, пруссаки под командованием Бюлова — пригород Гриммас, а южные ворота Лейпцига, Петерстор, были взяты войсками Беннигсена. Войска Барклая-де-Толли вышли к заставе Ветряной мельницы и воротам Сандтор.

Паника среди оставшихся защитников города достигла апогея, когда вдруг был взорван каменный мост через Эльстер, перед Рандштадтскими воротами. Между тем внутри города

оставалось еще около 30 тысяч французов, в том числе маршалы Макдональд и Понятовский, генералы Рейнье и Лористон.

Что это было? Предательство? Вовсе нет… Как пишет Анри Лашук, «просто один капрал инженерных войск потерял голову» [80. С. 687].

Дело заключалось в том, что Наполеон возложил ответственность за подготовку моста к уничтожению «на ненадежного человека — гвардейского генерала Дюлолуа. Тот, в свою очередь, перепоручил эту задачу некоему полковнику Монфору, который вскоре решил, что мушкетные пули свистят очень уж близко, и покинул свой пост, оставив какого-то жалкого капрала в одиночестве со всеми подрывными зарядами. Это несчастное существо почему-то ударилось в панику в час дня и без малейшей нужды взорвало мост, несмотря на то, что он был запружен французскими войсками. Эта преступная ошибка превратила успешную операцию отхода в стихийное бедствие» [147. С. 569].

Как свидетельствует барон Марбо, «катастрофа была полной и ужасной! <…> После взрыва моста многие французы, отрезанные от пути к отступлению, бросились в Эльстер, чтобы его переплыть. Многим это удалось. Среди них был и маршал Макдональд. Но огромное количество наших солдат и офицеров, в том числе и князь Понятовский, погибли, потому что, переплыв через реку, они не смогли взобраться на крутой берег реки, к тому же с противоположного берега в них стреляли вражеские пехотинцы» [87. С. 682].

«Порождающее смятение и панику известие об уничтожении переправы быстро распространилось среди войск, отступавших к реке и еще продолжавших оборонять Лейпциг. Ветераны вспоминали о Березине…» [80. С. 687].

К часу дня Лейпциг был полностью взят союзными войсками.

* * *

Французская армия, по разным оценкам, потеряла под Лейпцигом от 60 тысяч до 70 тысяч человек. В частности, по мнению Дэвида Чандлера, потери составили 38 000 человек, и 7 (19) октября «в руки союзников попало еще 30 000» [147. С. 569]. Было убито четыре генерала, ранено два маршала и «великое число генералов», в плен взяты король Саксонский, два корпусных начальника Рейнье и Лористон, 20 дивизионных и бригадных генералов.

Как уже отмечалось, среди погибших оказался и Юзеф

Понятовский, получивший свой маршальский жезл лишь за два дня до этого рокового дня. Кроме того, союзникам достались в качестве трофеев 325 орудий, 960 зарядных ящиков, большая часть обоза и транспорта [147. С. 569].

Потери союзников, по данным Дэвида Чандлера, равнялись 54 тысячам человек [147. С. 569].

Войска Барклая-де-Толли в штурме Лейпцига 7 (19) октября участия не принимали. «Сам Михаил Богданович стоял у дороги в Гриммау вместе с союзными монархами и ждал донесения о падении Лейпцига, но донесения все не было. И тогда оба императора и король решили въехать в город, где все еще шли бои» [8. С. 483].

Михаил Богданович въехал в Лейпциг вместе с императором Александром, и в этом сражении он был одним «из главнейших виновников победы» [11. С. 371]. Эти его новые заслуги были достойно награждены — возведением в графское достоинство Российской империи.

Находившийся при Барклае-де-Толли Арсентий Андреевич Закревский, получивший чин генерал-майора всего за три недели до Лейпцигского сражения, на следующий день стал генерал-адъютантом.

Глава восьмая
Кампания 1814 года

Война на Французской земле

Итак, кампания 1813 года завершилась для Наполеона неудачно, а уже в январе 1814 года союзные армии перешли через Рейн и вторглись на территорию Франции.

Состояние французской армии на тот момент было критическим: готовых к бою солдат у Наполеона осталось всего около 47 тысяч человек. У вторгшихся в пределы Франции союзников их было в пять раз больше, и еще почти 200-тысячные подкрепления шли разными дорогами им на подмогу. Все страшно устали от войны, но Наполеон — теперь уже один против всей Европы — как ни странно, был энергичен и рвался в бой. Чтобы противостоять нашествию, он «должен был сотворить настоящее чудо» [80. С. 693]. И кажется, это ему удалось…

15 (27) января он выбил русские войска генерала С. Н. Ланского из Сен-Дизье. 17 (29) января при Бриенне была одержана новая победа над пруссаками и русским корпусом генерала Ф. В. Остен-Сакена. Сразу после этого Блюхер поспешил на юго-восток к Бар-сюр-Об, где были сосредоточены главные силы князя Шварценберга.

В это время Барклай-де-Толли хотя и носил звание Главнокомандующего, но непосредственно руководил только русско-прусским резервом, при котором он и находился, передавая ему распоряжения, шедшие от князя Шварценберга. Резерв этот шел во втором эшелоне.

Влияние же Барклая-де-Толли на русские боевые корпуса ограничивалось общим надзором за административной и хозяйственной частями. Да и то, как он мог осуществлять надзор, если русские войска находились в составе разных армий, а в них Михаилу Богдановичу никто не обязан был подчиняться?

По словам биографа Барклая-де-Толли В. Н. Балязина, трудность управления союзными войсками усугублялась великой национальной «чересполосицей». Все это приводило к тому, что из-за настоящего «вавилонского смешения языков» Михаил Богданович «часто не знал конкретного хода дел в союзных армиях и подлинного состояния русских войск. До него доходили сведения о пренебрежении союзников своими обязательствами перед русскими, о плохом снабжении русских солдат и офицеров. Он делал все, что мог, но далеко не всегда его усилия

оказывались эффективными» [8. С. 487].

Союзники располагали между Шомоном, что на Марне, и Бар-сюр-Об силами в 120 тысяч человек. У Наполеона в этот момент было чуть больше 36 тысяч человек, но он решил не отступать, а принять бой. Сражение при Ла-Ротьере началось рано утром 20 января (1 февраля) и шло до поздней ночи.

«Все время продолжалась метель, напоминая немногим выжившим французским и русским ветеранам об Эйлау в 1807 году. До четырех часов дня казалось, что французы смогут противостоять давлению, но затем их левый фланг начал рассыпаться под возобновленной атакой сил генерала Вреде. В тот самый момент прибывшие свежие войска Барклая едва не выбили французов из Ла-Ротьера.

Наполеон быстро заметил опасность. Кризис угрожал одновременно обоим флангам, и императору было необходимо найти решение трудной задачи. Как всегда, он оказался на высоте положения. Силами головной дивизии Нея он контратаковал Барклая и вернул себе контроль над Ла-Ротьером» [147. С. 583].

Однако превосходство союзников в численности не могло не сказаться, и французы, потеряв около шести тысяч человек и 50 орудий, начали отступать. Союзники потеряли при Ла-Ротьере чуть менее пяти тысяч человек (по мнению Анри Лашука, «при Ла-Ротьере каждая из сражавшихся сторон потеряла по 6000 человек» [80. С. 717]).

За сражение при Ла-Ротьере Барклай-де-Толли был награжден золотой шпагой, украшенной лаврами и бриллиантами.

После Ла-Ротьера Наполеон, никем не преследуемый, перешел через реку Об и, отступая на запад, 22 января (3 февраля) вошел в город Труа, расположенный на берегу Сены. Его положение оставалось крайне опасным, ибо подкреплений подходило мало и поступали они крайне медленно, гораздо медленнее, чем того хотелось бы Наполеону.

По мере возрастания опасности император французов становился все деятельнее. 29 января (10 февраля), после нескольких быстрых переходов на северо-запад, он напал на стоявший у Шампобера отряд генерала З. Д. Олсуфьева и разбил его наголову. По словам А. И. Михайловского-Данилевского, «мы потеряли под Шампобером до двух тысяч убитых и пленных и девять орудий; но в бюллетенях Наполеона, возвестивших о сем деле, сказано, что он отбил 40 пушек, взял в плен шесть тысяч человек, а остальных потопил в прудах и озерах» [99. С. 114]. По мнению Анри Лашука, русские потери составили 1200–1500 человек, и еще 1837 человек, включая самого генерала Олсуфьева, были взяты в плен [80. С. 724].

На другой день Наполеон повернул от Шампобера к Монмирайю, где стояли русские и пруссаки. Сражение при Монмирайе, происшедшее 30 января (11 февраля), закончилось его новой блестящей победой. Союзники потеряли в этот день до 3700 человек, а Наполеон — около двух тысяч человек. Союзники поспешно отступили с поля боя, оставив 6 знамен, 26 орудий и около двухсот повозок [80. С. 729].

Потом Наполеон резко двинулся на север, и битва при Шато-Тьерри 31 января (12 февраля) вновь завершилась его победой. Более того, если бы не ошибочное движение и опоздание маршала Макдональда, дело кончилось бы полным истреблением сражавшихся у Шато-Тьерри союзных сил. 2 (14) февраля Наполеон уничтожил авангард Блюхера у Вошана: здесь пруссаки потеряли около девяти тысяч человек.

6 (18) февраля произошло новое сражение при Монтрё — на юго-западе от Вошана, и опять союзники, потеряв шесть тысяч человек и 15 пушек, были отброшены на сорок миль к югу. Французы потеряли примерно 2500 человек [147. С. 593].

Но, несмотря на поражения, союзники не падали духом: слишком многое было поставлено на карту. Блестящие, следующие одна за другой победы Наполеона заставляли их с тревогой думать о том, что же будет, если этот человек, которого они единодушно и уж давно считали первым полководцем всемирной истории, останется на престоле, отдохнет, соберется с новыми силами? Кто справится с ним тогда — через год или через два?

К началу марта у Наполеона было уже больше 75 тысяч человек, из них 40 тысяч он выставил заслонами против отступившего князя Шварценберга, а с 35 тысячами устремился за Блюхером, который сам чуть было не попал в плен. Но, спасшись от плена, Блюхер не ушел от сражения: 23 февраля (7 марта) Наполеон настиг его у Краона — на северо-востоке от Монтрё, гораздо севернее Вошана, и завязал бой с выдвинутым ему навстречу корпусом генерала М. С. Воронцова. Итог дня: русские потеряли пять тысяч человек, французы — на 500 человек больше [147. С. 599]. А тем временем вся армия Блюхера сосредоточилась еще севернее, у Лаона. 25–26 февраля (9—10 марта) Наполеон предпринял попытки выбить союзников из лаонской позиции, но попытки эти не удались. Потеряв около девяти тысяч человек, Наполеон отвел свои войска на юго-запад, к Суассону.

В это же время маршалы Удино и Макдональд, которым было приказано следить за князем Шварценбергом, были отброшены в район Прованса.

Не успев отдохнуть и не дав отдохнуть своей армии после безрезультатного сражения у Лаона, Наполеон, который, «несмотря на угнетающую обстановку, был преисполнен боевого духа» [147. С. 601], бросился на вошедший в Реймс 15-тысячный русско-прусский отряд под начальством русского генерала графа Сен-При. 1(13) марта Наполеон неожиданно ворвался в Реймс, наголову разгромив противника — при этом сам Сен-При был убит. После этого Наполеон двинулся на юг для встречи с князем Шварценбергом.

Она произошла 8 (20) марта у Арси-сюр-Об. У Наполеона было около 30 тысяч человек, у Шварценберга — около 90 тысяч. Сражение, в котором принимал участие и Барклай-де-Толли, длилось целый день, французы нанесли союзникам большие потери, но преследовать Шварценберга сил уже не было, и Наполеон, контратакованный гренадерами Н. Н. Раевского и кирасирами принца Евгения Вюртембергского, был вынужден уйти обратно за реку Об.

После сражения при Арси-сюр-Об Наполеон со своей 50-тысячной армией задумал зайти в тыл союзников и напасть на их пути сообщения. При этом Париж был оставлен практически неприкрытым, и вот тут-то союзники решили рискнуть: воспользоваться тем, что Наполеон далеко на востоке, и идти прямо на французскую столицу, рассчитывая захватить ее раньше, чем император французов успеет лично прийти на ее защиту.

* * *

Родилась эта идея следующим образом. Сначала князь П. М. Волконский, находившийся при императоре Александре в качестве начальника Главного штаба, пошел к государю и доложил, что, на его взгляд, сейчас было бы выгоднее идти на Париж, нежели продолжать преследовать Наполеона. Когда он пространно развил свою мысль, император приказал позвать к нему генералов Барклая-де-Толли, Дибича и Толя. Когда те вошли, император сказал:

«— По соединении наших армий представляются нам два случая: первый — идти на Наполеона и в гораздо превосходнейших силах атаковать его, второй — скрывая от него наши движения, идти прямо на Париж. Какое ваше мнение, господа?

Обратясь к графу Барклаю-де-Толли, император велел ему первому изложить свои мысли. Михаил Богданович, посмотрев на карту, сказал:

— Надобно следовать за Наполеоном и напасть на него.

Сначала все были с ним согласны за исключением И. И. Дибича. Он советовал совершить нападение на Париж. Князь П. М. Волконский возразил:

— В Париже находятся 40 000 национальной гвардии и остатки разных полков; в окрестностях Парижа стоят корпуса маршалов Мортье и Мармона. Все сии войска составляют 90 000 человек, притом, идя за Наполеоном, мы должны оставить сильный арьергард для их отражения. Потому лучше соединиться нам с Силезской армией и отрядить за Наполеоном значительный корпус конницы и несколько полков пехоты, приказав им для большего удостоверения, что будто мы за ними идем с армией, заготовлять везде квартиры государю; самим же нам направиться прямо на Париж. Следуя таким образом, надобно атаковать Мортье и Мармона, где они с нами ни встретятся. Мы разобьем их, потому что мы сильнее, а с Наполеоном будем расходиться каждый день на два марша» [97. С. 20–21].

Мнение князя Волконского было одобрено императором, а генерал Дибич сказал:

«Если Вашему Величеству угодно восстановить Бурбонов, то, конечно, лучше будет обратиться обеим армиям на Париж» [22. С. 472].

«Здесь речь идет не о Бурбонах, — возразил император, — а о свержении Наполеона» [22. С. 472].

После все просчитали на карте, за сколько маршей можно прибыть к Парижу, и нашли, что по овладении им останется еще достаточно времени, чтобы принять надлежащие меры к встрече Наполеона, если он решится подойти.

Когда кончился военный совет, император Александр, желая сообщить свое решение королю Пруссии и князю Шварценбергу, поехал к Витри.

Корпуса союзников располагались вокруг Витри: граф Вреде стоял у Мезона, генерал Раевский — у Друльи, кронпринц Вильгельм Вюртембергский (с 1816 года — король Вюртемберга) — у Бласи, Барклай-де-Толли с резервом — при Курдеманже. Только граф Гиулай оставался возле Арси-сюр-Об.

Париж взят!

Прямой путь на Париж загораживали только маршалы Мармон и Мортье, но у них в общей сложности было не 90 тысяч, как думали многие, а не более 25 тысяч человек, да и то это в основном были не регулярные войска, а неопытные новобранцы и национальные гвардейцы. Фактически они оказались брошены

Наполеоном на произвол судьбы. Сражение при Фер-Шампенуазе 13 (25) марта не могло не закончиться их полным поражением.

Барклай-де-Толли в этом сражении «принял деятельное участие» [11. С. 377]. Итог этого дня был совершенно фантастическим: 13-тысячная русская кавалерия наголову разбила французскую пехоту. Две дивизии Национальной гвардии были уничтожены практически целиком. Изрублено и расстреляно было от 3000 до 6000 французов: изуродованные трупы никто не считал, примерную цифру вывели потом на основании рапортов французских офицеров. Было захвачено 80 пушек (почти вся артиллерия Мармона и Мортье), 200 зарядных ящиков, весь обоз и парки [99. С. 354]. В плен русским сдалось около 10 тысяч человек — в основном обезумевших от ужаса новобранцев. Похвалив за храбрость и накормив из русских котлов, Барклай-де-Толли потом великодушно распустил их по домам. «Потеря союзников простиралась до 2000 человек» [99. С. 354].

Генерал Михайловский-Данилевский так оценивает значение этой победы:

«Фер-Шампенуазское сражение достопримечательно тем, что было ведено нами на марше, без всякого предварительного распоряжения, одной конницей против двух пехотных корпусов. Диспозицией назначено было идти в тот день из Витри до Фер-Шампенуаза, что составляет тридцать верст. Не зная, что маршалы Мортье и Мармон находились очень близко от Витри, мы не полагали встретить неприятелей, и хотя появление их было нечаянно, однако же, сражаясь с ними весь день, союзные армии достигли места, назначенного им диспозицией. Наша пехота не сделала ни одного выстрела и только следовала за конницей, покрывшей себя славой. Ее было в деле тысяч тринадцать, большей частью русской. Главная честь победы принадлежит графу Палену. Он первый открыл неприятеля, первый атаковал, до вечера не переставал теснить французов и отбил наибольшее число трофеев. Фер-Шампенуазская победа особенно важна тем, что способствовала скорейшему овладению Парижем. Если бы Мортье и Мармон не лишились в сем сражении половины войск, составлявших корпуса их, и 80-ти орудий, то перед столицей могли бы они держаться долее, остановить несколько времени союзников под стенами ее и дать Наполеону возможность приблизиться к ней. Наполеон опоздал к Парижу немногими часами, а если бы он успел прийти, то вероятно истощил бы все средства обороны. Потому поражение французов под Фер-Шампенуазом должно почитать преддверием покорения Парижа и падения Наполеона» [99. С. 354–355].

Наполеон опоздал. Почти 150-тысячная армия союзников, оставив Наполеона далеко на востоке, 17 (29) марта подошла к парижским пригородам Пантен и Роменвилль.

* * *

О настроениях, царивших в Париже, маршал Мармон написал в своих «Мемуарах» следующее:

«Жители Парижа мечтали о падении Наполеона: об этом свидетельствует их полное безразличие в то время, как мы сражались под его стенами. Настоящий бой шел на высотах Бельвилля и на правом берегу канала. Так вот, ни одна рота Национальной гвардии не пришла нас поддержать. Даже посты полиции, стоявшие на заставах для задержания беглецов, сами разбежались при первых выстрелах противника» [163. С. 270].

Падение Парижа «уже не могло быть отсрочено» [147. С. 607].

Маршал Мармон возглавлял оборону Парижа от Марны до высот Бельвилля и Роменвилля, а маршалу Мортье была поручена линия обороны, шедшая от этих высот до Сены. Войск у того и другого было так мало, что выполнение задачи выглядело маловероятным.

Союзники подошли к Парижу с севера и с востока тремя колоннами: правую — Силезскую армию вел прусский фельдмаршал Блюхер, центральную — Барклай-де-Толли, а левая колонна под командованием кронпринца Вильгельма Вюртембергского двигалась вдоль правого берега Сены.

Барклай-де-Толли возглавил боевые действия в центре и на левом фланге союзников. Союзники спешили овладеть Парижем до подхода армии Наполеона, поэтому Михаил Богданович не стал дожидаться сосредоточения всех сил для одновременного штурма со всех направлений.

Одним из первых перешел в атаку генерал Н.Н. Раевский. Выделенный из его войск сильный отряд в шесть часов утра 18 (30) марта пошел на Пантен и к лесу между этой деревушкой и Роменвиллем, а сам генерал Раевский с пехотой князя Горчакова и кавалерией графа Палена 1-го пошел на штурм высот Роменвилля. Как обычно, гвардия оставалась в резерве.

Но французы сумели предупредить атаку Раевского. Зная, что Пантен и Роменвилль составляют ключ их позиции, они сами вознамерились овладеть ими и были в полном движении, когда принц Евгений Вюртембергский приближался к Пантену. Угадав замысел противника, принц оставил в этом селении одну дивизию, а с другой пошел навстречу французам, к холму за

Пантеном. Фактически корпус генерала Евгения Вюртембергского, племянника вдовствующей императрицы Марии Федоровны, один вынужден был выдержать кровопролитный бой, в котором потерял только убитыми до 1500 человек. После этого принц запросил подкреплений, известив Барклая-де-Толли следующей запиской:

«Второй корпус обрекает себя на жертву. Подумайте о нас и помогите нам» [151. С. 414].

Михаил Богданович отвечал:

«С благодарностью признаю вашу решимость. Гренадеры готовы подкрепить вас» [151. С. 414].

Решительные действия Барклая-де-Толли, пославшего вперед две дивизии 3-го гренадерского корпуса, во многом способствовали общему успеху сражения под Парижем. Он ввел в бой резерв и «немедленно определил жребий сражения» [99. С. 398].

Михаил Богданович велел 2-й гренадерской дивизии И. Ф. Паскевича подкрепить левый фланг генерала Раевского, а 1-й гренадерской дивизии П. Н. Чоглокова — двинуться на высоту, к лесу между Пантеном и Роменвиллем. Вслед за гренадерами были посланы в Пантен прусская и баденская гвардия. Подкрепление это сыграло свою позитивную роль: остановив французов, гренадеры начали их теснить и, в конечном итоге, «дожали» до Менильмонтана и Бельвилля, где противник мог рассчитывать на прикрытие сильных батарей.

После этого Барклай-де-Толли приказал приостановить наступление, ожидая вступления в дело запоздавшей Силезской армии Блюхера и войск кронпринца Вильгельма Вюртембергского. Однако выяснилось, что Блюхер слишком поздно получил диспозицию и не смог занять назначенных ему мест, а кронпринца нельзя ожидать ранее чем через несколько часов.

Позднее Блюхер оправдывался тем, что его армия запоздала с началом штурма из-за канала Урк, который не был нанесен на карты и который пришлось долго и трудно форсировать.

У А. И. Михайловского-Данилевского читаем:

«Сбив неприятеля с высот между Роменвиллем и Пантеном, граф Барклай-де-Толли приказал полкам, большей частью рассыпанным в стрелках, собраться и остановить дальнейшее наступление, надеясь, что приближение Силезской армии и наследного принца Вюртембергского даст средства овладеть Бельвиллем с меньшим пожертвованием людей и времени. Он также подкрепил пехоту Астраханским и Псковским кирасирскими полками, которые сделали две удачные атаки на

стрелков, прогнали их до Бельвилльских батарей и взяли в плен французского генерала. Тем кончилось первое действие битвы, где ни правое, ни левое крыло союзных армий не принимали участия и дрались одни русские» [99. С. 401].

Лишь примерно в одиннадцать часов корпуса Йорка и фон Клейста приблизились к укрепленному селению Лавилетт, что на севере от Парижа, а корпус А. Ф. Ланжерона пошел на Монмартр, высокий холм, господствующий над Парижем.

Когда у Лавилетта разгорелся упорный бой, французы возобновили нападение на Пантен, но прибытие Силезской армии решило судьбу битвы.

Именно в это время, наблюдая с Монмартрского холма огромное превосходство союзных сил, командующий французской обороной Жозеф Бонапарт, старший брат Наполеона, решил покинуть поле боя…

* * *

Примерно в час дня колонна кронпринца Вильгельма Вюртембергского перешла Марну и атаковала крайний правый фланг французской обороны с востока, пройдя через Венсеннский лес и захватив селение Шарантон.

В это же время Барклай-де-Толли возобновил наступление в центре, и вскоре пал Бельвилль.

Князь Горчаков взял Шарон, дивизия генерала Д. И. Пышницкого из корпуса Евгения Вюртембергского выбила французов из Пре-Сен-Жерве, захватив 17 орудий, туда же ворвался и генерал А. П. Ермолов, взяв 10 пушек, а корпус М. А. Милорадовича отбил у французов 7 орудий на Менильмонтане.

«В ту минуту главными помощниками графа Барклая-де-Толли были генералы, имена коих никогда не умрут в русской армии, граф Милорадович и Раевский. Милорадович командовал резервами, состоявшими из гвардейского и гренадерского корпусов и бригады прусской и баденской гвардии; у Раевского были корпуса принца Евгения и князя Горчакова» [99. С. 405].

Тем временем пруссаки Блюхера наконец-то выбили французов из Лавилетта.

У А. И. Михайловского-Данилевского читаем:

«В союзных армиях выбыло из строя в Парижском сражении 9093 человека; в том числе 153 вюртембергца, 1840 пруссаков и 7100 русских. Потеря была бы менее значительна, если бы Блюхер своевременно получил диспозицию к атаке; тогда Барклай-де-Толли произвел бы нападение совокупно с ним, французы были

бы принуждены раздробить силы свои на всем протяжении боевой черты и не могли бы в продолжение большей части утра обращать войска туда, где исключительно находились русские. Хотя в союзных армиях состояло до ста тысяч человек, а у французов сорок пять тысяч, количество сражавшихся с обеих сторон войск с пяти часов утра до одиннадцати было почти одинаково, ибо Силезская армия вступила в бой незадолго до полудня, а наследный Вюртембергский принц, имевший в резерве графа Гиулая, не прежде второго часа открыл огонь. Сверх того, во время боя Раевского и Барклая-де-Толли с Мармоном выгоды местоположения были совершенно на стороне неприятеля, давая ему тем значительный перевес над нами. Следственно, французы напрасно утверждают, что сто тысяч союзников, сражаясь весь день, едва могли превозмочь войска, в половину малочисленнейшие. Когда все сто тысяч вступили в дело, победа была решена скоро; трофеями были: поле сражения, 86 орудий, 2 знамени, 1000 пленных и, наконец, сдача союзникам Парижа» [99. С. 419–420].

Французы потеряли «до 4000 человек, еще около 1000 попало в плен» [80. С. 791].

К этому можно добавить следующее: атака на Париж была подготовлена из рук вон плохо. Союзное командование не показало нужного единства, оно предпочитало действовать числом, а не умением, но при этом бросало в самое пекло исключительно русские войска. В результате, русские понесли очень большие потери, составившие 78 процентов от общих потерь союзников.

Тем не менее на всех направлениях союзники рано или поздно вышли непосредственно к городским кварталам, и вот уже бои закипели на улицах Парижа. Видя это, маршал Мармон, желая спасти многотысячный город от разрушения, отправил парламентеров к русскому императору. Александр I ответил, что «прикажет остановить сражение, если Париж будет сдан: иначе к вечеру не узнают места, где была столица» [99. С. 410].

* * *

В ночь с 18 на 19 (с 30 на 31) марта маршал Мармон, посчитав дальнейшее сопротивление бессмысленным, заключил с союзниками перемирие и отвел остатки своих войск на юг от столицы.

Вот этот-то факт, кстати сказать, и инкриминируется Мармону. Очень многие историки утверждают, что он сдал

Париж, встав на путь предательства. Очень часто при этом употребляются такие слова, как «измена» и «капитуляция». А. З. Манфред, в частности, утверждает, что Мармон «изменил воинскому долгу и открыл фронт противнику» [86. С. 664]. Только вот вопрос: почему в том же самом не обвиняется маршал Мортье, все время находившийся рядом с Мармоном и тоже согласившийся на сдачу Парижа? Вопрос без ответа.

Войска в Париже находились под командованием Жозефа Бонапарта. Видя, что дальнейшее сопротивление не имеет больше смысла, маршал Мармон решил срочно связаться с Жозефом Бонапартом, но того на месте уже не оказалось.

В своих «Мемуарах» маршал Мармон пишет:

«Я получил от короля Жозефа разрешение на ведение переговоров о сдаче Парижа иностранцам. 30 марта он писал: “Если господа маршал герцог Рагузский и маршал герцог Тревизский не смогут держаться, они уполномочиваются войти в переговоры с князем Шварценбергом и русским императором, находящимися перед ними”» [163. С. 244].

Это очень важное заявление. Мармон утверждает, что Жозеф Бонапарт, бывший его непосредственным начальником, давал ему право вступать в переговоры с противником.

Эта версия находит свое подтверждение у биографа Наполеона Виллиана Слоона, который пишет, что «Жозеф, именем императора, уполномочил Мармона вступить в переговоры» [122. С. 541], а также что у Мармона «имелись положительные инструкции спасти во что бы то ни стало Париж от разграбления» [122. С. 541].

Почему же Жозефа Бонапарта никто не упрекает в предательстве и оставлении Парижа? Еще один риторический вопрос…

* * *

Пока договаривались с французскими маршалами о сдаче Парижа, император Александр некоторое время оставался на Бельвилле и Сен-Шомоне. Потом он объезжал стоявшие вблизи полки, поздравлял их с победой и одновременно с этим произвел Барклая-де-Толли, стоявшего в Роменвилле, в генерал-фельдмаршалы.

Произошло это 19 (31) марта 1814 года. Как видим, Михаил Богданович очень долго добивался очередных офицерских чинов, но всего за семь лет проделал стремительный путь из генерал-майоров в генерал-фельдмаршалы.

Это было высшее воинское звание в России, которое, согласно Табели о рангах, равнялось канцлеру и действительному тайному советнику 1-го класса в гражданской службе. Барклай-де-Толли стал генерал-фельдмаршалом в 56 лет. Для сравнения: Н. И. Салтыков им стал в 60 лет, Н. В. Репнин — в 62 года, А. В. Суворов — в 65 лет, М. И. Кутузов — в 67 лет, а А. А. Прозоровский — в 75 лет.

* * *

Капитуляция Парижа была подписана в два часа утра 19 (31) марта 1814 года в селении Лавилетт. К семи часам утра, по условию соглашения, французская регулярная армия должна была покинуть Париж. А в полдень того же дня части союзной армии — главным образом русская и прусская гвардия — во главе с императором Александром триумфально вступили в столицу Франции.

Через день по вступлении союзников в Париж генерал-фельдмаршал Блюхер, заболев, сложил с себя звание главнокомандующего Силезской армией, и она, по желанию прусского короля, 21 марта (2 апреля) была передана Барклаю-де-Толли. Начальство над русско-прусскими резервами перешло к цесаревичу Константану Павловичу.

С восстановлением Бурбонов на французском престоле, новый король Людовик XVIII возложил на Михаила Богдановича звезду и ленту ордена Почетного легиона, а король шведский Карл XIII прислал ему Орден Меча 1-й степени.

* * *

18 (30) мая 1814 года был подписан Парижский мирный договор. После заключения мира Барклай-де-Толли сопровождал императора Александра в Лондон, а по возвращении оттуда удостоился чрезвычайно лестного рескрипта от прусского короля.

К осени русские войска возвратились в Россию, и Главной квартирой Михаила Богдановича сделалась Варшава. Связано это было с тем, что 28 октября граф Барклай-де-Толли был назначен Главнокомандующим 1-й армией, расквартированной в Польше. В состав этой армии вошли шесть армейских корпусов, два гренадерских и несколько кавалерийских дивизий.

К сожалению, понесенные труды, раны и огорчения, испытанные в Отечественную войну, сказались ослаблением сил

графа, вследствие чего он просил позволения удалиться на некоторое время от всех дел, и просьба была уважена императором, написавшим при этом, что вверенная ему армия «никогда и ни в какое время не должна выходить из-под его начальства» [97. С. 338].

* * *

Однако заслуженному отпуску Михаила Богдановича воспрепятствовало бегство Наполеона с острова Эльба — весной 1815 года «отважный изгнанник» триумфально вернулся к власти «с войском, высланным против него» [11. С. 382].

8 (20) марта 1815 года, не встретив сопротивления, Наполеон вступил в Париж. Людовик XVIII бежал в Бельгию, мятежи роялистов, поднятые в защиту Бурбонов, были подавлены решительно и беспощадно.

Вследствие этого Барклай-де-Толли в начале апреля 1815 года повел к Рейну свою 1-ю армию, состоявшую из 225 тысяч человек, и с нею вступил в июне 1815 года в пределы Франции. Вместе с ним шел 7-й пехотный корпус генерала И. В. Сабанеева из 2-й армии Л. Л. Беннигсена.

Русские войска шли во Францию через Галицию, Богемию и Германию. Согласно плану, Барклай-де-Толли должен был выйти к среднему течению Рейна, где ему надлежало соединиться с австрийцами князя Шварценберга.

В это же время из Литвы во Францию спешно двинулась армия П. Х. Витгенштейна, а гвардия и гренадеры под командованием М. А. Милорадовича выступили из Санкт-Петербурга. Но принять участие в «великом подвиге ополчения Европы» русским войскам на этот раз не довелось, ввиду быстрого окончания войны поражением Наполеона.

Русские, австрийские и баварские войска были еще на марше, когда пришло это известие: 6 (18) июня 1815 года в битве при Ватерлоо англо-голландская армия Веллингтона и пруссаки Блюхера сообща разгромили Наполеона. 10 (22) июня он вторично отрекся от престола.

Узнав об этом, Александр I писал Барклаю-де-Толли:

«Известие об отречении Наполеона справедливо и генерал Рапп сообщил нам его формально. Но сие происшествие не должно нисколько нас останавливать и мы единогласно решили продолжать военные действия по-прежнему. Нам необходимо иметь в своих руках Наполеона, выдачи коего настоятельно требуем. Мы не можем равномерно терять военных выгод, доселе

приобретенных. Итак, с помощью Божией, идем вперед, довершим благое дело! Если крепости будут входить в переговоры с нами, дабы почитать их принадлежащими королю французскому, то подобных сношений не отклонять, а мне немедленно доносить. С благословлением Всевышнего, с пособием таких полководцев, как вы, и с храбростию непобедимых наших войск, надеюсь привести к желаемому концу новую войну и достичь до благодетельного для целой Европы мира» [8. С. 508–509].

Смотр при Вертю

22 июня (4 июля) 1815 года Париж капитулировал. Прусские и английские войска вошли в сданный без боя город, а через два дня туда возвратился и Людовик XVIII.

Русские 3-я гренадерская и 2-я кирасирская дивизии вступили в Париж 29 июля (10 августа), а Главная квартира армии Барклая-де-Толли и почти все его войска тем временем были расквартированы в Шампани, в 150 километрах на северо-восток от Парижа.

Было очевидно, что всем пришедшим русским войскам нет никакого смысла оставаться во Франции, однако император Александр решил, прежде чем они пойдут обратно в Россию, устроить грандиозный смотр, который продемонстрировал бы всей Европе мощь победоносной Русской армии.

Сначала хотели провести этот смотр в первой декаде августа под Фер-Шампенуазом, на месте совсем недавно одержанной победы, однако потом перенесли сроки смотра на конец месяца, чтобы не мешать французским крестьянам при уборке урожая. Было изменено и место его проведения: решено было избрать для него окрестности Вертю, где находилась обширная равнина, словно специально созданная для дефилирования больших масс войск.

Император Александр лично контролировал все, и 26 августа (7 сентября) — в третью годовщину Бородинского сражения — была проведена генеральная репетиция смотра.

Два следующих дня в Вертю прибывали тысячи людей, желавших полюбоваться невиданным дотоле зрелищем. На третий день состоялся и сам смотр. Он «происходил в том же порядке, как и 26-го, с той лишь разницей, что на нем присутствовали многие иностранцы, прибывшие из Парижа, Голландии, Лондона и других мест. Во время церемониального марша государь лично предводительствовал армией и салютовал союзным монархам. Великий князь Николай Павлович вел бригаду гренадер, а великий князь Михаил Павлович командовал

пятью ротами конной артиллерии» [11. С. 383].

И. И. Лажечников в «Походных записках русского офицера» описывает смотр при Вертю следующим образом:

«Никогда Шампания не представляла зрелища, какого в нынешние дни она свидетельницею. 24-го нынешнего месяца 165 тысяч русских воинов расположили в ней свой стан. На ровном, как поле, пространстве нескольких верст белеются шатры их в нескольких рядах, блестят оружия и дымятся костры бесчисленные. Веселье и довольство царствуют в сем стане.

После трехдневного отдыха войска начали готовиться к смотру. 26-го числа назначен был опыт смотра сего. Ожидали к нему одного фельдмаршала Барклая-де-Толли; но когда полки и артиллерия построились в каре, государь император нечаянно обрадовал их своим присутствием. Его Величество встречен и сопровождаем был радостным “Ура!” — сим верным отголоском побед и любви русских воинов к царю своему. Движениями войск государь был очень доволен: прекрасный опыт ручался за прекраснейшее исполнение в глазах знаменитых зрителей.

Поля Вертю как будто нарочно образованы природой для смотра многочисленной армии. Расстилаясь с одной стороны на несколько верст гладкою равниною, на которой не мелькает ни одного куста, ни одного скромного ручейка, представляют они с другой стороны остроконечный холм, с которого взор может в один миг обозреть все обширное пространство их.

29-го происходил самый смотр. Первые монархи мира (вместо некоторых из них представители их), первые полководцы нашего века прибыли на поля Шампани быть зрителями и вместе ценителями могущества России. Они увидели в день сей, на какой степени должна стать между государствами сия Царица Севера, чего могут страшиться от сил ее и надеяться от известной правоты ее и миролюбия; они увидели, что ни многолетние войны, ни чрезвычайные средства, употребленные Россией для сокрушения колосса, возвысившегося на могуществе нескольких держав, не могли истощить силы ее; они узрели ныне оные в новом блеске и величии — и принесли ей на весы политики дань изумления и уважения.

В 6 часов утра 163 тысячи русского войска прибыли на равнины Вертю и стали в нескольких линиях в боевом порядке. Монархи и сопровождавшие их полководцы различных держав прибыли вскоре на гору Монт-Эме. В рядах все было слух, тишина и неподвижность; все было одно тело, одна душа! Казалось в сии минуты, что войска были сплочены в неподвижные стены. Начальник и рядовой ожидали удара вестовой пушки (по которой должны были исполняться все маневры). Задымился холм; перун

грянул — и все пришло в движение. Музыка, барабаны и трубы загремели во всех линиях, развевавшиеся знамена преклонены долу, и тысячи рук одним мановением отдали честь государям. Вскоре все войско претворилось снова в тишину и неподвижность. Но вестовой перун вновь раздался — и все восколебалось. Линии начали делиться; отрывки их потекли по разным направлениям; пехота и тяжелые орудия ее шли скорым шагом; конница и летучая ее артиллерия неслись, казалось, на крыльях ветра. В несколько минут, с разных пунктов на пространстве нескольких верст, войска прибыли все вместе на места назначения своего и образовали вдруг неподвижный пространный каре, коего передний, правый и левый фасы составляла вся пехота, а задний — вся кавалерия (несколько отдельно от пехоты). В сие время государи съехали с горы и при громогласном “Ура!” объехали весь каре. Потом стали они на месте, удобном для обозрения полков, готовящихся к церемониальному маршу. Войска, построившись в густые колонны, составляя оные из двух батальонов рядом, имея за каждой бригадой свою артиллерию — своя пехота прежде, а потом вся конница — пошли таким образом мимо государей. Порядок и блеск шествия сего многочисленного войска изумили иностранцев тем более, что в числе оного не была и гвардия, сия лучшая, самая блестящая часть Русской армии. <…>

Смотр кончился беглым огнем из 160 тысяч ружей и 600 орудий. Можно вообразить об ужасном громе, ими произведенном. Казалось, земля раздираема была на части, и вся окрестность стонала» [77. С. 276–280].

Знаменитый британский полководец Веллингтон сказал, «что он никогда не думал, что армию можно довести до столь великого совершенства» [11. С. 383].

Прославленный адмирал Сидней Смит добавил:

— Этот смотр есть урок, даваемый императором российским прочим народам [11. С. 383].

Всего в смотре, по данным генерала А. И. Михайловского-Данилевского, было задействовано 150 554 человека — в том числе 87 генералов, 433 штаб-офицера и 3980 обер-офицеров, при 540 орудиях, и он превзошел все ожидания [97. С. 317]. Все полки «были доведены до совершенства», и «в продолжение церемониального марша… никто не сбился с ноги» [11. С. 383].

Император Александр, очень довольный смотром, произнес:

— Я вижу, что моя армия — первая в свете; для нее нет ничего невозможного, и по самому наружному ее виду никакие войска не могут с нею сравниться [11. С. 383].

Княжеское достоинство

«Когда иностранцы, бывшие в Вертю, разъехались, государь лично занимался выбором людей в гвардию и в гренадеры; провел весь день в поле, был отменно весел, подъезжал к каждому полку, приветствовал их и наградил многих генералов. Фельдмаршал граф Барклай-де-Толли возведен в княжеское достоинство» [97. С. 337].

Произошло это 30 августа (11 сентября) 1815 года, причем Михаил Богданович был возведен в княжеское достоинство Российской империи вместе с нисходящим потомством с формулировкой: «За оказанные в продолжение минувшей войны с французами неоднократные важные Отечеству услуги, последствием коих было, наконец, заключение мирного трактата в Париже, и за заслуги по устройству войск, двинутых в нынешнем году во Францию, за заведенный в оных порядок, сохранение строжайшей дисциплины в землях иностранных, чем имя российского воина еще более прославлено, и за воинскую исправность, найденную в войске при сделанном у города Вертю смотре».

Как мы помним, Михаил Богданович получил графский титул «за заслуги в четырехдневном достославном сражении при Лейпциге и новые опыты отличного мужества», а чина генерал-фельдмаршала он был удостоен за взятие Парижа. Но вот чтобы стать князем, ему оказались не нужны ни сражения, ни победы. Достаточно было просто организовать потрясающий по своей красоте парад.

К сожалению, как мы помним, в это время «этот полководец, заслуживший название российского Фабия, начинал уже чувствовать ослабление сил, изнуренных ранами и трудами. Перед началом похода 1815 года он желал на некоторое время удалиться от дел для отдохновения. Государь соизволил на его просьбу, но… движение войск во Францию воспрепятствовало отпуску» [97. С. 338].

* * *

Позже, в январе 1818 года, был Высочайше утвержден необычайно пышный княжеский герб Барклая-де-Толли.

Гербовый щит на нем был помещен на развернутой горностаевой мантии, увенчанной княжеской короной. Он был разделен на четыре части с помещением в разрезе их пятого щитка — фамильного герба: на синем поле золотое стропило с

золотыми же крестами, из которых два над стропилом, а третий — под ним, в углу его возвышения. Над этим щитком — золотое поле с российским императорским орлом.

Слева и справа от гербового щита — красные поля: на них справа — фельдмаршальский жезл, а слева — наградная шпага с надписью: «За 20-е января 1814 года». В нижней четверти гербового щита — два серебряных поля, а на них: слева — пушка и знамена, а справа — красная крепость, в воротах которой поставлен стоящий лев с мечом — символом победы.

Щитодержцы — два золотых льва. Гербовый щит украшен графской короной; над нею — три шлема.

Девиз княжеского герба Барклая-де-Толли: «Верность и терпение».

Глава девятая
Мыза Штилицен

От союзников на теперь уже князя Барклая-де-Толли также пролился настоящий дождь из наград и орденов. В частности, Людовик XVIII наградил его орденом Почетного легиона 1-й степени, король Нидерландов Вильгельм I — орденом Святого Вильгельма, король Саксонии Фридрих Август I — Святого Генриха, а принц-регент Великобритании — Орденом Бани 1-й степени. Кроме того, муниципалитет города Лондона прислал в дар полководцу драгоценную шпагу, украшенную бриллиантами.

И все это происходило ровно через три года после того, как Михаил Богданович, полный отчаяния, искал смерти на Бородинском поле и под градом камней проезжал по улицам Калуги…

8 (20) ноября 1815 года союзники по седьмой антифранцузской коалиции подписали второй Парижский мирный договор. Он был намного жестче и унизительнее договора 1814 года: на Францию была наложена контрибуция в 700 миллионов франков, для страны установили границы, которые она имела в 1790 году, а кроме того, в ней был оставлен 150-тысячный оккупационный корпус, содержание которого также было возложено на французов. Однако в дальнейшем эти условия были смягчены в отношении суммы контрибуции и срока оккупации, который реально закончился в 1818 году.

В оккупационные войска был включен корпус графа М. С. Воронцова, а все остальные русские части отправились на родину.

Барклай-де-Толли уехал из Франции в октябре 1815 года, вместе с императором Александром. Он направлялся в Варшаву, где вновь располагалась Главная квартира его армии.

* * *

Но уже в начале декабря 1815 года Александр I пригласил Барклая-де-Толли в Санкт-Петербург. Возвращение его в столицу было триумфальным, о чем Михаил Богданович так писал жене:

«Я приехал сюда 10-го вечером (по старому стилю. — С. Н.), 11-го готовилась торжественная встреча, которую я преждевременным прибытием думал отклонить. Тем не менее, я был встречен у заставы флигель-адъютантом, который имел поручение поздравить меня именем государя с приездом,

осведомиться о моем здоровье и сопровождать к назначенному для меня помещению. Там ожидали меня почетный караул Семеновского полка, несколько ординарцев, прекрасно устроенный дом с прислугой, кухней и экипажем от двора.

Я хотел отпустить почетный караул и отблагодарить флигель-адъютанта, но он объявил, что получил приказание состоять при мне все время моего пребывания, и поехал доложить государю о моем приезде. При возвращении он передал самое лестное приветствие от императора и желание его величества, чтобы почетный караул остался» [8. С. 513].

* * *

По окончании официальных церемоний Барклай-де-Толли имел доверительную беседу с государем, а потом он «занял Главную квартиру в Могилеве на Днепре» [11. С. 384], куда было решено перевести штаб 1-й армии.

Приехав в Могилев, Михаил Богданович все свое время отдавал службе и «ревностно старался усовершенствовать все части вверенной ему армии» [11. С. 384].

В 1817 году он сопровождал Александра I в путешествии по стране, предпринятом с инспекционными целями. При этом он продолжал настойчиво внедрять передовые методы обучения войск. В частности, в 1818 году в его армии были изданы «Правила рассыпного строя, или наставление о рассыпном действии пехоты для егерских полков и застрельщиков всей пехоты». Через два года эти правила были дополнены и распространены во всей Русской армии.

* * *

Между тем здоровье князя все более и более ослабевало. «Видя силы свои совершенно изнуренными, он испросил позволение отъехать на теплые воды, надеясь получить излечение» [141. С. 159]. Так посоветовали медики, и Михаил Богданович, получив высочайшее разрешение отойти от дел на два года, отправился на лечение в Карлсбад (Карловы Вары в Чехии).

Однако поездке этой не суждено было состояться. Проезжая через Восточную Пруссию, неподалеку от Инстербурга (ныне — город Черняховск), Барклай-де-Толли почувствовал себя совсем плохо. Он жаловался на боли в груди.

Его перевезли на мызу Штилицен (поместье Жиляйтшен — ныне поселок Нагорное Черняховского района Калининградской области), что в шести верстах от Инстербурга, где он и скончался 14 (26) мая 1818 года, на 61-м году жизни (если считать, что родился Михаил Богданович все же в 1757 году), «к общему сожалению соотечественников и всех тех, кои видели в нем одного из знаменитых полководцев своего времени» [141. С. 159].

* * *

Тело покойного забальзамировали, чтобы отвезти в Россию, а сердце захоронили на небольшом возвышении в трехстах метрах от мызы Штилицен.

Прусский король Фридрих Вильгельм III отреагировал на эту смерть мгновенно. Он выслал в Инстербург почетный караул, и пруссаки сопровождали гроб с телом Барклая-де-Толли до самой русской границы.

Торжественная церемония похорон фельдмаршала состоялась в Риге. Барклай-де-Толли часто бывал в этом городе, ведь в Риге жили его многочисленные родственники, а двоюродный брат Август-Вильгельм Барклай-де-Толли (1752–1826) в трудный для города 1812 год был его бургомистром.

В тот день весь город был в трауре. На мостах висели черные полотнища, а в рижских церквях били в колокола. День был объявлен нерабочим.

Во дворе кирхи Святого Якоба состоялось отпевание и отдание воинских почестей — в присутствии священнослужителей всех конфессий[55] и гражданской администрации города, а также военного гарнизона под командованием генерал-лейтенанта И. Ф. Паскевича — позже генерал-фельдмаршала, светлейшего князя Варшавского, графа Эриванского.

* * *

Через пять лет, в 1823 году, недалеко от Бекгофа, лифляндского родового имения вдовы Барклая-де-Толли, был построен великолепный мавзолей. Деревушка, возле которой находится мавзолей, в настоящее время называется Йыгевесте, и находится она на территории Южной Эстонии.

В этот мавзолей, представляющий собой памятник-часовню со склепом и названный впоследствии «Великой гробницей

Эстонии», были перенесены останки Михаила Богдановича.

Император Александр назначил Елене Ивановне Барклай-де-Толли, вдове покойного, ежегодную пенсию в 85 тысяч рублей, а император Николай I в 1826 году «увековечил память знаменитого полководца наименованием 2-го карабинерного полка Карабинерным фельдмаршала князя Барклая-де-Толли полком» [11. С. 384].

Елена Ивановна, получившая в 1814 году звание статс-дамы, скончалась в 1828 году. Она была похоронена в Бекгофе, в мавзолее, где погребен ее муж.

Мнение историка А. Г. Тартаковского:

Военный министр и главнокомандующий самой крупной и боеспособной армией стал предметом ожесточенной критики — вплоть до клеветнических, задевавших его честь и достоинство обвинений в измене. Результатом этого явилось, как известно, назначение единым Главнокомандующим М. И. Кутузова, фактическое отстранение Барклая от руководства боевыми действиями и его вынужденный отъезд 22 сентября из армии. И хотя менее чем через полгода он был возвращен на ключевые командные посты, с блеском провел заграничные кампании 1813—1814годов, удостоился наивысших воинских званий, наград и почестей, постигшая его осенью 1812 года опала отбросила мрачную тень на всю оставшуюся жизнь полководца и на его посмертную судьбу. Жаркие, остро национально окрашенные споры 1812 года вокруг отступательной стратегии Барклая и его личности отозвались во всем последующем развитии исторических воззрений, публицистики, литературы.

Трагический разлад Барклая с обществом и сама его величественная фигура с непревзойденной художественной силой запечатлены в гениальном стихотворении Пушкина «Полководец» и в ряде его проницательных высказываний в ходе бурной полемики середины 1830-х годов по поводу оценки заслуг военачальников 1812 года. Суть своей поэтической апологии полководца Пушкин афористически емко выразил в максиме: «Стоическое лицо Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории. Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства, но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения».

Прозвучавший в 1912 году вывод военного историка А. Т. Борисевича о том, что «могучими… выразительными стихами великий Пушкин прозорливо прославил “Полководца ” Барклая-де-Толли, но историки все еще медлят “отдать справедливость”», — вывод этот представляется верным отчасти и по отношению к XX веку, ибо еще в 1940–1950 годах историки не только «медлили»

отдать Барклаю справедливость, но всячески принижали и замалчивали его полководческие усилия, подвергая его беспримерно грубому поношению. И лишь в последние два-три десятилетия предубеждение к памяти Барклая начало, наконец, хотя и медленно, но устойчиво преодолеваться.

Нельзя не признать, что имя Барклая, как ни одного другого русского военачальника той эпохи, было окружено плотной завесой противоречивых и стереотипных, не подкрепленных фактическими данными суждений, всякого рода «вообразительными сказаниями, догадками и толками», иногда и чисто фантастического свойства. Некоторые же стороны его военно-политической деятельности оказались вовсе скрытыми даже для соприкасавшихся с ним лиц и до сих пор остаются в исторической литературе еще во многом невыясненными.

Одна из причин этого — скудость мемуарных источников. Сам Барклай, избегавший ассоциаций с тяжкими впечатлениями лета и осени 1812 года, своих воспоминаний после войны не записывал и неохотно делился ими с окружающими. Свидетельства современников о полководце разбросаны, как правило, в их обширных мемуарных повествованиях. Воспоминания же, написанные специально о Барклае, насчитываются буквально единицами [134. С. 44–45].

* * *

Мнение адъютанта Барклая-де-Толли, впоследствии — прославленного партизана генерал-лейтенанта А. Н. Сеславина:

Он первый ввел в России систему оборонительной войны, дотоле неизвестной. Задолго до 1812 года уже решено было, в случае наступления неприятеля, отступать, уступать ему всю Россию до тех пор, пока армии не сосредоточатся, не сблизятся со своими источниками, милиция не сформируется и образуется, и, завлекая таким образом внутрь России, вынудить его растягивать операционную свою линию, а чрез то ослабевать, теряя от недостатка в съестных припасах людей и лошадей.

Наполеон, ожидая долгое время от россиян наступательной войны, а вместе с тем верной гибели армии и рабства любезного нашего Отечества, сам наступил.

С первого шага отступления нашей армии близорукие требовали генерального сражения; Барклай был непреклонен. Армия возроптала. Главнокомандующий подвергнут был ежедневным насмешкам и ругательствам от подчиненных, а у

двора — клевете. Как гранитная скала с презрением смотрит на ярость волн, разбивающихся о подошву ее, так и Барклай, презирая незаслуженный им ропот, был, как и она, неколебим в достижении предположенной им великой цели.

В одну ночь прибыл из арьергарда адъютант его Сеславин, впоследствии партизан, которого он любил и употреблял также по квартирмейстерской части, с приказанием доносить ему лично обо всех важных обстоятельствах. Выслушав донесения, Главнокомандующий спросил: «Какой дух в войске и как дерутся и что говорят?» — «Ропщут на вас, бранят вас до тех пор, пока гром пушек и свист пуль не заглушат их ропот». Барклай отвечал: «Я своими ушами слышал брань и ее не уважаю; я смотрю на пользу Отечества, потомство смотрит на меня… Все, что я ни делаю и буду делать, есть последствие обдуманного плана и великих соображений, есть плод многолетних трудов. Теперь все хотят быть главными… И тот, который долженствовал быть мне правою рукою, отличась только под Прейсиш-Эйлау в полковницком чине, происками у двора ищет моего места; а дабы удобнее того достигнуть, возмущает моих подчиненных».

Блаженной памяти государь император Александр, уступая гласу народа, назначил главнокомандующим фельдмаршала Кутузова. С сего времени злоба не имела пределов: Барклай был в уничижении, терпел оскорбления всякого рода. Настало Бородинское сражение; произведя чудеса неослабного мужества и восторжествовав над многочисленным неприятелем, Барклай не хотел жить; он искал смерти. Но судьба вела его к величию: Бауцен, Кульм, Лейпциг, Париж обессмертили имя его и привели в храм славы [134. С. 46].

* * *

Мнение историка Д. Н. Бантыш-Каменского:

Князь Михаил Богданович Барклай-де-Толли, высокого роста, сухощавый, был любим войском за справедливость, беспристрастие, ласковое, кроткое обращение. Соединял с глубокими познаниями в военном искусстве храбрость и необыкновенное хладнокровие на поле брани. <… >

Он не отличался предприимчивостью, был даже иногда слишком осторожен, но распорядителен. В тяжком 1812 году, готовя верную погибель врагам, он следовал искусно начертанному плану, отступал без потерь перед многочисленными полчищами неприятельскими. Его обвинили тогда в бедствиях Отечества!

Только неизменное доверие монарха и внутреннее убеждение в

правоте своей поддерживали в то время опытного полководца. Настояние Барклая-де-Толли, чтобы союзные армии действовали против Наполеона массой, не растягивались, способствовало успехам нашего оружия.

Переход через Кваркен (1807) — украшение истории военных походов россиян. При Янкове и Ландсберге, начальствуя передовыми войсками, он выдержал напор почти всей французской армии. В Бородинской битве остановил натиск неприятеля на левый наш фланг, опрокинул его конницу при атаке на центр. Не дал сбыться под Бауценом намерению Наполеона обойти наше правое крыло. Под Кульмом довершил разгром Вандамма. У Лейпцига, заняв высоты и уверенный в победе, щадил войско свое, действовал артиллерией, овладел Бельвиллем. Такой очерк бессмертных подвигов Барклая-де-Толли дает ему неоспоримое право на признательность соотечественников [11. С. 384].

* * *

Мнение писателя и биографа С. И. Ушакова:

Победы его при завоевании Финляндии; сражения при Бородине, Кенигсварте, Теплице, Лейпциге и Париже пребудут навсегда незабвенными памятниками воинской его славы!

Частная или домашняя жизнь князя Михаила Богдановича Барклая-де-Толли не менее также преисполнена совершенств и добродетелей; он был чужд всякой личности; честность и терпение в злополучии были отличнейшими чертами великой души его; слава и счастие никогда не возрождали в нем гордости и надмения; он был в дружбе верен, в обхождении кроток и ласков: одним словом, он как в общественных, так и в частных делах был столь же великим вельможею, сколь великим полководцем являл себя на полях брани [141. С. 160].

Глава десятая
Потомки и родственники М. Б. Барклая-де-Толли

От брака с Хеленой-Августой фон Смиттен (Еленой Ивановной) Михаил Богданович имел сына, родившегося 10 июля 1798 года, которого звали Эрнст-Магнус (Максим Михайлович) Барклай-де-Толли.

Максим Михайлович стал полковником и флигель-адъютантом. Был женат первым браком на баронессе Леокадии фон Кампенгаузен (1807–1852), а вторым браком — на баронессе Александре фон Тизенгаузен (урожденной фон Крамер, 1814–1866). Оба эти брака оказались бездетными. Он скончался 17 октября 1871 года, не оставив потомства, а в 1872 году его титул и фамилию получил право носить его двоюродный племянник — Александр-Магнус-Фридрих (Александр Петрович) Веймарн, родившийся 22 декабря 1824 года.

Связано это с тем, что к 1871 году умерли все братья Михаила Богдановича и его племянник (сын Ивана Богдановича) Андрей Иванович Барклай-де-Толли. Что же касается Кристины-Гертруды Барклай-де-Толли, родной сестры Михаила Богдановича, то она после себя оставила одних лишь дочерей, одна из которых вообще умерла незамужней. Так что с этой стороны род Барклаев-де-Толли угас.

Александр Петрович фон Веймарн был сыном генерала Петра Федоровича фон Веймарна (1795–1846) и его супруги, гофмейстерины двора Августины Максимовны (Кристины-Августы) (1803–1887), — дочери сестры Михаила Богдановича — Кристины-Гертруды Барклай-де-Толли, в замужестве фон Людер (1770–1865).

В 1812 году Петр Федорович фон Веймарн был подпоручиком Елецкого пехотного полка, участвовал в Отечественной войне. Был ранен в Бородинском сражении, награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». Принял участие в Заграничном походе, был произведен в поручики и награжден орденами Святой Анны 3-й степени и Святого Владимира 4-й степени. В 1831 году — генерал-майор, начальник штаба Гвардейского корпуса; в 1840 году произведен в генерал-лейтенанты, в 1842 году — назначен дежурным генералом Главного штаба.

От Кристины-Августы фон Людер, племянницы М. Б. Барклая-де-Толли, на которой он женился в 1822 году, Петр Федорович имел девять детей. Его старшему сыну Александру Петровичу

фон Веймарну (1824–1905) и был пожалован титул князя Барклая-де-Толли, «дабы не пресеклось в потомстве славное имя» [65. С. 330].

Стоит отметить, что род фон Веймарнов, происходивший из бюргеров города Любека, дал целую плеяду славных генералов русской армии. Произошло это после присоединения Остзейских земель к России в ходе Северной войны 1700–1721 годов. В частности, Ганс-Генрих (Иван Иванович) фон Веймарн, уроженец острова Эзель, был генерал-квартирмейстером в армии генерал-фельдмаршала С. Ф. Апраксина. Этот человек «с 1764 по 1772 г. занимал пост посла в Варшаве и командующего русскими войсками в Польше (под его начальством отличился в военных действиях А. В. Суворов)» [143. С. 74]. Генерал-майором был его внук — Петр Евстафьевич фон Веймарн (1749–1805), так же, как и внук последнего, — генерал-майор Петр Владимирович фон Веймарн (1812–1855), начальник штаба 3-го пехотного корпуса, погибший в сражении у реки Черная во время Крымской войны. Братья Петра Владимировича — Александр Владимирович фон Веймарн (1813 г. р.) и Федор Владимирович фон Веймарн (1827 г. р.) — были генерал-лейтенантами.

По другой линии рода фон Веймарнов генерал-майорами стали братья Федор Федорович (1789–1853) и Иван Федорович фон Веймарн (1800–1846), а их племянник Платон Александрович фон Веймарн (1834–1893) был генерал-лейтенантом, чиновником для особых поручений при военном министре.

Генералами от инфантерии стали братья князь Александр Петрович Барклай-де-Толли-Веймарн и Федор Петрович фон Веймарн (1831–1913) — сыновья племянницы Михаила Богдановича Барклая-де-Толли.

Напомним, что в ноябре 1872 года Александру Петровичу фон Веймарну «было дозволено принять титул и фамилию князя Барклая-де-Толли и потомственно именоваться князем Барклаем-де-Толли-Веймарн» [143. С. 35]. Это значит, что высочайшее разрешение было распространено и на потомство Александра Петровича. 28 марта 1880 года был утвержден новый родовой герб, заменивший тот, что был утвержден для Михаила Богдановича в 1818 году.

Новый герб был очень похож на старый. На нем тоже изображен четырехчастный щит с главою и малым щитом в средине. В первой части — в червленом поле серебряный меч с золотой рукояткой; во второй части — в червленом же поле золотой фельдмаршальский жезл, обвитый зеленым лавром; в третьей части — в серебряном поле на зеленом лафете золотая

пушка, за которой три знамени; в четвертой части — в серебряном поле червленая крепостная стена с круглой башней и открытыми воротами, в которых стоит червленый лев.

В золотой главе щита изображен императорский орел, имеющий на груди московский герб, окруженный цепью ордена Святого Андрея Первозванного. Средний щит рассечен. В первой части — на синем поле золотое стропило с тремя крестами (как на фамильном гербе), во второй части — лев с червленными глазами и языком держит в правой лапе серебряную секиру на золотом древке. Над щитом — уже пять шлемов, из них средний — с княжеской короной, а остальные — с дворянскими коронами.

Девиз княжеского герба остался прежним: «Верность и терпение».

* * *

Александр Петрович фон Веймарн с 12 декабря 1863 года по 30 августа 1867 года был командиром лейб-гвардии Павловского полка; с 1876 года был командиром 1-го армейского корпуса, а в 1882 году его произвели в генералы от инфантерии. В 1888 году покинул Россию и поселился в Дрездене, где и умер. Он был женат на баронессе Марии-Фредерике фон Зедделер (1825–1868), дочери генерал-лейтенанта, первого вице-президента Военной академии и редактора-издателя «Военно-энциклопедического лексикона» Людвига (Логгина) Ивановича фон Зедделера (1791–1852).

От этого брака в январе 1853 года на свет появился сын — Людвиг (Логгин) Александрович Барклай-де-Толли-Веймарн, ставший «петергофским уездным предводителем дворянства и деятелем Петербургского земства» [143. С. 35]. Он умер 16 декабря 1903 года. От брака с Екатериной Чернышевой у него был сын — Николай Людвигович Барклай-де-Толли-Веймарн (1892–1964), ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка, последний представитель рода, после 1917 года выехавший в Харбин и умерший в Швеции.

* * *

Отметим и то, что по линии фон Веймарнов дальними родственниками М. Б. Барклая-де-Толли опять стали Абрам Петрович Ганнибал и А. С. Пушкин. Во всяком случае, Надежда Александровна фон Веймарн (1825–1904), дочь уже упомянутого

Александра Федоровича фон Веймарна и Софьи Павловны Шемиот, была праправнучкой «арапа Петра Великого» и троюродной сестрой А. С. Пушкина.

Еще Барклай-де-Толли был в родстве с матерью лицейского друга Пушкина В. К. Кюхельбекера (1797–1846) — поэта и декабриста — Юстиной Яковлевной фон Ломен (1757–1841), происходившей из служилого балтийского дворянства. Родство в данном случае следующее: жена Михаила Богдановича «была троюродной сестрой матери Кюхельбекера, Юстины Яковлевны, урожденной Ломен. У них был общий прадед — Фабиан Рейнгольд барон Стакельберг» [38. С. 153]. Кстати, именно по рекомендации тогдашнего военного министра Вильгельм Кюхельбекер и был определен в лицей, а имена Барклаев — как имена покровителей — часто мелькают в переписке матери с сыном.

Но и это еще не все: по линии фон Веймарнов дальним родственником М. Б. Барклая-де-Толли стал еще один великий русский поэт — Александр Александрович Блок (1880–1921). Во всяком случае, та же Надежда Александровна фон Веймарн (1825–1904) была замужем за Йоганном-Эрнестом (Иваном Федоровичем) Блоком (1815–1848) — двоюродным дедом поэта. Можно добавить, что Любовь Дмитриевна, жена А. А. Блока, была дочерью великого Д. И. Менделеева.

* * *

Кстати, в 1827 году в дворянское достоинство были возведены дети двоюродного брата Михаила Богдановича — бургомистра Риги Августа-Вильгельма Барклая-де-Толли (1752–1826). По этой линии наиболее известен Иван Егорович (Йоганн) Барклай-де-Толли (1811–1879), который служил в Пятигорском военном госпитале и вошел в историю тем, что проводил медицинское освидетельствование тела убитого на дуэли М. Ю. Лермонтова.

Приложение 1
Памятники М. Б. Барклаю-де-Толли

Михаилу Богдановичу Барклаю-де-Толли было установлено немало памятников. Некоторые из них не сохранились, некоторые находятся сегодня на территории других государств. Кроме того, существуют его скульптурные изображения в составе нескольких больших монументов.

Памятник в усадьбе Студенец (Москва)

Граф Арсений Андреевич Закревский, долгое время служивший при Барклае-де-Толли, в 1815–1823 годах занимал пост дежурного генерала Главного штаба. В 1823 году он был назначен генерал-губернатором Финляндии, а с апреля 1828 года — министром внутренних дел России. В мае 1848 года он был назначен военным генерал-губернатором Москвы. Эту должность он занял в возрасте 65 лет и находился на ней почти одиннадцать лет.

Выйдя в отставку, в 1861 году граф А. А. Закревский уехал во Флоренцию, где и провел остаток дней своих в семье дочери.

В каталоге «Монументальные памятники России» читаем:

«В своей подмосковной усадьбе Студенец (ныне — Краснопресненский парк Москвы) в 1820-х годах он установил несколько памятников своим воинским начальникам. Среди них был и бюст Барклая, стоявший в парке на одном из островов, образованных сетью каналов. Этот первый по времени установки памятник фельдмаршалу, увы, не сохранился» [124. С. 234].

Уточним, что село Выпряжково на Студенце в XVIII веке принадлежало князьям Гагариным. В 1804 году это имение перешло к графу Ф. А. Толстому, а после 1812 года — к графу А. А. Закревскому, женившемуся на его единственной дочери.

М. И. Пыляев в своей книге «Старая Москва» так описывает эту дачу Закревского в середине XIX века:

«Новый владелец прекрасно изукрасил свою дачу. От больших ворот до главного дома над самой рекой шла прямая, широкая и длинная аллея для экипажей, с двумя боковыми узкими аллеями для пешеходов. С обеих сторон этих аллей было по три четырехугольных островка равной величины, разделенных между собой вновь прокопанными канавами, тогда еще с чистой

проточной водой, и соединенных деревянными мостиками. Каждый из этих островков посвящен был памяти одного из героев, под начальством которых Закревский находился: Каменского, Барклая, Волконского и др. На каждом островке посреди деревьев находился храмик или памятник названным полководцам» [118. С. 202].

Когда граф Закревский был удален с должности генерал-губернатора Москвы, имение было продано, а название Студенец оно получило лишь в 1880-х годах. Да и «первым по времени установки» этот памятник Барклаю-де-Толли не был.

Памятник в поселке Нагорное (Калининградская область)

По-настоящему первый памятник был сооружен в Восточной Пруссии в 1818 году над местом захоронения сердца полководца, в 300 метрах от его дома на мызе Штилицен (Жиляйтшен, ныне поселок Нагорное Черняховского района Калининградской области), в восьми километрах от города Инстербург (Черняховск). Этот памятник был поставлен по инициативе короля Фридриха-Вильгельма III.

Автором четырехметрового обелиска стал знаменитый берлинский архитектор и художник Карл-Фридрих Шинкель (1781–1841).

Обелиск имеет прямоугольную форму. Двенадцать лавровых венков — память о войне 1812 года — украшают верхнюю часть памятника. Под ними на лицевой и тыльной гранях обелиска — на одной на русском, на другой на немецком языках — выбиты надписи, перечисляющие все награды и титулы полководца:

«Князь Михаил Богданович Барклай-де-Толли, Российской Империи фельдмаршал. Главнокомандующий 1-ю армией, член Государственного Совета и кавалер орденов Российской Империи: Святого Апостола Андрея Первозванного, Святого Александра Невского, Святого Георгия 1-го класса, Святого Равноапостольного князя Владимира 1-й степени, Святой Анны 1-го класса и жалованный шпагою, алмазами изукрашенною, орденами королей прусских Черного и Красного Орла, императрицы Австрии Марии-Терезии командор, короля французского Святого Людовика и Почетного Легиона 1-й степени, шведским Орденом Меча 1-й степени, короля Великобритании Орденом Бани 1-й степени, нидерландским Военным орденом 1-й степени и короля Саксонии орденом Святого Генриха. Родился в 1761 году, скончался 14 мая 1818

года».

На двух боковых гранях выбиты еще две надписи на тех же языках:

«Достойному полководцу, проложившему себе стезю славы мужеством и храбростью во многих боях и ознаменовавшемуся победами, предводительствуя союзными войсками в войне, освободившей народы в 1813, 1814 и 1815 годах, соорудил сей памятник король Фридрих-Вильгельм III».

Ниже надписей по граням монумента автор расположил четырех бронзовых орлов с распростертыми крыльями, а под ними — изображения военных атрибутов: кирас, шлемов, барабанов, труб, сабель, шпаг, штыков, ружей, пушечных стволов и ядер. Низ обелиска украшен ниспадающими лавровыми гирляндами, перевитыми лентами.

Из Шотландии, где с XI века жили представители рода Барклаев, были привезены 24 липы, образовавшие ведущую к обелиску аллею. Памятник пользовался почетом у немецкого населения и содержался в надлежащем порядке. Во время Первой мировой войны, в сентябре 1914 года, у обелиска планировалось провести парад русских войск и празднество, но из-за изменения фронтовой ситуации от этой идеи пришлось отказаться.

Мавзолей в Бекгофе (Йыгевесте, Южная Эстония)

В 1823 году недалеко от Бекгофа, родового имения вдовы Барклая-де-Толли (Феллинский уезд Лифляндской губернии), на небольшой овальной площадке под тенью высоких деревьев архитектор из Санкт-Петербурга Аполлон Феодосиевич Щедрин (1796–1847) построил великолепный мавзолей — в строгом классическим стиле с двухколонным портиком, над которым он поместил герб полководца и его девиз «Верность и терпение».

Деревушка, возле которой расположен мавзолей, в настоящее время называется Йыгевесте и находится в Южной Эстонии. Мавзолей этот впоследствии назвали «Великой гробницей Эстонии». Он стоит на правом берегу реки Эмбах, на холме, где любил вечерами прогуливаться уже тяжело больной Михаил Богданович.

Мавзолей представляет собой белоснежный памятник-часовню со склепом. Усыпальница Барклая-де-Толли сооружена из кирпича и дикого камня, с железными дверями и крышей, увенчанной прямым крестом. На стенах часовни, отделанных под мрамор, помещены бронзовые доски с описанием карьеры и

подвигов генерал-фельдмаршала.

В 1828 году в мавзолее, рядом с Михаилом Богдановичем, была похоронена и его жена Хелена-Августа-Элеонора, а в 1871 году неподалеку — их сын Эрнст-Магнус.

Внутри мавзолея известный петербургский скульптор Василий Йванович Демут-Малиновский (1779–1846) создал весьма сложный надгробный монумент. В центре его на пьедестале из белого мрамора установлен бронзовый бюст Барклая-де-Толли в натуральную величину. По бокам его расположены две женские бронзовые аллегорические фигуры: с правой стороны — стоящая богиня войны Афина Паллада, венчающая голову Михаила Богдановича лавровым венком (в левой руке она держит щит с его княжеским гербом с девизом «Верность и терпение»); с левой стороны — сидящая женская фигура, охватившая руками урну (она олицетворяет собой скорбящую Россию, оплакивающую прах своего героя).

Бронзовые бюст и женские фигуры композиционно связаны с трехметровой пирамидой, примыкающей к стене, — цвет бронзы прекрасно гармонирует с ее серо-зеленым мрамором.

Основание пирамиды составляют массивные гранитные блоки, в верхний из которых вмонтирован большой бронзовый барельеф, изображающий вступление русских войск под командованием Барклая-де-Толли в Париж: Михаил Богданович представлен на переднем плане на коне во главе многочисленной свиты генералов и офицеров. По обе стороны барельефа — изображения мечей и лавровых венков.

На мраморном пьедестале бюста в большом овале высечена золоченая надпись по красному порфиру: «Князю Барклаю-де-Толли».

Впереди постамента расположена золоченая подушка, на которой уложены боевые ордена, фельдмаршальский жезл, княжеская корона и т. д. Позднее, в 100-летний юбилей Бородинского сражения, на подушку была возложена золотая юбилейная медаль с портретом Александра I — в память об Отечественной войне 1812 года. На боковых гранях пьедестала — золоченые доски с надписями о годах жизни, времени вступления в брак и т. д. Заметим, что дата рождения, указанная на стене мавзолея, ошибочна.

До недавнего времени через старинный парк к мавзолею вела прямая аллея, образованная высокими лиственницами, однако во время январской бури 2005 года деревья погибли, и ныне мавзолей открыт взорам посетителей в обширной перспективе.

Внутреннее помещение мавзолея имеет размер примерно 3х3 метра. Посередине находится лестница, ведущая вниз,

перекрытая заградительным шнуром. В подземном помещении мавзолея установлены два гроба — Михаила Богдановича (слева) и его супруги. Причем бархатная обивка дубового гроба генерал-фельдмаршала сохранилась в оригинальном виде. Во время Второй мировой войны гроб Хелены-Августы-Элеоноры фон Смитген был вскрыт, но впоследствии его полностью восстановили.

Рядом с мавзолеем, за металлической оградой, похоронен Эрнст-Магнус Барклай-де-Толли с супругой. Первоначально предполагалось, что мавзолей будет предназначен для всех членов семьи полководца, однако Эрнст-Магнус отказался быть похороненным в мавзолее, считая себя недостойным лежать подле своего знаменитого отца.

Примерно в десяти километрах к югу от Йыгевесте, в городке Тырва, в 1998 году была открыта гостиница, названная «De Tolly Hotel».

Памятник в Санкт-Петербурге

Сооружение памятников М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю-де-Толли в Санкт-Петербурге «началось, по повелению Александра I, 23 сентября 1818 года» [117. С. 117].

Сначала работа над памятниками была поручена малоопытному молодому скульптору Эдуарду Шмидту фон дер Лауницу (1796–1869). В 1822 году, когда ему исполнилось 26 лет, был подписан контракт, согласно которому он должен был в течение пяти лет создать портретные статуи двух полководцев. В середине 1827 года Лауниц представил рисунки нескольких моделей памятников, однако все варианты были отвергнуты и сделано заключение, что автор не справился с ответственным заказом, а посему его исполнение было передано Академии художеств.

В августе 1827 года академия объявила конкурс, в котором предложили принять участие таким известным скульпторам, как И. П. Мартос, В. И. Демут-Малиновский, С. С. Пименов и Н. А. Токарев. Лауниц тоже был приглашен участвовать в конкурсе, однако теперь уже на общих основаниях, но, не надеясь на успех, отклонил приглашение. Отказался от участия в конкурсе и Мартос, который сослался на нехватку времени из-за других заказов.

Остальные скульпторы тоже старались всячески уклониться от конкурсной работы, хотя открыто и не отказывались от нее.

Главная причина этого заключалась в строгом условии конкурса, необычном для того времени: изобразить полководцев в форменных мундирах, с полагавшимся холодным оружием и фельдмаршальскими жезлами в руках[56].

Однако прошло полгода со дня объявления конкурса, но ни одного эскиза так и не было представлено. Тогда в середине 1828 года из Рима были вызваны в Санкт-Петербург выпускники академии С. И. Гальберг и Б. И. Орловский. В конечном итоге лишь они двое и приняли участие в новом конкурсе 1829 года. Однако поскольку Самуил Гальберг категорически возражал против реалистической трактовки образов полководцев, исход конкурса был предопределен. Его победителем был объявлен талантливый скульптор Борис Иванович Орловский (1793–1837). Отметим, что его настоящая фамилия была Смирнов и он был крепостным помещика Шатилова, отпустившего его на волю.

Проекты Орловского были утверждены в мае 1834 года. Идея установки памятников перед портиками, замыкающими восточное и западное крылья колоннады Казанского собора, принадлежала В. П. Стасову.

В 1835 году опытный литейный мастер В. П. Екимов отлил из отпущенных 450 пудов (7371 кг) меди статую Кутузова. Статуя Барклая-де-Толли была отлита в 1836 году. К весне следующего года бригада каменщиков мастера С. К. Суханова закончила сооружение постаментов, и к июню на них были установлены бронзовые фигуры полководцев. Надзор за всеми работами по сооружению памятников осуществлял архитектор К. А. Тон.

«Открытие памятников происходило 29 декабря 1837 года. В И часов все войска, составляющие Санкт-Петербургский гарнизон, выстроились на Адмиралтейской площади. В полдень государь император со свитою своею, объехав ряды воинов, повел их на Невский проспект. Поровнявшись с памятником Барклая, государь остановил войско, которое сделало на караул и воскликнуло “Ура!” полководцу, начавшему военные действия в 1812 году и через двадцать месяцев приведшему русскую армию к Парижу. Потом государь таким же образом остановился у памятника Кутузова и отдал честь военачальнику, сокрушившему в сердце России силу непобедимого дотоль завоевателя, изгнавшему его из пределов наших и положившему начало всем дальнейшим успехам, к бессмертной славе русскаго оружия» [117. С. 118].

А всего за несколько дней до этого знаменательного события, 16 (28) декабря, на 45-м году жизни скончался Б. И. Орловский. Не дожил до открытия памятников и прославленный литейных дел мастер Академии художеств В. П. Екимов.

Памятники «чести народа и благодарности отечества героям» находятся в композиционном единстве с архитектурным ансамблем окружающей их площади, отлично гармонируют с колоннадой собора, как бы продолжая ее в сторону Невского проспекта. Этому способствуют, с одной стороны, умело выбранные общие размеры памятников, с другой стороны, — соотношение величины статуй и их гранитных пьедесталов.

Никаких украшений на постаментах нет, лишь на лицевых гранях выбиты лаконичные надписи: «Фельдмаршалу князю Кутузову-Смоленскому. 1812» и «Фельдмаршалу князю Барклаю-де-Толли. 1812, 1813, 1814 и 1815».

Высота фигуры Барклая-де-Толли составляет «4,29 метра, общая высота памятника — 7,74 метра» [63. С. 149].

Памятник в Тарту (Эстония)

В то время, когда Б. И. Орловский уже практически закончил работать над статуей Барклая-де-Толли, возник вопрос о возведении еще одного памятника в Дерпте (Тарту), где полководец бывал довольно часто.

К составлению «рисунка сего монумента» была привлечена многочисленная группа членов Императорской академии художеств «по части скульптуры и архитектуры», и конкурс выиграл талантливый скульптор Василий Иванович Демут-Малиновский (1779–1846).

Памятник Барклаю-де-Толли был решен им в виде большого бронзового бюста, поставленного на пьедестал из красного полированного гранита. Подножие памятника скульптор со всех сторон украсил исполненными из бронзы атрибутами военного снаряжения того времени: знамен, элементов обмундирования и вооружения. Он установлен в центре Тарту, на склоне холма Тоомемяги, в маленьком сквере, разбитом на площади, носящей имя полководца. Рядом возвышается церковь Святого Дионисия.

В верхней части пьедестала золочеными буквами выполнена надпись: «Генералу-фельдмаршалу князю Барклаю-де-Толли». Ниже на мраморной доске находится другая надпись: «Незабвенному полководцу от войск под начальством его состоявших, в память военных подвигов 1812, 1813 и 1814 годов. Сооружен в 1848 году».

Михаил Богданович изображен в военном мундире. Через плечо переброшен плащ. Характер осанки и движение головы создают образ человека сурового, замкнутого, ушедшего в самого

себя.

Из-за смерти В. И. Демут-Малиновского 16 июля 1846 года, памятник был сооружен архитектором Аполлоном Феодосиевичем Щедриным и воздвигнут на средства офицеров, служивших под начальством Барклая-де-Толли. Торжественное открытие монумента состоялось 11 ноября 1849 года.

Памятник в Риге (Латвия)

19 сентября 1911 года Рижская городская дума во главе с обер-бургомистром Георгом Армитстедом также решила соорудить в Риге памятник Барклаю-де-Толли. Дума ассигновала на эти цели 25 тысяч рублей, и столько же по подписке собрали местные жители.

Место для памятника было выбрано великолепное — в сквере около Кафедрального собора, на углу Александровского бульвара и Елисаветинской улицы.

На объявленный конкурс было представлено более сорока проектов памятника, большинство из которых было прислано из-за границы — в частности, из Германии, Франции, Венгрии и Финляндии.

11 июня 1912 года газета «Рижская мысль» писала по поводу представленных на конкурс проектов:

«Невелика скульптура наших дней, и требовать от нее многого не приходится, но неудовлетворенность большинства выставленных в городском художественном музее проектов памятника Барклаю-де-Толли превосходит все ожидания. <…> Главная масса поражает своим однообразием. Двадцать, если не больше, фигур созданы по одному и тому же избитому образцу — пьедестал из камня или железа, и статуя Барклая всюду одна и та же, с лишь немного видоизменяющеюся головой. Большинство фигур негармоничных, малоестественных, отличающихся грубостью членов и небрежностью линий; все они тяжелые, неудачно коренастые, с грубым лицом. <…> Есть на выставке и около десятка групп, но все они, за исключением одной, неудачны. <…> Группа № 25 единственная, которая позволяет глазу отдохнуть, от остальных же проектов веет непроходимой скукой» [128. С. 253].

Жюри в составе профессора скульптуры Роберта Дица из Дрездена, академика и скульптора Санкт-Петербургской академии художеств Р. К. Залемана и рижского городского архитектора Рейнгольдта Шмелинга единогласно отдало свои

симпатии трем проектам памятника Барклаю-де-Толли одного и того же автора — профессора скульптуры Вильгельма Вандшнайдера (1866–1944) из Берлина, присудив ему все три первые премии.

Та же «Рижская мысль» писала:

«Все три проекта задуманы… очень просто: на каменном пьедестале высится во весь рост и в военном генеральском костюме статуя Барклая-де-Толли; разница между отдельными проектами в позе и одеянии. № 40, получивший первую премию, изображает Барклая в шинели, опирающегося на саблю обеими руками и глядящего мужественно и просто вперед. Художник сумел придать выражению этой статуи много благородства и величия, нисколько не нарушая правдивости и натуральности. Памятник прост, естествен и гармоничен, в нем много вкуса, образцовая выдержка линий и законченность деталей; компоновка прекрасная; стиль вполне выдержанный. № 36, получивший вторую премию, изображает Барклая в боевом одеянии, без шинели: левая рука его опирается на саблю, правая со свитком… лицо вполоборота к туловищу и более чем следует надменное. Этот проект выполнен тоже образцово, но в нем правая рука в плече и левая в целом едва заметно дисгармонируют с осанкой. Но памятник производит вполне выгодное впечатление. № 39, получивший третью премию, дает того же, что и два первых, Барклая, но во французской позе со скрещенными на груди руками, задумчиво глядящего вдаль; на этой модели лицо Барклая наименее надменное, и весь он как будто иной» [128. С. 254].

Торжественная закладка памятника состоялась 9 сентября 1912 года, и этому был придан характер всеобщего празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года.

17 июля 1913 года «Рижский вестник» сообщал:

«Памятник князю М. Б. Барклаю-де-Толли в настоящее время уже закончен постройкой. Вчера установлена на постамент металлическая (бронзовая) фигура полководца (высотой почти пять метров и весом в две тонны). На лицевой стороне памятника надпись: “Генерал-фельдмаршал князь Барклай-де-Толли”. На боковых сторонах постамента годы: 1812 и 1912 (цифры и надпись в гирляндах). Открытие памятника последует в конце августа или начале сентября с. г. По ночам памятник охраняется стражей» [128. С. 254].

Однако торжественное открытие памятника Барклаю-де-Толли состоялось лишь 13 октября 1913 года.

Бронзовый полководец предстал стоящим во весь рост, с фельдмаршальским жезлом в правой, согнутой в локте, руке, в

генеральском мундире, плаще и надвинутой на глаза треугольной шляпе с султаном.

В июне 1915 года, когда над Ригой нависла угроза немецкой оккупации, началась эвакуация промышленных предприятий и культурных ценностей. В числе прочего был вывезен и бронзовый Барклай-де-Толли. Краевед И. Л. Дименштейн пишет: «Не раз доводилось слышать, что монумент перевозили тем же пароходом, что и памятник Петру, и он, как и Петр, в результате торпедирования судна оказался на дне морском. Правда, если императора потом обнаружили и подняли на поверхность, то Барклай-де-Толли остался в пучинах морских.

Однако эта версия не имеет ничего общего с реальностью» [51. С. 104].

На самом деле, памятник 13 июня сняли с пьедестала, упаковали в деревянный ящик и отправили железной дорогой в Москву, где он должен был быть помещен в Интендантский склад, чтобы храниться там до лучших времен. К сожалению, в огне революции и Гражданской войны следы бронзового Барклая-де-Толли затерялись. После революции территория склада использовалась под гаражи НКВД, а бронзовый Барклай-де-Толли, скорее всего, был переплавлен…

Прошло много лет, и в 2001 году известный рижский предприниматель и президент фирмы «Teikas nami» Е. Я. Гомберг решил восстановить памятник на собственные средства. По сохранившейся гипсовой масштабной модели, находившейся в фонде музея Риги и мореходства, а также по фотографиям монумента петербургский скульптор А. А. Мурзин воссоздал почти пятиметровую статую Барклая-де-Толли, привнеся в нее свое понимание образа этого прославленного российского полководца.

Алексей Мурзин выполнил свою работу с помощью профессора истории Ивана Корнеева и бригады литейщиков под руководством Дениса Гочияева.

Сохранившийся пьедестал из светло-серого гранита обновил латышский архитектор Иварс Селдбергс. Церемония открытия нового бронзового памятника Барклаю-де-Толли состоялась 1 июля 2002 года. На том же самом месте — в сквере возле Кафедрального собора Риги.

На открытии памятника присутствовали сотни рижан, в том числе несколько пожилых граждан 1913 года рождения. Покрывало с памятника снял Мартин фон Хиршгаузен, гражданин Германии, потомок шотландского рода Беркли, из которого происходил Барклай-де-Толли.

Памятник на Бородинском поле

На Бородинском поле у подножия батареи Раевского в 1912 году по проекту архитектора Владимира Васильевича Воейкова (1873–1948) было сооружено здание Бородинского музея. На полукруглой площадке перед входом в музей установлены бюсты прославленных полководцев: в центре — гранитный бюст М. И. Кутузова, рядом бронзовые скульптурные портреты князя Багратиона и Барклая-де-Толли — справа от входа.

Памятник Михаилу Богдановичу представляет собой большой погрудный бюст размером 60х110 см, установленный на гранитный постамент размером 120х80х160 см. Скульптурный портрет Барклая-де-Толли отливали на Мытищинском заводе художественного литья, и он был поставлен перед зданием музея в 1947 году, к 135-летию Бородинской битвы.

Автор памятника — белорусский скульптор Заир Исаакович Азгур (1908–1995).

Монумент на Кутузовском проспекте в Москве

На Кутузовском проспекте в Москве, рядом с Музеем-панорамой «Бородинская битва», возвышается монумент, торжественное открытие которого состоялось 6 июля 1973 года.

Этот монумент является творением скульптора Николая Васильевича Томского (настоящая фамилия — Гришин) (1900–1984), автора многих известных парадных памятников советской эпохи.

Над этим монументом скульптор работал около тридцати лет, и его открытие было приурочено к 160-летию со дня кончины М. И. Кутузова. В работе также принимали участие скульпторы А. А. Мурзин, Б. В. Едунов, А. И. Бельдюшкин и архитектор Л. Г. Голубовский.

На лицевой грани постамента, на котором стоит бронзовая конная статуя М. И. Кутузова, помещены две бронзовые надписи: «Михаилу Илларионовичу Кутузову» и «Славным сынам русского народа, одержавшим победу в Отечественной войне 1812 года».

В основании гранитный пьедестал памятника с трех сторон окружен бронзовыми горельефами. Здесь изображены 26 фигур реальных героев 1812 года. В группе полководцев, вслед за изображением князя Багратиона, помещено скульптурное изображение Барклая-де-Толли.

Памятник в Черняховске (Калининградская область, Россия)

Большой конный памятник Барклаю-де-Толли установлен на центральной площади города Черняховска (бывший Инстербург). Памятник был торжественно открыт 31 марта 2007 года, а накануне он прибыл в Калининградскую область из Санкт-Петербурга на пароме «Георг Отс».

Четырехметрового Барклая-де-Толли изготовили по проекту известного скульптора Владимира Суровцева и архитектора Виктора Пасенко. Памятник представляет собой конную статую Михаила Богдановича в момент рекогносцировки перед сражением за Париж: военачальник сидит в седле, держа на коленях карту с контурами столицы Франции.

На отлив памятника ушло больше трех с половиной тонн бронзы — он был изготовлен на заводе в Смоленске — и обошелся он в шесть миллионов рублей. Часть средств дали московская внешнеторговая организация «Автотехноимпорт» и логистический комплекс «Аппарель Вест», а три миллиона собрали местные предприниматели.

За свою работу скульптор Владимир Суровцев получил звание почетного гражданина Черняховска.

Улицы Барклая-де-Толли в России

В Москве

С 11 сентября 1962 года улицей Барклая называется бывшее Филевское шоссе — улица в Западном административном округе Москвы, проходящая между Кутузовским проспектом (начинается от площади Победы) и Новозаводской улицей.

В Смоленске

Улица Барклая-де-Толли расположена в центре города: она идет от улицы Исаковского, а на нее выходят улицы Докучаева и маршала Жукова. На улице находится кинотеатр «Смена» (здание довоенное).

Улица сформировалась в середине XVI столетия, когда была создана линия земляных укреплений города (улица входила в систему кольцевой дороги вдоль новых укреплений). До революции часть современной улицы Барклая-де-Толли называлась Авраамиевской. После революции улицу переименовали в Красногвардейскую, затем — в улицу Жукова. С 1997 года ее восточный отрезок стал носить имя Барклая-де-

Толли.

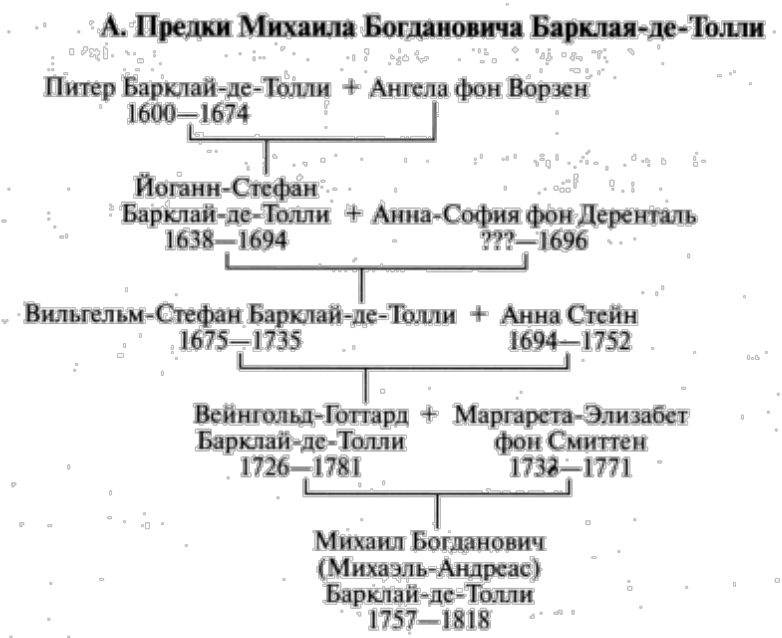
В поселке Северная Гора (в черте города Калининграда)

Улица Барклая-де-Толли есть в поселке Северная гора. Раньше она называлась Лерхенвег, то есть Жаворонковая дорога.

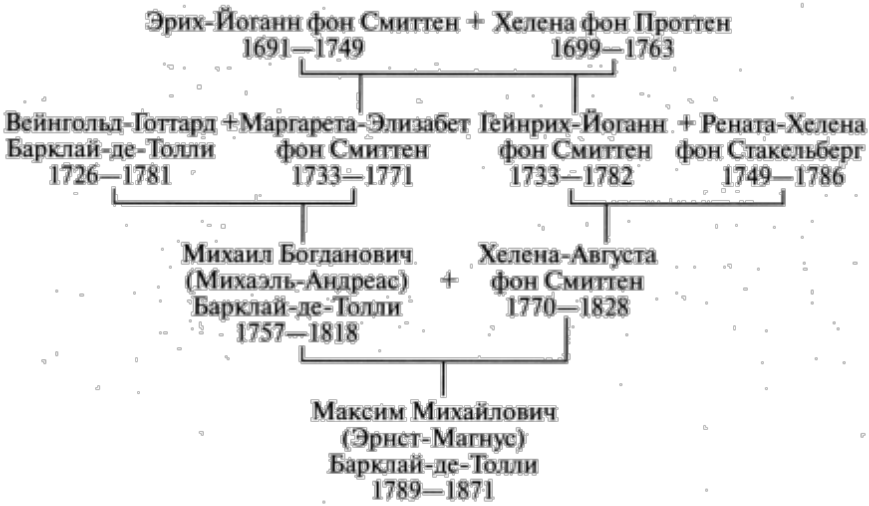
В Черняховске

В Черняховске улицей князя Барклая-де-Толли стал именоваться переулок, ранее называвшийся 2-м Госпитальным. Рядом с этой улицей сейчас открыт памятник Михаилу Богдановичу.

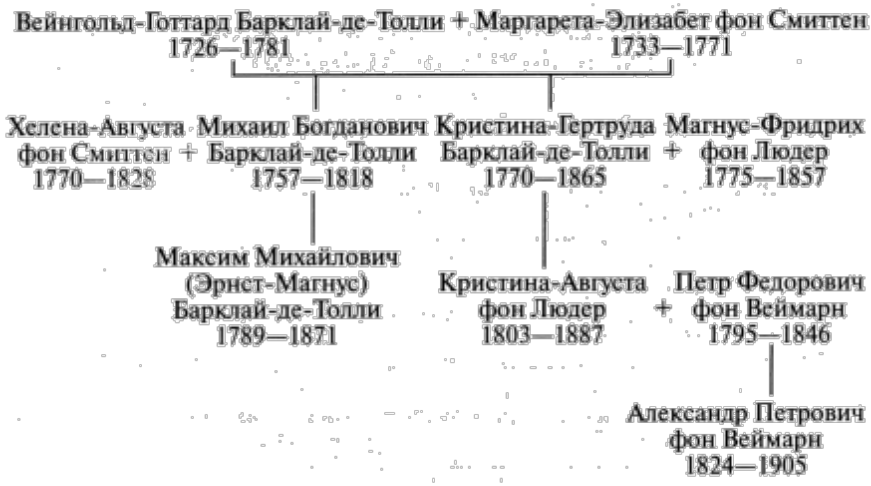
Приложение 2
Генеалогическое древо М. Б. Барклая-де-Толли



Б. Связи Михаила Богдановича Барклая-де-Толли с семейством фон Смиттен


Эрих-Йоганн фон Смиттен + Хелена фон Проттен
1691—1749 1699—1763
Вейнгольд-Готтард Барклай-де-Толли + Маргарета-Элизабет фон Смиттен
1726—1781 1733—1771
Генрих-Йоганн фон Смиттен + Рената-Хелена фон Стакельберг
1733—1782 1749—1786
Михаил Богданович (Михаэль-Андреас) Барклай-де-Толли + Хелена-Августа фон Смиттен
1757—1818 1770—1828
Максим Михайлович (Эрнст-Магнус) Барклай-де-Толли
1789—1871

В. Ближайшие родственники и потомки Михаила Богдановича Барклая-де-Толли



Приложение 3
Стихотворение А. С. Пушкина «Полководец» и его объяснение по поводу этого стихотворения

Полководец

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных
мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот, — а все плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой…
Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой
Всегда остановлюсь пред ним — и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.
Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,

Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье, —
Но Доу дал ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоем звук чуждый невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал…
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был неколебим пред общим заблужденьем;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманный глубоко, —
И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там, устарелый вождь, как ратник молодой,
Свинца веселый свист заслышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, —
Вотще! —
……..
……..
О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиленье!

Объяснение

Одно стихотворение, напечатанное в моем журнале, навлекло на меня обвинение, в котором долгом полагаю оправдаться. Это стихотворение заключает в себе несколько грустных размышлений о заслуженном полководце, который в великий 1812 год прошел первую половину поприща и взял на свою долю

все невзгоды отступления, всю ответственность за неизбежные уроны, предоставя своему бессмертному преемнику славу отпора, побед и полного торжества. Я не мог подумать, чтобы тут можно было увидеть намерение оскорбить чувство народной гордости и старание унизить священную славу Кутузова; однако ж меня в том обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титло: спаситель России; его памятник: скала Святой Елены! Имя его не только священно для нас, но не должны ли мы еще радоваться, мы, русские, что оно звучит русским звуком?

И мог ли Барклай-де-Толли совершить им начатое поприще? Мог ли он остановиться и предложить сражение у курганов Бородина? Могли он после ужасной битвы, где равен был неравный спор, отдать Москву Наполеону и стать в бездействии на равнинах Тарутинских? Нет! (Не говорю уже о превосходстве военного гения.) Один Кутузов мог предложить Бородинское сражение; один Кутузов мог отдать Москву неприятелю, один Кутузов мог оставаться в этом мудром деятельном бездействии, усыпляя Наполеона на пожарище Москвы и выжидая роковой минуты: ибо Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал!

Неужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Барклая-де-Толли, потому что Кутузов велик? Ужели, после двадцатипятилетнего безмолвия, поэзии не позволено произнести его имени с участием и умилением? Вы упрекаете стихотворца в несправедливости его жалоб; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оценены, награждены. Так, но кем и когда?.. Конечно, не народом и не в 1812 году. Минута, когда Барклай принужден был уступить начальство над войсками, была радостна для России, но тем не менее тяжела для его стоического сердца. Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай, не внушающий доверенности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречием, но убежденный в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом.

Слава Кутузова не имеет нужды в похвале чьей бы то ни было, а мнение стихотворца не может ни возвысить, ни унизить того, кто низложил Наполеона и вознес Россию на ту степень, на которой она явилась в 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда

в смиренной хвале моей вождю, забытому Жуковским, соотечественники мои могли подозревать низкую и преступную сатиру — на того, кто некогда внушил мне следующие стихи, конечно, недостойные великой тени, но искренние и излиянные из души.

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой…
Все спит кругом; одни лампады
Во мраке храма золотят
Столпов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

В твоем гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас…

Внемли ж и днесь наш верный глас,
Встань и спасай царя и нас,
О старец грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой,
Явись, вдохни восторг и рвенье
Полкам, оставленным тобой!

Явись и дланию своей
Нам укажи в толпе вождей,
Кто твой наследник, твой избранный!
Но храм — в молчанье погружен,
И тих твоей могилы бранной
Невозмутимый, вечный сон…

Хронология жизни М. Б. Барклая-де-Толли

1757, 13 (24) декабря — в семье Вейнгольда-Готтарда и Маргареты-Элизабет Барклай-де-Толли родился сын Михаэль-Андреас (Михаил Богданович).

1765 — Вейнгольд-Готтард Барклай-де-Толли отвез сына в Санкт-Петербург к родственнику жены — полковнику Георгу-Вильгельму фон Вермелену.

1767 — Михаил записан гефрейт-капралом в Новотроицкий кирасирский полк.

1769, декабрь — произведен в вахмистры.

1776 — М. Б. Барклай-де-Толли вступил в действительную службу в Псковский карабинерный полк.

1778, 28 апреля — получил первый офицерский чин — корнета.

1783 — назначен адъютантом генерал-майора фон Паткуля с производством в чин подпоручика.

1786, 1 января — переведен поручиком в Финляндский егерский корпус.

1788, 13 января — назначен старшим адъютантом при генерал-поручике принце Викторе-Амедее Ангальт-Бернебург-Шаумбургском, произведен в капитаны.

6 (17) декабря — штурм и взятие крепости Очаков; М. Б. Барклай-де-Толли был награжден золотым Очаковским крестом; в скором времени он получил орден Св. Владимира 4-й степени с бантом и был произведен в секунд-майоры с переводом в Изюмский легкоконный полк, с оставлением в звании дежурного майора при принце.

1789, 13 сентября — бой под Каушанами.

30 сентября — штурм Аккермана.

3 ноября — М. Б. Барклай-де-Толли отличился при взятии Бендер.

1790, апрель — перевод в Финляндскую армию — в той же должности.

21 апреля — принц Ангальт-Бернебург смертельно ранен при штурме Пардакоски; умирая, он передал Барклаю-де-Толли свою шпагу, с которой Михаил Богданович никогда не расставался.

1 мая — произведен в премьер-майоры с зачислением в Тобольский пехотный полк; до окончания войны состоял при генерале Игельстроме.

1791, 2 (13) сентября — Михаил Богданович женился на Хелене-Августе фон Смиттен, венчание проходило в лютеранской церкви Тарваста близ Бекгофа, лифляндского имения рода фон

Смиттен; после того молодожены уехали в столицу — Барклай-де-Толли был назначен батальонным командиром в Санкт-Петербургский гренадерский полк.

1792, апрель — Санкт-Петербургский полк передислоцирован в Польшу

1794, август — М. Б. Барклай-де-Толли участвовал в боях с повстанцами: отличился при взятии Вильненских укреплений; разбил близ Гродно отряд полковника Стефана Грабовского.

16 сентября — награжден орденом Св. Георгия 4-й степени; произведен в чин подполковника с переводом в Эстляндский егерский корпус, командиром 1-го батальона.

1797, 17 мая — Эстляндский егерский корпус переформирован в 4-й егерский полк.

1798, 7 (18) марта — Барклай-де-Толли назначен шефом полка «его имени», произведен в полковники.

1799, 2 (13) марта — пожалован в генерал-майоры.

1801, март — Александр I возвратил прежние наименования полкам русской армии; однако егерский полк генерал-майора Барклая-де-Толли был переименован в 3-й егерский; Михаил Богданович оставался его шефом до 1 сентября 1814 года.

1806, 22 октября (3 ноября) — выступление русской армии на помощь Пруссии.

10–13 (22–15) декабря — дело у Сохочина и Колозомба, где авангард Барклая-де-Толли сдержал превосходящие силы противника.

14 (26) декабря — сражение под Пултуском; Барклай-де-Толли награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

1807, 25 января (6 февраля) — дело у Ландсберга и у Гоффа.

26–27 января (7–8 февраля) — сражение при Прейсиш-Эйлау; тяжелое ранение Барклая-де-Толли.

6–7 апреля — в Мемеле, где он находился на излечении, М. Б. Барклай-де-Толли был удостоен нескольких посещений императора Александра I.

9 (21) апреля — произведен в генерал-лейтенанты, награжден орденами Св. Владимира 2-й степени и прусским Красного Орла.

Конец апреля — назначен командиром 6-й пехотной дивизии.

1808, 9 (21) февраля — начало войны со Швецией.

7 июня — Отдельный экспедиционный корпус Барклая-де-Толли вступил в Куопио.

Август — возвращение в Россию по болезни.

1809, февраль — назначение в действующую армию — командиром корпуса.

7–9 марта — войска М. Б. Барклая-де-Толли совершили героический переход по льду через пролив Кваркен.

20 марта (1 апреля) — пожалован чином генерала от инфантерии.

29 мая (10 апреля) — назначен главнокомандующим русской армией в Финляндии и генерал-губернатором Финляндии.

9 сентября — награжден орденом Св. Александра Невского.

1810, 20 января (1 февраля) — М. Б. Барклай-де-Толли назначен министром военных сухопутных сил России.

1811, 15 сентября — за свою деятельность на посту министра награжден орденом Св. Владимира 1-й степени.

1812, 31 марта (12 апреля) — М. Б. Барклай-де-Толли приехал в Вильно, где находилась главная квартира 1-й Западной армии, главнокомандующим которой он был назначен, с оставлением в должности военного министра.

14 (26) апреля — в главную квартиру 1-й Западной армии прибыл император Александр I.

12 (24) июня — войска Наполеона перешли Неман.

16 (28) июня — 1-я Западная армия начала отступление.

29 июня — 5 июля (11–17 июля) — нахождение армии в Дрисском лагере.

7 (19) июля — император Александр I покинул 1-ю Западную армию.

13 (25) июля — бой при Островно.

22 июля (3 августа) — 1-я и 2-я Западные армии соединились в районе Смоленска.

4–6 (16–18) августа — сражение под Смоленском.

17 (29) августа — М. И. Кутузов вступил в командование «всех российских армий, употребленных против Наполеона». М. Б. Барклай-де-Толли остался главнокомандующим 1-й Западной армии.

26 августа (7 сентября) — сражение при Бородине; за него Барклай-де-Толли был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени.

1 (13) сентября — на совете в Филях; М. Б. Барклай-де-Толли заявил, что нужно оставить Москву, чтобы сохранить армию для спасения Отечества.

2 (14) сентября — русские войска оставили Москву.

16 (28) сентября — 1-я и 2-я Западные армии объединены в Главную армию под командованием Барклая-де-Толли.

20 сентября (2 октября) — русские войска встали лагерем в районе Тарутина; Барклай-де-Толли оставил армию.

1813, 23 января (4 февраля) — Барклай-де-Толли прибыл в Бромберг и принял командование над 3-й Западной армией.

27 января (8 февраля) — 3-я армия блокировала крепость Торн.

4 (16) апреля — Барклай-де-Толли принял капитуляцию крепости Торн; награжден орденом Св. Александра Невского (с алмазами) и 50 тысячами рублей.

16 (28) апреля — скончался М. И. Кутузов; его сменил генерал от кавалерии граф Витгенштейн.

20 апреля (2 мая) — сражение при Лютцене.

7 (19) мая — армия Барклая-де-Толли атаковала Кёнигсварт, разбив итальянскую дивизию и часть войск из корпуса генерала Бертрана.

8–9 (20–21) мая — сражение при Бауцене.

17 (29) мая — Александр I вверил Барклаю-де-Толли начальство над всеми союзными русско-прусским и войсками; прусский король пожаловал полководцу орден Черного Орла.

14–15 (26–27) августа — сражение при Дрездене.

17–18 (29–30) августа — сражение под Кульмом; Барклай-де-Толли, удостоен ордена Св. Георгия 1-й степени и высшего ордена Австрийской империи — командорского креста Марии-Терезии.

3–4 (15–16) октября — «Битва народов» при Лейпциге; Барклай-де-Толли возведен в графское достоинство Российской империи.

1814, 15 (27) января — сражение при Сен-Дизье.

17 (29) января — сражение при Бриенне.

20 января (1 февраля) — сражение при Ла-Ротьере; Барклай-де-Толли награжден золотой шпагой «За храбрость» с лаврами и бриллиантами.

29 января (10 февраля) — сражение при Шампобере.

30 января (11 февраля) — сражение при Монмирайе.

31 января (12 февраля) — сражение при Шато-Тьерри.

2 (14) февраля — сражение при Вошане.

6 (18) февраля — сражение при Монтрё.

23 февраля (7 марта) — сражение при Краоне.

25–26 февраля (9—10 марта) — сражение при Лаоне.

8 (20) марта — сражение при Арси-сюр-Об.

19 (31) марта — капитуляция Парижа; Александр I триумфально вступил в город; М. Б. Барклай-де-Толли произведен в генерал-фельдмаршалы.

21 марта (2 апреля) — прусский фельдмаршал Блюхер по болезни сдал командование Силезской армией Барклаю-де-Толли.

18 (30) мая — подписан Парижский мирный договор; Барклай-де-Толли сопровождал императора Александра I в Лондон.

Октябрь — Барклай-де-Толли назначен главнокомандующим 1-й армией, расквартированной в Польше; он попросит позволения удалиться на некоторое время от всех дел по

состоянию здоровья — государь соглашается, указывая, что вверенная ему армия не должна выходить из-под его начальства.

1815, 14 (26) февраля — Наполеон покидает остров Эльбу и *8 (20) марта* вступает в Париж.

Апрель — Барклай-де-Толли ведет 1-ю армию к границам Франции. 6 (18) июня — сражение при Ватерлоо.

29 июля (10 августа) — русские войска вступили в Париж.

29 августа (10 сентября) — смотр русской армии в Вертю.

30 августа (11 сентября) — М. Б. Барклай-де-Толли возведен в княжеское достоинство Российской империи; Людовик XVIII наградил его орденом Почетного легиона 1-й степени, король Нидерландов Вильгельм I — орденом Св. Вильгельма, король Саксонии Фридрих Август I — орденом Св. Генриха, а принц-регент Великобритании — орденом Бани 1-й степени; муниципалитет Лондона прислал ему в дар шпагу, украшенную бриллиантами.

Декабрь — Барклай-де-Толли приехал в Могилев, куда был переведен штаб 1-й армии.

1817, сентябрь — сопровождал Александра I в путешествии по стране, предпринятом с инспекционными целями.

1818, январь — по совету медиков попросил высочайшего разрешения отойти от дел, чтобы отправиться на лечение в Карлсбад.

14 (26) мая — скончался на 61-м году жизни на мызе Штилицен (поместье Жиляйтшен — ныне поселок Нагорное Черняховского района Калининградской области России), что в шести верстах от Инстербурга.

Использованные опубликованные источники и основная литература

1. 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995.
2. Александров А. Л. Павел I и его сумасбродства: черты, свидетельства, случаи, выходки, анекдоты. М., 2004.
3. Алексеев М. Лексика русской разведки (исторический обзор). М., 1996.
4. Альтшуллер Р. Е., Бескровный Л. Г. и др. Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. Сборник документов. М., 1964.
5. Анисимов Е. В. Генерал Багратион. Жизнь и война. М., 2009.
6. Астапенко М. П., Левченко В. Г. Атаман Платов. Жизнеописание. М., 1988.
7. Байкулова С. З., Матвеева Я. Ю. Руководители Санкт-Петербурга. СПб., 2003.
8. Балязин В. Н. Барклай-де-Толли. Верность и терпение. М., 1996.
9. Балязин В. Н. Неофициальная история России. Россия против Наполеона. М., 2007.
10. Балязин В. Н. Михаил Кутузов. М., 1991.
11. Бантыш-Каменский Д. Н. Российские генералиссимусы и генерал-фельдмаршалы. М., 2008.
12. Башилов Б. П. История русского масонства. М., 2003.
13. Безотосный В. М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005.
14. Безотосный В. М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году: малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. М., 1999.
15. Безотосный В. М. Борьба генеральских группировок в русской армии эпохи 1812 года // Эпоха 1812 года. Сборник материалов. М., 2002. С. 7—46.
16. Безотосный В. М., Горшман А. М. Опыт определения года рождения военнослужащих русской армии (по материалам о военной службе М. Б. Барклая де Толли // Советские архивы. 1989. № 1. С. 37–44.
17. Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962.
18. Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974.
19. Богданович М. И. История Отечественной войны 1812

года, по достоверным источникам. Т. I. СПб., 1859.

20. Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Т. II. СПб., 1859.

21. Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. II. СПб., 1869.

22. Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. IV. СПб., 1869.

23. Богданович М. И. История войны 1813 года за независимость Германии по достоверным источникам. Т. II. СПб., 1863.

24. Бондаренко А. Ю. Милорадович. М., 2008.

25. Борисов Ю. С., Богданов А. П. и др. Чтения по истории русской культуры. М., 2000.

26. Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962.

27. Бородино. Документальная хроника. М., 2004.

28. Бородино в воспоминаниях современников. СПб., 2001.

29. Брагин М. Г. Кутузов. М., 1970.

30. Булгарин Фаддей. Переход русских через Кваркен в 1809 году // Полное собрание сочинений. Т. V. СПб., 1843.

31. Булгарин Фаддей. Воспоминания // Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Т. 87. СПб., 1848.

32. Булгарин Фаддей. Воспоминания // Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Т. 88. СПб., 1848.

33. Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. Ч. I. СПб., 1837.

34. Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. Ч. II. СПб., 1838.

35. Висковатов А. В. М. Б. Барклай-де-Толли // Военная галерея Зимнего дворца. Т. V. СПб., 1849.

36. Волконский С. Г. Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). СПб., 1902.

37. Вяземский П. А. Старая записная книжка. М., 2000.

38. Гайнуллин М., Бобылева В. Эстонская Пушкиниана. Таллин, 1999.

39. Гарновский М. А. Записки Михаила Гарновского. 1786–1790 // Русская старина. 1876. Т. 16. № 7.

40. Генерал Багратион. Сборник документов и материалов (под ред. С. Н. Голубова и Ф. Е. Кузнецова). М., 1945.

41. Герои 1812 года. Сборник (сост. В. Г. Левченко). М., 1987.

42. ГлинкаФ. Н. Письма русского офицера: Проза. Публицистика. Поэзия. Статьи. Письма. М., 1985.

43. Голденков М. А. Наполеон и Кутузов. Неизвестная война

1812 г. Минск, 2010.

44. Голицын Я. Б. Офицерские записки, или Воспоминания о походах

1812, 1813 и 1814 гг. М., 1838.

45. Головкин Ф. Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания (пер. с фр.). М., 2003.

46. Гоувалът О. Х. История Лейб-гвардии Павловского полка. СПб., 1852.

47. Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 2002.

48. Григорьев С., Захаров В. Кавалеры ордена Святого Георгия Победоносца. СПб., 1994.

49. Давыдов Д. В. Сочинения. М., 1962.

50. Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1982.

51. Дименштейн И. Л. Русская Рига. Исторические очерки. Рига, 2004.

52. Довнар-Запольский М. В. Отношение императора Александра I к Отечественной войне и его роль в ней // Отечественная война и Русское общество. Т. III. М., 1912.

53. Долгоруков Петр. Российский родословный сборник. Кн. I. СПб., 1840.

54. Долгоруков Петр. Российская родословная книга. Ч. I. СПб., 1854.

55. Дубровин Н. Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829 гг.). М., 2006.

56. Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006.

57. Ермолов А. П. Записки А. П. Ермолова, 1798–1826. М., 1991.

58. Жандармы России (сост. В. С. Изможик). СПб., 2002.

59. Жилин П. А. Контрнаступление русской армии в 1812 году. М., 1953.

60. Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974.

61. Записки очевидца. Воспоминания, дневники, письма (ред. М. И. Вострышев). М., 1989.

62. История России. XVIII–XX вв. (ред. Черкасов П. П., Шубин А. В.). М., 2004.

63. Калинин Б. Н., Юрезич П. П. Памятники Ленинграда и его окрестностей. Справочник. Л., 1965.

64. Кандиев Б. И. Роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир». Комментарий. М., 1967.

65. Карев В. М. Немцы России. Энциклопедия. Т. I (А — И). М., 1999.

66. Клаузевиц К 1812 год. М., 1997.

67. Клястицкие гусары. По страницам полковой летописи. М., 2001.

68. КоленкурА. Мемуары. Поход Наполеона в Россию (пер. с фр.). Таллин; М., 1994.

69. Колпакиди А. И., Прохоров Д. П. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. М., 2000.

70. Колюбакин Б, М. Ход войны на главном театре действий в период с 8 по 17 августа // Отечественная война и Русское общество. Т. III. М., 1912.

71. Корелин А. П. Российские реформаторы: XIX — начало XX в. М., 1995.

72. Кто есть кто в мире (под ред. Г. П. Шалаева). М., 2003.

73. Кудрявцев Н. А. Государево око: тайная дипломатия и разведка на службе России. М., 2002.

74. Кузнецов А. А. Награды: энциклопедический путеводитель по истории российских наград. М., 1998.

75. К чести России. Из частной переписки 1812 года (сост. М. А. Бойцов). М., 1988.

76. Лажечников И. И. Новобранец 1812 года (Из моих памятных записок) // Пантеон. 1853. № 7.

77. Лажечников И. И. Походные записки русского офицера. М., 1836.

78. Ламбик С. Люди непроницаемой тайны // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 24.

79. Ланжерон А. Ф. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1907. № 9.

80. Лашук Анри. Наполеон. История всех походов и битв. 1796–1815 (пер. с фр.). М., 2008.

81. Левенштерн В. И. Записки // Русская старина. 1900. № 11.

82. Лефорт А. А. История царствования государыни императрицы Екатерины II. Ч. IV. М., 1838.

83. Лопатин В. С. Светлейший князь Потемкин. М., 2004.

84. Лубченков Ю. Н. Самые знаменитые георгиевские кавалеры России. М., 2003.

85. Макарова Н. И. Тайные общества и секты. М., 1996.

86. Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1972.

87. Марбо Жан-Батист-Марселен. Мемуары генерала барона де Марбо (пер. с фр.). М., 2005.

88. Маркевич С. А. Барклай-де-Толли // Энциклопедический лексикон. Т. 4. СПб., 1835.

89. Мельгунов С. П. Барклай-де-Толли и Багратион // Отечественная война и Русское общество. Т. III. М., 1912.

90. Мережковский Д. С. Александр Первый. М., 2007.

91. Генерал-фельдмаршал М. И. Кутузов. Письма. Записки.

М., 1989.

92. Митраевский Н. Е. Воспоминания о войне 1812 года. М., 1871.

93. Михайловский-Данилевский А. И. Описание финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. СПб., 1841.

94. Михайловский-Данилевский А. И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. СПб., 1846.

95. Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война. Описание войны 1812 года. СПб., 1899.

96. Михайловский-Данилевский А. И. Записки о походе 1813 года. СПб., 1834.

97. Михайловский-Данилевский А. И. Записки 1814 и 1815 годов. СПб., 1836.

98. Михайловский-Данилевский А. И. Журнал 1813 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991.

99. Михайловский-Данилевский А. И. Описание похода во Францию в 1814 году. СПб., 1845.

100. Михайловский-Данилевский А. И. Описание войны 1813 года. Ч. 1. СПб., 1840.

101. Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986.

102. Никитин П. Е. История города Смоленска. М., 1848.

103. Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. II (приложения). СПб., 1912.

104. Новиков С. В. и др. Большая историческая энциклопедия. М., 2003.

105. Ольховский Е. Р. Тайны и авантюры в российской истории. М., 2003.

106. Подмазо А. А. Большая Европейская война 1812–1815 годов. Хроника событий. М., 2003.

107. Подмазо А. А. Российская армия в июне 1812 года// Родина. 2002. № 8.

108. Подмазо А. А. К вопросу о едином главнокомандующем российскими армиями в 1812 году// Воин. 2002. № 10.

109. Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. М., 1923.

110. Полевой Н. А. Наполеон в России в 1812 году. М., 1905.

111. Полевой Н. А. Барклай-де-Толли // Русские полководцы, или Жизнь и подвиги российских полководцев от времен императора Петра Великого до царствования императора Николая I. СПб., 1845.

112. Поле славы (сост. В. И. Калугин). М., 1988.

113. Понасенков Е. Н. Правда о войне 1812 года. М., 2004.

114. Попов А. И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002.

115. Потапов А. В. Время умирать. Загадки смерти известных людей. СПб., 2006.

116. Пугачев В. В. К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года // 1812 год. М., 1962.

117. Пушкарев И. И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1839.

118. Пыляев М. И. Старая Москва: рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М., 1990.

119. Радожицкий И. Т. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. Ч. II. 1813 год. Война в Германии. М., 1835.

120. России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988.

121. Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966.

122. Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона I (пер. с англ.). Т. 2. М., 1997.

123. Смирнов А. А. Генерал Александр Кутайсов. М., 2002.

124. Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи. Каталог. М., 2006.

125. Соловьев С. М. Учебная книга русской истории. М., 1860.

126. Сопельняк Б. Н. Тайны Смоленской площади. М., 2003.

127. Талберг Ф. А. Барклай де Толли и Балтийский край. Рига, 2003.

128. Таракановский Г. Г. Памятники фельдмаршалу М. Б. Барклаю-де-Толли // Нева. 2005. № 7.

129. Тарле Е. В. Талейран. М., 1992.

130. Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1938.

131. Тарле Е. В. Отечественная война 1812 года. Избранные произведения. М., 1994.

132. Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М., 1996.

133. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. М., 1980.

134. Тартаковский А. Г. Скорбь Барклая. Штрихи к портрету полководца // Родина. 1992. № 6–7.

135. Томсинов В. А. Аракчеев. М., 2003.

136. Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988.

137. Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон. М., 1994.

138. Тучков С. А. Записки С. А. Тучкова, 1766–1808 гг.(под ред. К. А. Военского). СПб., 1908.

139. Устрялов Н. Г. Русская история. Ч. 2. СПб., 1855.

140. Учреждение для управления Большой действующей

армией. СПб., 1812.

141. Ушаков С. И. Деяния российских полководцев и генералов. Т. I. СПб., 1822.

142. Федоров В. П. Подготовка России к войне и разрыв // Отечественная война и Русское общество. Т. III. М., 1912.

143. Федорченко В. Н. Дворянские роды, прославившие Отечество. Энциклопедия дворянских родов. Красноярск; М., 2003.

144. Федорченко В. И. Императорский дом. Выдающиеся сановники. Энциклопедия биографий. Т. 2. М., 2003.

145. Фонвизин М. А. Записки Фонвизина, очевидца смутных времен царствований: Павла I, Александра I и Николая I. Лейпциг, 1859.

146. Харкевич В. И. Барклай-де-Толли в Отечественной войне после соединения армий под Смоленском. СПб., 1904.

147. Чандлер Д. Военные кампании Наполеона (пер. с англ.). М., 1999.

148. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (под ред. О. М. Полянского). Кн. III. Июль — сентябрь. М., 1865.

149. Шиканов В. Н. Первая польская кампания, 1806 1X07. М., 2002.

150. Широкорад А. Б. Северные войны России. М; Минск, 2001.

151. Шишов А. В. Георгиевские кавалеры. 1769 1850. Сборник. М., 1993.

152. Шишов А. В. Кутузов. Фельдмаршал Великой империи М., 2006.

153. Шишов А. В. Полководцы кавказских войн. М., 2001.

154. Щепкин Е. Н. От Вильны до Смоленска // Отечественная война и Русское общество. Т. III. М., 1912.

155. Щербатов А. Г. Мои воспоминания. СПб… 200(>.

156. Эйделъман Н. Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993.

157. Annales de Normandie. Revue d'histoire régionale. Volume XV. CNRS. France. 1965.

158. Böthführ, Heinrich-Julius. Die Rigische Rathslinie von 1226 bis 1876. Riga, 1877.

159. Correspondance de Napoléon 1er. Tome XXIII. Paris, 1867–1868.

160. Costantino, Maria. The Handbook of Clans & Tartans of Scotland. Barnes & Noble Books, 2003.

161. Hourtoulle, François-Guy. Davout, le terrible. Paris, 1975.

162. Josselson, Michael & JosseIson, Diana. The Commander. A

Life of Barclay de Tolly. Oxford University Press, 1980.

163. Mémoires du maréchal Marmont duc de Raguse de 1792à 1841. Tome VI. Paris, 1857.

164. Segur, Philippe. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée en 1812. Volume I. Paris, 1842.

165. Souvenirs du lieutenant-général comte Mathieu Dumas, de 1770 à 1836. Tome III. Paris, 1839.

166. Thiers, Adolphe. Histoire du Consulat et de l'Empire. Tome XIV. Paris, 1856.

notes

Примечания

1

Полевой Н.А. Русские полководцы. СПб., 1845; Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1840; Шикман А. П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. М., 1997, и т. д.

2

Троицкий Н. А. Как правильно писать фамилию М. Б. Барклая де Толли? Письмо в редакцию // История СССР. 1988. № 2. С. 219–220.

3

Лорд-чемберлен (Lord Chamberlain) или камергер двора — одна из главных должностей при королевском дворе.

4

Ганзейский союз (Hansa — буквально «группа», «союз») — союз немецких свободных городов в XIII–XVII веках в Северной Европе. В союз входили города Германской империи, либо города, населенные немецкими гражданами (бюргерами), имеющие автономное городское управление (городской совет) и собственные законы. Членами Ганзы в разное время были более 200 больших и малых городов, расположенных главным образом в бассейне Северного и Балтийского морей.

5

С конца XIII века в Риге существовало братство Святого Георгия, в которое принимали молодых, неженатых иностранных купцов. Первоначально его покровителем был Святой Георгий, позже — Святой Маврикий. Его символ — черная голова — был в гербе братства, и за ними закрепилось имя Черноголовых. Корпорация эта была полностью светской, и ее члены занимались закупкой и доставкой товаров в Ригу. Действовали они в противовес местным оседлым купцам.

6

Первым вновь учрежденный орден Святого Георгия — сразу же 3-й степени — получил подполковник Лейб-гренадерского полка Ф. И. Фабрициан.

Правописание по Военной энциклопедии изд. И. Д. Сытина (М., 1911). Существуют и другие варианты.

8

Каролина фон Гельфрейх (1789–1869) «была фрейлиной императорского двора. Ее знакомые отзывались о ней как о женщине глубокой религиозности и доброты» [71. С. 147]. Она станет женой генерал-лейтенанта Х. Р. Рейтерна (1782–1833), а их внучка, Елизавета Евграфовна Рейтерн, — женой великого русского поэта В. А. Жуковского.

9

Сергей Алексеевич Тучков (1767–1839) — генерал-лейтенант, родной брат упоминаемых в данной книге генералов Н. А., П. А. и А. А. Тучковых.

10

Егерский корпус состоял из четырех батальонов.

11

Граф Михаил Федотович Каменский (1738–1809).

12

Вариант — Сохачев

13

Хотя журналист, издатель и литератор Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859) имеет устойчивую отрицательную репутацию, однако его мемуары, посвященные событиям начала XIX века, когда он служил в Уланском Цесаревича Константина полку, представляют немалый интерес и являются достаточно объективным источником.

14

Карл Иванович Бистром (1770–1838) — генерал от инфантерии, один из самых популярных генералов русской армии в эпоху Николая I

15

Пехотные полки имели в своем составе три батальона, из которых 1-й и 3-й считались действующими, а 2-й — запасным; в поход выступали только действующие батальоны и гренадерская рота запасного, остававшегося на квартирах.

16

Высочайшее пожалование земель на определенный срок — поощрение, применявшееся до 1837 года.

17

Как мы уже говорили, в доме Барклая-де-Толли, кроме его сына Эрнста-Магнуса, воспитывались три племянницы — Екатерина, Анна и Кристель, а также Каролина фон Гельфрейх. Последняя, кстати, вместе с Хеленой-Августой приехала к раненому генералу в Мемель.

18

Отряд Раевского успешно достиг Васы, а потом и Гамле-Карлеби, где и соединился с пришедшим из Куопио Тучковым.

19

Возможно, здесь подразумевается несостоявшийся брак короля с сестрой Александра I Александрой Павловной. Они были помолвлены, но Густав IV Адольф наотрез отказался подписать письменное обязательство разрешить своей будущей супруге свободно исповедовать православную веру после чего брак расстроился в самый день обручения.

20

Старинный речевой оборот

21

Филипп Осипович Паулуччи (1779–1849) — маркиз, генерал от инфантерии. Сын действительного тайного советника австрийского двора, служил в Пьемонтской и Австрийской армиях, воевал против французов; в 1807 году поступил в Русскую армию, был зачислен в Свиту по квартир-мейстерской части; в 1811–1812 годах — главнокомандующий в Грузии.

22

Николай Петрович Румянцев (1754–1826) — граф, государственный канцлер.

23

«У нас спешно стоили на западной границе две новых крепости: Бобруйск и Динабург; усиливали уже существующие укрепления Риги и Киева, и между Двиною и Днепром выбирали места для будущих укрепленных позиций» [142. С. 131]

СПб., 1807.

СПб., 1810.

26

В царствование Николая I светлейший князь А. И. Чернышев был не только военным министром, но и председателем Государственного совета.

27

Карл Людвигович (Карл Людвиг Август) фон Фуль (von Pfuel) (1757–1826) — барон, генерал-лейтенант (1809); с августа 1812 года выполнял дипломатические поручения императора Александра I, в 1814–1821 гг. — российский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Гааге.

28

Семен Александрович Мухин (1771–1828) — генерал-лейтенант (1826), до середины июля 1812 года исполнял должность генерал-квартирмейстера 1-й Западной армии.

29

Юстус-Адольф-Филипп-Вильгельм-Людвиг-фон Вольцоген (1774–1845) — барон, прусский генерал от инфантерии; в 1807–1815 гг. на русской службе: с 1811 г. — флигель-адъютант, с 1813 г. — генерал-майор

30

Ошибка мемуариста — имеется в виду генерал-лейтенант Николай Иванович Лавров (1761–1813).

31

Ошибка мемуариста — в чин генерал-лейтенанта Ермолов был произведен 31 октября 1812 года.

32

Модест Матвеевич Окулов (1768—13.07.1812) — генерал-майор, первый русский генерал, погибший в Отечественной войне; распространена ошибка, что первым был убит генерал-майор Я. П. Кульнев, шеф Гродненского гусарского полка, очень популярный в армии и обществе, — но он погиб 20.07.1812.

33

В данном случае, температура приведена по вышедшей ныне из употребления шкале француза Реомюра. В этой шкале 1R = 1,25 ˚C. Таким образом, жара доходила до 35 ˚C.

34

Николай Борисович Голицын в 1812 году был ординарцем П. И. Багратиона, участвовал в Бородинском сражении, где был контужен, а затем сопровождал тяжело раненного князя в имение своего отца, село Симы под Владимиром, где полководец и скончался.

35

Хорошо известны его слова: «Мой маневр — искать и бить!» [60. С. 129] Не менее известен и его легковесный план действий против французов: «Ей Богу… шапками их закидаем!» [136. С. 94].

36

Битва под Ульмом — сражение, состоявшееся 16–19 октября 1805 года между французскими войсками под командованием Наполеона и австрийской армией под руководством генерала Карла Мака фон Лейбериха, результатом которого стала полная капитуляция австрийской армии.

37

Павел Алексеевич Тучков (1776–1858) — генерал-майор, действительный тайный советник, сенатор.

38

Ошибка автора — в начале Отечественной войны генерал от инфантерии М. А. Милорадович занимался формированием резервных войск, которые вошли в состав действующей армии только 19 августа 1812 года, когда ею уже руководил князь Голенищев-Кутузов; в 1813 году граф Милорадович в числе первых поддержал предложение о назначении генерала М. Б. Барклая-де-Толли Главнокомандующим.

39

Иван Иванович Дибич (1785–1831) — впоследствии граф Забалканский, генерал-фельдмаршал.

40

Густав-Маврикий Максимович Армфельт (1757–1814) — граф, генерал от инфантерии; президент Шведской военной коллегии с 1806 года, в 1811 году принял российское подданство.

Оставляем авторское написание названий лож, потому как не имеем возможности судить степень глубины посвященности авторов в масонские тайны.

42

Другое наименование: «Беседа любителей российской словесности».

43

В 1798 году генерал Бернадот женился на Д. Клари, свояченице Жозефа Бонапарта, старшего брата Наполеона.

Как видим, и тут ошибочно употребляется глагол «сменить», хотя ни о какой смене одного главнокомандующего на другого не было и речи.

45

Сераскир — главный начальник турецких войск (соответствует русскому генерал-аншефу).

46

Хина (cinchona) — высушенная кора хинного дерева, которая в медицинской практике применяется для повышения аппетита, а также для предотвращения желудочных кровотечений и поноса.

Здесь и далее — названия полков в правописании оригинала.

48

Вид пехоты во французской армии; обычно тиральерами называли пехотинцев, находившихся в застрельщиках.

49

Иван Иванович Лажечников (1790–1869) — писатель, исторический романист, статский советник; в октябре 1812 года вступил с чином прапорщика в Московское ополчение, затем служил в Московском гренадерском полку.

То есть был откинут кожаный верх коляски.

51

3-я Западная армия была образована в сентябре 1812 года в результате соединения Дунайской и 3-й Резервной, Обсервационной армий.

52

Федор Петрович Толстой (1783–1873) — граф, известный художник-медальер. В 1804 году он был лейтенантом флота и адъютантом вице-адмирала П. В. Чичагова.

53

Сомнительное утверждение зарубежного историка! В частности, по свидетельству современников, граф Милорадович, «подчинив себя младшему его генералу, показал редкий пример благородства» [24. С. 318].

54

7 (19) мая 1813 года 3-я армия Барклая-де-Толли атаковала Кёнигсварт, где находилась одна итальянская дивизия и часть войск из корпуса генерала Бертрана. Противник был выбит из города. При этом было захвачено 7 орудий и около 800 пленных, в том числе 4 генерала.

55

«В Риге во время торжественной церемонии прощания с Барклаем — лютеранином по вероисповеданию — с одной стороны гроба стоял пастор, а с другой — православный священник, что как бы символизировало связь покойного и с русской религиозной традицией». [132. С. 13]

56

Кроме памятников Петру I, поставленных Екатериной II и Павлом I, в Петербурге существовали два памятника полководцам — «Румянцева победам» — в виде колонны и памятник А. В. Суворову, на котором российский генералиссимус был изображен в виде римского воина. Впрочем, и Петр Великий на обоих памятниках был изображен отнюдь не в Преображенском мундире.